

С. Д. Крыжицкий

ЖИЛЫЕ ДОМА

АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ

СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(VI в. до н. э.—IV в. н. э.)

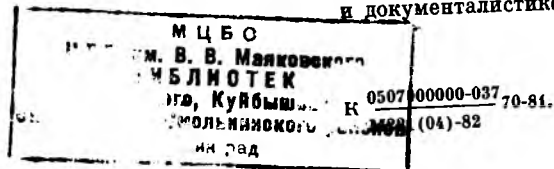
Ответственные редакторы

В. А. АНОХИН,
Т. А. ТРЕГУБОВА

Рецензенты

Ю. С. АСЕЕВ,
А. С. РУСЯЕВА

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии
и документалистике

© Издательство
«Наукова думка», 1982

ВВЕДЕНИЕ

Жилые дома античных городов и поселений Северного Причерноморья являются одной из наиболее массовых и вместе с тем наименее разработанных категорий археологического материала.

Основные трудности при их анализе заключаются в фрагментарности подавляющего большинства памятников, неравномерности исследования различных периодов домостроительства и географических районов, недостаточной разработанности ряда проблем истории архитектуры античных жилых домов. Так, например, до сих пор не выявлены основы типологии объемно-планировочных решений северопричерноморских безордерных домов, их эволюционные линии, местные северопричерноморские особенности, а также черты смешанного греко-варварского направления, конкретный характер генезиса домов, истории домостроительства в целом. Это во многом объясняется и тем, что реальные возможности изучения массового строительства появились сравнительно недавно. Широкие раскопки жилых кварталов в античных городах и поселениях Северного Причерноморья развернулись только в советский период, в частности после Великой Отечественной войны.

Изучение северопричерноморского жилища античной эпохи нельзя проводить без учета данных по домостроительству материковой Греции и Ионии, так как именно там сформировались основные типы античных жилых домов. Оттуда они были принесены и в Северное Причерноморье. В связи с этим кратко остановимся на истории изучения древнегреческих домов в целом.

Первое из дошедших до нашего времени наиболее полное и профессиональное описание греческого жилого дома было сделано Витрувием — римским автором, жившим в конце I в. до н. э.¹ Трактат Витрувия сыграл большую роль в истории изучения древнегреческой архитектуры. Сообщаемые им сведения во многом находят подтверждение и в реальных сохранившихся объектах. Однако данных о жилых домах значительно меньше.

¹ Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Десять книг. Л., 1936, с. 342. Далее — Витрувий. Сведения о древнегреческих жилых домах имеются, разумеется, и у ряда других античных авторов (В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира.

М., 1940, с. 137 и сл.), однако они крайне отрывочны.

Во-первых, Витрувий описал практически только один тип — тип богатого греческого орденового² дома — простадно-перистильный³. Планировка же домов рядовых граждан в этом трактате не нашла отражения вообще. Во-вторых, судя по описанию, этот дом следует назвать скорее греко-римским, а не греческим. В-третьих, идеальная схема, приведенная Витрувием, при раскопках пока не обнаружена⁴, хотя ее отдельные элементы, как-то перистиль или простада, известны в большом количестве памятников, встречается изредка и их сочетание.

Качественно новый этап изучения греческих жилых домов, базирующийся на твердой фактологической основе, относится к XIX в., когда с развитием раскопок в распоряжение ученых начали поступать археологические данные. В конце XIX в. предприняты первые попытки научного анализа довольно многочисленных, но разрозненных и неполных материалов по греческому домостроительству.

Итог достижениям в области античного домостроительства XIX в. подведен в документально аргументированной статье «Domus» энциклопедического словаря Даремберга и Саглио⁵. Здесь предложена историческая классификация домов, впервые на примере «скальных» домов Афин сделана попытка выделения рядовых структур. В этом ее большое значение. Однако дома ранних периодов в статье описаны в основном на уровне информативности гомеровских поэм, а в качестве типично греческого эллинистического дома развитого типа приведена абстрактная схема двух последовательно соединенных самостоятельных типов домов (перистильного и простадного). Исследователи XIX в. из-за недостаточности археологической базы в своих предположениях опирались главным образом на литературную традицию — гомеровский эпос, труды Витрувия и других античных авторов, что не позволило получить более или менее реальное конкретное представление о греческих жилых домах.

2 Ордерными являлись дома, в объемно-планировочной схеме которых предусматривалось устройство портиков.

3 Витрувий, VI—VII.

4 Относительно приближенным к простадно-перистильному типу

является дворец середины IV в. до н. э. в Ларисе.— ВИА, 1973, т. 2, с. 153, рис. 18.

5 Daremberg C., Saglio E. Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines. Paris, 1892, т. 2, p. 337—349.

6 Rider B. C. The greek house.

Следующим важным шагом в изучении проблемы жилых домов явилась работа Б. К. Райдер⁶. В ней была сделана попытка выявить отдельные этапы развития греческого дома начиная от периода неолита. Наиболее существенным и интересным явился раздел, посвященный описанию эллинистических домов, где среди ордерных четко выделены перистильный и простадный типы, хорошо изученные к тому времени по раскопкам Делоса и Приены⁷. По широте охвата и хронологической классификации домов книга Райдер во многом не утратила своего значения до настоящего времени, когда в 1964 г. вышло ее второе издание. Вместе с тем слабая исследованность памятников в натуре, а также недостаточное внимание к рядовым массовым жилищам простых граждан, которыми являлись безордерные дома, в значительной степени ограничили возможности исследователя. Здесь также почти не освещен архаический период домостроительства Греции, недостаточно глубоко рассматриваются вопросы эволюции типов ордерных домов.

Новым этапом в изучении греческих жилых домов явились раскопки Олинфа⁸, которые обогатили представления о доме классического периода и послужили основанием для ряда новых важных выводов. Здесь, в частности, впервые был четко выявлен простадный тип дома. Большой материал, накопленный в ходе этих работ, а также продолжавшихся раскопок Делоса⁹ и других памятников, был использован Д. М. Робинсоном в энцикло-

Its history and development from the neolithic period to the Hellenistic age. Cambridge, 1916, p. 272.

7 Wiegand T., Schrader H. Priene. Berlin, 1904, S. 475; Bizard L. Description de ruines. Fouilles de Délos exécutée aux frais de M. Le Duc de Loubat (1904—1907).— BCH, 1907, 31, p. 471—498; Chamonard J. Fouilles dans le quartier du théâtre. Fouilles de Délos exécutée aux frais de M. Le Duc de Loubat.— BCH, 1906, 30, p. 485—606; Jardé A. Le quartier marchand au Sud du Sanctuaire. Fouilles de Délos exécutée aux frais de M. Le Duc de Loubat (1904).— BCH, 1905, 29, p. 6—54.

Jardé A. Fouilles dans le quartier marchand. Fouilles de Délos exécutée aux frais de M. Le Duc de Loubat.— BCH, 1906, 30, p. 632—664; Plassart A. Fouilles de Délos. Quartier d'habitations privées à l'Est du

Stade.— BCH, 1916, 40, p. 144—256.

8 Robinson D. M., Graham J. W. The hellenic house.— Excavations at Olinthus. Baltimore, 1938, p. 8, p. 370; Robinson D. M. Domestic and Public Architecture. Excavations at Olinthus. Baltimore, 1946, p. 12, p. 519; Graham J. W. Olynthiaka.— Hesperia, 1953, vol. 22, № 3, p. 196—207; 1954, vol. 23, № 4, p. 320—346.

9 Chamonard J. Étude sur l'habitation délienne à l'époque hellénistique. Exploration archéologique de Délos.— In: Faite par l'École Française d'Athènes. Paris, 1924, t. 8, p. 470; Vallois R. L'Architecture Hellénique et Hellénistic à Délos. Paris, 1944, p. 440; Vallois R. Les constructions antiques de Délos. Paris, 1953, p. 15, pl. 6, f. 42.

лопедической статье о греческом доме ¹⁰, где, однако, как и в исследовании Б. К. Райдер, рядовое безордерное жилище, а также геометрический и архаический периоды освещены недостаточно.

Отдельные из этих пробелов были частично восполнены позднее в результате раскопок целого ряда античных городов и, в частности, Афин ¹¹, а также в сводной монографии Г. Дрерупа ¹², вышедшей в 1969 г.

В итоге этих и ряда других работ, посвященных домам отдельных центров или типов, в частности эллинистическим домам Египта, архаическим домам Хиоса, домам с башней, сельским домам, а также конструкциям и материалам ¹³, в настоящее время имеется довольно полное представление об основных типах ордерных жилых домов классического и эллинистического времени, сельских домах, о общем характере безордерных жилищ, конструкциях и приемах строительной техники, об основных исторических периодах развития греческих жилых домов. Существуют также работы, посвященные вопросам генезиса и эволюции отдельных ордерных объемно-планировочных типов ¹⁴.

Однако если в настоящее время наиболее полно изучены греческие дома эллинистического и отчасти классического периодов, то жилища периода архаики и, в частности, времени основания античных городов Северного Причерноморья исследованы, несмотря на довольно большой накопленный фактологический материал, недостаточно. Мало разработаны вопросы генезиса отдельных типов, локальные варианты линий развития домов материковой Греции и побережья Малой Азии. Все это относится не только к ордерным домам, но в большей степени к безордерным. Особо следует отметить малое количество публикаций научно обоснованных объемно-планировочных реконструкций домов.

О неудовлетворительном положении с разработками в области истории греческого жилого дома

¹⁰ Robinson D. M. Haus.— Pauly — Wissowa — Kroll.— In: Real Encyclopaedie. Stuttgart, 1940, Sb. 7, S. 224—278.

¹¹ Young R. S. An industrial district of ancient Athens.— Hesperia, 1951, vol. 20, N 3, p. 135—288;

Thompson H. A., Wycherley R. E. The agora of Athens. The History. Shape and uses of an ancient city center.— In: The Athenian agora. Results of excavations conducted by The American School of Classical Studies at Athens. Princeton; New Jersey, 1972, vol. 14, p. 187.

свидетельствует факт переиздания в 1964 г. работы Б. К. Райдер, которая незначительно дополнена новыми материалами ¹⁵. Все это вызывает необходимость рассмотреть в настоящей работе основные тенденции эволюции типов жилых домов района Восточного Средиземноморья периода архаики.

Археологическое исследование античных жилищ в Северном Причерноморье началось в конце XIX в. с раскопок Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинич, позднее — Р. Х. Лепер), Пантикапея (К. Е. Думберг). Однако специальное, профессиональное изучение домостроительства северопричерноморских городов следует связывать с раскопками и реконструкциями домов у Зевсова кургана и в Нижнем городе Ольвии Б. В. Фармаковского, результаты которых опубликованы в 1906 и 1913 гг. Эти работы явились первым в России серьезным научным исследованием в области античного домостроительства ¹⁶. Заслуга Б. В. Фармаковского состояла в том, что он попытался дать развернутое научное обоснование объемно-планировочной реконструкции именно жилого дома, причем, ввиду отрывочности данных, весьма сложного для реконструкции. И хотя с предложенной реконструкцией этого объекта у Зевсова кургана в настоящее время по ряду причин нельзя согласиться ¹⁷, методика проведения научного описания,

¹² Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. Göttingen, 1969, S. 136.

¹³ Boardman J. Greek Emporio.— In: Excavations in Chios 1952—1955. Oxford, 1967, p. 258; Jones J. E., Graham A. J., Sackett L. H. An attic country house below the cave of pan at vari.— BSA, 1973, N 68, p. 355—452; Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. Trad. du grec par V. Hadjimichali. Paris, 1968, p. 1, p. 162; 1968, p. 2, p. 317; Paris, 1965, p. 522. Martin R. Manuel d'architecture grecque. Matériaux et techniques. В публикациях на русском языке наиболее подробно греческие дома описаны во Всеобщей истории архитектуры (ВИА. М., 1949, т. 2, кн. 1). Во втором ее издании эти данные дополнены новыми материалами (ВИА. М., 1973, т. 2).

¹⁴ Graham J. W. Origins and interrelations of the greek house and the roman house.— Phoenix, 1966, 20, p. 3—31; Drerup H. Prosthäus und Pastashaus. Zur Typologie des griechischen Hauses.— Marburger Winkelmann Program. 1967 (1968), S. 6—17.

¹⁵ Rider B. C. Ancient greek houses.— Its history and development from the neolithic period to the hellenistic age. Chicago, 1964, p. 272.

¹⁶ Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах.— ИАК, 1906, вып. 13, с. 39—98, табл. VI, VII;

Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1909 и 1910 гг. СПб., 1913, с. 48—75, рис. 80, 81, 87—89.

¹⁷ Подробнее см.: Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. IV—II вв. до н. э. К., 1971, с. 48 и сл.

интерпретации, анализа памятника, составления обоснования его реконструкции не утратила своего значения и до наших дней.

Однако, несмотря на данные, полученные при раскопках Ольвии, Пантикапея, Херсонеса и поселения на о. Березань (Э. Р. Штерн), представление об особенностях и типах античных северопрichernоморских жилых домов, истории их развития в целом еще не сложилось.

Новый этап в изучении домов Северного Причерноморья относится к советскому времени, когда начались широкие систематические исследования жилищ рядовых жителей античных городов и поселений. Накопленный большой и разнообразный материал получил отражение в многочисленных монографиях и статьях и может служить основой для изучения домостроительства Северного Причерноморья. Наряду с публикациями комплексов жилых домов Ольвии, Херсонеса и его клеров, Пантикапея, Танаиса, Илурата, поселений у сел Козырка и Семеновка и других появились работы, в которых затрагиваются отдельные специальные вопросы домостроительства различных периодов и памятников¹⁸.

Были сделаны и первые обобщения накопленного материала¹⁹. Авторы этих работ хронологически систематизировали и детально описали отдельные наиболее значительные объекты. Существенный интерес в этом отношении представляет собой, в частности, работа Е. И. Леви и А. Н. Карасева, в которой даны описания наиболее полно изученных на то время домов по отдельным хронологическим этапам, приведены планировочные реконструкции некоторых из них, сделана попытка классификации домов по количеству помещений²⁰. Однако, как и в перечисленных выше работах, дома северопрichernоморских городов рассматриваются изолированно — без учета степени воздействия традиций архитектуры жилых домов Средиземноморья и местных варварских и греко-варварских поселений. Анализ жилых домов как

архитектурных объектов и их объемные реконструкции практически отсутствуют. Не выявлены, в частности, основные объемно-планировочные типы домов, стилевые особенности, направления эволюции, периодизация домостроительства²¹. Все это в определенной степени следствие ограниченности историкоархеологической базы (в наиболее полной работе Е. И. Леви и А. Н. Карасева использованы конкретные планы только 21 дома, 6 из них однокамерные), недостаточного развития общей истории античного домостроительства. Кроме того, жилые дома рассматривались без учета их возможных объемных решений, что связано с отсутствием соответствующих реконструкций.

Отсутствие объемных реконструкций — логической завершающей стадии введения памятников в научный оборот — значительно ограничивало степень достоверности планировочных реконструкций. В отечественной историографии из работ,

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972; *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1959—1964 годах. — СГМИИ. М., 1968, с. 27—52; *Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у дер. Семеновки. — МИА, 1970, № 155, с. 4—81; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.* Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.). — МИА, 1953, № 34, с. 32—108; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Яковсон А. Л.* Квартал XVIII (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.). — МИА, 1953, № 34, с. 160—236; *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э. К., 1971, с. 143; *Крыжицкий С. Д., Бураков А. В.* Опыт реконструкции жилых домов поселения ольвийской периферии первых веков нашей эры у с. Козырки. — В кн.: *Ольвия. К.*, 1975, с. 192—219; *Шелов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 57—85; *Соколовский Н. И.* Таманский томос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, с. 127; *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. — Херсонесский сборник, 1961, вып. 6, с. 33 и др. 19 *Блаватский В. Д.* Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. — ВИА, т. 2, кн. 1. М., 1948; *Сорокина Н. П.* Архитектура античных государств Северного

Причерноморья. — ВИА, т. 2. М., 1973; См. также: *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. 20 *Леви Е. И., Карасев А. Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья. — АГСП. М. — Л., 1955, с. 215—247. 21 *Описывая* безордерные дома различных периодов, авторы в основном разделяют их по количеству комнат, что не отражает сути основного планировочного принципа. Не лучше обстоит дело и с ордерными домами, типология которых относительно разработана. Так, не выделен, например, пастаный тип, известный по раскопкам Ольвии (*Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии, с. 106). И наоборот, до сих пор бытует мнение о существовании протодорического типа (*Сорокина Н. П.* Указ. соч., с. 378—379), хотя по целому ряду соображений реконструкция дома, послужившая основанием для такого заключения, как уже говорилось, в настоящее время неприемлема. Определенное исключение в этом отношении представляет раздел «Жилище», где сделана попытка определения места в типологическом ряду киммерийского блока (*Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья, с. 104).

18 *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. — МИА, 1957, № 56, с. 5—95; *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. — МИА, 1958, № 85, с. 9—145; *Кругликова И. Т.* Города

Воспора в III в. н. э. — АГ. М., 1963, с. 69—83; *Лавин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966, с. 81 и сл.; *Славин Л. М.* Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. — В кн.: *Ольвия*, т. 1. К., 1940, с. 9—82; *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Воспора. М., 1975,

опубликованных до 60-х годов, можно назвать лишь три статьи, в которых приводятся в той или иной степени обоснования объемно-планировочных реконструкций жилых домов. Это реконструкция дома в Ольвии у Зевсова кургана из раскопок 1902—1903 гг., выполненная П. П. Покрышкиным по общему обоснованию Б. В. Фармаковского, и последовавший затем ее пересмотр, предпринятый И. Н. Соболевым в 1953 г.; реконструкция дома в Ольвии на участке НГФ из раскопок 1909 и 1910 гг. Б. В. Фармаковского и К. П. Калачева²². В последнее десятилетие попытка объединения археологического и архитектурного уровней исследования северопричерноморских жилых домов была предпринята автором; введены в научный оборот также реконструкции эллинистического дома в Калос Лимене А. Н. Щеглова, «пританейона» в Пантикапее А. А. Воронова, двора эллинистического дома в Херсонесе Б. Н. Федорова²³. Опубликованы также реконструкции домов Херсонеса, его клеров, сельских домов Боспора, однако без конкретных или общеметодических обоснований²⁴.

Неудовлетворительное положение в области реконструкции северопричерноморских жилых домов объясняется не только плохой сохранностью объектов и, следовательно, сложностью обоснования восстановления, но и отсутствием методических разработок. Обоснования архитектурных реконструкций обычно выполнялись не с единых общепринятых позиций, а в соответствии с субъективными особенностями научного подхода того или иного исследователя. Это в свою очередь создавало условия для появления различных по степени обоснованности реконструкций, невозможности их сравнительного анализа и учета степени достоверности.

Разработке методики реконструкции античных жилых домов и оценки степени их достоверности, исходя из опыта реконструкции ольвийских эллинистических домов, автор посвятил специальную

статью, где особое внимание обратил на безордерные дома²⁵. Это позволило в эскизных реконструкциях памятников в настоящей работе исходить из единых методических установок.

Все сказанное обуславливает постановку задач данного исследования. Это разработка конкретной истории развития домостроительства и архитектуры жилых домов Северного Причерноморья на основании анализа накопленных материалов с единых в методическом отношении позиций. Круг вопросов и полнота их решения обуславливаются спецификой источника — наличием *in situ* остатков оснований, фундаментов или цоколей стен²⁶ наземных помещений и подвалов, их полов, вымосток дворов, водостоков, цистерн, иногда печей, остатков лестниц, значительно реже — дверных проемов и окон. Подавляющее большинство других остатков — черепицы, фрагментов росписей, архитектурных деталей, перекрытий и др. — встречается обычно в перемещенном положении в культурном слое или отсутствует вообще, в связи с чем атрибуция этих деталей по месту во многих случаях проблематична.

Таким образом, опорными моментами при характеристике домов являются прежде всего их планировка, особенности конструкций и приемов строительной техники, объемные решения на базе допустимых реконструкций, стилевые особенности ордера и декора.

бунинок 1 укрепления Тиря перших століть нашої ери.— Археологія, 1978, 25, с. 83—96; *Щеглов А. Н.* Жилой дом эллинистического Калос Лимена (опыт реконструкции).— ХКААМ, М., 1976, с. 232—238; *Воронов А. А.* Античное общественное здание III—II вв. до н. э. в Керчи. Проблемы реконструкции.— Архитектура СССР, 1975, № 3, с. 51—55; *Федоров Б. Н.* О композиции и реконструкции жилого дома конца IV—III вв. до н. э. в VII квартале Херсонеса.— Проблемы развития зарубежного искусства, 1975, вып. 5, с. 18—25.

²⁴ *Щеглов А.* Полис и хора. Симферополь, 1976, с. 30, 31, 42, 56, 64, 65, 117, 118; *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград, 1978, с. 65, 70, 79, 81, 84, 97; *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора, с. 33, 87, 117, 151.]

²⁵ *Крижицкий С. Д.* Деякі питання методики реконструкції житлових будинків Північного Причорномор'я еліністичної епохи.— Археологія, 1971, 1, с. 56—68. Дальнейшее развитие методики реконструкции на уровне теоретического обобщения осуществлено в 1978 г. А. А. Вороновым. *Воронов А. А.* Вопросы теории реконструкции памятников архитектуры (на материале древнегреческих ордерных сооружений).— Автореф. дис. канд. архитектуры. М., 1978.

²⁶ Описание кладок стен дано по: *Крижицкий С. Д.* Про методику опису кладок міст Північного Причорномор'я VII ст. до н. е.— IV ст. н. е.— Археологія, 1965, т. 18, с. 39—47; *Крижицкий С. Д.* О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья.— КСИА АН СССР, 1981, вып. 175, с. 11.

²² *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах.— ИАН, 1906, вып. 13, с. 39—98; *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1909 и 1910 гг., 1913, с. 48—75; *Соболев И. Н.* О реконструкции ольвийского жилого дома II в. до н. э., открытого

Б. В. Фармаковским в 1902—1903 гг.— ВДИ, 1953, № 1, с. 188—192.

²³ *Крижицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии; *Крижицкий С. Д.*, *Бураков А. В.* Указ. соч.; *Крижицкий С. Д.*, *Клейман И. Б.* Житловий

АНТИЧНЫЕ ДОМА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ VI—II ВВ. ДО Н. Э.

Со второй половины VII в. до н. э. в Северное Причерноморье начинают проникать греческие переселенцы в основном из района Милета (Малая Азия). Основав здесь ряд городов и сельских поселений, греки вступали в тесные контакты с окружающими их местными (кочевыми и оседлыми) племенами скифов, синдов, меотов, позднее — фракийцев, сарматов и др., несли традиции своей высокоразвитой культуры. Географическая оторванность от метрополии, природные условия, тесные культурные и политические связи с окружающим их варварским (в понимании греков) миром наложили отпечаток на все стороны жизни, на материальную и духовную культуру греческих переселенцев. Все это нашло определенное отражение и в развитии архитектуры жилых домов.

В историческом развитии античной культуры в Северном Причерноморье выделяются два основных периода, имевших существенные различия в государственной, военно-политической, социально-экономической и культурной сферах.

Для первого периода (VI — первая половина I в. до н. э.) характерны относительно самостоятельное, независимое развитие городов на основе греческих традиций, тесные контакты с городами Греции и местными племенами; возникновение греко-варварских объединений, как, например, Боспорская держава, в состав которой входил ряд местных племен. Северопричерноморские государства на протяжении этого периода достигли максимального расцвета.

Второй период (вторая половина I в. до н. э. — 70-е годы IV в. н. э.) отмечен военно-политической зависимостью северопричерноморских городов от Понтийского царства, позднее — от Римской империи. Это время многочисленных нашествий различных кочевых племен (геттов, готов, гуннов и др.), особенно усилившихся в конце периода. В состав населения городов все больше стали проникать выходцы из окружающих племен. Материальная и духовная культура населения постепенно начала приобретать в ряде случаев смешанный греко-варварский характер с элементами римской провинциальной культуры. Со временем усиливалась натурализация хозяйства, происходила рустификация городов.

В свою очередь в каждом периоде выделяются отдельные этапы, примерно соответствовавшие обшеантичной периодизации.

Первый период. Архаический этап. Охватывает в основном VI в. до н. э. Появляется большинство античных городов и поселений. Классический этап (рубеж VI—V — третья четверть IV в. до н. э.), постепенное укрепление экономики.

Максимальный расцвет городов относится к третьему — эллинистическому этапу (последняя четверть IV — конец II в. до н. э.).

Четвертый этап (конец II — первая половина I в. до н. э.) характеризует глубокий социально-экономический и военно-политический кризис, связанный с войнами Митридата VI Евпатора и постепенным проникновением в Северное Причерноморье римского влияния.

Второй период. Первый этап (вторая половина I в. до н. э. — I в. н. э.) отличается началом повторного расцвета экономики городов. Второй этап (II — первая половина III в. н. э.). Максимальный расцвет северопричерноморских городов во втором периоде. Третий этап (середина III — семидесятые годы IV в. н. э.). Постепенный упадок и гибель античной культуры в Северном Причерноморье.

Разумеется, при этом следует учитывать то, что в историческом развитии античных городов и поселений в каждом из трех основных районов их сосредоточения в рассматриваемом регионе — Северо-Северо-Западном Причерноморье, Западном Крыму и Боспоре Киммерийском — имелись и определенные отклонения от приведенной схемы, достаточно подробно освещенные в ряде специальных работ¹.

Северо-Северо-Западное Причерноморье. Здесь раскопаны дома всех основных этапов: архаического и классического — Березань, Ольвия и ее округа, Никоний; эллинистического — Ольвия и ее округа, Тира; первых

веков нашей эры — Ольвия и ее округа, Тира; середины III — семидесятых годов IV в. н. э. — Тира.

С открытием в последнее десятилетие в Ольвии, на территории Верхнего города, в самом нижнем культурном слое большого количества земляночных структур (около 40)², принадлежность которых греческим переселенцам не вызывает сомнений, вопрос о характере наиболее раннего жилища античных северопричерноморских городов, в частности в этом районе, представляется возможным считать решенным³. Землянки и полуземлянки

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Восточного Боспора. М., 1975; *Славин Л. М.* Периодизация исторического развития Ольвии. — ПИСПАЭ, с. 86—107; *Wasowicz A.* Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. Paris, 1975; *Стржецкий С. Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. — ПИСПАЭ, с. 63—85; *Щеглов А. Н.* Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 332—342; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, и др.

² Наибольшее количество полуземлянок открыто на участке АГД (*Русяева Г. С.* Дослідження палеоархаїчних та класичних шарів Ольвії. — АДУ, 1972, вып. 4, с. 164—166; *Русяева А. С., Рутковский А. Г., Грацианская Л. И., Малеваный А. М.* Исследования в Ольвии на участке АГД. — АО 1976. М., 1977, с. 365). Раскопаны они и на других участках Верхнего города — в районе теменоса, дикастерия, жилых кварталов возле агоры (*Славин Л. М.* Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. — СА, 1958, № 28, с. 279, 280; *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М. — Л., 1964, с. 33, рис. 4, с. 116, рис. 7; *Лалин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966,

с. 154; *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры (1956—1960 гг.). — В кн.: Ольвия. Теменос и агора, с. 213, 214, рис. 1, 19). Здесь углубление прямоугольной формы, вырезанное в материке, ошибочно трактовалось Л. М. Славиним как подвальное помещение. *Брашицкий И. Б.* Раскопки в районе теменоса в Ольвии в 1960—1962 гг. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 103, с. 94—95; *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967—1969 гг. — КСИА АН СССР, 1972, вып. 130, с. 46; *Карасев А. Н., Левин Е. И.* Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. — КСИА АН СССР, 1975, вып. 143, с. 11; *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии. — ХКААМ. М., 1976, с. 132, 133; *Лейтунская Н. А., Крапивица В. В.* Раскопки Центрального квартала в Ольвии. — АО 1976 г. М., 1977, с. 325, 326). По-видимому, и часть углублений в материке, обнаруженных Б. В. Фармановским в районе Северных ворот, в раскопе 1908 г. на центральной возвышенности, в цитадели, могла являться земляночными структурами (*Крижицкий С. Д., Русяева Г. С.* Найденіші житлові будинки Ольвії. — Археологія, 1978, № 28, с. 3—26).

³ *Крижицкий С. Д.* Начальные этапы эволюции античных жилых домов Северного Причерноморья. — 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. К., 1975, с. 103, 104; *Крижицкий С. Д.* Древнейшие слои жилых кварталов Ольвии. — В кн.: «Егігеп». Тез. докл. Ереван, 1976, с. 220—222; *Крижицкий С. Д., Русяева Г. С.* Указ. соч.

¹ *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Л., 1948; *Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. — В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную

эпоху (далее — ПИСПАЭ). М., 1959, с. 7—39; *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Восточного Боспора. М., 1964; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М. — Л., 1949; *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья. Краткий очерк. — АГСП, с. 23—147;

ки * располагались вдоль улиц, как бы закрепляя красную линию застройки, причем иногда даже на более или менее кратных расстояниях. Однако убедительных данных предполагать возникновение полных, достаточно четких кварталов уже в это время пока нет.

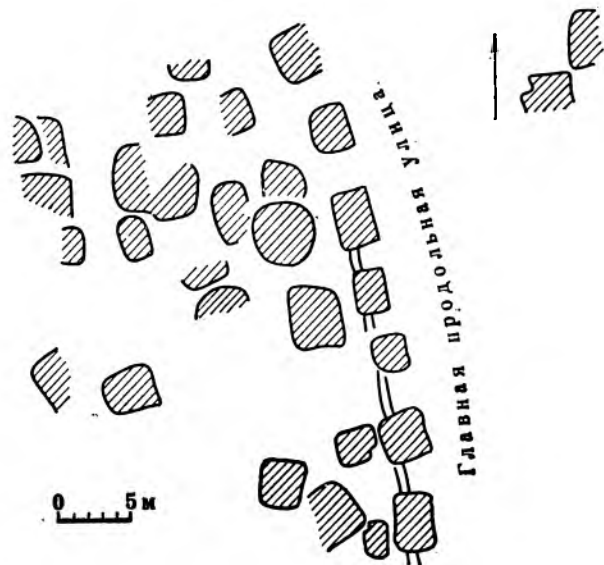

Рис. 1.
План расположения
земляночных построек на
участке АГД.

Дано по: Крижичский С. Д.,
Русьев Г. С. Найдавніші
житлові будинки Ольвії.—
Археологія, 1978. 28, рис. 2.

Полуземлянки вдоль Главной продольной улицы Верхнего города Ольвии (рис. 1) были размещены довольно плотно (35—45 м² территории на одно жилище), что исключает возможность существования на этих же участках синхронных с ними наземных жилых построек. Каких-либо оснований объединять расположенные рядом полуземлянки в отдельные многокамерные комплексы нет — каждая из них представляет собой самостоятельное жилище.

Землянки — это обычно однокамерные постройки (рис. 2, 3, б) размером 6—14 м². Они были двух основных планировочных типов — прямоугольного (подтипы: с четко вырезанными углами,

с закругленными углами) и круглого (подтипы: правильный круг, овал). Преобладали прямоугольные, приближающиеся к квадрату или прямоугольнику с соотношением сторон 1 : 1,5. Очаги обнаружены не во всех случаях, располагались обычно у стен (вплотную или на небольшом расстоянии) или в углах камер; относятся к открытому типу, состоят из пода (обычно слой обожженной глины), размещенного на уровне пола (иногда в углублениях или на небольших возвышениях из глины, песка и мелких камней) и окруженного по сторонам невысокими каменными бортиками. Обнаружена также двухкамерная печь, частично врезанная в материковый борт полуземлянки. В некоторых случаях имелись небольшие ниши в бортах котлована, а также невысокие глинобитные площадки у стен хозяйственного назначения. Часть жилищ имела ступенчатые, вырезанные в материке входы. Стены обычно вертикальные, без обмазки, полы глинобитные, заглубленные на 0,6—1,8 м. В некоторых случаях сохранились остатки сырцовых наземных стен. Все это дает основание считать, что здесь были как полуземлянки, так и землянки.

* В связи с отсутствием в научной литературе четких критериев различия между землянками, полуземлянками, подвалами и наземными с легка заглубленными помещениями представляется целесообразным, исходя из характера несущих конструкций, их пространственного положения и общего принципа решения объемов, предложить следующие определения.

1 Наземная постройка — сооружение, объем которого находится выше уровня дневной поверхности либо слегка заглублен (до 0,1—0,3 м), но при условии, что в этом случае высота стен в наземной части будет достаточна (порядка 1,9—2,0 м) для устройства нормального наземного входа под наиболее низко расположенным карнизом крыши.

2 Полуземлянка — сооружение, объем которого заглублен более 0,3 м, а несущие стены выступают выше уровня окружающей дневной поверхности, образованы бортами котлована, а также наземной конструкцией. Наземные части стен могут

быть сделаны из любого материала. Карниз кровли размещается выше уровня дневной поверхности, но на высоту, не достаточной для устройства нормального наземного входа.

3 Землянка — сооружение, заглубленное ниже уровня дневной поверхности на всю высоту несущих стен, которыми являются борта котлована. При этом возможно наличие облицовки земляных стен деревом, плетнем, глиняной обмазкой либо камнем, не являющимися несущей конструкцией. Карниз кровли (в случае его наличия) размещается на уровне дневной поверхности (или немного выше).

4 Подвал — сооружение, объем которого находится целиком ниже уровня дневной поверхности, но в отличие от землянки имеет на всю высоту искусственные несущие стены и обычно сочетается с наземным этажом.

5 Подполудвал — то же, что и подвал, только с частичным заглублением объема (от 0,3 м и ниже — до высоты помещения) и невозможностью устройства нормального наземного входа.

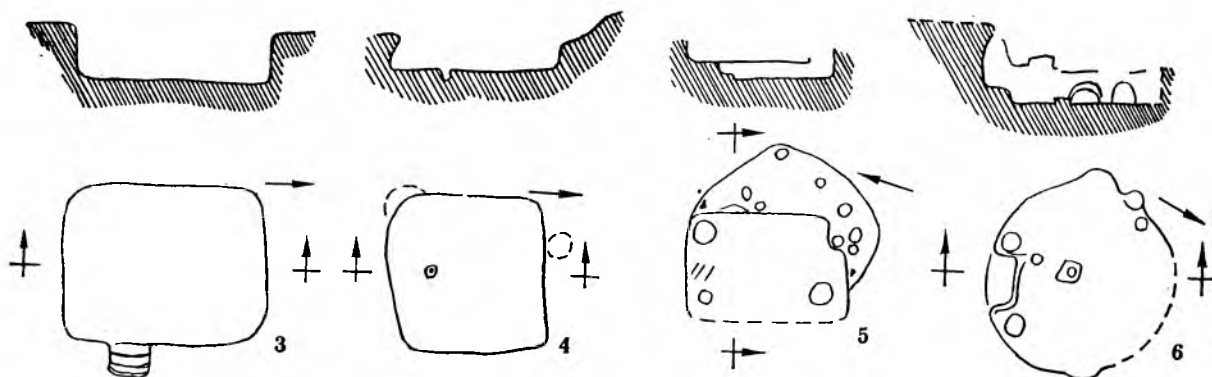
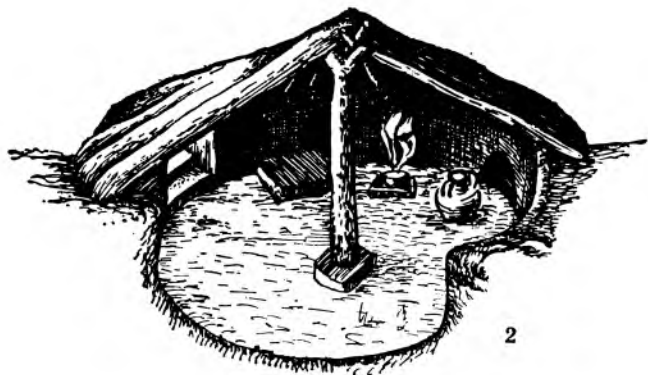
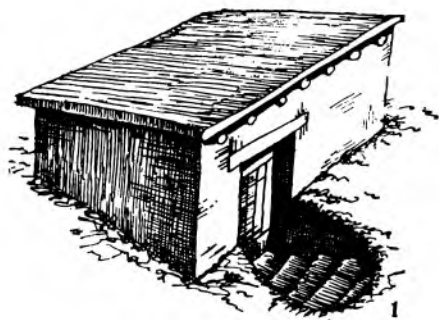

Рис. 2.
Полуземлянки Ольвии:
1, 2 — эскиз реконструкции
(Кржицкий С. Д.); 3, 4 —
планы полуземлянок предградья;
5, 6 — планы земляночных
структур на участке АГД.

Дано по: 3, 4 — Козуб Ю. И.

Розкопки західної околиці
Ольвії. — АДУ, 1972, вип. 4,
с. 167; Козуб Ю. И. Розкопки
території некрополя Ольвії
в 1965—1966 гг. — АИУ, 1967,
вып. 1, с. 128; 5, 6 —
Кржицкий С. Д.,
Русяева Г. С. Найдавніші
житлові будівки Ольвії. —
Археологія, 1978, 28, рис. 4, 6.

Хотя во многих случаях в полах землянок сохранились ямки, имевшие конструктивное назначение — для установки стоек, определить характер несущей конструкции в большинстве случаев затруднительно. Однако некоторые основания для реконструкции объемов все же есть.

Наиболее существенным при этом является определение типа крыши. Так, относительно небольшое заглубление (0,6—1,8 м), при котором в случае горизонтальной крыши человек не имеет

возможности выпрямиться во весь рост, а также характер обнаруженных входов — крутой угол подъема лестничного марша при врезке в материковую стенку или, тем более, при отсутствии таковой, т. е. устройства выхода на уровень дневной поверхности за счет пространства самой камеры, — исключают возможность существования горизонтальных плоских кровель. Отсюда при круглом плане — крыша конической формы (что подтверждается в одном случае находкой в центре круглой землянки камня для центрального подпорного столба), а при прямоугольном — обычной скатной (рис. 2, 1, 2; 3, 2).

В последнем случае возникает вопрос о количестве скатов — одном или двух. При односкатном решении появляется необходимость устройства относительно высокой наземной стены вдоль одной

продольной стороны камеры. Убедительных данных в пользу этого зафиксировано не было. Это позволяет с большей степенью вероятности принять вариант устройства над прямоугольными структурами двускатных кровель с размещением входа по одному из торцов.

Сложнее обстоит дело с определением конкретного конструктивного решения наземной части полуземлянок. Отсутствие по главным осям камера каких-либо следов от опор конькового прогона позволяет предполагать два возможных варианта: безраспорный, с укладкой наслонных стропил по продольным стенам и прогону, опирающемуся на торцовые стены (в пользу этого свидетельствуют остатки в некоторых случаях сырцовых стен), и распорный.

В последнем случае в связи с появлением при этом значительных распорных усилий устройство наземных сырцовых стен маловероятно — в этом случае они могли выполняться, скорее всего, в дереве. Кровли делались легкими, вероятно, из тростника⁴, возможно, с глиняной стяжкой. О конкретном решении подобной деревянной конструкции нам ничего не известно, можно только предполагать, что в основе ее по периметру полуземлянки могла находиться деревянная обвязка, а уклон скатов, учитывая необходимость обеспечить возможность нормального перемещения в полуземлянке и характер кровельного покрытия, был довольно значительным, в отдельных случаях достигал, возможно, даже 40—50°.

Землянки на территории Ольвии относятся к двум хронологическим группам — середине VI и второй половине VI в. до н. э., причем какой-либо эволюционной зависимости между круглыми и прямоугольными в плане структурами не прослеживается. Все открытые полуземлянки второй хронологической группы прекращают свое существование не позднее конца VI — начала V в. Они были засыпаны, и на смену им пришли наземные сырцово-каменные дома.

⁴ При большей влажности климата в античное время (Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. — Записки Географического общества СССР. Новая серия, 1957, т. 16, с. 337) устройство

в примитивных небольших постройках с кровлями с относительно большим уклоном саманных покрытий было вряд ли целесообразным. Тем более что в то время обмелевший Бугский лиман, очевидно, имел плавающие заросли (Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии. — В кн.: Ольвия. К., 1975, с. 82,

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно и только о территории собственно города, а не его предместья, относящегося уже к следующему этапу жизни Ольвии и располагавшегося за городскими стенами, к тому времени уже, очевидно, построенными⁵. Предместье, где открыто более двух десятков полуземлянок, аналогичных, за небольшим исключением, описанным выше, автор раскопок датирует довольно широко — концом VI — первой половиной IV в. до н. э.⁶ К концу VI — первой половине V в. им относится только «святилище»⁷. Однако датировка концом VI в. стратиграфически не обосновывается. Автором не выделен и стратиграфически не привязан комплекс раннего материала. В тексте имеется лишь общее упоминание о том, что комплекс раннего периода представлен обломками миниатюрных коринфских скифосов, ионийских сосудов и амфор⁸, т. е. материалом, который может относиться к первой половине V в. В этом случае упоминаемая там же находка фрагментов чернофигурной вазы конца VI в. не дает основания для датировки этим временем и всего комплекса. Памятник достаточно надежно можно датировать только по наиболее позднему материалу, т. е. не ранее чем первой половиной — серединой V в. К V же веку и главным образом к его середине — второй половине автор относит раскопанные полуземлянки и хозяйственные комплексы⁹.

Таким образом, если на территории будущего предместья и могли существовать в конце VI в. какие-либо отдельные постройки, то возникновение предместья как жилого массива относится уже к тому времени, когда в самой Ольвии земляночное строительство повсеместно сменилось наземным сырцово-каменным.

83), представлявшие собой идеальный материал для устройства тростниковых крыш.

⁵ Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии. — КСИИМК, 1948, вып. 22, с. 25 и сл.; Гриневич К. Э. К вопросу об экономике архаической Ольвии. — АГ. М., 1963, с. 51—54.

⁶ Козуб Ю. И. Предместье Ольвии. — В кн.: «Египет». Тез. докл. Ереван, 1976, с. 195, 196.

⁷ Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии. — В кн.:/

Ольвия. К., 1975, с. 139—163.

⁸ Козуб Ю. И. Указ. соч., с. 140.

⁹ Козуб Ю. И. Предместье Ольвии, с. 196; Козуб Ю. И. Раскопки территории некрополя Ольвии в 1965—1966 гг. — АИУ, 1967, вып. 1, с. 126—129; Козуб Ю. И. Раскопки на территории некрополя Ольвии. — АИУ, 1968, вып. 2, с. 135—138; Козуб Ю. И. Раскопки западной окрестности Ольвии. — АИУ, 1971, вып. 3, с. 172—173; Козуб Ю. И. Розкопки західної околиці Ольвії. — АДУ, 1972, вып. 4, с. 167, 168.

Разумеется, в Ольвии уже в VI в. наряду с массивным жилым земляночным строительством могли существовать и отдельные наземные постройки (рис. 3, 1). Однако среди раскопанных жилых участков этого времени они пока не известны.

В связи с этим возникает вопрос о том, с какого времени началось массовое наземное каменное или сырцово-каменное строительство. Мнения исследователей расходятся, причем иногда даже в отношении одного и того же объекта. Так, например, известная полигональная кладка, которую Б. В. Фармаковский сначала датировал началом V в. до н. э., а впоследствии относил к концу VII в. до н. э. (рис. 6), позднее датировалась А. Н. Карасевым и Е. И. Леви V в. до н. э., а еще позднее Л. М. Славиним — последними десятилетиями VI в. до н. э.¹⁰

Для решения вопроса о времени начала массового наземного каменного или сырцово-каменного домостроительства в Ольвии кратко остановимся на вопросе датировок наиболее ранних наземных стен.

Наземные каменные строительные остатки, отнесенные исследователями к VI в. до н. э., открыты в северной и южной частях Верхнего города Ольвии на участке АГД, к западу от теменоса и на участке М. На АГД это остатки помещений с уже упоминавшейся полигональной кладкой (каменный цоколь с остатками сырца); помещений, распола-

гавшихся к северу от третьей поперечной улицы (два помещения с глинобитными полами и каменные цоколи двух стен, на одной из которых сохранились остатки сырца); в юго-восточном квартале — два помещения с остатками трех стен, а также кладки пятого слоя из раскопок 1926 г. в районе

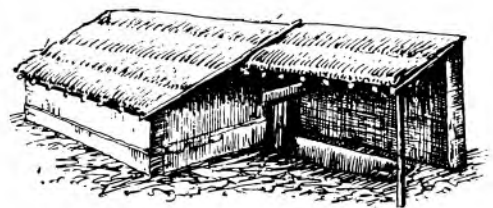

Рис. 3.

Дома колониста:

1 — наземный однокамерный дом; 2 — полуземляночный дом. Эскизы реконструкции (Крыжицкий С. Д.).

2

¹⁰ Фармаковский Б. В. Розкопування Ольвії р. 1926. Звіт. Одеса, 1929, с. 43 та ін., рис. 26—28; Карасев А. Н., Леви Е. И. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 218; Карасев А. Н. Архитектура.— АГСП. М., Л., 1955, с. 189; Славин Л. М. Ольвийські квартали центральної частини Верхнього міста.— АП УРСР, 1962, 11, с. 8, 9.

¹¹ Славин Л. М. Вказ. праця, с. 7 и сл.; Фармаковский Б. В. Вказ. праця, с. 28 и сл.

¹² Славин Л. М. Вказ. праця, с. 10, 11.

¹³ Славин Л. М. Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1955 г.— НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1955/9, с. 57—60.

¹⁴ Копейкина Л. В. Некоторые

итоги исследования архаической Ольвии, с. 132 и сл.; Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период.— СА, 1975, № 2, с. 194—196. Подвал, в заполнении которого типичной являлась керамика второй половины — начала VI в., был частично открыт в Восточном раскопе на участке НР (Звіт про археологічні розкопування Ольвії року 1930.— НА ИА АН УССР, ВУАК/О, Ф-17, № 401, с. 26 и сл.). Однако отсутствие указаний на наиболее поздний материал из заполнения с учетом того, что характер одной из кладок этого подвала, показанной на чертеже (ЛОИА АН СССР. Фотоархив, П 51079, 51080), не типичен для кладок даже V в. до н. э., не дает возможности отнести это сооружение к концу VI в. до н. э.

северо-западного квартала¹¹. К концу VI в. до н. э. относит Л. М. Славин на этом участке и остатки трех металлообрабатывающих мастерских¹². К VI в. до н. э. на участке М исследователи относят остатки трех кладок¹³; к западу от теменоса, в районе дикастерия — трехкамерное здание и, как и на участке АГД, — «подвалы с каменными стенами»¹⁴.

Однако анализ архивных материалов и соответствующих публикаций не позволяет согласиться с датировкой всех этих остатков VI в. до н. э.

Рассмотрим прежде всего участок АГД и именно те остатки, описание которых в какой-то мере документировано архивными материалами. Это касается каменных цоколей двух стен, обнаруженных к северу от третьей поперечной улицы, — кладок № 279 и 272, датируемых Л. М. Славиним второй половиной VI в. до н. э.¹⁵ Основанием для

приводится в тексте отчета, противоречит столь ранней датировке стен¹⁶. Следует, однако, заметить, что сам по себе факт расположения стен на полевке не является достаточным аргументом для надежной датировки в пределах VI в. (непосредственно на полевке на участке АГД и в Центральном квартале располагаются, например, наземные сте-

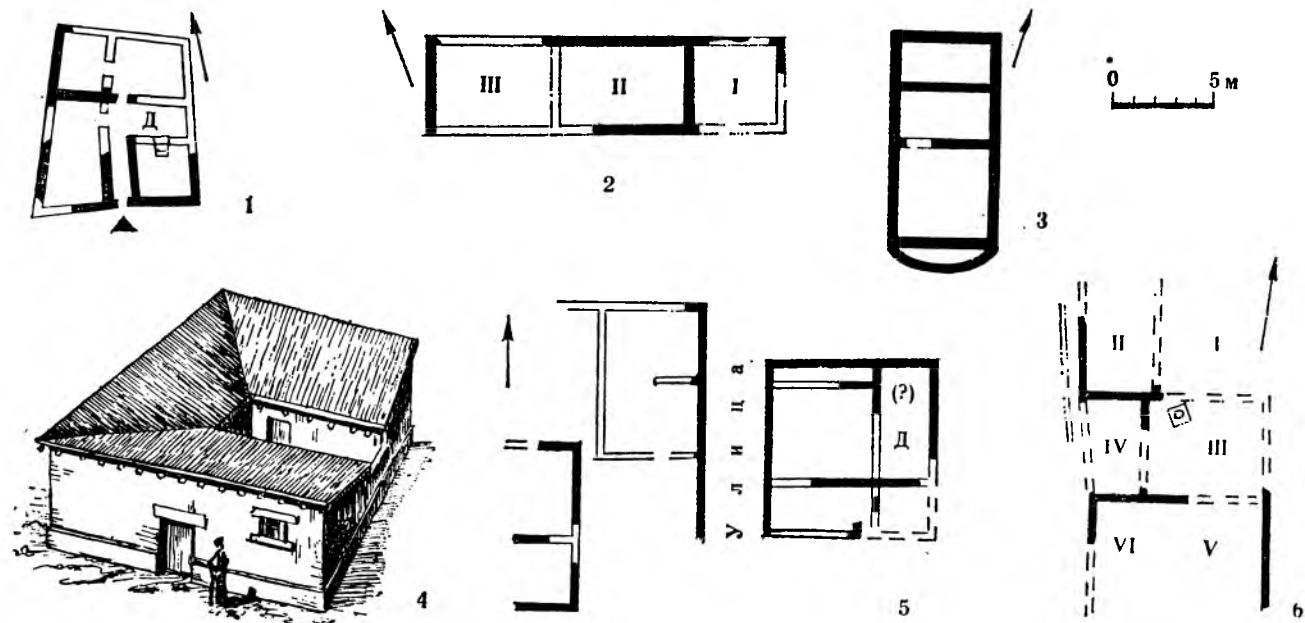

Рис. 4. Дома Ольвии и Березани этапа перехода к наземному домостроительству:

1, 4 — план и объемная реконструкция дома на Березани (Крыжицкий С. Д., Лапин В. В.); 2 — здание Б в Ольвии; 3 — здание к западу от дикастерия; 5 — жилые дома на Березани; 6 — дом Е-11

к западу от агоры в Ольвии. Дано по: 2 — *Леву Е. И.* Ольвийская агора. — МИА, № 50, с. 92, рис. 61; 3, 5 — *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии

в архаический период. — СА, 1975, № 2, с. 194 и сл.; 6 — *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры (1958—1960 гг.). — Ольвия. Теменос и агора, с. 203, рис. 12.

такой датировки явилось то, что подошвы цоколей лежат на полевке, а также техника их кладки. При этом не был фактически учтен сопровождающий материал, поскольку отсутствует описание четкой стратификации заполнения, а то, что

ны ряда сооружений V в. до н. э.). Кроме того, поскольку техника кладки является действительно довольно надежным датирующим признаком, именно она позволяет пересмотреть предложенную Л. М. Славиним датировку. Так, учитывая

15. Кладки раскапывались Л. М. Славиним; сохранились дневники, фотографии, чертежи. — ИА ИА АН УССР, Ф-Э, 1955/9.

16. *Славин Л. М.* Вказ. праця, с. 8, 9; *Славин Л. М.* Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1955 г., с. 5—9. В полевом дневнике Л. М. Славин указывает, что нижний слой в квадрате 215—216 содержал преимущественно материал V и IV вв. до н. э. Даже не

анализируя материал с целью выделения еще более поздних вещей, совершенно очевидно, что в данном случае при датировке по заполнению можно говорить о времени не ранее IV в. до н. э.

общий характер эволюции кладок, прослеженный А. Н. Карасевым¹⁷, цоколь № 279 по технике отнюдь не может быть отнесен к самому начальному этапу. Здесь налицо выделение фундаментной части, а также обработка по крайней мере фасадов камней. Кроме того, описание и фотографии цоколя № 279 не исключают возможности того, что это не одна трехслойная двухлицевая кладка, а две однослойные (или двухслойные) однолицевые стены. В последнем случае они могли принадлежать только подвалам, а следовательно, учитывая стратиграфию, относиться к еще более позднему, чем V в. до н. э., времени¹⁸. Нет оснований, исходя из техники кладки, датировать концом VI в. до н. э. и кладку № 272. Напомним, что к V в. до н. э. Е. И. Леви и А. Н. Карасев относят в результате передатировки слоев полигональную стену Б. В. Фармаковского¹⁹. Стратиграфия, прослеживаемая в западной части участка АГД, находит прямое подтверждение и в восточной. Здесь, неподалеку от кладок № 279, 272, С. И. Капошиной открыты остатки полуземлянки, датированные ею по заполнению второй половиной VI в. до н. э. (точнее — концом VI в. до н. э.), а также наземные цоколи стен, частично перекрывшие эту полуземлянку, находившиеся в слое V в. до н. э.²⁰ Остальные аналогичные остатки участка АГД документированы и аргументированы в подтверждение датировки VI в. до н. э. в еще меньшей степени, чем описанные выше²¹.

Таким образом, и в восточной, и в западной частях участка АГД, в случаях, наиболее надежно аргументированных, прослеживается аналогичная стратиграфическая картина — наиболее ранние строительные остатки, относящиеся ко второй половине — концу VI в. до н. э., представлены полуземлянками. Причем этот ранний период достаточно четко отделяется от последующего, поскольку после прекращения жизни позднеархаических сооружений на участке была произведена нивелировка²².

17 Карасев А. Н. Архитектура, с. 189 и сл.

18 В пользу существования двух (а не одной) кладок свидетельствуют различный характер конструкции западного и восточного фасадов, отсутствие выделенного фундаментного

ряда и отчасти более мелкий камень по западному фасаду, а также слишком большая ширина промежутка, разделяющего фасадные слои, равная 27 см (Славин Л. М. Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1955 г., с. 5 и сл., рис. 241, 242). Не может быть использована в подтверждение

Соответственно намеченной последовательности передвигается в сторону омоложения и датировка остальных объектов этого участка. Это касается прежде всего металлообрабатывающего производства, датированного Л. М. Славиним временем позднее описанных выше кладок. Так, достаточно твердо засвидетельствован факт бытования этих объектов только в V в. до н. э., поскольку к этому времени относится наиболее поздний сопровождающий материал из трех упоминаемых Л. М. Славиним металлообрабатывающих комплексов²³. Один из них представлял собой отходы производства в заполнении ямы и, следовательно, мог относиться к одному из двух первых комплексов, не имея самостоятельного значения²⁴. Функционирование этого производства на каком-то отрезке V в. до н. э., причем именно в то время, когда полу-

существования тут одной наземной стены и ссылка на обнаруженный перекрывающий цоколь сырца, так, как, в-первых, сырец обнаружен только по восточному фасаду, во-вторых, постель под сырцом не выравнена, как это обычно делалось для наземных стен, в-третьих, судя по фотографии № 242 (см. Отчет), это не кладка, а развал сырца.

19 Карасев А. Н. Архитектура, с. 189; Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 218.

20 Отчет Ольвийской экспедиции за 1951 г. (НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1951/26). Дневник № 5 С. И. Капошиной, с. 3 и сл., 61. В полуземлянке открыты также следы очага. Землянка, по-видимому, прямоугольной формы. В сохранившейся части имеет размер 2,0 × 1,5 (по чертежу № 7). Первоначально, очевидно, была несколько больше, учитывая то, что ее перерезает сырцовая стена. По краям котлована зафиксированы остатки сырца, возможно, от наземных стен (с. 11 дневника).

21 Это касается и кладок пятого слоя из раскопок 1926 г., в частности стен № 52, 53, 56, которые, судя по чертежам и фотографиям (Фармаковский Б. В. Вяз. праця, с. 28 и сл.), совершенно явно являются подвальными и, следовательно, могут относиться ко времени, очевидно, не ранее V в. до н. э.

22 Фурманская А. И. Отчет о

работе в Ольвии на участке АГД (Восток) в 1955 году. — НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1955/9д, е. 16; Крижицкий С. Д., Руслова Г. С. Найдавній житла Ольвії. — Археологія, 1978, № 28, с. 3 та ін.

23 Славин Л. М. Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста, с. 10, 11.

24 Вопрос о времени функционирования этой ямы (№ 2) и находящегося под ней погребя требует пересмотра. Так, Л. М. Славин датирует погреб временем не позднее середины — конца VI в. до н. э. и, по нашему мнению, справедливо считает, что он возник ранее верхней ямы (Славин Л. М. Вяз. праця, с. 10). С. И. Капошина, относя амфоры из этого погребя ко времени не позднее середины VI в. до н. э., датирует погреб второй половиной VI в. до н. э.

(Капошина С. И. Дневник № 5. — НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1951/26, с. 15). Однако в этом комплексе амфор имеются две амфоры с конусовидной ножкой, одну из которых И. Б. Зеест относит к группе амфор V в. до н. э. со стаканообразными доньями (Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, № 83, с. 74). К этому же времени относит другую амфору из этого комплекса Н. А. Лейпунская. Таким образом, погреб мог функционировать еще по крайней мере на рубеже VI—V вв. до н. э., а, следовательно, засыпкя погреблагавшейся над ним ямы № 2 относится, очевидно, ко времени не ранее начала V в. до н. э.

землянки прекратили свое существование, а наземное строительство еще только начиналось, находит подтверждение и в том, что в засыпи некоторых ям и полуземлянок второй хронологической группы обнаружены отходы этого производства²⁵. Именно с этим временем связаны первые наземные постройки на этом участке.

Ничем не аргументировано отнесение к VI — началу V в. до н. э. и трех помещений на участке М. Судя же по характеру и технике кладок, а также их значительной толщине²⁶, они более всего похожи на стилобаты IV в. до н. э., открытые в 1976 г. в западной части участка АГД²⁷.

Остановимся на датировке наиболее ранних наземных строительных остатков в районе дикастерия. Прежде всего неясно, какие подвалы VI в. имела в виду в своей статье Л. В. Копейкина. О подвалах VI в. до н. э. на участке АГД не пишет даже Л. М. Славин, значительно удрежнявший датировки открытых остатков, т. е. непонятно, как вообще могло возникнуть мнение о датировке VI в. до н. э. В то же время А. С. Русяевой установлено, что появление подвалов относится здесь ко времени не ранее второй половины V в. до н. э.²⁸ К V — IV вв. до н. э. относятся и подвалы, открытые в свое время дикастерия и агоры²⁹. Таким образом, мнение Л. В. Копейкиной о существовании подвалов VI в. на участке АГД, приводимое ею как одно из доказательств столь раннего возникновения этих сооружений в Ольвии, ни на чем не основано. Представляется слишком удрененной и датировка упомянутого наземного трехкамерного здания, открытого к западу от дикастерия (рис. 4, З). Материал из заполнения подвала и у подошв наземных цоколей здания датируется Л. В. Копейкиной рубежом VI—V в. до н. э.³⁰, т. е. в данном случае может свидетельствовать лишь о том, что здание прекратило свое существование не ранее этого времени. Однако отсюда никак не следует, что его сооружение должно относиться ко времени не позднее середины VI в.

25

Яма № 3 (расположенная рядом с ямой № 2), а также полуземлянка участка АГД, открытая А. С. Русяевой в 1975 г. (Русяева А. С. Отчет о раскопках на участке АГД.— Отчет Ольвийской экспедиции за 1975 г.— НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1975/216, № 7775).

Разумеется, это не исключает возможности существования единичных производственных комплексов на этом участке и в VI в. до н. э. Однако единичных. В связи с этим следует упомянуть находку очага и шлаков возле него в одной из полуземлянок VI в. до н. э. возле теменоса

до н. э.³¹ Подобной ранней датировке противоречат устройство выравнивающего слоя под фундаментами здания, в котором содержится керамика VI—V вв. до н. э.³², и техника кладки цоколей, типичная, как было показано выше, для середины — второй половины V в. до н. э. Таким образом, возникновение этого здания, как считали Е. И. Леви и А. Н. Карасев, скорее всего относится ко времени не ранее начала V в. до н. э.³³ Следует также исключить и жилой характер этого комплекса, что допускает автор³⁴. Жилое назначение не находит подтверждения ни в сопровождающем материале, ни в характере планировки, неполная реконструкция которой, к сожалению, не имеет обоснования.

(Брашинский И. Б. Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг.— КСИА, АН СССР, 1965, вып. 103, с. 94 и сл.). Автор высказывает предположение о возможности производственного назначения.

26 Славин Л. М. Отчет о работах Ольвийской экспедиции в 1955 г., с. 57—60, рис. 201, 203, 208, 209.

27

Русяева А. С., Рутковский А. Г. Отчет о работах на участке АГД. Отчет Ольвийской экспедиции за 1976 г.— НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1976/1а, № 8244. Имеющиеся материалы не позволяют более точно определить возможную датировку стен на участке М.

28

Русяева А. С., Рутковский А. Г. Исследования в Ольвии на участке АГД.— АО 1974. М., 1975, с. 348, 349.

29

Карасев А. Н., Леви Е. И. Работы Ольвийской экспедиции ЛЮИА АН СССР в 1960—1962 гг.— КСИА АН СССР 1965, вып. 103, с. 84, 85;

Карасев А. Н. Раскопки Ольвийской агоры в 1967—1969 гг.— КСИА АН СССР, 1972, вып. 130, с. 40.

В последней работе А. Н. Карасев и VI в. до н. э. относит только землянку и ямы.

30

Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии..., с. 194, 195.

31

Там же.

32

Расположение одной из стен этого комплекса на подсыпке с материалом VI—V вв. до н. э. дало основание А. Н. Карасеву и Е. И. Леви датировать здание началом V в. до н. э. (Карасев А. Н.,

Леви Е. И. Раскопки Ольвийской агоры в 1970 г.— КСИА АН СССР, 1975, вып. 143, с. 11).

33

В более поздней публикации Е. И. Леви датирует это здание третьей четвертью VI в. до н. э., не пересматривая при этом ранее приведенной аргументации (достаточно, по нашему мнению, убедительной) о более позднем возникновении его и косвенно обосновывая новую точку зрения тем, что здание «...разрушено в V в. до н. э. при устройстве грунтовых (курсив наш.— С. К.) подвалов. Один из них, содержащий большое количество сероглиняных лепёшонок амфор, прорезал южное помещение» (Леви Е. И. Раскопки Ольвийской агоры и теменоса (1971—1974 гг.).— КСИА АН СССР, 1978, вып. 156, с. 36 и др.). Совершенно очевидно, что пресловутые «грунтовые подвалы» (нигде в Ольвии до настоящего времени, кстати, не встречавшиеся) представляли собой остатки земляночных структур.

Материал из них типичен в хронологическом отношении для засыпи землянок участка АГД, а также упоминавшейся выше (см. 32) подсыпки слоя под стенами рассматриваемого здания. Отсюда следует, что не грунтовой подвал прорезал здание, а здание перекрыло этот подвал — землянку и, таким образом, здание может датироваться временем не ранее начала V в. до н. э. Последнее вполне согласуется и с устройством в здании настоящего подвала, которые по материалам всех других участков появились в Ольвии не ранее V в. до н. э.

34

Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии.

Все сказанное по поводу строительных остатков VI в. до н. э. относится к Верхнему городу Ольвии. Нижний город в это время, вопреки существующему мнению³⁵, сплошной массовой жилой застройки, по-видимому, не имел. Подтверждает это предположение, помимо соображений, изложенных ранее³⁶, также отсутствие каких-либо остатков in situ архаического слоя в шурфах, доведенных до поверхности новочерноморской террасы на раскопе НГЦ и при работах в затопленной части Нижнего города³⁷. В этих условиях наличие керамики VI в. до н. э. в районе участка НГФ³⁸ при отсутствии закрытых комплексов и строительных остатков этого времени не является достаточным доказательством существования сплошной застройки Нижнего города еще в VI в. до н. э. В Нижнем городе в это время могли находиться только отдельные постройки, связанные с гаванью. При этом следует иметь в виду следующее. Как можно судить на основании характера кладок, добыча камня для массового жилого строительства в Ольвии начинается только в V в. до н. э. и, скорее всего, ближе к его середине. Строительство же в Нижнем городе обычных землянок или полуземлянок, в связи с высоким уровнем грунтовых вод и тем, что верхний слой новочерноморской террасы состоит из песка³⁹, здесь исключается. Т. е. в VI в. до н. э. в Нижнем городе могли возводиться только наземные постройки и, следовательно, учитывая сказанное выше, возможности для массового строительства жилых домов отсутствовали.

Таким образом, наиболее ранним массовым типом жилища греческих переселенцев в Ольвии VI в. до н. э. являлись полуземлянки и землянки. Аналогичная картина прослеживается и в поселении на о-ве Березань, где землянки на одном участке во второй половине VI, на другом — в V в. до н. э. сменились обычным наземным строительством⁴⁰.

Землянки и полуземлянки в рассматриваемое время широко распространены не только в Ольвии

и на поселениях ольвийской периферии, но и в Нижнем Поднестровье, в частности в Никонии⁴¹. Характерно, что в Никонии также наблюдается с небольшим смещением во времени в сторону омоложения тот же, что и в Ольвии, процесс смены земляночных жилищ наземными сырцово-каменными домами с жилыми подвалами, а типы и общий характер землянок и полуземлянок аналогичны ольвийским. Спецификой Никония является то, что земляночные постройки здесь бытовали значительно дольше, чем в Ольвии, заходя даже в первую половину IV в. до н. э., причем на позднем этапе они сосуществовали с наземными сырцово-каменными жилыми домами⁴². Можно допустить возможность существования синхронных землянок обычных наземных построек, но так-как в большинстве случаев остатков от таких сооружений не зафиксировано, они были немногочисленны.

Крыжицкий С. Д. Отчет о работе Ольвийской подводной экспедиции в 1973 г. — НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1973/13а, № 6823. 38

Левы Е. И. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. — СА, 1941, № 7, с. 308, 316. 39

Шилик К. К. К палеогеографии Ольвии, с. 58 и сл. 40

Лалин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966, с. 94—97; Лалин В. В. Исследование древнегреческого поселения на о-ве Березань. — АИУ, 1967, 1968, вып. 2, с. 153—154; Лалин В. В. Доследствия на о-ве Березань 1969 г. — АДУ, 1969, 1972, вып. 4, с. 157—158; Лалин В. В. Проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации. — В кн.: 150 лет ОАМ. К., 1975, с. 101; Копейкина Л. В. Северо-западный участок Березанского поселения. — НОСА. К., 1975, с. 95; Копейкина Л. В. Северо-западный участок Березанского поселения. — АО 1973. М., 1974, с. 290; Копейкина Л. В. Новые данные об обличье Березани и Ольвии... с. 188. 41

Русеева А. С. Разведка в районе Березанского лимана. — АИУ, 1967, вып. 1, с. 142; Русеева А. С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии. — АИУ, 1968, вып. 2, с. 146—150; Русеева А. С. Разведки и раскопки поселений

близ Ольвии. — АИУ, 1971, вып. 3, с. 182—184; Русеева Г. С. Раскопки Бейкушского поселения. — АДУ, 1972, вып. 4, с. 174—177; Копейкина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — МИА, 1956, № 50, с. 240 и сл.; Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой Балки. — КСИИМК, 1951, вып. 40, с. 114 и сл.; Отрешко В. М. Архаические и классические слои на поселении у Записовой балки. — 150 лет ОАМ, с. 129, 130; Отрешко В. М. Позднеархаические поселения Березанского лимана. — ОМАУ, 1976, ч. 1, с. 31—33; Рубан В. В. Исследование античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. — НОСА, ч. 2, с. 87—89; Загинайло А. Г., Черняков И. Т., Субботин Л. В. Исследования древнего Никония. — АО 1972. М., 1973, с. 281; Северская Н. М. Раскопки в юго-западной части Никония. — В кн.: 150 лет ОАМ, 112; Дьяминт Э. И. Раскопки поселений античного времени на побережье Одесского залива V—III вв. до н. э. — 150 лет ОАМ, с. 118—119; Дзис-Райко Г. А., Охотников С. Б. Раскопки городища и поселения на Днестровском лимане. — АО 1973. М., 1974, с. 269; Охотников С. Б. Раскопки античных поселений в Нижнем Поднестровье. — АО 1975. М., 1976, с. 373, 374. 42

Загинайло А. Г. Работы скифо-античной экспедиции. — АО 1974. М., 1975, с. 279.

35 Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии, с. 140.

36 Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, с. 137, 138.

37 Славин Л. М., Бураков А. В.,

Крыжицкий С. Д., Русеева А. С. Отчет о работах Ольвийской экспедиции 1965 г.; Славин Л. М., Крыжицкий С. Д., Лейтунская Н. А., Козуб Ю. И. Отчет о работе Ольвийской экспедиции 1966 г. — НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1965/8, № 4474; 1966/20, № 4627;

В связи с этим следует отметить, что обнаруженные на некоторых поселениях остатки развалов камня или наземных каменных кладок в одних случаях находились в заполнении полуземлянок⁴³, т. е. могли представлять собой остатки наземных частей последних, а в других — датируются временем более поздним, чем полуземлянки⁴⁴.

Все земляночные структуры в типологическом отношении более или менее аналогичны описанным выше. Некоторое исключение в этом отношении может представлять только поселение на Березани, где, по утверждению В. В. Лапина, им раскрыт многокамерный земляночный комплекс⁴⁵. Автор, однако, не представил достаточно убедительной и подробной для столь ответственного вывода документации и аргументации, подтверждающих синхронность всех элементов этой структуры, что лишает необходимой достоверности высказанное утверждение. В связи с этим необходимо отметить, что в Ольвии, где, как и на Березани, полуземлянки во многих случаях размещены вплотную одна возле другой, тщательный анализ стратиграфии и планировки строительных остатков, а также возможной реконструкции перекрытий показывал разновременность отдельных камер — невозможность их сосуществования.

Есть некоторые различия в типах, а также деталях конструкций. Например, на Широкобалковском, Березанском и Бейкушском поселениях преобладали прямоугольные полуземлянки с закругленными углами; в полуземлянках Широкой балки у Ольвии отдельные стены делались каменными; некоторые березанские структуры имели более развитые, чем обычно, входы, апсидальные пристройки и т. п.

Изредка на некоторых поселениях и Березани попадаются и однокамерные сооружения с глино-плетневыми стенами. Известно одно глино-плетневое сооружение IV в. до н. э. также в Ольвии. В целом же широкое раскрытие землянок и полуземлянок в Ольвии и на ее

периферии только начато, поэтому в настоящее время полная классификация их и, в частности, по второстепенным деталям преждевременна. Пока можно констатировать, что это массовая форма наиболее раннего жилища греческих переселенцев, что они были в основном однокамерными круглой (или овальной) и прямоугольной формы в плане, причем какой-либо эволюционной связи между кругом и прямоугольником не прослеживается. Эти структуры являлись как землянками, так и полуземлянками; при строительстве наземных стен использовался в основном сырце, отдельные стены заглубленных частей могли выкладываться в камне или сырце. Столбовые конструкции использовались редко. Внутри — хозяйственные площадки, очаги открытого типа, иногда печи; обычно в полу — хозяйственные ямы для установки амфор, хозяйственные ниши, врезанные в борта. Входы как вынесены за пределы объема, так и расположены внутри. Характерно отсутствие лежанок.

Следующий этап домостроительства Ольвии относится к V — второй трети IV в. до н. э. Уже для его начала характерен повсеместный на территории города переход к наземному сырцово-каменному домостроительству. Наземные жилые дома, в том числе и наиболее ранние, имеют не менее двух-трех помещений, располагающихся не на одной прямой. Последнее имеет большое значение, поскольку дает основание считать, что дома имели внутренние дворы — один из наиболее типичных признаков греческого дома, в некоторых случаях зафиксированы и остатки вымосток таких дворов⁴⁶. В домах появляются и подвалы, в ряде случаев — жилого назначения.

Представляется возможным установить общий характер эволюции подвалов. Наиболее ранние подвалы V в. до н. э. почти во всех случаях имели сырцовые стены на низких, порядка 0,3 м в высоту, каменных цоколях, сложенных по однорядной, часто приближающейся к иррегулярной, посте-

43 Рубан В. В. Исследование античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.— НОСА, 1975, ч. 2, с. 87—89.

44 Отрешко В. М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время.—

НОСА, 1975, ч. 2, с. 93, 94. Мы не касаемся вопроса о так называемых ямах-жилищах, жилое назначение которых, по нашему мнению, достаточно аргументированно отвергнуто сначала В. Д. Блаватским (Блаватский В. Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми

перекрытиями.— СА, 1955, т. 24, с. 30), а затем В. В. Лапиным (Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 156—158). Эти ямы-жилища, скорее всего, действительно использовались в хозяйственных целях, возможно, в некоторых случаях, по мнению В. М. Отрешко, и для копчения рыбы.

45 АДУ, 1972, вып. 4, с. 158.

46 Славин Л. М. Ольвийські квартали центральної частини Верхнього міста, с. 10, 11; Леву Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 217.

листой системе из небольших, почти необработанных, в основном полигональных плит ракушечника. Наличие сырцовых стен на каменных цоколях от уровня полов отличало эти постройки от землянок и полуземлянок предыдущего времени. К сожалению, ни в одном случае установить первоначальную высоту этих помещений не представляется возможным, а это в значительной степени затрудняет определение их функционального назначения, поскольку ни заполнение, ни предметы, найденные *in situ* на полах, за немногими исключениями, прямого ответа на этот вопрос не дают. Здесь в равной степени возможны и жилое, и хозяйственное назначение⁴⁷. Однако в любом случае принцип развития дома по вертикали утверждается в Ольвии не позднее V в. до н. э., а идея устройства подвала в доме, имеющем и наземный этаж, выступает перед нами в конце рассматриваемого этапа уже во вполне сформированном виде*. Последнее находит косвенное подтверждение в массовом строительстве подвалов, в том числе и жилых, с начала эллинистического этапа. К заключительной фазе формирования отдельных подвалов относятся, в частности, подвалы № 1, 2 дома А-10. Эти помещения высотой до 2,4 м, которые появились, скорее всего, в конце IV в. до н. э.⁴⁸, имели каменные стены уже на всю высоту. Кладки двухслойные, однолицевые, однорядные простые орфостатные (частично постелистые), ложковые с плотной притеской по месту. Качество исполнения весьма высокое.

Что касается наземных частей домов, то помимо жилых построек этого времени на участке АГД, от которых сохранилось не более одного — трех помещений, незначительные остатки раскопаны в районе кварталов, расположенных к западу от агоры. К V—IV вв. до н. э. здесь относится подвал № 5 так называемого Западного торгового дома, ранний период «дома с цистернами», два подвала в Северном квартале⁴⁹. Три помещения (одно из них подвальное) открыты также в западной

части центрального квартала (в данном случае имеются в виду только те строительные остатки которые можно достаточно надежно отнести к, жилому строительству, в связи с чем мы здесь не рассматриваем остатки в районе гимнасия и здания суда)⁵⁰.

Особенностью размещения перечисленных остатков является то, что они находятся в планировочной сетке параллельной, а возможно, и полностью совмещенной (о чем можно будет судить только после раскрытия достаточно больших площадей) с сеткой эллинистического времени. Есть основания предполагать, что уже в самом начале этапа происходит окончательное формирование четких кварталов, образуемых блокирующимися домами, однако размеры кварталов этого времени пока не установлены.

Сложнее дело обстоит с выяснением планировочных схем домов. Прямые археологические данные позволяют утверждать, что дома этого времени были наземными, многокамерными с дворами, с центрической группировкой помещений. Это свидетельствует о развитии принципа равнозначно-

характерно для последующего — эллинистического этапа.

48 Датировка подвалов № 1, 2 началом V — серединой IV в. до н. э., сделанная, по-видимому, на основании того, что в заполнении подвалов преобладали материалы V в. до н. э. (Славин Л. М. Ольвийский кварталы центральной части Верхнего міста, с. 15), не убедительна. Датировка по заполнению таких объектов, находившихся в центральной части города, где не было пустырей, может опираться только на наиболее поздние материалы, в данном случае — терракоты и монеты IV в. до н. э., найденные в нижних слоях заполнения (Нозуб Ю. И. Дневник раскопок 1954 г. Отчет о раскопках Ольвии за 1954 г. — НА ИА АН УССР, Ф-Э, 1954/9, с. 19, 20, 27 и сл.). Помимо этого, датировка сооружений более надежна на основании данных вертикальной планировки. Верхние части восточных стен подвалов и синхронный им уровень дневной поверхности превышают более чем на 1 м уровень V в. до н. э., который здесь твердо фиксируется полигональной кладкой под южной стеной дома А-3, и соответствуют

эллинистическому горизонту. Таким образом, если и можно отнести появление этих подвалов к IV в. до н. э., то лишь к его концу.

49 Славин Л. М. Західна сторона Ольвійської агори. — Археологія, 1963, ст. 15, с. 75—90, рис. 1, 8; Славин Л. М. Раскопки западной части ольвийской агоры (1956—1960 гг.). — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. — М. — Л., 1964, с. 192, 193, 196, 203—206, 213—215. рис. 12.

50 От этого времени в районе здания суда и гимнасия сохранилось два помещения — полуподвальное и подвальное, причем стены подвала были из сырца на низких каменных цоколях (Карсеев А. Н., Левы Е. И. Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг. — КСИА АН СССР, 1963, вып. 103, с. 85, 86). Аналогичный подвал, но жилого назначения, открыт в 1972 г. в Центральном квартале — к западу от агоры. (Лейтунская Н. А. Отчет о раскопках на участке «Агора, Юго-Запад». Отчет Ольвийской экспедиции за 1972 г. — НА ИА АН УССР, Ф/Э, 1972/26, № 6395).

47

Только один из таких подвалов в Северном квартале, в районе агоры, судя по находкам там амфор и обломков пифосов (Славин Л. М. Раскопки западной части ольвийской агоры. 1956—1960 гг., с. 214), можно атрибутировать по назначению как кладовку, что,

однако, не является достаточным доказательством того, что подвал мог относиться к торговому зданию (Славин Л. М., Указ. соч.).

* Здесь необходимо подчеркнуть, что имеются в виду отдельные помещения, а не целые подвальные этажи, что

параллельной планировки. Разбивка помещений была достаточно четкой, в основном прямоугольной, т. е. налицо качественный переход от примитивных однокамерных, в основном земляночных структур к домостроительству, типичному для Греции. В данном случае происходит смена однокамерного дома колониста обычными наземными домами. Именно такой скачок, а не плавный эволюционный путь развития наземных домов от землянок подтверждает сосуществование с наземными многокамерными домами на территории города земляночных жилищ в ольвийском предместье.

Из остатков домов V—IV вв. до н. э. в Ольвии представляет интерес «дом с цистерной» (рис. 4, б). Дом не поддается полной объемно-планировочной реконструкции, поскольку точное местоположение двора (а, судя по наличию водостока, он был) и наружные границы, за исключением северной и западной, неизвестны⁵¹. Не аргументирована, в частности, и схематическая реконструкция плана, предложенная Л. М. Славиним⁵². Однако все же можно сделать выводы: наличие водостока и двухлицевой характер всех кладок, которые относятся к уровню рассматриваемого дома, свидетельствуют, что дом был наземным. Особенности взаимного расположения и связи между собой каменных кладок говорят о наличии как минимум четырех помещений в первом строительном периоде и не менее пяти во втором периоде при минимальной площади соответственно 40 и 70 м². Характер расположения водостока первого строительного периода дает основание предполагать наличие в составе дома внутреннего двора в районе помещения III, поскольку в других помещениях — II и IV — обнаружены остатки глинобитных полов. Взаимное расположение помещений и отсутствие в сохранившихся фрагментах стен дверных проемов исключают последовательно-иерархический принцип планировки. В целом это упорядоченная многокамерная структура с прямоугольной разбивкой помещений,

скорее всего, небольшого безордерного дома типичной схемы малой площади⁵³.

Подобные дома хорошо известны в эллинистическое время, причем не только в Ольвии, но и в Херсонесе. По своему планировочному типу они восходят к греческой схеме безордерного жилого дома. Выработка этой схемы в метрополии относится ко времени не позднее VI в. до н. э. Типичны для V—IV вв. до н. э. и приемы кладок стен. В первом строительном периоде это трехслойные двухлицевые однорядные постелистые ложковые системы с неплотной притеской из прямоугольных и полигональных плит ракушечника с неважной выкадровкой фасадов длиной до 0,25—0,3 м. Фундамент несколько выступает от фасадов кладок. Во втором периоде использована тоже трехслойная двухлицевая, но орфостатная полигональная, возможно, двухрядная система с неплотной притеской камней.

Кроме упоминавшегося сооружения, раскопанного к западу от дикастерия, к раннему времени в Ольвии относится также здание Б, расположенное возле юго-восточного угла теменоса.

Это здание, судя по опубликованным материалам, представляло собой в первом строительном периоде (конец V в. до н. э.) трехкамерную (рис. 4, 2), а во втором (начало IV в. до н. э.) — четырехкамерную (полуподвальную в западной части) постройку мегаронного типа⁵⁴. Хотя нет полной уверенности в правильности предложенной реконструкции планировки, в частности в определении местоположения дверных проемов (по прямым археологическим данным здесь твердо фиксируется только один дверной проем — между помещениями II и III⁵⁵), тем не менее вывод автора об общественном назначении здания Б⁵⁶ представляется достаточно убедительным. Учитывая то, что южная стена здания во многих местах разрушена, не исключена возможность устройства входов в помещения с юга, тем более что никаких данных, которые бы противо-

51
Корректировка и обоснование этой, а также последующих реконструкций даны исходя из методических положений, изложенных в статье Крижицкий С. Д. Деяно питания методики реконструкции жилищных будинків Північного Причорномор'я елліністичної

эпохи.— Археология, 1971, № 1, с. 64 та ін.

52
Славин Л. М. Раскопки западной части ольвийской агоры (1956—1960 гг.), с. 203 и сл., рис. 12.

53
Классификация дана по: Крижицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э. К., 1971, с. 103 и сл.

54
Левин Е. И. Ольвийская агора.— МИА, 1956, № 50, с. 87 и сл., рис. 57, 61

55
Там же, с. 88.

речили возможности расположения с этой стороны двора или других помещений, принадлежавших этому же зданию, нет. Подобные, чаще всего трехкамерные, структуры в архаическое время обычно встречаются в сочетании с внутренним двором, расположенным в большинстве к югу от них, и рассматриваются исследователями в качестве пританейонов, домов симпосий и др., т. е. не исключено, что здание Б могло иметь аналогичные планировку и назначение. При этом этому ни в коей мере не противоречит расположение на территории такого здания и специального водоема, который здесь был построен практически одновременно со зданием Б.

Как видно из сказанного, здание Б, если и могло иметь последовательно-иерархическую планировку, то во всяком случае являлось нежилым. Разумеется, если бы в жилом строительстве Ольвии раннего времени широко использовался последовательно-иерархический принцип, это безусловно нашло бы отражение в эллинистических домах, как это имело место в Ионии. В эллинистической же Ольвии ни один жилой дом простадного (последовательно-иерархический принцип) типа пока не обнаружен.

Таким образом, хотя раскрыть эволюцию типов домов на протяжении второго этапа в Ольвии нет возможности, тем не менее есть основания утверждать, что уже в это время распространяются многокамерные безордерные дома равнозначно-параллельного принципа планировки, очевидно, типичной схемы, с четкой прямоугольной разбивкой плана. В начале этапа, судя по величине отдельных помещений и низкому качеству кладок, они имели небольшие размеры. В конце этапа размеры домов увеличиваются, не исключено использование аттического ордера.

Как уже говорилось, в рассматриваемое время за пределами городской территории существовало предместье, сплошь застроенное полуземлянками и землянками. Эти структуры в целом аналогичны

описанным землянкам города и отличаются главным образом более тщательным выполнением строительных работ. Все сказанное выше, а также прекращение существования предместья не позднее первой половины IV в. до н. э.⁵⁷, означавшее полное исчезновение из практики ольвийского домостроительства полуземлянок, подтверждают, что земляночные жилища являлись промежуточной, временной формой жилого дома.

Наиболее полно на протяжении второго этапа в Ольвии прослеживается эволюция кладок. Все они выкладывались на глине, имели ширину 0,4—0,5 м, чаще всего — около 0,45 м. Подошвы цоколей (или их фундаментов, в тех случаях, когда они выделялись) наземных стен почти не заглублялись, укладывая их непосредственно на полевку или глиняную подсыпку. В случае наличия фундаментного постелистого ряда плит заглубление делалось примерно на половину высоты ряда, т. е. на 0,05—0,10 м. Наиболее ранние кладки (очевидно, каменных цоколей) выкладывались по постелистой однорядной, приближающейся к иррегулярной двухслойной двухлицевой системе из бута и небольших полигональных, часто рваных по слою плит ракушечника (длина порядка 0,1—0,3 м) (рис. 5, 1). Иногда в такую кладку добавлялись окатанные голыши длиной около 0,2—0,3 м (привозные породы) (рис. 5, 2). Притеска по месту и подборка материала по форме отсутствовали, толщина швов достигала нескольких сантиметров, фундаментная часть не выделялась. Перевязка между рядами и слоями соблюдалась недостаточно строго. Цоколи были невысокими и состояли из одного-двух рядов кладки. В дальнейшем использование голышей прекращается.

К следующей стадии развития кладок относятся кладки цоколей, выложенные по двухрядным полигональным лесбийским орфостатным или простым полигональным системам с неплотной грубой притеской по месту и тщательной подборкой и укладкой полигональных плит со следами грубой отески (рис. 5, 3; 6). Выкадровка фасадов камней улучшается по сравнению с описанным выше типом. Нижний ряд полигональный, верхний — постелистый выравнивающий. Толщина швов достигает 1—2 см. Щели в местах стыков углов могут заполняться мелкими камнями. Характерно отсутствие выделенного фундамента. Размеры плит

⁵⁶
Левин Е. И. Ольвийская
агора, с. 90.

⁵⁷
Козуб Ю. И. Предместье Ольвии,
с. 196.

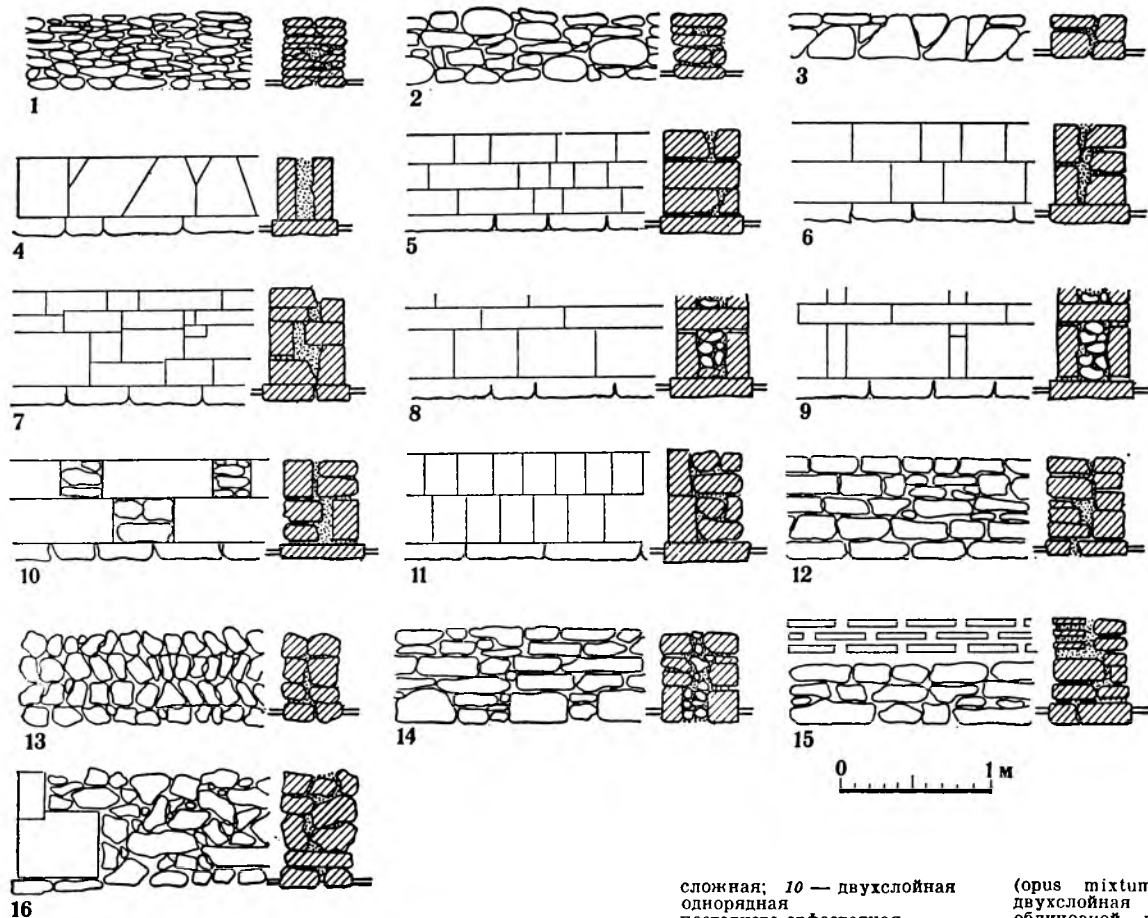

Рис. 5.
Основные типы каменных
кладок (фасад,
поперечный разрез;
системы кладок даны
только для фасадов,
показанных в таблице):

1 — однослойная постелистая
иррегулярная; 2 — однослойная
постелистая иррегулярная с
использованием окатанных

камней; 3 — простая
полигональная однорядная;
4 — трехслойная двухрядная
орфостатная полигональная;
5 — однослойная однорядная
постелистая ложково-тычковая;
6 — трехслойная однорядная
орфостатная простая; 7 —
двухслойная однорядная
постелисто-орфостатная
(мозаичная); 8 — трехслойная
двухрядная орфостатная
простая; 9 — трехслойная
двухрядная орфостатная

сложная; 10 — двухслойная
однорядная
постелисто-орфостатная
(шахматная); 11 — двухслойная
однорядная орфостатная простая
с установкой орфостатов на
тычки; 12 — двухслойная
однорядная постелистая
ложковая; 13 — двухслойная
«в елку» (рыбья кость, opus
spicatum); 14 — трехслойная
однорядная постелистая с
нижним рядом, выложенным по
«шахматной» системе; 15 —
двухслойная смешанная
однорядная постелистая
ложковая кирпично-каменная

(opus mixtum); 16 —
двухслойная иррегулярная с
облицовкой проемов тесаным
камнем (приближается по идее
к opus incertum). Кладки 1—3
характерны для VI — первой
половины V вв. до н. э.; 4 —
второй половины V — первой
половины IV вв. до н. э.; 5 — от
V в. до н. э.; 6, 8, 9 — от IV в.
до н. э.;
7 — IV в. до н. э.; 10, 11 —
конец IV—II вв. до н. э.;
12 — от конца IV в. до н. э.;
13 — III—II вв. до н. э.; 14,
15, 16 — первые века нашей
эры.

несколько крупнее, чем в предыдущем случае. Наиболее ярким примером здесь является упоминавшаяся кладка, открытая Б. В. Фармаковским в районе Зевсова кургана.

Для цоколей третьей стадии характерно выделение фундаментной части, состоящей из посте-

листого ряда плит. Кладки обычно двухслойные и реже трехслойные; выложены в целом аналогично цоколям второй стадии, нередко с введением элементов шахматной системы.

Параллельно с описанными типами второй и третьей стадий продолжается развитие кладок, вы-

ложенных по однорядной постелистой ложковой системе. Общее направление эволюции аналогично полигональным системам.

Для четвертой стадии развития стеновых конструкций типично чрезвычайно высокое качество исполнения (главным образом наружных фасадов),

н. э. — максимальное развитие получают в IV в. до н. э. По-видимому, полигональная орфостатная система в своем классическом виде исчезает еще в V в. до н. э., хотя ее рецидивы, причем в небрежном исполнении, встречаются и в IV в. до н. э. Естественно, при этом необходимо учитывать, что

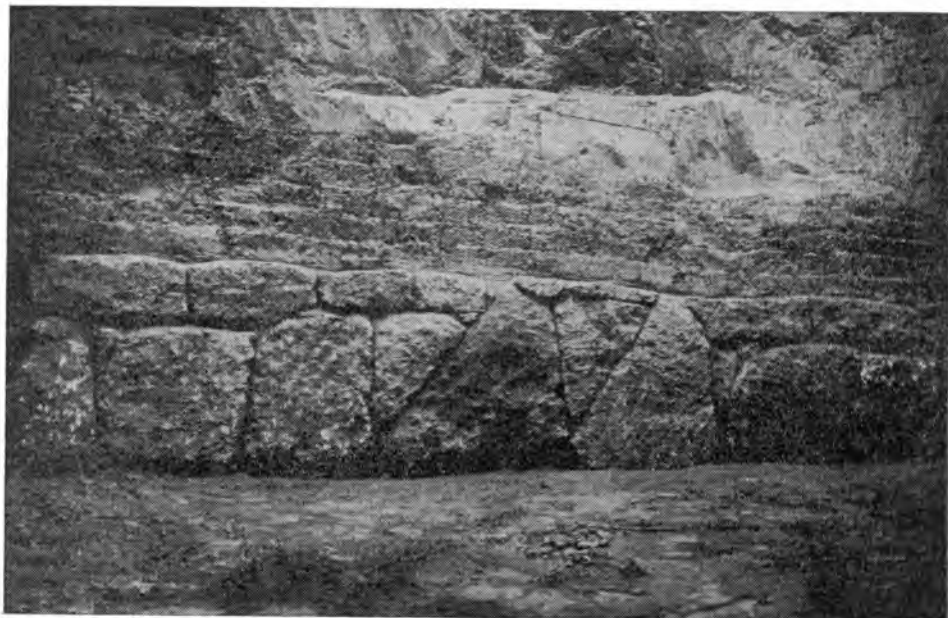

Рис. 6.
Полигональная кладка,
открытая Б. В.
Фармаковским у Зевсова
кургана в Ольвии.

что проявляется в тщательной выкадровке и отеске фасадов камней, плотной притеске камней по месту, тщательной подборке материала по форме. В это же время характерно появление слабой рустовки и анафиروزиса. Полигональные системы, хотя и встречаются (рис. 5, 4), но в целом уступают место в основном однорядным постелистым, частично орфостатным и постелисто-орфостатным (мозаичным) (рис. 5, 5, 6, 7). Двухрядные простые и сложные орфостатные системы применяются ограниченно. Для каждой отдельной стены характерна последовательность в использовании принятой системы. Внутренние фасады начинают покрываться известковой штукатуркой, в большинстве случаев, очевидно, по глиняной обмазке.

Кладки первых трех стадий в Ольвии характерны для первой половины — середины V в. до н. э. Кладки четвертой стадии — примерно от второй половины V, возможно, начала IV в. до

речь идет о ведущей тенденции, поскольку наряду с описанными системами и их хронологическими особенностями существовали, разумеется, и отклонения.

На рассматриваемом этапе наземные стены домов, очевидно, в подавляющем большинстве состояли из сырцовых кладок на каменных цоколях. Сырец выкладывался по однорядной однослойной постелистой ложковой системе на глиняном растворе. Его размеры по фасаду составляли чаще всего $30-46 \times 7-8$ см; ширина зависела от толщины каменного цоколя и обычно колебалась от 35 до 45 см. Ряды по вертикали имели хорошую перевязку. Характерной особенностью является значительная толщина некоторых вертикальных швов, достигающая иногда до 6—10 см. Какой-либо закономерности, однако, в чередовании таких швов с вертикальными швами обычной толщины пока не выявлено.

Как уже говорилось, появление подвалов относится еще к V в. до н. э., однако широкое распространение они получили, по-видимому, в основном в IV в. до н. э. В V в. до н. э. характерной особенностью являлось использование наряду с каменными также сырцовых кладок, в ряде случаев располагавшихся на каменных цоколях. Окончательный переход исключительно к каменным высококачественным кладкам стен, увеличение размеров подвалов относится к началу IV — второй половине IV в. до н. э.

В V—IV вв. до н. э. в жилых домах Ольвии появляется и внутреннее благоустройство — колодцы, накопительные резервуары, водостоки. Возможно, еще от второй половины — конца V в. до н. э. постепенно началось использование черепицы преимущественно коринфского типа.

Все это свидетельствует о распространении в Ольвии в это время в целом типичных для Греции приемов в области как планировки домов, так и строительной техники.

Вместе с тем необходимо отметить и некоторые особенности. Это прежде всего отличия в объемных решениях — распространение в Ольвии с V в. до н. э. подвалов в домах, а также отличия в технике кладок, заключающиеся в применении (часто в обычных жилых домах) таких сложных систем, как полигональная орфостатная, в использовании притески по месту, что в массовом жилом строительстве метрополии в период классики уже почти не встречается.

Таков в целом характер ольвийского домостроительства V — второй трети IV в. до н. э. Хотя ни один жилой дом в Ольвии того времени полностью или в поддающемся полной реконструкции виде не сохранился, тем не менее характер отдельных планировочных узлов жилищ с учетом особенностей планировки домов последующего (эллинистического) времени позволяет видеть между теми и другими прямую эволюционную связь. Это в свою очередь дает основания предполагать

в Ольвии с самого начала преимущественное развитие параллельно-равнозначного принципа планировки, нашедшего яркое развитие в домах Ольвии эллинистического времени и типичного в большей степени для материковой Греции, чем для Малоазийского побережья.

Из других центров, где велось домостроительство городского типа в VI—IV вв. до н. э., следует упомянуть Никоний и поселение на о-ве Березань. О Никонии в отношении домостроительства имеются только самые общие сведения. Установлено, что там, как и в Ольвии, первоначальная жилая застройка была земляночной. Позднее землянки сменились наземными сырцово-каменными домами, имевшими в своем составе и жилые подвалы. Отличие от Ольвии заключается главным образом в том, что в Поднестровье возникновение античных центров и переход к наземному домостроительству произошли несколько позднее. Кроме того, в Никонии также обнаружено несколько двухкамерных полуземлянок. Наиболее ранние полуземлянки и землянки Никонии датируются концом VI — началом V в. до н. э., переход к наземному строительству происходит на протяжении V и частично IV в. до н. э.⁵⁸

Наземные дома Никонии имели достаточно четкую прямоугольную разбивку на местности. Площадь одного из них, раскрытого к настоящему времени наиболее полно, составляла свыше 200 м², причем стены этого дома IV в. до н. э. стоят на слоевых основаниях, аналогичных ольвийским⁵⁹.

На Березанском поселении переход от полуземлянок к наземному домостроительству происходит в более раннее время. Так, на одном из участков появление и существование полуземлянок относится к концу VII — первой половине VI в. до н. э.; жизнь на этом участке прекратилась на рубеже VI—V вв. до н. э.⁶⁰ Аналогичный процесс, но несколько позже, имел место на другом участке поселения. Здесь, датируя появление полуземлянок

58 Сечерская Н. М. Архаическая керамика из Никонии. — МАСП, 1976, вып. 8, с. 84—95; По мнению Н. М. Сечерской, основание Никонии можно отнести к середине VI в. до н. э. Однако поскольку массовый материал относится ко второй половине VI в. до

н. э., как отмечает и сам автор, либо даже к концу VI — началу V в. до н. э. (этим временем датируются наиболее ранние комплексы), основание Никонии возможно, скорее всего, во второй половине или в конце VI в. до н. э. По-видимому, этой же точки зрения придерживается и

А. Г. Загинало (Загинало А. Г. Никоний и проблемы греческой колонизации Нижнего Поднестровья. — В кн.: Тез. докл. и сообщ. Цхалтубо, 1977, с. 20, 21). К концу VI в. до н. э. относит начало греческой колонизации Нижнего Поднестровья С. Б. Охотников (Охотников С. Б. Греческая

колонизация Нижнего Поднестровья. — В кн.: Тез. докл. и сообщ., с. 55, 56). Появление подвалов в Никонии и наземного строительства относится к V в. до н. э. (Сечерская Н. М. Раскопки в юго-западной части Никонии. — В кн.: 150 лет ОАМ, с. 112, 113), очевидно, судя по

VI в. до н. э., автор раскопок относит существование их к первой половине V в. до н. э. — параллельно с появлением наземного сырцово-каменного домостроительства⁶¹. Зафиксирован неоднократно на Березани и факт строительства подвалов.

По В. В. Лапину на поселении существовали не только однокамерные — круглые и прямоугольные в плане землянки и полуземлянки, но и многокамерные. Однокамерные структуры, за исключением более частого, чем в Ольвии, устройства врезанных входов и наличия апсидальных вариантов, не имели особых отличий от ольвийских. Относительно недоказанности существования в V в. до н. э. на Березани многокамерных земляночных жилищ говорилось выше. Добавим только, что подобные комплексы неизвестны не только в Ольвии, но и во всем греческом мире, в том числе и в Северном Причерноморье, а также в раскопках других исследователей на самой Березани.

Тем не менее, полностью игнорируя шаткость своего предположения о существовании на Березани многокамерных землянок, В. В. Лапин строит на этом свою концепцию самостоятельного формирования античного северопричерноморского дома, «вырастающего» из земли в результате сложения типичных греческих планировочных схем в земляночном строительстве⁶². При этом В. В. Лапин забывает, что предполагаемый им процесс он относит к тому времени, когда в Северном Причерноморье, и в частности, в Ольвии уже существует развитое обычное наземное домостроительство, и на полвека позднее появления такого же домостроительства на Березани.

Одним из наиболее типичных примеров объединения античной и варварской традиций является дом второй половины V в. до н. э., часть помещений которого полуподвальные⁶³. Тип дома П-образный, дом безордерный, типичной схемы, малой площади с небольшим внутренним двором (рис. 4, 1, 4). Стены сырцовые, на каменных цоколях.

периодизации автора, ко второй половине. О существовании землянок в Никонии еще в V — начале IV в. до н. э. сообщает А. Г. Загинайло (Загинайло А. Г. Работы скифо-античной экспедиции. — АО 1975. М., 1976, с. 323, 324).

59
Северская Н. М. Раскопки Никония. — АО 1976. М., 1977, с. 372.

60
Копейкина Л. В. Северо-западный участок Березанского поселения (результаты работ 1970—1974 гг.). — НОСА. К., 1975, с. 95, 96.

В типе дома отразился один из этапов ассимиляции античной традицией принципа заглубленности — превращения полуземлянки в полуподвал с введением его в типично греческий планировочный прием. Появление на ранних этапах существования наземных домов в одном и том же доме только отдельных подвалов или полуподвалов, не связанных между собой непосредственно в уровне их полов, говорит о том, что античный жилой дом в условиях Северного Причерноморья в объемном отношении развивался не «вверх» (по В. В. Лапину), а вниз. Приемы планировки подвальных помещений сформировались только после закрепления в Северном Причерноморье приемов планировки обычного наземного античного жилого дома, а не наоборот.

Схема эволюции подвалов представляется в следующем виде: сначала использование приема заглубления отдельных помещений, появление полуподвалов, затем разделение по вертикали на наземные и подвальные помещения и, наконец, объединение отдельных подвальных помещений в комплексы. При этом, разумеется, имеются в виду подвалы в основном жилого или хозяйственного, но не сугубо складского назначения, хотя последние также имели довольно широкое пространство.

В связи с этим следует сказать, что в отношении подвалов определение их функций при отсутствии достаточно выразительного сопровождающего материала возможно только в двух основных направлениях: складское назначение, без длительного пребывания человека в подвале (исключение могут представлять только подвалы лавок) и жилое или хозяйственное, т. е. связанное с систематическим пребыванием людей. Следуя этому, критерием для принципиального различия таких подвалов является высота человеческого роста. Т. е. важнейшим требованием, которому должны отвечать жилые или хозяйственные подвалы, является обеспечение высоты, достаточной для нормального передвиже-

61
Лапин В. В. Раскопки древнегреческого поселения на о-ве Березань в 1966 г. — АИУ 1967, вып. 1, с. 145—149; Лапин В. В. Исследование древнегреческого поселения на о-ве Березань. — АИУ 1968, вып. 2, с. 150—155; Лапин В. В. Дослідження на о-ві Березань

1969 р. — АДУ, 1972, вип. 1, с. 157—160.

62
Лапин В. В. Проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации. с. 100—101.

63
Дом реконструирован нами совместно с В. В. Лапиным.

ния человека во весь рост (не менее 1,7—1,8 м в чистоте). Подвалы, не имеющие достаточно выразительного сопровождающего материала, найденного *in situ*, не отвечающие указанному требованию, следует в основном относить к помещениям складского назначения (дом И-1⁶⁴, рис. 7, 5). Что же касается подвалов, отвечающих критерию человеческого роста, то для любого из них нельзя исключать жилого или хозяйственного назначения. Дополнительными признаками в пользу жилого или хозяйственного назначения подвалов являются устройство входа в подвал не через люк, а по внешней лестнице (обеспечение удобства функциональной связи), применение декора и особенно устройство целых подвальных комплексов и подвальных пастад (ольвийские дома А-2, Е-1, НГФ-1)⁶⁵. При этом отсутствие в некоторых случаях в подвалах остатков очагов или печей в условиях Ольвии не является решающим, поскольку даже в подавляющем большинстве наземных помещений ольвийских домов хорошей сохранности, где жилое назначение не вызывает сомнений, остатки очагов или печей встречаются далеко не всегда. Последнее позволяет предположить, что отопление преимущественно здесь осуществлялось с помощью жаровен, куски которых часто попадают в засыпи помещений и подвалов.

Сравнение домостроительства позднеархаического и классического этапов показывает качественный переход от примитивных однокамерных (изредка двухкамерных) земляночных структур к наземным многокамерным домам с подвалами и внутренними дворами, с широкоим использованием камня. Подобное явление объяснить внутренней эволюцией, разумеется, трудно — здесь налицо широкое заимствование приемов Греции. Этап классики — время проникновения в Северное Причерноморье уже не типа дома колониста, а обычных греческих планировочных схем. И именно в это время происходит освоение и переработка важней-

шей традиции поздней архаики — принципа заглубленности в землю.

Следует отметить, что землянки были основным видом строительства и на сельских поселениях района Ольвии — Тиры, существовавших в основном во второй половине VI в. до н. э.⁶⁶ Полуземлянки здесь отличаются от городских главным образом меньшей четкостью обводки. В отдельных случаях прослеживается переход к наземному строительству либо синхронно с землянками, существование единичных наземных построек, планировка и назначение которых не установлены. Судя по незначительности этих остатков, они могли представлять собой, скорее всего, примитивные однокамерные жилища типа дома колониста.

В связи со сказанным возникает вопрос о том, чем обусловлено появление земляночных жилищ в античных городах и поселениях Северо-Западного Причерноморья и об истоках этой традиции.

Земляночное строительство является типичным для района Юго-Восточной Европы. На протяжении тысячелетий оно являлось здесь одним из традиционных видов строительства, совершенно не типичного для материковой Греции и Малой Азии, где известны только отдельные примеры устройства заглубленных сооружений. Например, слегка заглубленные, на 0,2—0,3 м, жилища, которые в связи с заглублением стен рассматривать в качестве полуземлянок, разумеется, нельзя, а также хозяйственные круглые в плане постройки в Байракли. Последние открыты на территории участков с жилыми наземными прямоугольными домами и интерпретируются исследователями как кладовки. В целом же традиция земляночного строительства не характерна для Средиземноморья не только в период архаики или классики, но и в предыдущие времена. Вместе с тем, переселившись в Северное Причерноморье, именно греческие поселенцы, судя в первую очередь по городским слоям Ольвии, на первом этапе своего существо-

64 Крыжичкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. с. 13.
65 Там же, с. 46, 62. 77 и сл.

66 Штительман Ф. М. Поселения античного периода на Побережье Бугского лимана. — МИА, 1956, № 50, с. 258 и сл.; Лалин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья, с. 153 и сл.; Славин Л. М. Некоторые итоги изучения ольвийской

хоры, с. 181. Русьява Г. С. Розкопки Бейкушзкого поселения. — АДУ, 1969, вып. 4, с. 174 и сл.; Рубан В. В. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. — НОСА, 1975, ч. 2, с. 88, 89. Отрешко В. М. Западный район ольвийской

периферии в позднеархаическое время. — НОСА, 1975, ч. 2, с. 94. Охотников С. Б. Новый памятник эпохи греческой колонизации в Нижнем Поднепровье. — МАСП, 1976, вып. 8, с. 201—204.

вания, несмотря на то что им уже хорошо были известны и привычны обычные наземные жилые дома, обращаются к земляночному строительству. Аналогичная ситуация наблюдается в Восточной Европе и в раннетрипольское время с приходом сюда трипольских племен⁶⁷. Все это позволяет усматривать в использовании переселенцами на начальных этапах освоения новых территорий традиций земляночного домостроительства проявление определенной исторической закономерности. Особенности новой для греческих колонистов географической среды, невысокий уровень развития их производственных, технических и экономических возможностей на начальной стадии заселения региона обусловили использование местной земляночной домостроительной традиции. Таким образом, сам по себе факт наличия на тех или иных поселениях Юго-Восточной Европы земляночного строительства не может рассматриваться в качестве этнопризнака. Таковыми могут являться только особенности конструкций или технического исполнения.

По-видимому, греческим переселенцам принадлежали в большинстве и полуземлянки на поселениях Ольвийской периферии. Подтверждает это отсутствие здесь в период колонизации местного оседлого населения⁶⁸, аналогичный в целом жителям Ольвии характер комплекса материальной и духовной культуры⁶⁹, а также синхронность существования большинства сельских поселений с этапом земляночной застройки города и последующим втягиванием их населения в первой половине V в. до н. э. в Ольвию* с переходом здесь к обычному наземному домостроительству. Последнее в случае негреческого этноса населения сельских поселений второй половины VI в. до н. э. при весьма значительном его количестве (сейчас известно более 70 архаических поселений) неизбежно и резко сказалось бы на облике культуры жителей города уже в V в. до н. э. Однако, как известно, Ольвия этого времени представляла со-

бой достаточно типичный греческий город, среди населения которого если и могли быть выходцы из местных племен, то, во всяком случае, в незначительном количестве⁷⁰.

Полуземлянки окружающих Ольвию поселений, как правило, имели в основном относительно четкую прямоугольную или круглую в плане форму (есть и приближающиеся к овалу), что свидетельствует о довольно высокой культуре выполнения наземных частей этих жилищ. Наряду с землянками характерно широкое распространение полуземлянок. В тех случаях, когда при строительстве полуземлянок использовался камень, кладки выполнялись в основном по регулярным (однорядным постелистым, иногда орфостатным) системам с более или менее тщательной подборкой и укладкой камня.

Жилища синхронных скифских городищ, в отличие от античных, наряду с наземными деревянными или глиноплетневыми домами широко представлены землянками, т. е. не имели развитых наземных частей. Форма их плана обычно нечеткая, чаще всего приближалась к овалу или кругу. Таковы, например, землянки Немировского, Трахтемировского, Севериновского, Пастерского и других городищ⁷¹. Ни каменное, ни сырцовое домостроительство в период колонизации Северного Причерноморья не входило в арсенал традицион-

67 Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевцевая.— МИА, 1953, № 38, с. 73 и сл.

68 Латин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья, с. 52 и сл.

69 Губан В. В. Исследования

античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг., с. 88, 89; Отрешко В. М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время, с. 94.

* В настоящее время установлен факт прекращения жизни на

большинстве архаических сельских поселений вокруг Ольвии в V в. до н. э. Отсутствие каких-либо данных о передвижении здесь в это время значительного количества оседлого населения в сочетании с синхронными сдвигами в качественном и количественном развитии города делает единственно реальным предположение о втягивании этого населения именно в Ольвию.

70 По данным К. К. Марченко, начало заметного увеличения процента лепной керамики, связываемой им с наличием негреческого населения, в культурных слоях города относится только ко второй половине или даже к концу III в. до н. э. (Марченко К. К. Варвары в составе населения Березаны и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. По материалам лепной керамики). Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1974, с. 9.

71 Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкая область) в 1948 г.— Вестник ЛГУ, 1948, № 11, с. 177—181; Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии.— КСИИМК, 1955, вып. 59, с. 100—117; Ковтаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища.— АИУ в 1965—1966 гг. 1967, вып. 1, с. 103—106; Ковтаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища.— АИУ в 1967 г., 1968, вып. 2, с. 108—111; Титенко Г. Т. Розкопки пам'яток скифського часу на Пастирському городищі.— АП УРСР, 1956, т. 6, с. 52—55; Яковенко С. В. Пастирське городище скифського часу (За матеріалами розкопок 1955р.).— Археол., 1967, т. 21, с. 175—186; Моруженко А. А. Жилища лесостепной скифии VII—III вв. до н. э.— В кн.: Материалы науч. конф. кафедр ист. наук. Харьков — Днепроп., 1968, с. 232—241.

ных приемов скифских племен. Приемы земляного, деревянного или глиноплетневого строительства допускали значительно большую свободу в разбивке плана, его конфигурации, в тщательности выполнения конструкций, чем приемы сырцово-каменного строительства.

Таким образом, архаический этап (VI в. до н. э.) является временем предистории античного жилого дома Северного Причерноморья, это этап ассимиляции «домом колониста» принципа заглубленности.

Собственно история античного жилого дома Северного Причерноморья начинается только в V в. до н. э. с переносом сюда планировочных схем греческих наземных жилых домов. Это время появления подвалов, приспособления античных схем к местным условиям и позднее — максимального уровня развития приемов строительной техники и высочайшего качества конструкций. Именно от этого времени началось самостоятельное развитие местного античного направления. Время становления основных типов домов этого района Северного Причерноморья (V—IV в. до н. э.) по сути соответствовало периоду архаики в метрополии.

В связи с этим вызывает сомнение характеристика раннего домостроительства Ольвии и Березани, намеченная недавно Л. В. Копейкиной. Первые наземные сырцово-каменные постройки в Ольвии и на Березани (по Л. В. Копейкиной) относятся к середине VI в. до н. э. и по своему типу аналогичны восточно-ионийским. Преемственность ионийских традиций прослеживается ею также в использовании полигональных кладок, в регулярности планировки Березани, и делает вывод о преобладании в архаической Ольвии и Березани ионийской строительной традиции ⁷².

Следует, однако, отметить, что автор, говоря о типах сооружений, не делает четкого различия между такими специфичными их категориями, как жилые дома и здания культового или иного общественного назначения. Это в методическом отношении неверно, поскольку типологическая, исхо-

дящая из характера функций, а не формы, классификация сооружений возможна только внутри каждой из категорий. Так, например, как было сказано выше, жилое назначение ольвийского здания, открытого Л. В. Копейкиной, отнюдь не доказано. Более того, приведенные автором данные как раз свидетельствуют против этого. А в последнем случае, если принять не имеющую обоснования схематическую реконструкцию плана (рис. 4, 3), наличие планировки мегаронного типа, т. е. последовательно-иерархической, типично для культовых построек чрезвычайно широкого региона, а не только восточно-ионийского *.

Строительство в Ольвии сырцово-каменного наземного здания, как уже отмечалось, относится ко времени не ранее начала V в. до н. э. Что касается Березани, то, по-видимому, и здесь Л. В. Копейкина удреверяет время появления наземных построек, поскольку предшествующую им засыпь относит к середине — третьей четверти VI в. до н. э. ⁷³

Без каких-либо оснований относит исследователь к мегаронной схеме и дома Березани. Судя по опубликованному плану (рис. 4, 5), данных для надежного вывода по западному комплексу недостаточно. Что же касается восточного дома, то здесь, исходя из схемы и описания автора ⁷⁴, можно предполагать наоборот — равнозначно-параллельный принцип. В целом же отсутствие обоснования реконструкции планировки этих домов делает данный источник весьма ненадежным.

Не прослеживаются элементы последовательно-иерархической системы планировки в ранних наземных жилых домах и на участке В. В. Лапина. Единственная открытая здесь апсидальная структура мегаронного типа с достаточным основанием рассматривается им в качестве культового сооружения ⁷⁵.

Вряд ли также в качестве ионийских традиций можно рассматривать полигональную систему кладки, поскольку в раннее время она весьма ши-

⁷² Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период, с. 195 и сл.

* Как известно, мегаронный принцип лег в основу планировки всех (за исключением круглых) греческих храмов.

⁷³ Копейкина Л. В. Новые данные..., с. 188. В связи с этим следует сказать, что здесь мы подвергаем сомнению отнюдь не датировку сопровождающей керамики, признанным знатоком которой является Л. В. Копейкина. Речь идет в данном случае о методических

установках датировки строительных остатков, о необходимости тщательного выделения наиболее поздних материалов и твердой датировке с учетом именно их, а не преобладающей массы.

⁷⁴ Копейкина Л. В. Новые данные..., с. 189—191, рис. 1.

⁷⁵ Лапин В. В. Раскопки древнегреческого поселения на о. Березань в 1966 г., с. 145—149; Лапин В. В. Греческая колонизация, с. 119.

роко использовалась в различных типах сооружений в греческом мире вообще и в материковой Греции в частности (например, Афины, Дельфы, Элевсин и др.)^{76—77}.

Неприемлемо и положение о том, что регулярность планировки города является ионийской традицией. Во-первых, относительно Березани это вообще не доказано, поскольку такой вывод на основании одного небольшого раскопанного участка делать преждевременно⁷⁸, все же остальные северочерноморские ранние центры, основание которых литературная традиция приписывает Милету, единой регулярной прямоугольной системы планировки не имели. Во-вторых, регулярность планировки не является специфической особенностью ионийских городов. Она применялась в случаях строительства на новом месте или при коренных перестройках в различных частях греческого мира. Достаточно вспомнить, в частности, Мегару Хиблею, Северный холм в Олинфе, Херсонес Таврический — колонию Гераклеи Понтийской и др.

Отсюда следует, что вывод Л. В. Копейкиной о преобладании на Березани и в Ольвии, а тем более в Северном Причерноморье, ионийской строительной традиции в отношении жилых домов, в частности принципов их планировки и конструкций, не имеет достаточной аргументации.

Домостроительство следующего этапа — эллинистического — исследовано благодаря большому количеству раскрытых памятников лучше, хотя и неравномерно. Так, в частности, несмотря на большое количество известных эллинистических поселений ольвийского района, жилые дома их изучены недостаточно. То же относится и к району Нижнего Поднестровья.

Этап характеризуется максимальным за все время существования античных городов расцветом домостроительства. Это время, когда наряду с освоением новых территорий перестраиваются целые районы Ольвии, время самостоятельной

(независимой от Греции) эволюции типов жилых домов, становление которых здесь произошло на предыдущем этапе, время окончательного формирования местных особенностей античного жилого дома. Необходимо, однако, подчеркнуть, что сказанное касается главным образом времени конца IV—III вв. до н. э. Остатки наиболее ранних домов эллинистического этапа относятся к концу IV — началу III в. до н. э. и представлены отдельными кладками, иногда подвалами, которые располагаются в планировочной сетке более поздних домов (III—II вв. до н. э.), в составе которых они часто продолжали функционировать. Подавляющее же большинство дошедших до нас домов построено в III в. до н. э. Примерно со II в. до н. э. в Ольвии наблюдается постепенный упадок строительной деятельности (осуществляются главным образом только небольшие перестройки), совершенно угасающей к I в. до н. э. В отношении Тиры можно говорить только об эллинистическом этапе в целом, общее направление домостроительства которого, по-видимому, аналогично Ольвии. Домостроительство поселений ольвийской периферии, судя по приемам строительной техники, конструкциям и фрагментам планировочных узлов, при более низком качестве более или менее аналогично городскому.

Жилые дома Ольвии⁷⁹ блокировались в четкие кварталы как прямоугольной, так и непрямоугольной формы. Количество домов в квартале не менее двух. Эти дома представляли собой многокамерные наземные, обычно по внешнему контуру четырехсторонние, приближающиеся в плане к прямоугольнику, наземные структуры с внутренними дворами. Характерно наличие подвалов (иногда целых подвальных комплексов) с каменными стенами как жилого или хозяйственного, так и складского назначения. Есть основание предполагать наличие полутораэтажных вариантов. Все дома относятся к равнозначно-параллельному планировочному принципу.

76—77

Мы имеем в виду именно полигональные системы, приближающиеся к рядовым кладкам типа «зубья пилы», а не лесбийским, следуя терминологии Скрантона — Орландоса — Мартэна.

Orlandos A. K. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. Paris, 1968, p. 2, p. 134.

78

В связи с этим уместно напомнить бытовавшее долгое время ошибочное мнение о

существовании в Ольвии единой регулярной прямоугольной системы планировки, основанное главным образом на открытии всего одного перекрестка улиц. Подробнее см.: Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, с. 98—101.

79

Ниже приводится сжатое описание этих домов, поскольку им посвящена специальная работа. Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии.

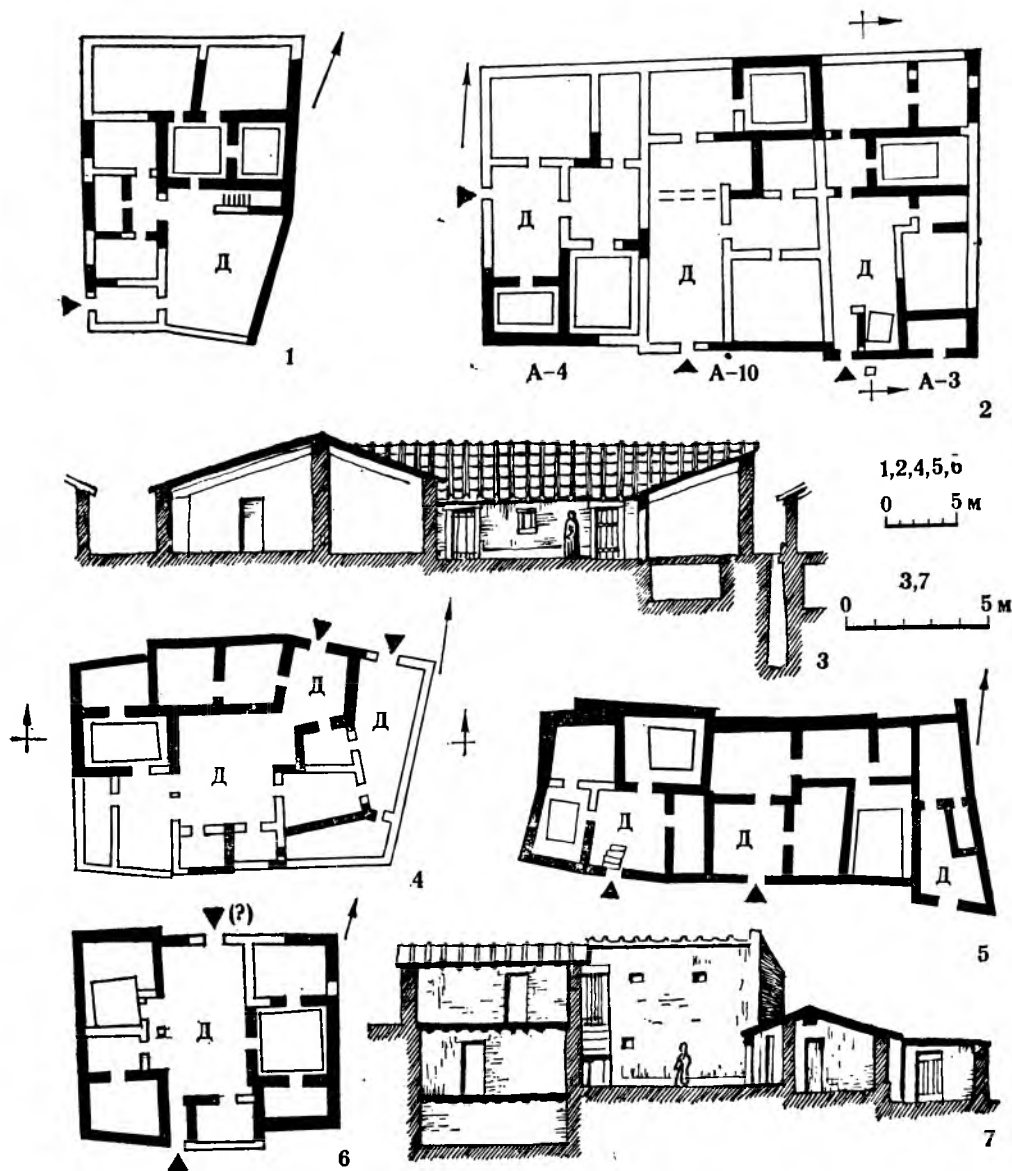

Рис. 7.
Жилые дома Ольвии
эллинистического времени:
1 — дом А-2, 2 — дома А-3,
4, 10; 3 — разрез по дому А-3;
4 — дом И-6; 5 — дома
И = 1, 2, 3; 6 — дом И-4;
7 — разрез по дому И-6.

Дано по: Крыжицкий С. Д.
Жилые ансамбли древней
Ольвии. К., 1971, рис. 6, 10,
14, 16, 18.

По характеру объемно-планировочных решений в Ольвии известны следующие типы безордерных домов. Дома типичной схемы малой (100—200 м²) (дом И-1) и большой (200—400 м²) (дом А-3) площади, отвечающие комплексу признаков, типичных для греческого античного жилого дома

(рис. 7, 1, 2, 3, 5; 8; 9). Дома нетипичной схемы. Представлены в Ольвии двумя домами — один с необычным расположением крытых помещений относительно двора (И-4), а второй дом — с тремя внутренними дворами (И-6) (рис. 7, 4, 6, 7).

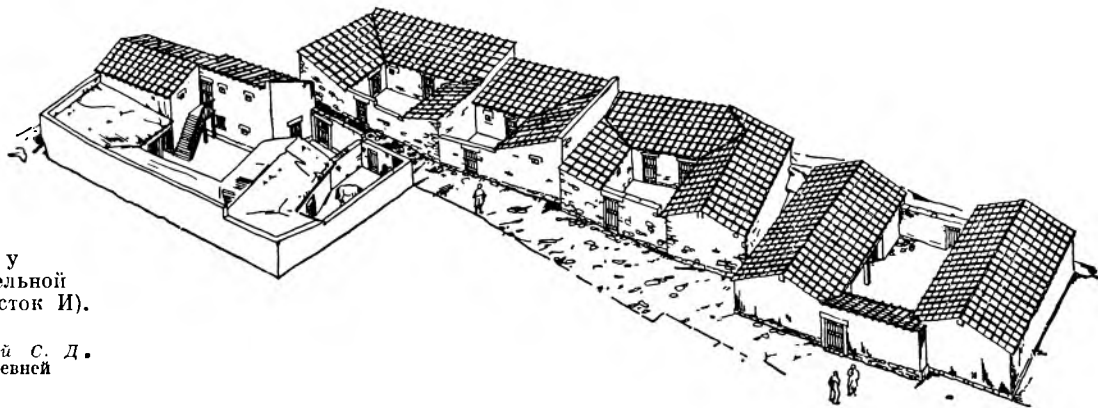

Рис. 8.
Общий вид домов у
северной оборонительной
стены Ольвии (участок И).
Реконструкция.

Дано по: Крыжицкий С. Д.
Жилые ансамбли древней
Ольвии, рис. 15.

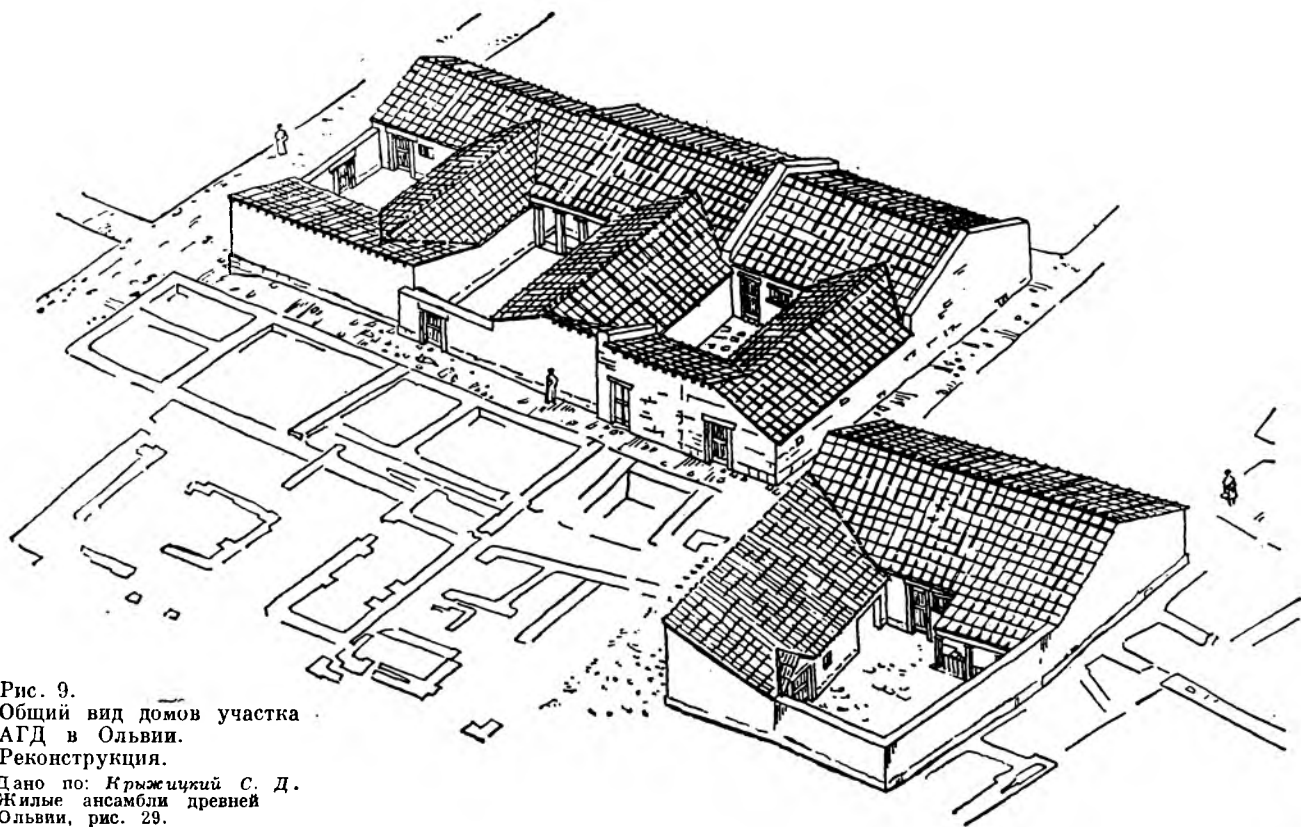

Рис. 9.
Общий вид домов участка
АГД в Ольвии.
Реконструкция.

Дано по: Крыжицкий С. Д.
Жилые ансамбли древней
Ольвии, рис. 29.

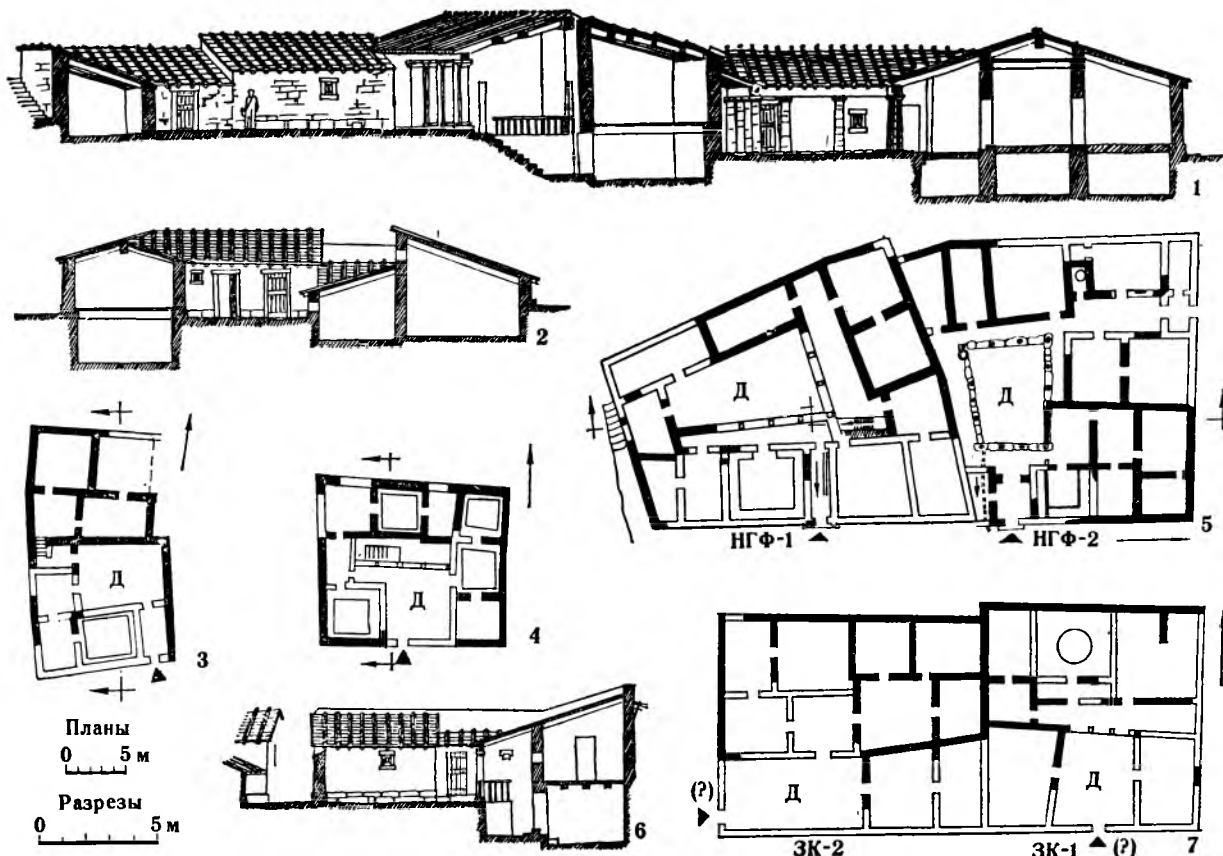

Рис. 10.
Жилые дома
эллинистической Ольвии:
1, 5 — дома НГФ-1, НГФ-2,
разрез, план; 2, 3 — дом Е-2,
разрез, план; 4, 6 — дом Е-1,

план, разрез; 7 — дома у
Зевсова кургана (ЗК-1,
ЗК-2).
Дано по: Крыжицкий С. Д.
Жилые ансамбли древней
Ольвии, рис. 28, 32, 34, 38, 39,
43.

Дворы в домах типичной схемы занимали 11—27% площади застройки. Расположение помещений Г- или П-образное. Дворы находились в южной части домов.

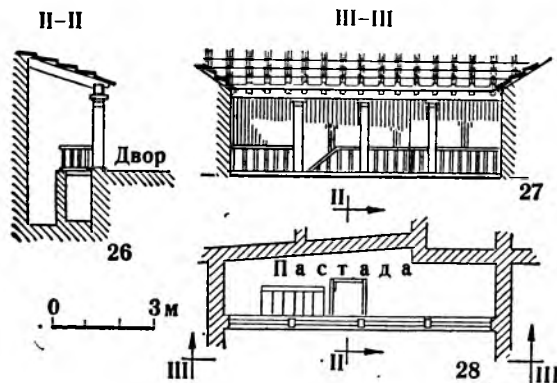
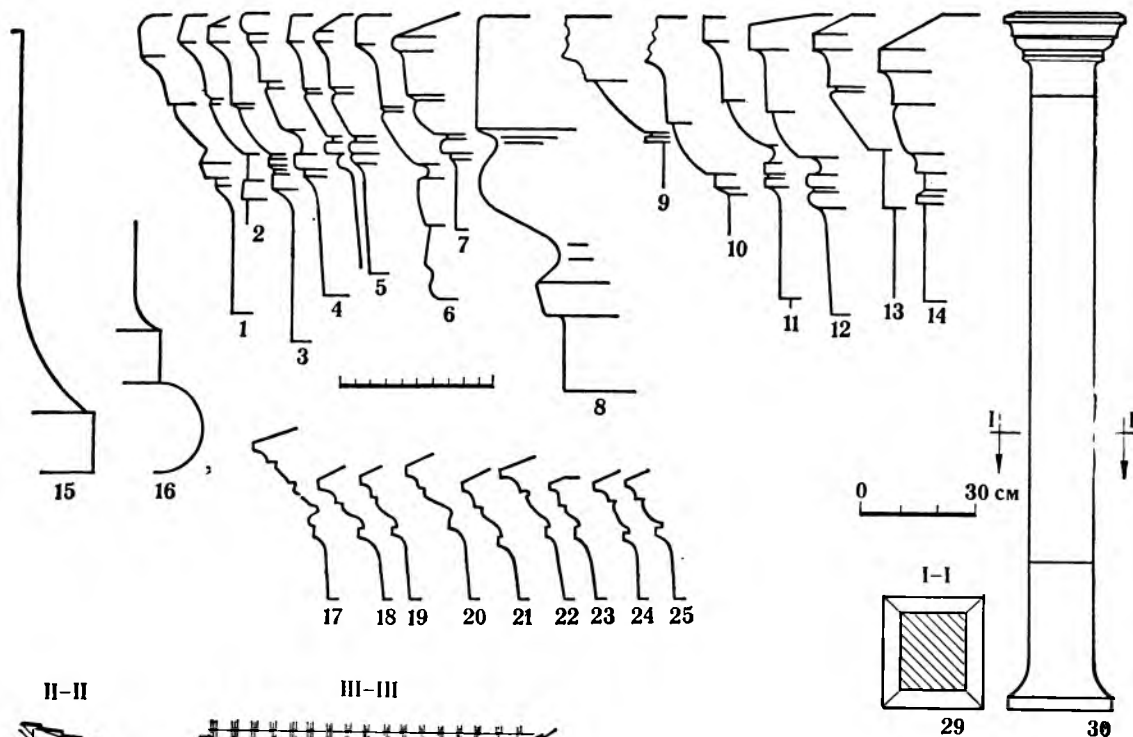
Среди ордерных домов известны два типа — перистильный и пастадный (рис. 10). Площадь застройки этих домов составляла 240—550 м², от которой дворы занимали 10—22%. Дома, как правило, имели развитые подвальные этажи, иногда объединявшиеся подвальными пастадами. В трех случаях засвидетельствовано наличие андро-

нов. Довольно часто в ольвийских домах встречается входной коридор.

В жилых домах Ольвии пока известно применение только двух ордеров — дорического и аттического (рис. 11). Дорический ордер по своим особенностям почти ничем не отличался от форм эллинистической дорики и полностью заимствован*. Несколько иначе обстоит дело с аттическим ордером. В Ольвии пока не обнаружено ни одной капители столба, типичной для аттического ордера, т. е. использующей формы антовой дорической⁸⁰.

* Судя по материалу, из которого сделано большинство найденных в Ольвии дорических капителей, они местного происхождения.
80 Единственная из капителей, имеющая формы дорической

антовой, судя по ее размерам, относилась к обычному дорическому ордеру.
Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, с. 134.

Значительная часть ольвийских капителей с прямоугольным сечением столба выполнена в формах ионийского варианта аттического ордера с использованием набора обломов антовых ионических капителей. Остальные решены в смешанных формах

81 Такие базы обнаружены при раскопках на участке НГФ, в гимнасии, в кварталах, расположенных к западу от агоры (ОАК за 1912 г., с. 17; Крыжицкий С. Д. Жилые

ансамбли древней Ольвии, с. 83; Карасаев А. Н., Левин Е. И. Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг. — ИСИА 1965, вып. 103, с. 86, рис. 31, 2).

Рис. 11. Обломы ольвийских капителей и баз столбов и антов:

1, 4, 5, 7, 9, 10, 13, 14 — антовые капители; 2, 3, 6, 8, 11, 12 — капители столбов; 15—16 — базы (Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, рис. 63, 64).

Обломы капителей столбов и антов таманского комплекса:

17, 21 — капители столбов; 22—25 — антовые капители (Соколовский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска,

рис. 38, прил. 2 т. 3). Перечисленные капители датируются эллинистическим временем

Эскиз реконструкции портика аттического ордера в доме E-1 в Ольвии:

26 — поперечный разрез; 27 — фасад; 28 — план (Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, рис. 49).

Реконструкция колонны аттического ордера

29 — план; 30 — главный фасад.

ионических антовых и обычных дорических капителей. В последнем случае мы нашли максимальное отражение типично эллинистической тенденции к смешению форм. При этом нужно учесть также значительное распространение в Ольвии каменных, прямоугольных в поперечном сечении баз, состоящих в большинстве случаев из полочки, плавно переходящей при помощи выкружки в тело столба⁸¹.

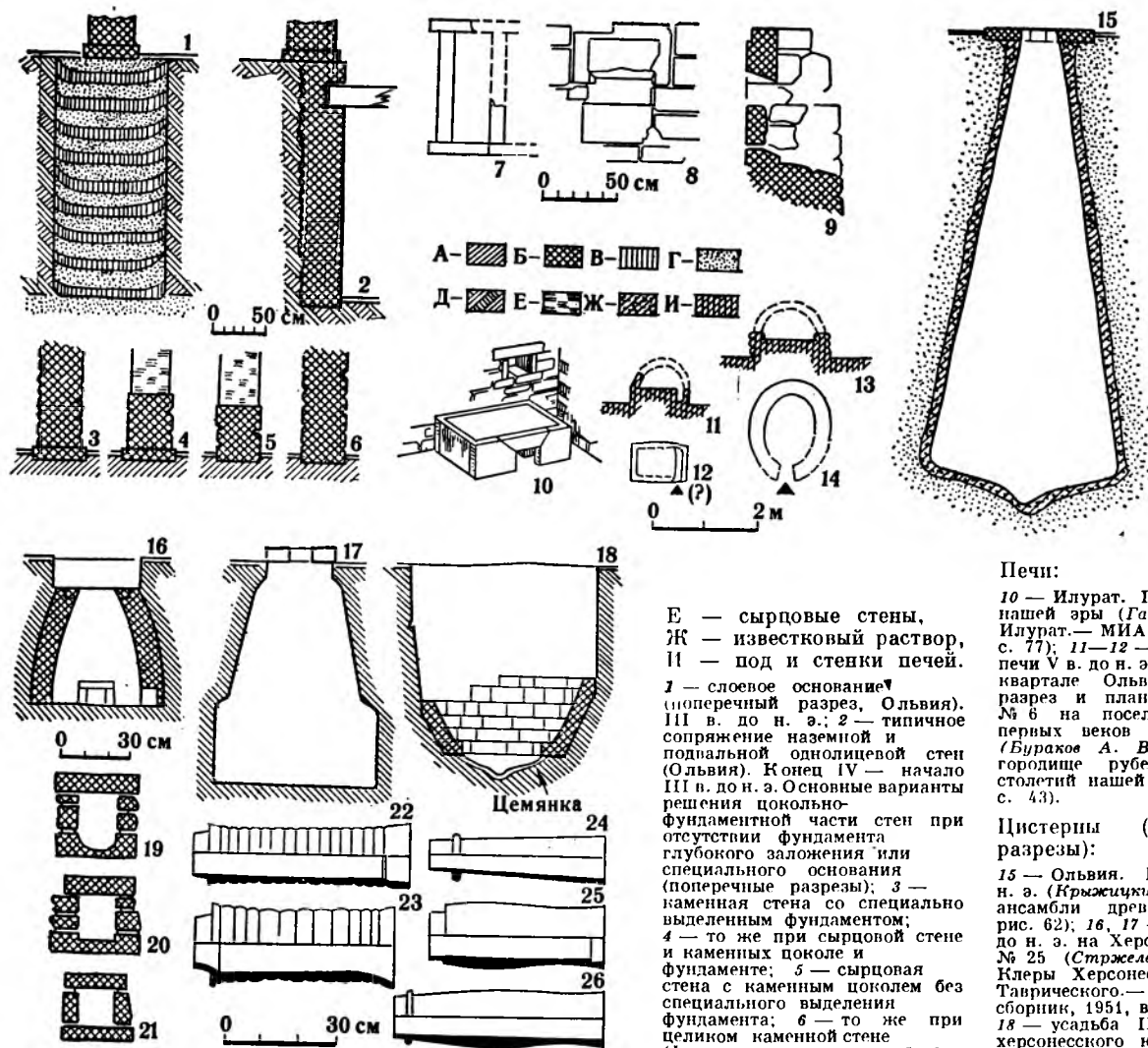

Рис. 12. В — землисто-золистые прослойки, Г — лесс, Б — каменная кладка, Д — культурный слой,

Особенности смешанного варианта капителей, их распространенность в Ольвии, а также находки здесь же исходных прототипов — антовых дорических и ионических капителей — позволяют предполагать возможность в Ольвии самостоятельной эволюции аттического и его ионийского ва-

Е — сырцовые стены, Ж — известковый раствор, И — под и стенка печей.

1 — слоистое основание (поперечный разрез, Ольвия). III в. до н. э.; 2 — типичное сопряжение наземной и подвальной однолицевой стен (Ольвия). Конец IV — начало III в. до н. э. Основные варианты решения цокольно-фундаментной части стен при отсутствии фундамента глубокого заложения или специального основания (поперечные разрезы); 3 — каменная стена со специально выделенным фундаментом; 4 — то же при сырцовой стене и каменных покое и фундаменте; 5 — сырцовая стена с каменным покоем без специального выделения фундамента; 6 — то же при целиком каменной стене (фундамент в вариантах 5, 6 и покое в вариантах 3, 6 могут быть выделены иной системой кладки без увеличения их ширины относительно вышележащих частей стены).

Окна:

7 — каменная оконная коробка из Калос Лимена. III—II вв. до н. э. (Наликина М. А. Раскопки Керинитиды и Калос Лимена. — ИАДК. К., 1957, с. 277); 8, 9 — фасад и вертикальный разрез окна в подвале ольвийского дома А-2. III в. до н. э.

Печи:

10 — Илурат. Первые века нашей эры (Гайдукевич В. Ф. Илурат. — МИА, 1958, № 85, с. 77); 11—12 — разрез и план печи V в. до н. э. в Центральном квартале Ольвии; 13, 14 — разрез и план печи в доме № 6 на поселении Козырка первых веков нашей эры (Бураков А. В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976, с. 43).

Цистерны (вертикальные разрезы):

15 — Ольвия. III—II вв. до н. э. (Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, рис. 62); 16, 17 — усадьба II в. до н. э. на Херсонесском клере № 25 (Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического. — Херсонесский сборник, 1951, вып. 6, рис. 81); 18 — усадьба II в. до н. э. херсонесского клера № 26 (Стржелецкий С. Ф. Указ. соч., рис. 39). Каналы 19, 20, 21 — основные типы конструкции водосточных каналов (поперечное сечение).

Водопроводные гончарные трубы первых веков нашей эры:

22, 23 — Херсонес; 24 — Харак; 25, 26 — Ольвия (Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. — САИ, 1966, вып. Г1-20, табл. 44, 2, 3, 8, 11, 14).

рианта ордеров. Разумеется, в данном случае речь идет только о развитии стиливых особенностей. Заимствование же из метрополии самого принципа решения, основной идеи аттического ордера сомнений не вызывает.

Стены домов делались каменными или сырцовыми на каменных цоколях. Характерной особенностью являлось устройство слоевых оснований (рис. 12), наиболее ранние образцы которых появились в конце IV — начале III в. до н. э. Кладки в начале этапа выполнялись высококачественно, с притеской по месту, часто по сложным (за исключением полигональных) системам. Однако уже в III в. до н. э. получили широкое распространение обычные однорядные постелистые системы без притески по месту, с небрежной выкадровкой и обработкой камней. Типично вторичное использование камня. Распространение небрежных кладок с учетом больших объемов строительства свидетельствует о значительном падении среднего уровня качества строительных работ, что явилось следствием привлечения к строительной деятельности большого количества малоквалифицированных рабочих. Общий характер разбивки зданий, производства работ говорит о том, что руководство строительством осуществлялось профессионалами. Ярко выраженный кустарный характер имеют наиболее поздние перестройки II в. до н. э.

Перекрытия над подвалами делались обычно по балкам прямоугольного сечения с неравномерным шагом расположения балок (0,3—0,6 м). Известны также примеры перекрытий, по-видимому, накатного типа. Можно предполагать наличие чердаков. Кровли — саманные, либо из черепицы, преимущественно коринфского и в меньшей степени лаконского типов.

К эллинистическому времени относится появление в Ольвии так называемых мозаичных полов с геометрическим или сюжетным орнаментом. По материалу лицевых слоев в настоящее время известно два типа — из разноцветной гальки и из обломков амфорных ручек с отшлифованными торцами. В наибольшей степени распространены, однако, обычные глинобитные полы. Дворы, как правило, мостились камнем или засыпались битой керамикой, как и вымостки улиц. Судя по остаткам дверных проемов, в ольвийских домах двери на подпятниках делались относительно редко, ча-

ще всего можно предполагать наличие деревянных дверных коробок и, по-видимому, навесную конструкцию крепления дверных полотнищ (рис. 13).

Недостаточно изучены особенности конкретных декоративных решений интерьеров ольвийских

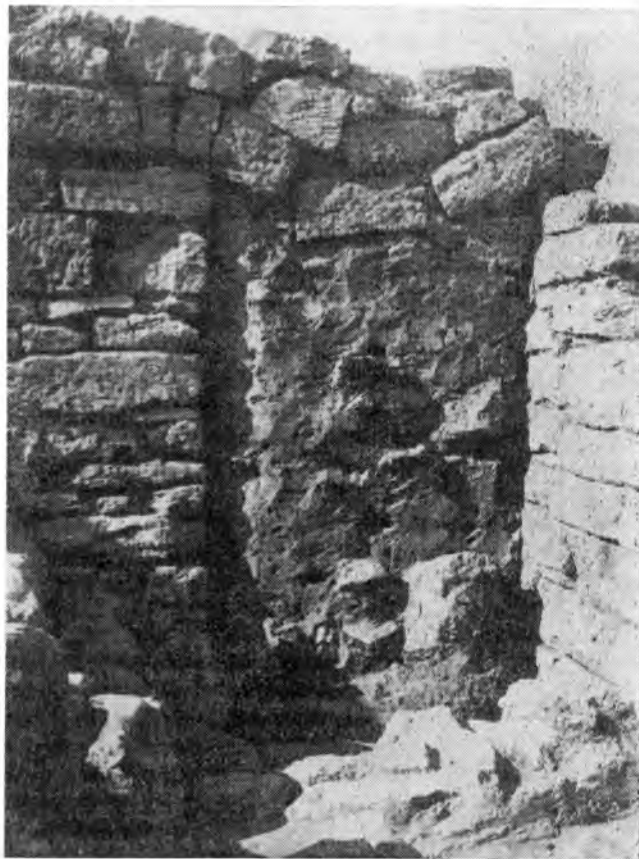

Рис. 13.
Дверной проем
в подвальном

помещении дома А-2
в Ольвии в момент
раскопок.

домов. Наряду с глиняными обмазками стен с последующей побелкой распространена известковая штукатурка. Относительно большое количество фрагментов ее с цветным, в большинстве случаев красным покрытием в технике фрески или энкаустики, находимой главным образом в эллинистических слоях и реже — в слоях IV в. до н. э., свидетельствует о ее широком применении в

интерьерах домов, причем не только наиболее богатых, имевших андроны с галечными полами (рис. 14), но и в рядовых массовых постройках. Красный цвет при полихромных решениях, по-видимому, доминировал. В парадных помещениях наиболее богатых домов делались полихромные

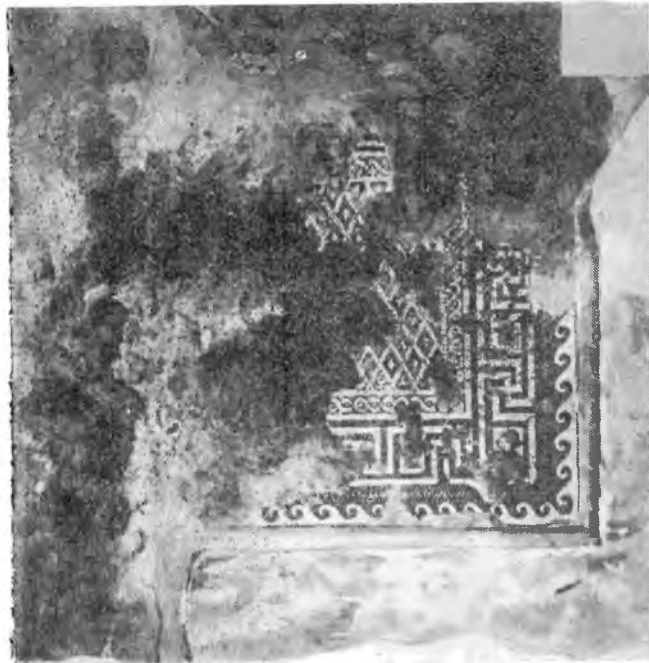

Рис. 14.
Мозаика андрона дома
НГФ-2 в Ольвии.

росписи с использованием красного, желтого, синего и черного цветов. Сохранившиеся на остатках штукатурки фрагменты геометрического и растительного орнамента, изображения архитектурного декора (лесбийский киматий, овы, жемчужник) позволяют предполагать применение в основном так называемого структурного стиля; в

82
Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, с. 127 и сл.

83
В связи с этим необходимо отметить, что известные рельефы могли находиться только в интерьерах. Что же касается архитектурных

деталей, выполненных из камня или терракоты, то в условиях Ольвии их использование наиболее вероятно в экстерьерах. В качестве примера объединения плоскостного и рельефного приемов декорирования стены можно привести помещение, раскопанное в 1960—1962 гг.

редких случаях, возможно, цветочного или инкрустационного⁸². Наряду с живописным декором стен — имитацией средствами живописи структуры каменной стены или ордера — использовались и рельефные архитектурные обломы — карнизы⁸³. Декоративная обработка интерьеров жилых домов Ольвии достигает максимального развития только в III в. до н. э. Начало использования цвета и полихромных росписей в монументальной архитектуре Ольвии может быть отнесено примерно к началу V в. до н. э., когда сюда начинает поступать коринфская расписная терракота и появляются, в частности, расписные терракотовые облицовки капителей храма Аполлона Дельфиния⁸⁴. Собственное же ольвийское производство архитектурной терракоты относится ко времени не ранее IV в. до н. э.⁸⁵ Это, а также находки в слоях IV в. до н. э. цветной штукатурки позволяют говорить о зарождении местной ольвийской декоративной росписи в IV в. до н. э. (скорее всего, его последней четверти). Имеющиеся фрагментарные образцы настенных росписей и галечных полов эллинистического времени (рис. 15) по своему характеру, принципам компоновки, цветовой гамме и деталям восходят к эллинистическим (и даже более ранним, если судить по мозаикам домов Олифа) традициям. Отличия прослеживаются только в большей небрежности или меньшем профессионализме ольвийских мастеров.

Аналогичный ольвийским характер жилых домов можно предполагать и в Тире, где на раскопе А открыты фрагментарные остатки четырех эллинистических домов⁸⁶ (рис. 16).

Дома в Тире, как и в Ольвии, блокировались в кварталы. Размеры раскрытого квартала состав-

на участке Е9, которое, по мнению автора раскопок, имело общественное назначение (Брашинский И. Б. Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг., с. 98 и сл.).

84
Брашинский И. Б. Новые архитектурные терракотовые украшения из Ольвии. — Культура античного мира. М., 1966, с. 47—50. Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса, с. 58—69.

85
Брашинский И. Б. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг., с. 308. Следует,

однако, отметить, что производство в Ольвии черепицы еще в IV в. до н. э. пока прямого археологического подтверждения не имеет.

86
Дмитров Л. Д. Билгород-Дністровська археологічна експедиція. — АП УРСР, 1949, т. 2, с. 41, рис. 2; Фурманська А. І. Розкопки Тіри в 1958 р. — АП УРСР, К., 1962, т. 11, с. 123—125. Остатки эллинистического времени открыты только в восточной половине в южном конце квартала. На остальной площади они перекрыты домами первых веков нашей эры.

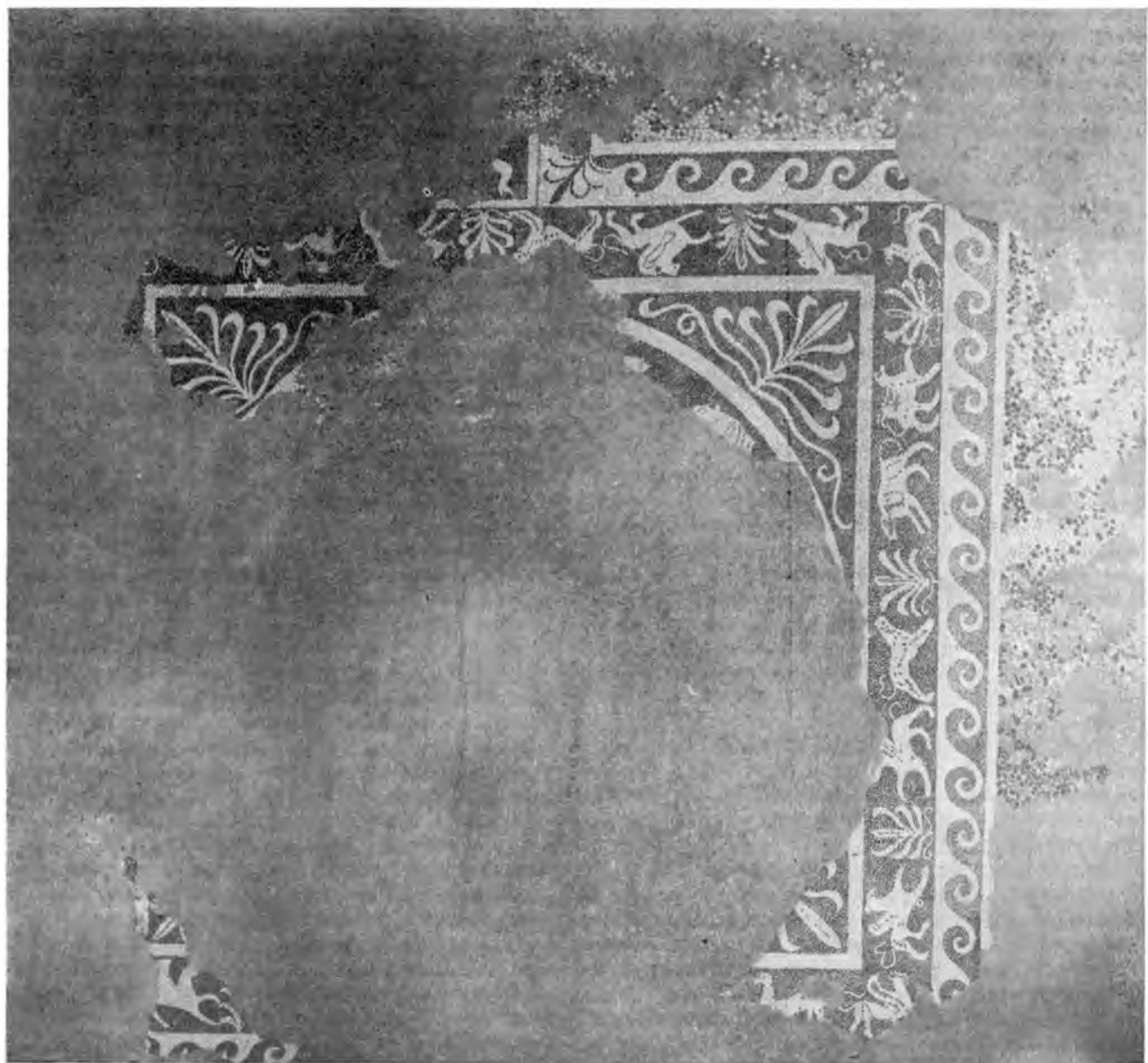

Рис. 15.
Мозаика андрона дома из
раскопок 1902—1903 гг.
в Ольвии у Зевсова
кургана.

ляют не менее 20 × 30 м. Здесь находилось четыре дома площадью 100—200 м² каждый. Квартал расположен в террасной части города. Между его западной и восточной половинами наблюдается перепад в 1—2 м. Форма квартала приближается к прямоугольнику. Разбивка домов на местности

довательно, это наземное помещение было единственным, откуда подвалы и лестницы могли получать дневное освещение, должно было бы иметь естественное освещение. Однако размещение с его северной, восточной и южной сторон наземных комнат, а с западной — других домов квартала

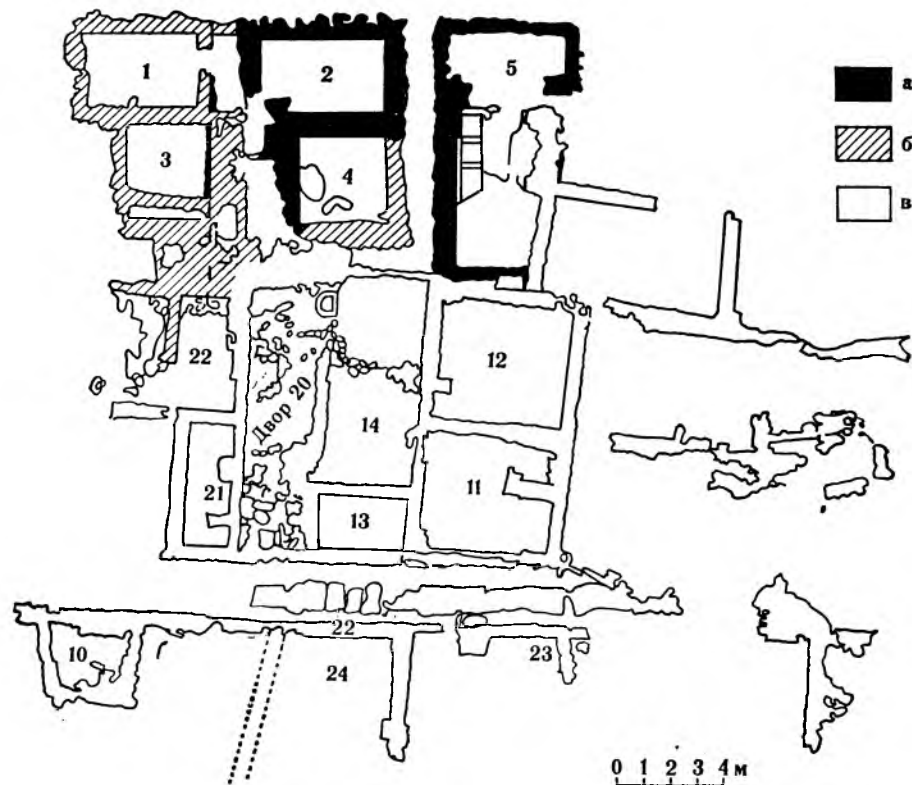

Рис. 16.
Жилой квартал в Тире.
План:

а, б — остатки времени до рубежа нашей эры; в — остатки первых веков нашей эры.

Дано по: Фурманська А. И. Розкопки Тірі в 1958 р.— АП УРСР, 1962, т. 11, с. 123 и сл., рис. 1.

четкая и в основном прямоугольная. Типичной особенностью является наличие развитых подвалов жилого и хозяйственного назначения. Дома имели внутренние дворы относительно меньших, чем в Ольвии, размеров, размещавшиеся в центре или южной части планов домов.

Относительной реконструкции поддается только один дом. Учитывая характер взаимного размещения подвалов № 1, 2, 3, 4, отнесение их к одному дому представляется убедительным⁸⁷. Образовывающееся при этом пространство между подвалами № 3 и 4, учитывая, что отсюда вели лестницы (или, по крайней мере, одна лестница) в подвалы и, сле-

лишает возможности устройства в помещении № 5 окон. В свою очередь отсутствие расположенных симметрично по отношению к наружным стенам дома кладок весьма затрудняет решение единой над всем домом крыши. Все это позволяет предполагать размещение в этом месте, скорее

⁸⁷ Фурманська А. И. Розкопки Тірі в 1958 р.— АП УРСР, 1962, т. 11, с. 123 та ін.

всего, открытого двора. Последнее косвенно подтверждается и устройством вдоль южного фасада дома узкого переулка, с которым двор № 5 связан посредством неширокого коридора № 6. Местоположение северной, восточной и южной границ дома сомнений не вызывает, однако западную можно восстановить только предположительно — примерно по главной продольной оси квартала, поскольку именно до этого места доходят восточные границы домов первых веков нашей эры и, кроме того, примерно по этой же оси наблюдается перепад уровней эллинистических строительных остатков в южной части квартала. В этих границах площадь застройки дома 15×12 м (180 м²), от которой площадь двора составляла примерно 7% (13 м²). Тип плана П-образный, двор расположен в западной части плана. Входной коридор вел от двора к югу в узкий переулок между домами. Дом относится к безордерным домам типичной схемы малой площади равнозначно-параллельного принципа планировки. Коэффициент степени достоверности реконструкции планировки для рассмотренного дома составляет не менее $K_n = 0,7$.

Возникновение подвалов в рассмотренном доме относится к различным строительным периодам: № 2, 4 — к IV в. до н. э., а № 1, 3 — к позднеэллинистическому времени, однако некоторое время они сосуществовали и были засыпаны в одно время⁸⁸. Предполагается жилое (или даже общественное, в пользу чего, однако, убедительная аргументация отсутствует) назначение южной группы подвалов и хозяйственное — северной. Последнее, однако, за исключением указания на более небрежную кладку стен, ничем другим не обосновывается. И по размерам, и по технике кладки стен подвалы № 1, 3, которые между собой не сообщались, вполне могли иметь и жилое назначение.

В объемном отношении, учитывая небольшие пролеты помещений, можно предполагать наличие односкатных кровель со стоком как наружу, так

и внутрь — во двор. Местоположение лестницы в подвалы № 2, 4, а также возможность наличия застройки вплотную к северной границе дома делают наиболее реальным вариант с устройством ската над помещениями № 1, 2 к востоку, а над помещениями 3, 4 — внутрь дома, во двор.

Важными особенностями дома являются наличие в нем подвалов, а также использование исключительно однорядных постелистых систем кладок, причем самые ранние из них уложены более аккуратно, с плотной притеской по месту и тщательной выкадровкой фасадов камней. Позднее кладки выполнялись небрежнее, камни обычно обрабатывались плохо, многие из них вторичного употребления, притеска по месту исчезает, т. е. происходит явление, наблюдаемое и в Ольвии. Найденные обломки расписной штукатурки с остатками растительного и зооморфного орнамента также идентичны ольвийским образцам⁸⁹.

Основное отличие домов этого участка от ольвийских заключается в большей плотности застройки, в отсутствии сложных систем кладок. Относительно жилых домов сельских поселений этого времени района Ольвии сведения недостаточны. Материалы, позволяющие получить хотя бы некоторое представление о них, добыты при раскопках в основном только трех памятников — Закисовой балки, Дидовой хаты и отчасти Козырки II (раскопки последнего только начаты). Эти работы дали возможность выявить определенные отличия домов сельских поселений ольвийской хоры от городских жилищ, выделить пока два основных типа. Один (Закисова балка) — близок к городским постройкам. Второй (Дидова хата) имеет принципиальные отличия.

На поселении Закисова балка на участке Е открыт один большой дом (рис. 17, 4)⁹⁰. В предлагаемой Ф. М. Штительман реконструкции плана все помещения этого дома отнесены к первому строительному периоду, хотя автор говорит о достройках и пристройках⁹¹. Анализ строительных остатков позволяет, однако, выделить более или менее четко два строительных периода. Основанием для этого служит следующее⁹². Глубина заложения кладок центральной части дома на $0,3-0,5$ м глубже стен пристроек в местах их примыкания. Единственная сохранившаяся кладка северной пристройки подходит к северной стене

88
Фурманська А. І. Розкопки
Тіри в 1958 р., с. 124, 125.
89
Фурманська А. І. Античний
город Тира.— АГ. М., 1963,
с. 45.
90
Штительман Ф. М. Поселення
біля Закисової балки.— АП

УРСР, 1958, т. 7, с. 132,
рис. 2.
91
Там же, с. 132—134.
92
См. Альбом, рис. 674, 678,
680, 682, 684, 693.— НАИА АН
УССР, Ф-17, 1946—1949/20,
№ 216.

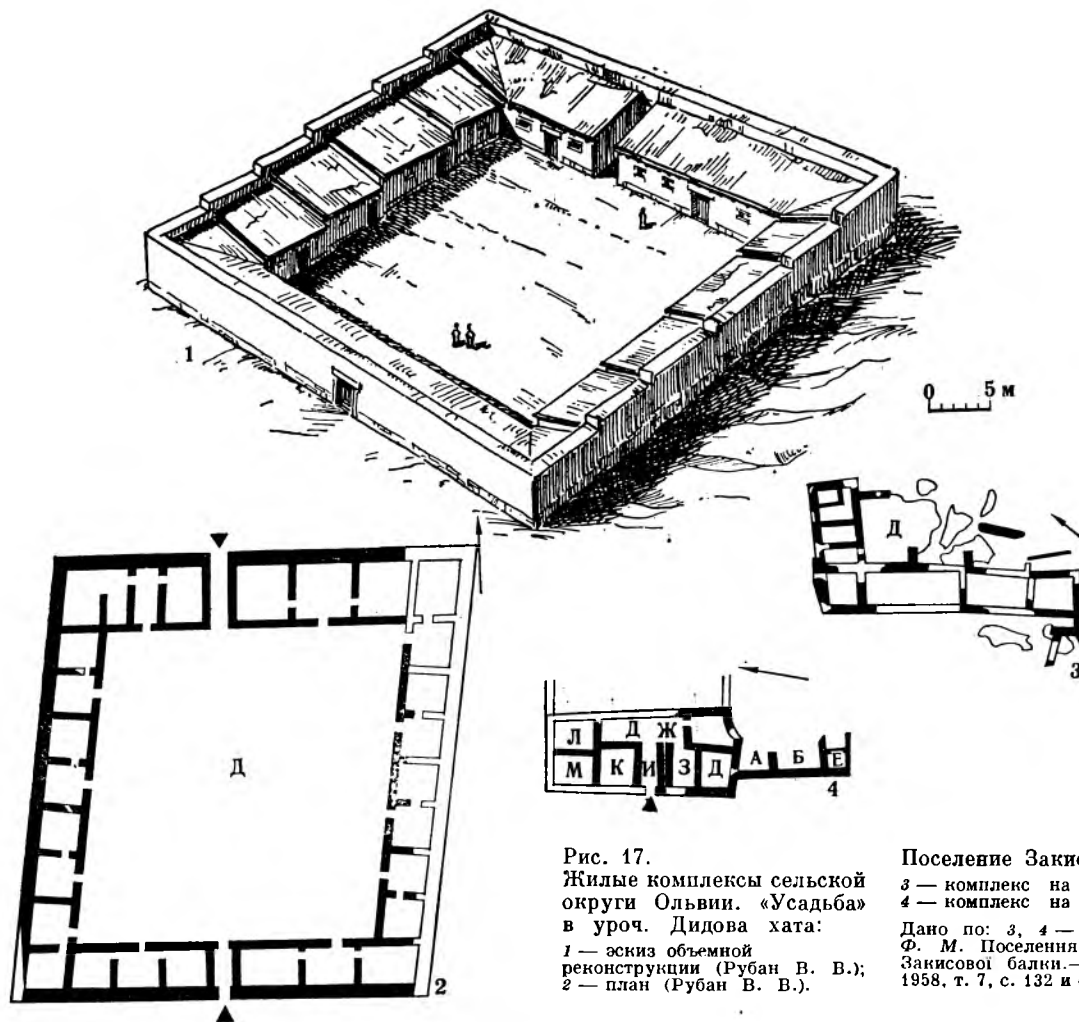

Рис. 17.
Жилые комплексы сельской
округи Ольвии. «Усадьба»
в уроч. Дидова хата:
1 — эскиз объемной
реконструкции (Рубан В. В.);
2 — план (Рубан В. В.).

Поселение Закисова балка:
3 — комплекс на раскопе А;
4 — комплекс на раскопе Б.
Дано по: 3, 4 — Штительман
Ф. М. Поселения біля
Закисової балки.— АП УРСР,
1958, т. 7, с. 132 и сл., рис. 2, 4.

центрального ядра впритык. Нижнему уровню заложения кладок соответствует наличие заложённых впоследствии дверных проёмов в восточной стене помещения К и северной стене двора. Расположение дверных проёмов ниже уровня вымосток свидетельствует о наличии под вымостками еще одного, более раннего уровня, синхронного времени функционирования дверных проёмов до того, как их заложили. Этому уровню дневной поверхности соответствуют и видимые на некоторых фотографиях прослойки светлого грунта и щебенки

в других местах дома, а также два уровня каменной вымостки, прослеживаемые в западной части входного коридора.

Сказанное косвенно подтверждается и тем, что, как показывают наблюдения, наземные каменные кладки жилых домов района Ольвии обычно заглублялись в землю всего на 0,5—1,5 ряда камней. Предполагать же здесь наличие второго этажа и, как возможное следствие этого, более глубокое заложение кладок никаких оснований нет. Необходимо отметить, что по глубине заложения все

каменные вымостки (за исключением нижнего слоя входного коридора) соответствуют времени появления пристроек, когда, по-видимому, была перестроена и западная стена дома.

Учитывая сказанное, представляется возможным наметить следующую реконструкцию планировки. К первому строительному периоду относятся помещения центральной части К, И, З, Д, Г и двор Ж, который в это время, по-видимому, не имел замоста. Местоположение западной и южной границ дома этого периода сомнений не вызывают. Восточная граница, судя по отсутствию кладок к востоку от помещения Г, скорее всего, проходила в створе с восточной стеной этого помещения. Наличие заложеного дверного проема в северной стене двора позволяет принять два варианта реконструкции северной границы: окончание дома по северной стене двора (поскольку проем в стене мог служить просто дополнительным входом в дом) либо по северной границе пристройки второго периода. В последнем случае, поскольку вскрытые остатки северной пристройки относятся ко второму строительному периоду, внутреннюю планировку первого периода в этом месте реконструировать невозможно. Можно только предполагать, учитывая отсутствие каких-либо следов на северном фасаде северной стены помещения К, что если эта северная часть и существовала в первом периоде, то состояла только из одного большого помещения. Границы двора в обоих случаях вполне очевидны. Таким образом, предлагаемая реконструкция первого периода отличается от реконструкции Ф. М. Штительман от отсутствием южной пристройки, а в первом варианте — также и северной. Во втором периоде в доме появляется южная пристройка и пристраивается или реконструируется — северная (в этом виде планировка дома соответствует реконструкции, предложенной Ф. М. Штительман). В первом периоде дом представлял собой прямоугольное в плане сооружение с относительно прямоугольной

четкой разбивкой на местности. Площадь застройки около 95 м^2 ($12,2 \times 6,9 \text{ м}$), от которой площадь двора составляла примерно 17% (16 м^2). Дом безордерный, нетипичной схемы, с Г-образным расположением крытых помещений относительно двора. Двор размещался в северо-восточной или (при другом варианте реконструкции — типичной схеме) в восточной части дома; имелся входной коридор.

Коэффициент степени достоверности реконструкции планировки в первом периоде составляет примерно $K_n = 0,8$.

В объемном отношении возможно предположительно реконструировать только дом первого периода с вариантом устройства односкатных крыш со стоком во двор, что подтверждает наличие водостока, отводившего воду из двора на улицу.

Во втором периоде к дому с юга и севера были сделаны хозяйственные пристройки. Относительно их функциональной связи с домом прямых археологических данных нет. Однако, учитывая отсутствие самостоятельного выхода на предполагаемую улицу, в частности из южной пристройки, и их хозяйственное назначение, делающее весьма маловероятным их самостоятельное существование (отдельно от рассмотренного комплекса), это вполне реально.

Функциональную связь этих пристроек с центральным ядром мог бы обеспечить только объединяющий все три части большой двор. В связи с этим представляется возможным предположить во втором периоде существование к востоку от раскрытых остатков большого двора. Археологических данных, противоречащих такому предположению, нет. Более того, в возможном месте его расположения сохранился небольшой фрагмент каменной вымостки. При таком варианте реконструкции рассматриваемый комплекс относится уже не к категории городских домов, а к сельским усадьбам, близким по своему характеру херсонесским. Общую планировку и размеры в данном случае установить уже нельзя.

Стены помещений выложены в основном по однорядным постелистым системам из полигональных, главным образом необработанных плит, с отсутствием какой-либо притески⁹³. Постелью уложены камни и в фундаментных рядах. Наличие развалов сырца позволяет предполагать устройство

93
Штительман Ф. М. Поселення біля Записової балки, с. 132, рис. 3; Альбом, рис. 684, 693, 686, 681, 685 и др.— НА ИА АН УССР, Ф-17, 1946—49/20, № 216.

на каменных цоколях сырцовых стен⁹⁴. Полы во втором периоде глинобитные и каменные, в первом — по-видимому, земляные или глинобитные⁹⁵.

Дом первого периода от ольвийских домов типичной схемы отличается отсутствием подвалов и в одном варианте реконструкции необычным размещением двора. Дом второго периода отличается, кроме того, устройством не менее чем в двух помещениях — К и З каменных полов и загородки из орфостатных плит в северном. Это при втором варианте реконструкции (без южной пристройки) приближает данный объект к домам с сильно развитой хозяйственной функцией. О принципиальных отличиях в первом варианте реконструкции сказано выше. Важно, однако, подчеркнуть, что при любом из них (дом или усадьба) комплекс имеет черты, характерные для жилища людей, хорошо знакомых с античным городским домостроительством и, судя по группировке помещений, использовавших его типологические схемы и приемы строительной техники. Таким образом, в рассмотренном доме наблюдается переход от более или менее обычного типа городского жилого дома первого строительного периода к дому с развитой сельскохозяйственной функцией, возможно, даже к сельской усадьбе. Подобно клерам Херсонеса и в противоположность нижнеднепровским поселениям здесь четко выделяется односемейный развитый жилой блок античного типа, принадлежащий одному владельцу. Ни в строительнотехническом, ни, что особенно важно, в типологическом отношении связи между рассмотренным комплексом и нижнеднепровскими городищами, где в большинстве случаев имели место однокамерные одинакового назначения сблокированные либо изолированные структуры, предназначавшиеся для отдельных небольших семей, очевидно, с общим в какой-то степени хозяйством, не прослеживаются. Все это свидетельствует о развитии здесь не нижнеднепровских, как полагают

Ф. М. Штительман⁹⁶, а ольвийских домостроительных традиций.

Характер строительных остатков на других участках этого поселения аналогичен описанному выше (рис. 17, 3...) по особенностям кладок (за одним исключением), наличию вымосток, камней с пазами для установки деревянных столбов или косяков, водосточков, по разбивке на местности домов и помещений и по характерным планировочным приемам. Кроме того, в двух случаях здесь обнаружены подвалы с каменными лестницами⁹⁷. К сожалению, ни один дом на этих участках реконструкции не поддается, в связи с чем можно только предполагать типологическое сходство с домом участка Е. Строительные остатки рассматриваемого поселения продатированы IV—III вв. до н. э.⁹⁸ Судя по последним данным изучения поселений сельской округи⁹⁹, время существования этих комплексов у Закисовой балки вряд ли могло выходить за пределы второй половины IV — первой половины III в. до н. э.

Четкая и прямоугольная разбивка на местности многокамерных домов с внутренними дворами, приемы сырцово-каменного строительства, прослеживаемые и на других эллинистических поселениях Ольвийской округи¹⁰⁰, аналогичны бытовавшим в Закисовой балке и Ольвии. Однако ни одного дома, планировку которого можно было бы восстановить полностью, пока не раскопано. Можно только констатировать, что это прямоугольные в плане многокамерные дома площадью не менее 140—190 м²¹⁰¹ с внутренними мощеными камнем дворами. В редких случаях имелись хозяйственные подвалы. Оснований считать эти дома усадьбами нет. Судя по группировке помещений, более вероятно использование равнозначно-параллельного принципа планировки. Стены — сырцовые на каменных цоколях, выложенных по однорядным постелистым, иногда приближающимся к иррегу-

94 Штительман Ф. М. Поселения біля Закисової балки, с. 132.
95 Альбом, рис. 516, 674, 678, 680, 682, 684, 845.
96 Штительман Ф. М. Поселения біля Закисової балки, с. 141;
Штительман Ф. М. Поселения

античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50, с. 280.

97 Штительман Ф. М. Поселения біля Закисової балки, с. 135, 137.
98 Там же, с. 132, 140.

99 Рубан В. В. О периодизации

античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени.— 150 лет ОАМ, с. 131.
100 Славін Л. М. Археологічні дослідження городищ, поселень та могиляників ольвійського оточення у 1949—1950 рр.— АП УРСР, 1955, с. 5, с. 130 и сл.; Русяков Г. С. Поселения Пустухівка і біля Ольвії.— Археологія, 1968, с. 21, 206 и

сл.: Раевский К. Научно-исследовательская работа Одесского исторического музея.— ВДИ, 1939, № 12, с. 141.
101 Славін Л. М. Указ. соч., с. 138; Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева И. В. Раскопки поселений античного времени на Бугском лимане.— АО 1975, М., 1976, с. 357, 358.

лярным, системам, обычно из необработанных или полигональных плит¹⁰². Крыши, по-видимому, саманные или тростниковые, полы глинобитные.

Помимо описанных выше сооружений в районе сельской округи Ольвии В. В. Рубаном в последние годы открыт еще один весьма интересный тип сельского жилого дома конца IV — первой половины III в. до н. э., получивший наименование виллы¹⁰³.

Сооружение в плане представляет собой четкий параллелограмм, приближающийся к квадрату, со сторонами 33 и 36 м, площадью 1200 м² (рис. 17, 1, 2). В центре находился большой двор площадью 620 м², вокруг которого с четырех сторон находились крытые помещения. Входы располагались в двух противоположных сторонах почти по одной из главных осей комплекса. Вдоль западной и восточной сторон двора блокировались двухкамерные жилища, по северной и южной — трехкамерные. Каждый такой блок имел один выход во двор. Наружные стены глухие, по-видимому, как и располагавшиеся по периметру двора, каменные на всю высоту. Стены, разделявшие помещения, — сырцовые на каменных цоколях. Кладки иррегулярные из рваного известняка на глине, иногда встречаются камни вторичного использования. Полы глинобитные, кровли саманные.

Следует подчеркнуть, что для комплекса в целом характерно сочетание последовательно-иерархического принципа планировки двухкамерных жилищ и равнозначно-параллельного в трехкамерных и в характере блокировки всех типов жилищ в едином комплексе. Разбивка на местности четкая, в планировке помещений восточной, южной и западной сторон — прямоугольная.

В отличие от известных античных усадеб здесь отсутствует какой-либо один доминирующий блок — жилой дом владельца или управляющего, либо производственный комплекс, а оба типа жилищ объединяет единый общий двор. Жители комп-

лекса занимались земледелием и рыболовством — здесь обнаружены ступы, зернотерки, жернова, железные серпы, рыболовные грузила и крючки¹⁰⁴. Значительная толщина наружной стены (около 1 м) свидетельствует о наличии и оборонительной функции. В отношении социальной интерпретации комплекса представляется возможным высказать предположение о том, что здесь проживали две различные, скорее всего, в социально-правовом отношении группы населения. Типичный для Ольвии арсенал строительных конструкций и технических приемов при необычности плана дает основание для выделения этого сооружения в особую группу сельского домостроительства округи Ольвии (в настоящее время остатки усадеб обнаружены В. В. Рубаном в различных пунктах округи Ольвии)¹⁰⁵.

Подводя итог, можно наметить следующую картину развития домостроительства в Северо — Северо-Западном Причерноморье.

Первый этап (VI в. до н. э.) является временем возникновения поселения и формирования античных городов. Большинство поселений, появившихся в это время, просуществовало относительно недолго и с окончательным формированием Ольвии как города их население, очевидно, вошло туда. Для этапа характерно строительство однокамерных полуземлянок и землянок; в городе — в основном прямоугольной и реже круглой в плане формы, на поселениях — наоборот. На поселениях, кроме того, в ограниченных пределах велось и глиноплетневое строительство. Наземное сырцово-каменное домостроительство если и имело место, то в весьма ограниченных пределах.

Полуземлянки представляли собой один из вариантов типа временного жилища — однокамерный дом греческого колониста, прием заглубления которого в землю явился следствием использования местной традиции. Наличие в некоторых

102 Интересная особенность кладок выявлена на поселении Козырка II, где под каменными цоколями, лежащими на полевке, земляные части стен слегка заглубленных помещений облицованы орфостатными плитами. Марченко К. К., Доманский Я. В.,

Головачева Н. В., Рубан В. В. Работа периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 331—332. 103 Рубан В. В. Античная усадьба на побережье Бугского лимана. — АО 1973 г. М., 1974, с. 335, 336; Рубан В. В., Буйских С. Е. Исследования в

уроч. Дидова хата. — АО 1975 г. М., 1976, с. 386; Рубан В. В. Комплекс памятников античного времени в уроч. Дидова хата на Бугском лимане. — КСИА АН СССР, 1978, № 156, с. 32—36. 104 Рубан В. В., Буйских С. Е. Исследование в уроч. Дидова хата. — АО 1975 г. М., 1976, с. 386.

105 Рубан В. В., Отрешко В. М. Раскопки поселения Червоного II. — АО 1975 г. М., 1976, с. 387. 106 По данным Н. М. Секерской, двухкамерные землянки встречаются в Никонии (Секерская Н. М. Результаты раскопок в западной части Никонии. — КСИА АН СССР, 1978, вып. 156, с. 27 и сл.).

случаях двухкамерных полуземлянок¹⁰⁶ отнюдь не свидетельствует об эволюции планировки этого типа дома. Это косвенно подтверждается также тем, что однокамерные полуземлянки строились в Ольвийском предместье и Никонии и в более позднее время, когда уже в городах велось обычное наземное строительство.

В конце первого — начале второго этапов земляночное строительство в городах сменяется полностью (Ольвия) или частично (Никоний) наземным. Аналогичное явление прослеживается и на некоторых сельских поселениях.

Второй этап (рубеж VI—V — вторая треть IV в. до н. э.) ознаменовался распространением обычных греческих схем наземного жилого дома с использованием равнозначно-параллельного принципа планировки и выработкой местных античных типов, окончательное формирование которых произошло в эллинистическое время. К этому же этапу относится сложение такого важного объемного элемента, как подвалы — жилые и хозяйственные. Масштабы строительства относительно невелики. Строительство велось опытными, высококвалифицированными мастерами-профессионалами с использованием типичных античных приемов строительной техники. Характерна четкая, как правило, прямоугольная разбивка домов, высокое качество работ, использование сложных систем кладок, применявшихся в метрополии в основном в общественных и культовых сооружениях. Использование ордерных схем пока не зафиксировано, однако заимствование, а затем развитие на этом этапе аттического ордера, судя по находке баз колонн в ольвийском гимнасии, уже происходили. Этот этап можно рассматривать как этап рождения и начала эволюции античного жилого дома Северного Причерноморья. Ко второй половине этапа относится формирование жилых комплексов сельских поселений.

Третий этап (последняя треть IV—III в. до н. э.) является временем расцвета.

В Нижнем Поднестровье в этом отношении имеются отличия. Так, в Тире каких-либо значительных следов упадка домостроительства во II—I в. до н. э. не прослеживается. В Никонии — наоборот, этап расцвета заканчивается третьей четвертью IV в. до н. э.¹⁰⁷

Время расцвета в районе Ольвии характеризуется бурным увеличением объема строительства как в городе, так и на сельских поселениях. К этому времени относится формирование сельских домов.

Жилые дома Ольвии этого времени являются наивысшим достижением в области античного домостроительства данной зоны. Именно в это время происходит максимальное распространение ордерных домов, в наибольшей степени проявляются и локальные особенности, выработавшиеся в ходе эволюции местного античного домостроительства предшествующего этапа.

Характерно также нивелирование приемов строительной техники, в частности широчайшее распространение однорядных постелистых, иногда орфостатных систем. Средний уровень качества работ и конструкций снижается по сравнению с предыдущим этапом, что, по-видимому, объясняется притоком неквалифицированной силы. Это приводит к выработке общих, универсальных стандартных приемов, доступных строителям невысокой квалификации.

Наиболее важные отличия от домостроительства метрополии: относительно большая площадь дворов; наличие развитых жилых подвалов (в ордерных вариантах — подвальных пастад); наличие нетипичных безордерных схем, особенности которых обусловлены характером деятельности владельцев; распространение слоевых оснований; выработка особенностей аттического ордера; во всех известных в настоящее время городских жилых домах использование равнозначно-параллельного принципа планировки.

На IV этапе (во II — первой половине I в. до

107

Замайло А. Г. Несколько строительных комплексов древнего Никония IV в. до н. э. — 150 лет ОАМ, с. 114; Северская Н. М. Указ. соч., с. 27 и сл.

108

Кичилович Т. Н. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. — МИА, 1956, № 50, с. 135.

109

Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху, с. 333, 334.

110

Анализ археологических материалов позволил А. Н. Щеглову прийти к выводу о том, что на месте будущего Херсонеса могло находиться только ионийское, а не таврское (Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса. — МИА, 1953, № 34, с. 13)

поселение. Щеглов А. Н. Указ. соч., с. 333; Щеглов А. Полос и хора. Симферополь, 1976, с. 11.

111
Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху, с. 334, 335.

н. э.) в связи с нарастанием социально-экономического и военно-политического кризиса объем домостроительства (за исключением Тирь) сокращается. В результате возникновения сложной обстановки, отраженной в декретах, очевидно, наиболее зажиточная часть греческого населения постепенно начала покидать Ольвию. Город пустел. На остатках жилых домов северной окраины в конце эллинистического этапа появляются гончарные печи и отдельные примитивные постройки. Новые дома почти не строились. В основном велись перестройки, как правило, искажающие четкие первоначальные схемы. Перестройки в массе носили небрежный и непрофессиональный — кустарный характер. Обычно они направлены на дробление помещений, на сокращение площади внутри жилых комнат, выделение всевозможных «закутков» и т. п. Создается картина почти полного отсутствия в городе строителей-профессионалов. В области строительной техники получили максимальное распространение кладки из камня вторичного использования с несоблюдением какой-либо одной принятой системы, без обработки материала и т. п. Характер планировочных изменений и особенностей кладок свидетельствует о значительной деградации приемов строительного дела и планировки домов. Последнее согласуется с данными эпиграфики, свидетельствующими о резком увеличении варварского элемента в населении Ольвии только после рубежа нашей эры¹⁰⁸.

Западный Крым.

Античные жилые дома Западного Крыма представлены относительно малым количеством исследованных памятников при крайней неравномерности их распределения по периодам и этапам.

Так, например, практически почти совсем не изучен ранний этап — ионийской колонизации (VI — первая половина V в. до н. э.)¹⁰⁹. Строительных остатков этого времени в районе Херсонеса пока не обнаружено вообще¹¹⁰. Постройки же этого этапа, раскопанные в Керкинитиде, относят-

ся ко времени не ранее конца VI — начала V в. до н. э. и, к сожалению, слишком малочисленны.

Второй этап — дорийской колонизации (вторая половина V — первая половина IV в. до н. э.)¹¹¹ характеризуется основанием Херсонеса в 422—421 гг. выходцами из Гераклеи Понтийской¹¹² и постепенным укреплением его экономики. Город в это время был невелик, около 20 га; здесь размещалось 400—500 домов с населением в 2—3 тыс. человек¹¹³. К этому же времени относится и начало освоения окружающей сельской территории, появление первых усадеб¹¹⁴. Строительные остатки этого времени раскопаны, но они слишком фрагментарны.

Таким образом, говорить о ранних этапах домостроительства в Западном Крыму — о генезисе типов домов и начале их эволюции можно весьма приблизительно на основании аналогий и анализа домостроительства эллинистического времени.

Более полное представление о домах и усадьбах можно составить только на основании материалов, относящихся к III этапу — максимального политического и экономического расцвета Херсонеса во второй половине IV—III в. до н. э. В это время происходит освоение Северо-Западного Крыма, подчинение Керкинитиды, основание Калос-Лимена и сельских поселений различных типов, расцвет усадебного строительства, превращение Херсонеса к концу IV—III в. до н. э. в крупное эллинистическое государство¹¹⁵. Площадь Херсонеса увеличивается почти в два раза, количество жителей достигает 6—10 тыс. человек¹¹⁶.

О домах следующих двух этапов — кризиса Херсонесского государства и Боспорского протектората¹¹⁷ — сведений недостаточно. Очевидно, войны со скифами, начавшиеся с середины — конца III в. до н. э., потеря к середине II в. до н. э. Северо-Западного Крыма, зависимость с конца II в. до н. э. от Митридата VI Евпатора вряд ли могли способствовать развитию домостроительст-

112 Тюменев А. И. Херсонесские этюды, 1-2.— ВДИ. 1938, № 2, с. 257.
113 Щеглов А. Полис и хора, с. 14—15.

114 Стржеleckий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму.— Херсонесский сборник, 1961, № 6, с. 29.

115 Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ленинград, 1971, с. 19—21.
116 Блов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1960 гг.— В кн.: История и археология древнего Крыма. К., 1957, с.

238—239; Щеглов А. Н. Полис и хора, с. 21.
117 Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху, с. 339, 340.

ва. Скорее всего, в это время в домостроительстве наблюдался застой, хотя, разумеется, дома, построенные раньше — в III в. до н. э., продолжали существовать и во II в. до н. э.

Основным археологическим источником являются незначительные остатки жилых построек конца VI — начала V в. до н. э. в Керкинитиде и около двух десятков домов этапа расцвета в самом Херсонесе, в Старом Херсонесе, в Калос Лимене, Керкинитиде, а также усадьбы клеров и домов поселений сельской округи.

Открытые в Керкинитиде ранние строительные остатки времени, предшествовавшего основанию Херсонеса, позволяють предполагать, что уже на этом этапе здесь существовали не менее чем двухкамерные наземные прямоугольные в плане и четко разбитые на местности дома с каменными стенами¹¹⁸. О том, что открытые наиболее ранние остатки действительно могут относиться к V, а не VI в. до н. э., свидетельствует наличие среди сопровождающего материала керамики V в. до н. э.¹¹⁹ Кладки стен — однорядные постелистые, приближающиеся к иррегулярным, двухслойные толщиной 0,35—0,45 м из плит с обработанными лицевыми сторонами и выступающим фундаментным рядом; одна из внутренних стен выложена из плоской гальки¹²⁰. Эти постройки вполне надежно могут быть отнесены к античной традиции. По своим особенностям они соответствуют жилым домам Ольвии начала второго этапа — смены земляночных построек наземными.

Недостаток данных не позволяет вполне определенно установить, предшествовал ли ранним наземным постройкам Керкинитиды этап земляночного строительства — слишком мала раскопанная площадь. Учитывая, однако, что в более поздних домах здесь уже имеются подвалы, как равно и в самом Херсонесе, представляется, что этап земляночного строительства мог иметь место.

Переходя к анализу жилых домов этапа расцвета Херсонесского государства, следует прежде все-

го подчеркнуть высокую степень организации планировки городов и поселений, характерную для этого района в целом, широкое распространение здесь принципов единой регулярной прямоугольной системы планировки. Это существенно отличало античные города и поселения Западного Крыма от Ольвии и ее окружения и в свою очередь способствовало относительно более высокой степени типизации жилищ, четкости и прямоугольности их планировки.

Реконструкция планировки эллинистических домов Херсонеса, предложенная Г. Д. Беловым, за исключением некоторых второстепенных моментов, возражений не вызывает¹²¹.

Раскопанные дома Херсонеса в своем большинстве относятся к группе безордерных домов малой и большой площадей типичной схемы.

Они имеют внутренние дворы, основные группы помещений расположены к северу и северо-востоку от дворов; типично наличие входных коридоров, часто с утопленным входом¹²². Дома имеют обычно четкую прямоугольную разбивку на местности, блокируются в кварталы. Площадь застройки домов малой площади 145—190 м², большой — 220—240 м²¹²³. Дома имеют водостоки, а во дворах — цистерны или колодцы (иногда и то и другое) для хранения воды¹²⁴. Некоторым из этих домов присуща относительная симметричность планировки, заключающаяся в расположении входного коридора вдоль главной продольной оси, а внутреннего двора — поперек нее (рис. 18, 3, 4, 5, 8). Симметричность планировочного приема некоторых из этих домов, а также отсутствие жилых подвалов и слоевых оснований

Полис и хора, рис. на с. 30, 31). Обоснования к ним не опубликованы. В предлагаемых нами эскизах объемных графических реконструкций дано иное решение крыш, высот и горизонтальных размеров отдельных объемов, выделены комплексы объемов отдельных домов в целом. При определении количества скатов и сопряжений кровель, помимо учета планировочных данных и высот объемов, принималась во внимание наибольшая целесообразность конструктивного решения каждого конкретного узла. Высоты крыш определены исходя из размеров пролетов

и угла подъема скатов. При выделении комплексов отдельных домов учитывалась малая вероятность устройства единых сопряжений кровель домов, принадлежавших разным владельцам (*Крижицький С. Д.* Деякі питання методики реконструкції житлових будинків Північного Причорномор'я елліністичної епохи.— *Археологія*, 1971, вип. 1).
122
Белов Г. Д. Северный и прибрежный район Херсонеса.— *МИА*, 1953, № 34, с. 15.
123
Цифры подсчитаны по

118
Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории (Предварительные итоги).— *КСИИМК*, 1955, вып. 58, с. 64 и сл., рис. 22, 23.

119
Наливкина М. А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952).— В кн.: *История и археология древнего Крыма.*

К., 1957, с. 267, 268.

120
Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории, с. 67, 68.

121
Имеются в настоящее время и объемные реконструкции — макет дома в XV квартале, графические изображения двух кварталов (*Щеглов А.*

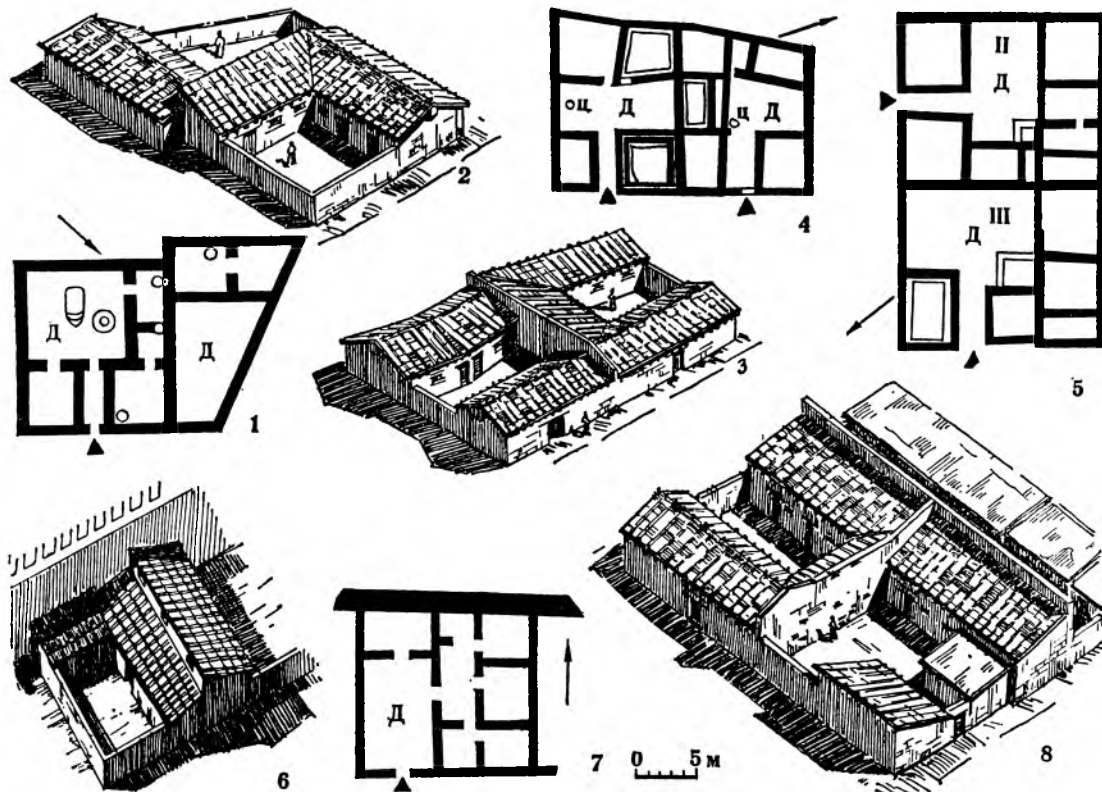

Рис. 18.
Эллинистические жилые
дома Херсонеса. Дом
красильщика:
1 — план; 2 — эскиз объемной
реконструкции
(Крыжицкий С. Д.).
Дома квартала VIII:

3 — эскиз объемной
реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 4 — план.
Дома II, III в квартале XVI;
5 — план; 8 — эскиз объемной
реконструкции (Крыжицкий
С. Д.).

Дом в Калос Лимене:
6 — эскиз объемной

реконструкции (Щеглов А. Н.);
7 — план.

Дано по: 1 — Белов Г. Д. Раскопки
в Херсонесе в 1959 г. — СГЭ,
1962, № 22, рис. на с. 54;
4 — Белов Г. Д. Херсонес
Таврический. Л., 1948, с. 87,
рис. 18; 5 — Белов Г. Д.,

Стржелецкий С. Ф. Кварталы
XV и XVI (раскопки 1937 г.). —
МИА, 1953, № 34, с. 58, рис. 26;
с. 63, рис. 31; 6, 7 —
Щеглов А. Н. Жилой дом
эллинистического Калос Лимена
(опыт реконструкции). —
ХКААМ. М., 1976, с. 234,
рис. 2.

отличают их от ольвийских домов близких
типов¹²⁵. Основные отличия домов Херсонеса
от домов Греции заключаются в симметричност
планировочных приемов некоторых из них,
что типично для атриумных римских домов, в от

носительно большей площади дворов, составляю
щей 16—25% площади застройки в семи случаях
из девяти, в наличии вырубленных в скале подвал
ов, не имеющих искусственных стен и являющих
ся складскими помещениями¹²⁶. Наиболее ха

опубликованным обмерным
чертежам (Белов Г. Д. и
Стржелецкий С. Ф. Кварталы
XV и XVI (раскопки 1937 г.). —
МИА, 1953, № 34, табл. I, II;
Белов Г. Д. Итоги раскопок в
Херсонесе за 1949—1953 гг. —
СА, 1953, № 24, с. 258, рис. 1;
Белов Г. Д. Отчет о раскопках
Херсонеса за 1935—1936 гг.

Симферополь, 1938, план
1936 г.).
124
Белов Г. Д. Северный
прибрежный район Херсонеса,
с. 15.
125
Судя по высказыванию в ряде
статей, автор раскопок считает,
что херсонесские подвалы

имели главным образом
складское назначение (Белов Г. Д.
Раскопки в Херсонесе в 1957 г. —
СГЭ, 1959, № 16, с. 64).
Следует, однако, отметить, что
находки в подвалах в отдельных
случаях алтарей (Белов Г. Д.
Античный дом в Херсонесе.
По раскопкам 1947—1948 гг. —
ВДИ, 1950, № 2, с. 110),

учитывая иногда
дополнительную специально
нарошенную наземными стенами
глубину подвалов, могут
указывать и на иное
использование некоторых из них.
126
Белов Г. Раскопки в
Херсонесе в 1957 г. — СГЭ,
1959, 16, с. 64.

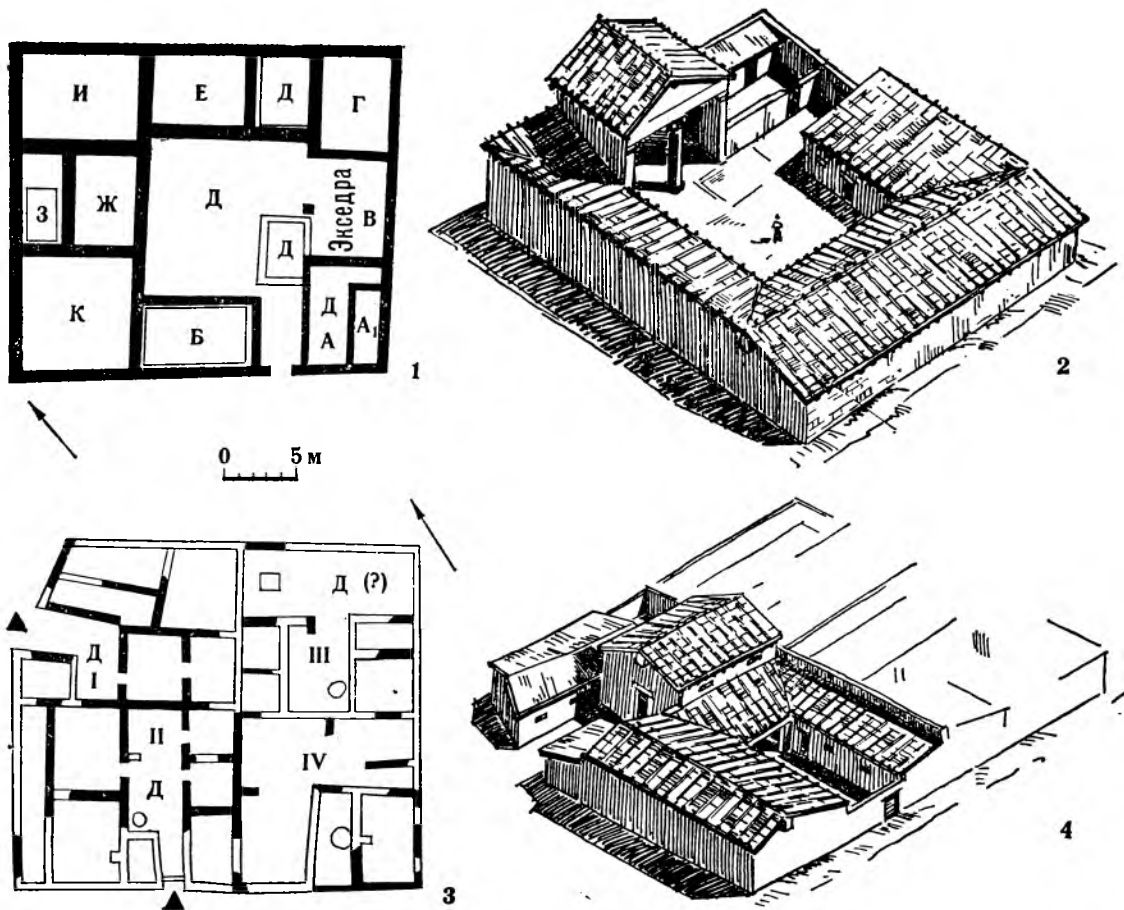

Рис. 19.
Эллинистические дома
Херсонеса. Дом с экседрой
квартала XV:

1 — план; 2 — эскиз объемной
реконструкции (Крыжицкий
С. Д.). 3 — план; 4 — эскиз
объемной реконструкции
Дома квартала XIX:

рактерными являются дома из раскопок 1936 г. (рис. 18, 3, 4)¹²⁷, отчасти дома XVI (рис. 18, 5, 8) и XIX (рис. 19, 3, 4)¹²⁸ кварталов. В ряде случаев исследователям удалось установить и местоположение кухонь с подсобными помещениями. Последние, в противоположность жилым комнатам, располагались в юго-западных частях домов и ориентировались, таким образом, на север¹²⁹, что соответствует рекомендациям Витрувия.

Следует подчеркнуть, что в Херсонесе пока ни

(Крыжицкий С. Д.), решение
дома II принято по: Щеглов А. Н.
Полис и хора. Симферополь,
1976, рис. на с. 31.
Дано по: 1 — Белов Г. Д.,

Стржелецкий С. Ф. Кварталы
XV и XVI, с. 50, с. 19; 3 —
Белов Г. Д. Эллинистический
квартал в Херсонесе. — ВДИ,
1956, № 3, с. 141, рис. 1.

в одном из домов не удалось выявить группу андрона. Единственное же помещение с галечной вымосткой с сюжетным изображением (рис. 20)

127
Белов Г. Д. Отчет о раскопках
Херсонеса за 1935—1936 гг.,
с. 196 и сл.; Схематический
план см.: Белов Г. Д. Херсонес
Таврический. Л., 1948, с. 87,
р. 18.

128
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.
Кварталы XV и XVI. Раскопки
1937 г. — МИА, 1953, № 34,
с. 39 и сл., табл. I, II; Белов Г. Д.
Итоги раскопок в Херсонесе за
1949—1953 гг. — СА, 1955, 24,
с. 257 и сл., рис. 1.

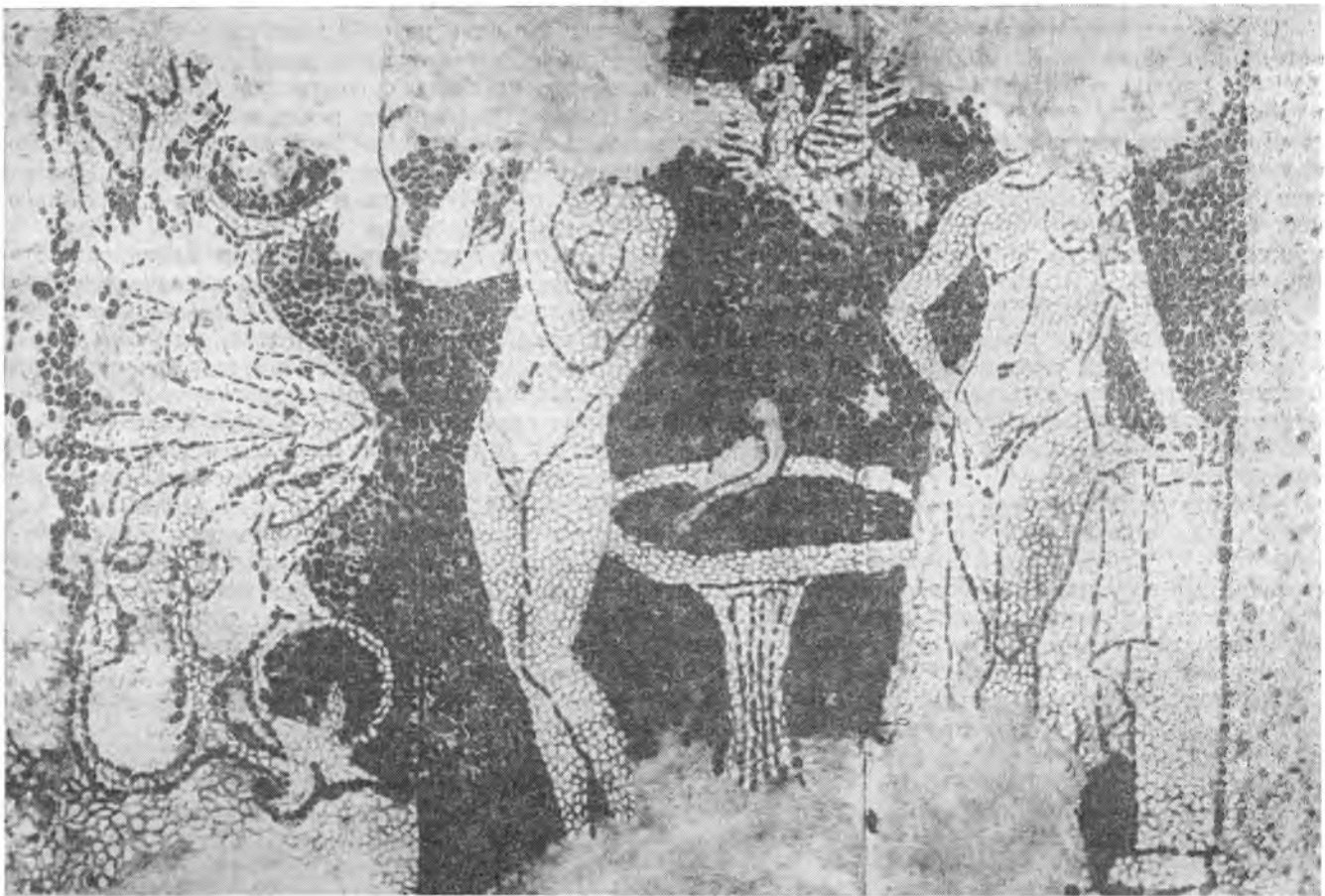

Рис. 20.
Эллинистическая мозаика
из Херсонеса.

(наличие таких вымоستок характерно для андронов) связывается исследователями с баннным комплексом¹³⁰.

По предположению Г. Д. Белова, один из домов (дом II квартала XIX) был ордерным — простадным (рис. 19, 3, 4)¹³¹. Следует, однако, отметить,

что данная «простада» имеет важную особенность, отличающую ее от домов, в частности, Приены — боковое в плане расположение помещения, к которому она относится. В связи с этим данную «простаду» следует рассматривать как экседру¹³².

Несмотря на то что основным планировочным принципом домов Херсонеса являлся равнозначно-параллельный, каких-либо данных, указывающих на возможность существования здесь пастад, нет.

129
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., с. 68.
130
Белов Г. Д. Эллинистическая мозаика.— МИА, 1953, № 34, с. 281 и сл.

131
Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе.— ВДИ, 1956, № 3, с. 143, рис. на с. 141.

132
Нет также никаких оснований для вывода о наличии перистиля и простады в реконструкции

части двора ордерного дома, предложенной Б. Н. Федоровым (Федоров Б. Н. О композиции и реконструкции жилого дома конца IV—III вв. до н. э. в VII квартале Херсонеса.— Проблемы развития зарубежного искусства, 1975, вып. 5, с. 18—25).

В Херсонесе открыто также несколько домов нетипичной схемы, в частности: дом IV квартала XVI¹³³, дом I квартала XV¹³⁴, дом красильщика¹³⁵.

Дом красильщика (рис. 18, 1, 2) выделяется наличием двух дворов, один из которых расположен необычно — в северной части дома¹³⁶. Последнее вызвано, скорее всего, производственными нуждами, поскольку в этом доме засвидетельствованы остатки красильного производства¹³⁷.

Дом IV квартала XVI отличается отсутствием двора и вытянутым планом — все помещения ориентированы на северо-восток вдоль узкого прохода, что позволило автору раскопок (как представляется, вполне справедливо) предположить не жилое назначение этих помещений, а, скорее всего, торговое¹³⁸.

Дом квартала XV имел экседру (рис. 19, 1, 2), что само по себе не типично для Северного Причерноморья. Кроме того, эта экседра располагалась по юго-восточной стороне двора, т. е. имела практически северную ориентацию. Другой особенностью этого дома является наличие второго «черного» двора с колодцем¹³⁹.

В связи с этим следует сказать, что экседры для рядовых жилых домов Греции в целом не характерны, и тем более не характерно расположение таких помещений по южной стороне двора (т. е. их северная ориентация). Подобные помещения типичны для домостроительства Древнего Востока¹⁴⁰ (айваны) и отчасти для римского домостроительства.

Таким образом, только в одном из трех перечисленных домов — в доме XV квартала (и отчасти в ордерном доме II из XIX квартала) нетипичность планировки можно отнести за счет каких-либо внешних влияний.

В объемном отношении большинство домов было, очевидно, одноэтажными¹⁴¹. Второй этаж предполагается только в доме XV квартала исходя из значительной толщины его стен¹⁴². Хотя в данном

случае это само по себе вряд ли может служить достаточным основанием для подобного заключения, тем не менее существование в городе двухэтажных домов вполне реально. Судя по находке капители «четырёхгранной колонны»¹⁴³, можно предполагать использование в ордерных домах наряду с ионическим и дорическим аттического ордера.

Еще меньше, чем в отношении ольвийских домов, нам известно о конкретном характере декора интерьеров домов Херсонеса. Судя по упоминавшейся галечной вымостке с изображением сцены умывания (рис. 20), а также штукатурке, окрашенной в технике фрески или энкаустики в желтый, голубой и преимущественно красный цвета¹⁴⁴, арсенал приемов декора мог быть аналогичным ольвийским домам. Однако для установления стилевых особенностей данных пока недостаточно.

Конструкции домов Херсонеса имели особенности, отличные от ольвийских. Так, наряду с устройством глинобитных и деревянных полов и че-

за 1959 г. Л., 1960, с. 40—

42.

Белов Г. Раскопки в Херсонесе в 1955 г.— СГЭ, 1956, № 10, с. 54.

137

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г.— Херсонесский сборник, 1959, вып. 5, с. 13 и сл.

138

Белов Г. Д. и Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., рис. 67.

139

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., с. 52—54. По-видимому, следует считать недоразумением трактовку помещения Ж как простადы (Белов Г. Д. и Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., с. 56). Авторы Отчета пишут, что помещение Ж отделялось от двора стенкой, наружная сторона которой облицована крупными камнями, а внутренняя — мелкими.

В Отчете не приведена сохранившаяся высота этой стены. Однако и без этого характер ее кладки исключает возможность интерпретации стены как стилобата под колонны, даже в случае полузакрытого портика. Не соответствует общему чертежу и реконструктивная схема, где помещение Ж сдвинуто слишком далеко к востоку. Кроме того, не

приводится никакого обоснования определения длины помещения Ж, равной 8 м, судя же по обмеру этого помещения, вряд ли его длина могла превышать 6 м (Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., рис. 19, табл. I, II; Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Крым, 1938, план раскопок 1936 г.). Выпадает из общего плана и помещение Л, которое, судя по его положению, практически перекрыло бы выход из двора во входной коридор. По-видимому, данное помещение относилось к иному строительному периоду.

140

Кошеленко Г. А. Архитектура жилища греческих городов Парфии.— АГ. М., 1963, с. 173 и сл.

141

Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе, с. 144.

142

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., с. 70.

143

Там же, с. 52. Остатки трех квадратных в сечении столбов упоминаются и в доме I квартала XV. (Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса, с. 15).

144

Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе, с. 143.

133

Белов Г. Д. и Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., с. 65 и сл., рис. 35, табл. 1.

134

Там же, с. 49 и сл., рис. 19, табл. 1.

135

Белов Г. Д. Отчет о раскопках

в Херсонесе в 1955 г.—

Херсонесский сборник, 1959, вып. 5, с. 13—20, рис. 1;

Белов Г. Раскопки в Херсонесе в 1957 г.— СГЭ, 1959, 16, с. 64—67, рис. на с. 65;

Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1959 г.— В кн.: Теа. докл. науч. сессии, посвящ.

итогах работ Гос. Эрмитажа

репичных кровель¹⁴⁵ здесь не было слоевых оснований, полы входных коридоров и дворы имели иногда галечные на глине вымостки (в Ольвии только в андронах и на цемяночном растворе), кладки в большинстве случаев сложены весьма небрежно, по однорядным постелистым системам (сложные системы почти отсутствовали), из плохо обработанных, небрежно выкадрованных плит; притеска по месту отсутствовала, щели часто заполнялись щебнем¹⁴⁶. Сказанное относительно кладок можно, по-видимому, объяснить резким увеличением объемов строительства в эллинистическое время (что, как и в Ольвии, очевидно, вызвало приток в эту сферу неквалифицированной рабочей силы). Вместе с тем четкая организация планировки города и его кварталов, отдельные примеры высококачественных кладок свидетельствуют, что градостроительством и строительством руководили люди, обладавшие достаточно высокими профессиональными знаниями, хорошо знакомые с античными строительными традициями.

Помимо домов Херсонеса, следует упомянуть и дома так называемого старого Херсонеса. Возникший около середины IV в. до н. э. старый Херсонес, заключенный между двумя параллельными оборонительными стенами, находился на перешейке Маячного полуострова и имел единую регулярную прямоугольную систему планировки¹⁴⁷. Несколько раскопанных у оборонительной стены домов имели четкую прямоугольную разбивку и, судя по реконструкции А. Н. Щеглова, Г-образное расположение основной группы крытых помещений к северо-востоку относительно двора¹⁴⁸. Эти дома малой площади (180—270 м²) нетипичной схемы, что выразилось в относительно большой площади дворов (37—50% площади застройки), членении дворов на две части, в выделении изолированных в объемно-планировочном отношении отдельных помещений. Эти отклонения могут объясняться тем, что раскрытые дома, непосредственно примыкавшие к оборонительной стене, имели вы-

ходы в оборонительную башню и на стену, т. е. в определенной мере были связаны с оборонительной функцией. По основному планировочному принципу рассмотренные дома относились к параллельно-равнозначной схеме.

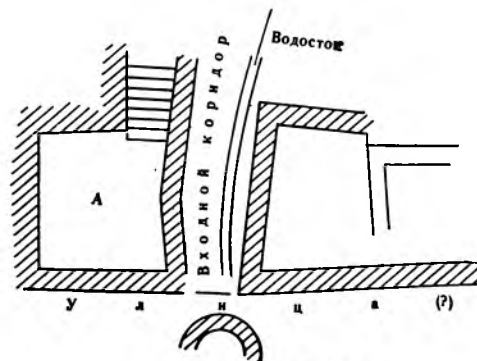

Рис. 21.
Схема расположения
строительных остатков
жилого дома в Керкинитиде.

Из других городских домов этого времени следует отметить остатки домов в Керкинитиде и Калос Лимене.

Строительные остатки в Керкинитиде дают основание считать, что здесь один из домов имел подвальный блок, жилое назначение которого в данном случае вряд ли может вызвать сомнение. Так, один из подвалов — А (рис. 21) глубиной 2,35 м, в который вела каменная лестница, построенная за его пределами, имел, помимо входного, еще два дверных проема в западной стене¹⁴⁹. Это позволяет заключить, что в доме имелось не менее, по крайней мере, двух подвалов с самостоятельно выделенным входом-лестницей¹⁵⁰. Судя

второго этажа. (Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе, с. 143; Белов Г. Д., Стрелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г., с. 57).

147. Щеглов А. Н. Старый Херсонес Страбона.— 150 лет ОАМ, с. 136.

148. Щеглов А. Полис и хора, с. 41—43, рис. на с. 42.

149. Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории, с. 68, 69.

150. В этой связи несколько

непонятно сомнение автора раскопок в том, что рассмотренное помещение с самого начала являлось подвалом: «...и лишь потом, после заклада двух входов в западной стене (помещение — С К.) использовалось как подвальное» (Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории, с. 68). Поскольку кладки северной, западной и восточной стен этого помещения однолинейные (там же, рис. 22, 1, 23), помещение с самого начала было впущено в землю и, таким образом, являлось подвалом.

145. В Херсонесе применялась в основном сицилийская система. (Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Археология СССР.— САИ, 1966, вып. Г 1-20, с. 46, 47, табл. 32). Наличие массивных кирпичей коринфского типа

позволяет предполагать использование и коринфской системы.

146. Толщина стен в большинстве рядовых домов 0,45—0,55 м. Встречаются кладки толщиной до 0,7—1 м и более, что, по мнению автора раскопок, свидетельствует о наличии

по характеру расположения остатков, можно предполагать, что в наземной части дома, к северу от подвала, находился входной коридор с водостоком¹⁵¹, через который внутренний двор сообщался с улицей. В данном случае налицо типичный планировочный узел входной части дома с подвалами и двора.

Кладки этого дома однорядные, как постельные, так и орфостатные, из прямоугольных хорошо обработанных и тщательно выкадрованных плит и блоков, местами, очевидно, с притеской по месту, но без строгой последовательности в соблюдении принятой системы¹⁵². Подобные кладки характерны для ольвийского домостроительства начала эллинистического времени, когда начался переход от тщательно и последовательно выполненных, часто сложных систем к массовому строительству. Сказанное позволяет предполагать, что характер домостроительства Керкинитиды был, пожалуй, ближе чертам, типичным для Ольвии, чем домостроительство Херсонеса.

Дом в Калос Лимене (рис. 18, 6, 7) имел четкую прямоугольную разбивку¹⁵³. Судя по интересной, имеющей обоснование реконструкции А. Н. Щеглова¹⁵⁴, относился к безордерным домам типичной схемы малой площади с Г-образным расположением крытых помещений к северу и востоку от двора. Площадь застройки 172 м², площадь двора составляла 26%*. Основной планировочный принцип — равнозначно-параллельный. Важной особенностью является расположение основной группы помещений в два ряда, причем два северных помещения, являвшиеся практически одним, находившиеся у двора, судя по меньшему пролету, выполняли по сути роль пастады. В связи с этим необходимо сказать, что вряд ли можно согласиться с автором реконструкции, трактующим центральное из этих помещений как простаду¹⁵⁵. Ни по своей планировке, ни по функции (оно объединяет три группы помещений, одна из которых имела кухонную функцию) это помещение не

являлось простадой. Простада — это передняя, обычно в виде портика, являвшаяся входным помещением, за весьма редкими исключениями, только для одной центральной комнаты — ойкоса или же ойкоса и связанной с ним по последовательно-иерархическому принципу группы других помещений. Пастада же, как говорилось выше, — помещение-портик, объединяющее несколько часто совершенно различных по функции помещений, как это и имеет место в данном случае¹⁵⁶.

Значительную, но пока недостаточно изученную категорию построек, имеющих наряду с другими и жилую функцию, представляли собой сельские усадьбы. Площадь малых усадеб составляла 300—500 м², больших — 600—1300 м²; они, как правило, состояли из трех блоков: жилого, хозяйствен-

попасть в рассмотренный подвал. Расположение двора в указанном месте подтверждается и местоположением лестницы в подвал.

Такие лестницы, по данным Херсонеса и Ольвии, обычно располагались возле дворов.

152

Наликина М. А. Раскопки в Евпатории, с. 69, рис. 23.

153

Наликина М. А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена, с. 274, рис. 8.

154

Щеглов А. Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена. — ХКААМ, с. 222—238.

Судя по продолжению южной стены дома, к востоку находилось соседнее домовладение.

Это ставит под сомнение устройство ската кровли над восточными помещениями с уклоном к востоку. Ниже западного карниза кровли центрального блока, очевидно,

находилась и крыша северного помещения, поскольку его южная стена соединялась с восточной впритык. В своей последней работе А. Н. Щеглов дает иное решение восточного блока, но без обоснования

(Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 79).

*

Подсчет сделан по обмерному чертежу с учетом реконструированной А. Н. Щегловым ширины дома, равной 14 м.

155

Щеглов А. Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена, с. 232 и сл.

156

Нельзя согласиться с автором и в том, что простада может представлять собой «дальнейшее развитие пастады»

(Щеглов А. Н. Указ. соч., с. 222 и сл.). Оба эти планировочные приема имеют своим прототипом мегарон, причем простадный тип дома в

своем классическом варианте на много ближе в типологическом отношении к мегарону, чем пастадный. Оба типа домов в рассматриваемое время развивались параллельно, и если и можно ставить вопрос об их эволюционной связи, то только в противном мнению А. Н. Щеглова направлении: от простады к пастаде.

157

Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического.

К истории древнего земледелия в Крыму. — Херсонесский сборник, 1961,

№ 6, с. 111

158

Там же, с. 111, рис. 65, 100.

159

Интересный пример представляют собой усадьбы № 3 и 4 на Маячном полуострове (Стржелецкий С. Ф.

Клеры Херсонеса

Таврического, рис. 10, 14).

160

Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 112.

151

Наликина М. А. Раскопки в Евпатории, рис. 22, 1, с. 70. Взаимный характер расположения строительных остатков, в частности выгнутый по одной линии восточный фасад всех помещений (наземных и подвальных), позволяет считать, что именно с этой

стороны построек проходила улица. Последнее косвенно подтверждается и наличием в этом месте поглощающего колодца. Водосток же, расположенный в промежутке шириной около 1 м между помещениями, отводил воду из внутреннего двора, отсюда, скорее всего, и можно было

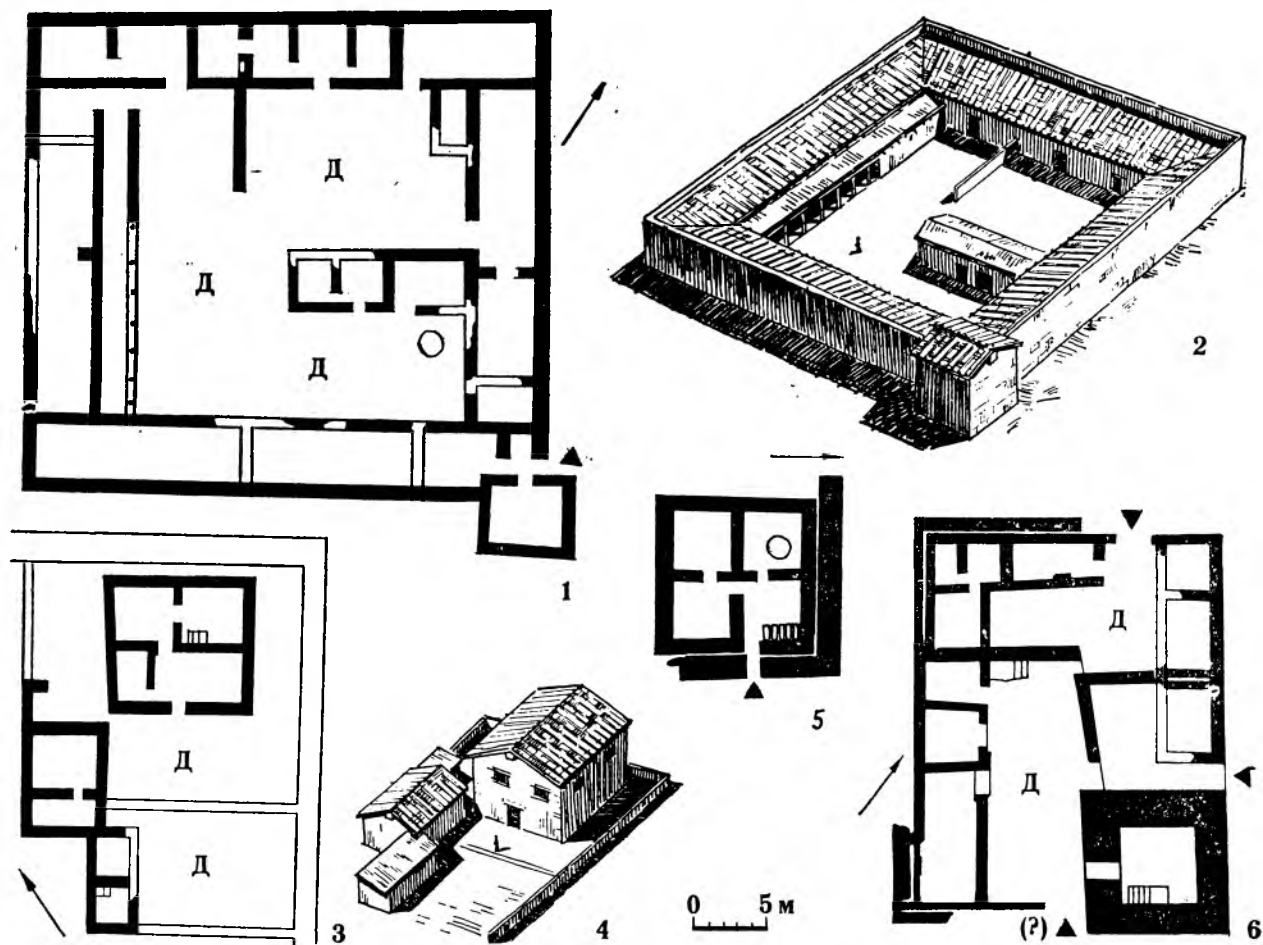

Рис. 22.
Сельские усадьбы
с развитой оборонительной
функцией.
Усадьба клера № 25:

1 — план; 2 — эскиз объемной
реконструкции
(Крыжицкий С. Д.).
Усадьба клера № 1:
3 — план; 4 — эскиз объемной
реконструкции

(Крыжицкий С. Д.,
Щеглов А. Н.) (Щеглов А. Н.
Полис и хора, рис. на с. 65);
5 — план башни на городище
Беляус; 6 — план усадьбы
клера № 26.
Дано по: 1, 3, 6 —
Стржелецкий С. Ф. Клеры

Херсонеса Таврического, рис. 6
65, 100; 5 — Дашевская О. Д.
Античная башня на городище
Беляус. — КСИА АН СССР,
1969, вып. 116, с. 85 и сл.,
рис. 27.

ного и для содержания скота (усадьбы клеров № 25, 26, рис. 22, 1, 2, 6)¹⁵⁷. В одних случаях подобное разделение прослеживается достаточно четко (усадьба № 25), в других — весьма слабо (усадьба № 26)¹⁵⁸. Планировочной основой жилых блоков части этих усадеб были типы городских античных жилых домов. Например, комплекс

жилых помещений с пастадой и т. п. В этих случаях основным отличием от городского жилища являлись иногда просто более значительные размеры хозяйственной группы и общего двора (рис. 23, 1, 3, 4)¹⁵⁹. Характерными особенностями жилых блоков усадеб являлось их размещение в северной части плана¹⁶⁰, группировка комнат в один или

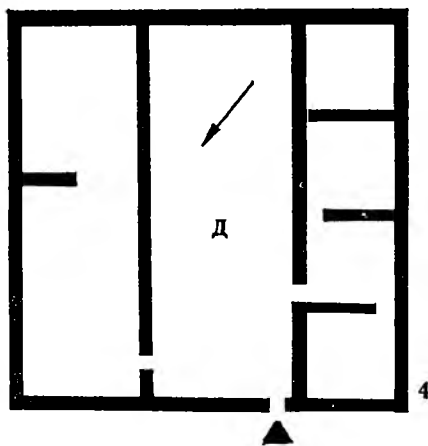
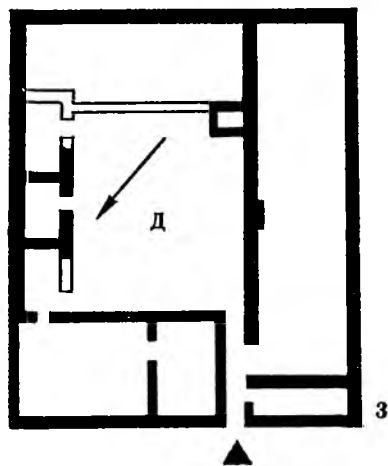
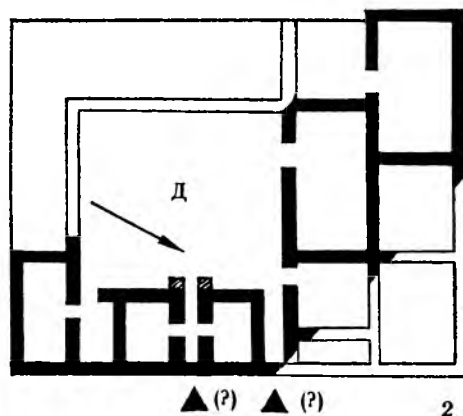
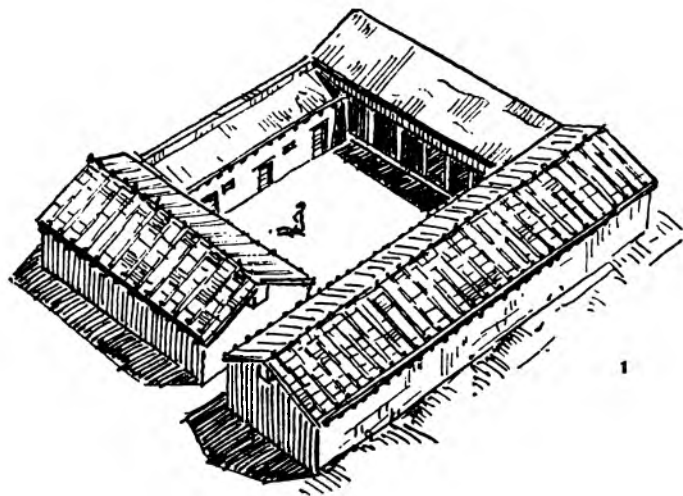

Рис. 23.
Усадьбы клеров на
Маячном полуострове:
усадьба клера № 3:

1 — эскиз объемной
реконструкции
(Крыжицкий С. Д.), 3 — план;
усадьба клера № 4: 4 — план;
2 — усадьба клера у бухты
Ветреной, план, 5 — дом «с
контрфорсами» II—III вв. н. э.
на городище Тарханчи
Дано по: 3, 4 —
Стржелецкий С. Ф. Клеры
Херсонеса Таврического.
Херсонесский сборник, 1961,
вып. 6, рис. 10, 14.
2 — Щеглов А. Н. Исследование
сельской округи Калос

Лимена.— СА, 1967, № 3,
с. 249, рис. 9; 5 — Щеглов А. Н.
Тарханкутская экспедиция в
1962—1963 гг.— КСИА АН
СССР, 1965, вып. 103, с. 140 и сл.

два ряда как с равнозначно-параллельным (рис. 23, 2), так и последовательно-иерархическим принципом планировки¹⁶¹ (рис. 23, 3), возможно использование пастадного типа¹⁶². Наряду с этим выработался особый тип, в некоторых случаях башенного, жилого дома без внутреннего двора, с четко выраженной оборонительной функцией (усадьба клера № 1, башни клеров № 25, 26, башня на городище Беляус, рис. 22). В последние годы такие башенные укрепленные жилища открыты также на поселении Маслины в Северо-Западном Крыму¹⁶³ и на городище Скелька на правом берегу

Днепровского лимана. Помимо прямоугольных в плане жилых башен в Северо-Западном Крыму известны и круглые¹⁶⁴.

По размещению в плане усадьбы, своему значению, особенностям планировки социальная интерпретация жилых блоков различна. В одном случае это может быть жилищем владельца или управляющего крупным поместьем (рис. 22, 3, 4). В другом — жилищем зависимых сельских жителей, возможно, даже и рабов (рис. 22, 1, 2, 6).

Часть усадеб (например, № 25, 26) в определенной степени соответствовала описаниям античных авторов. Однако вряд ли правомерно проводить параллель между херсонесскими и италийскими виллами¹⁶⁵. Последние в силу своей специфики (принципов планировки жилых и хозяйственных блоков) весьма существенно отличались от херсонесских. Речь может идти только об общности принципа объединения городского жилого дома с сельскохозяйственным производством.

Важно также подчеркнуть, что практически все херсонесские усадьбы относятся к группе «villa rustica». Ни одной усадьбы типа «villa urbana» пока не обнаружено. Это позволяет рассматривать жилые блоки усадеб как типичные образцы сельского дома в районе Херсонеса.

Специфика планировки отдельных жилых блоков усадеб, в частности использование в некоторых случаях последовательно-иерархического принципа либо выделение жилого блока без внутреннего двора, не типичных для городских домов Херсонеса, может являться следствием воздействия как производственной и оборонительной функции, так и влияния тенденций местного неантичного домостроительства, возможно, даже непосредственно наличием на поселениях неантичного этнического элемента.

В остальном, однако, античный греческий характер жилых блоков усадеб сомнений не вызывает. Причем античные планировочные приемы

161 В этом отношении представляют интерес также Чайкинский городище, усадьбы в окрестностях Керкинитиды и особенно здание 6 на поселении Панском I (Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху, с. 58 и сл.; 80 и сл., 96; рис. 27, 39, 52).

162 Сообщение А. Н. Щеглова на сессии ЛОИА АН СССР, посвященной 50-летию Советской власти. Аналогичный прием планировки в усадьбе у бухты Ветреной (Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена.— СА, 1967, № 3, рис. 9 на с. 249).

прослеживаются не только в районе самого Херсонеса, но и на Чайкинском, Южно-Донузлавском, у бухты Ветреной, у оз. Панского¹⁶⁶ и в других поселениях. Не исключено, что планировочные приемы сельскохозяйственных усадеб нашли известное развитие в нижнеднепровских городищах, как, например, Золотая балка. Близкий характер крестовиц Тарпанчи и Козацкого городища отмечает, в частности, и А. Н. Щеглов¹⁶⁷.

Этим исчерпываются достаточно представительные материалы по домостроительству Западного Крыма в эллинистическое время. Отсутствие поддающихся реконструкции объектов более раннего времени и крайняя недостаточность материалов по домостроительству первых веков нашей эры весьма затрудняют освещение вопроса развития домостроительства этого района.

Учитывая наличие земляночных сооружений у тавров¹⁶⁸, которые могли составлять определенный процент в составе населения раннего Херсонеса, а также предшествовавшее Керкинитиде неантичное поселение¹⁶⁹ и существование земляночных жилищ в более позднее время⁷⁰, можно предполагать, что прием заглупления был заимствован греческими поселенцами у варварского населения. Его освоение привело к формированию подвалов,

163 Латышева В. А. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму.— КСИА АН СССР, 1978, вып. 156, с. 54 и сл., рис. 2.

164 Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху, с. 61, 62.

165 Стржемецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического, с. 112.

166 Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг.— КСИА АН СССР, 1967, вып. 109, с. 65 и сл.; Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1966—1967 гг.— КСИА АН СССР, 1972, вып. 130, с. 64 и сл. Судя по описанию, можно предполагать, что открытая усадьба представляла собой комплекс с жилым блоком башенного типа и мегаронным типом планировки этого блока. (Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена.— СА, 1967, № 3, с. 249 и сл., рис. 9; Щеглов А. Н.

Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 124, с. 21 и сл., рис. 6.

167 Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху, с. 23.

168 Стржемецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г.— СА, 1947, № 9, с. 283 и сл.

169 Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, 1950, № 13, с. 272 и сл.; Гайдукевич В. Ф. Истории античных городов Северного Причерноморья. Краткий очерк, с. 82; Наливкина М. А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена, с. 267; Наливкина М. А. Раскопки Енпатории, с. 64; Наливкина М. А. Керкинитиды и Калос Лимен (некоторые итоги изучения).— АГ, 1963, с. 55.

170 Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху, с. 20.

в частности в Керкинитиде. Т. е. не исключено, что дом колониста, по крайней мере в Керкинитиде, мог иметь форму землянки или полуземлянки. В самом Херсонесе, однако, на этапе основания города, учитывая наличие скалы, существовали, скорее всего, наземные однокамерные дома.

Судя по раннему слою Керкинитиды, основы домостроительного искусства здесь заложены раньше возникновения самого Херсонеса как колонии Гераклеи Понтийской.

Если исходить из того, что наиболее ранние остатки жилого дома Керкинитиды датируются рубежом VI—V в. до н. э., то этап появления дома колониста здесь реальнее всего относить к этому же или несколько более раннему времени — концу VI в. до н. э.

Второй этап — время переноса в Западный Крым греческих объемно-планировочных схем и их первоначального развития охватывал в основном V (в Херсонесе — конец V) — первую половину IV в. до н. э.

Третий этап — вторая половина IV—III в. до н. э. — время расцвета домостроительной деятельности. Дома этого этапа в типологическом отношении выступают уже в сформировавшемся виде; какие-либо эволюционные изменения на протяжении этого этапа пока не прослеживаются.

Характерно использование равнозначно-параллельного принципа планировки (в ордерном варианте — пастадного). Наряду с этим на периферии встречается и последовательно-иерархический принцип.

Следует также отметить несколько иной характер домостроительства Херсонеса по сравнению с периферийными памятниками: использование равнозначно-параллельного принципа планировки, преобладание в городе жестких, относительно симметричных планировочных приемов, наличие типа дома с экседрой. Это позволяет говорить о несколько романизованном характере херсонесского строительства уже в эллинистическое время.

171
Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.— МИА, 1957, № 56, с. 13 и сл.; *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.— МИА, 1962, № 103, с. 10 и сл.;

Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.— СА, 1960, № 2, с. 171 и сл.; *Соколовский Н. И.* Раскопки Пантикапея.— КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 36 и сл.; *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1959—1964 годах.— Сообщ. Гос. музея изобраз. искусств имени

Этап II—I вв. до н. э. характеризуется упадком домостроительной деятельности.

Б о с п о р К и м м е р и й с к и й.

Жилые дома античных городов и поселений Боспора, как и в рассмотренных выше районах, изучены неравномерно. Более всего данных имеется о ранних домах главным образом Пантикапея, Тиритаки, Нимфея и отчасти Киммерика. Материалы же, касающиеся эллинистического этапа домостроительства, малочисленны.

Наиболее ранние строительные остатки в античных городах и поселениях Боспора зафиксированы в слоях второй половины VI — начала V в. до н. э.¹⁷¹

Одними из наиболее интересных объектов раннего времени являются многокамерные дома в Тиритаке на участке XIV (рис. 24, 4, 5). Здесь открыто два дома, один из которых (I) просуществовал «... с 540 до 480—470 гг.»¹⁷² Характер и взаимное расположение строительных остатков второго дома (II), от которого раскопано частично только одно помещение и каменная вымостка к югу от него¹⁷³, позволяют наметить частичную реконструкцию его планировки. Этот дом имел внутренний двор и не менее двух помещений, располагавшихся вдоль северной границы двора¹⁷⁴. Дом I по реконструкции В. Ф. Гайдукевича состоял из трех помещений, расположенных в один

А. С. Пушкина. М., 1968, с. 29 и сл. По В. Д. Блаватскому, наиболее ранний в Пантикапее дом возник еще в начале VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг., с. 10). *Книпович Т. Н. и Славин Л. М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки.— МИА, 1941, № 4, с. 40 и сл.; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 181—183; *Худяк М. М.* Раскопки святилища Нимфея.— СА, 1952, № 16, с. 130 и сл.; *Худяк М. М.* Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее.— Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 77 и сл.; *Кругликова И. Т.* Раскопки древнего Киммерика.— Археология и история Боспора, с. 59 и сл.; *Кругликова И. Т.* Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 234 и сл.

172
Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 85.
173
Там же, с. 86 и сл.
174
В пользу того, что пространство к северу от дома I, где находилась вымостка, не могло являться входом и относилось к дому II, свидетельствует наличие входа в южной стене помещения дома II, а также устройство впритык к северной стене дома I и параллельно ей еще одной кладки — № 26, наличие остатков несколько более поздней загородки с глинобитным полом (*Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 85 и сл., рис. 86). Кроме того, характер взаимного расположения дома II и стен № 26 и 70 и позволяет предположить, что между стенами № 26 и 70 могло находиться также крытое помещение, которое относилось к дому II.

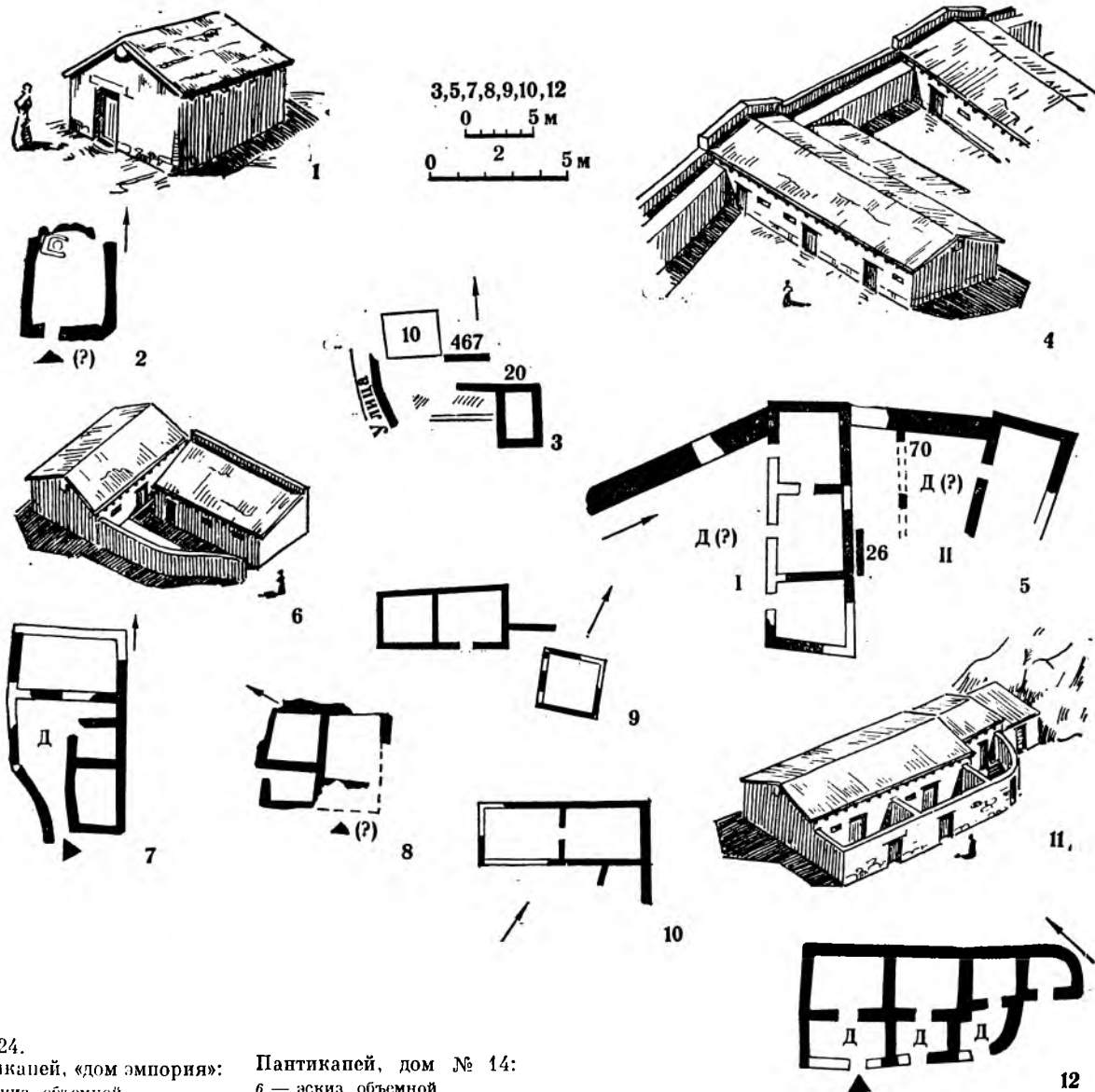

Рис. 24.
Пантикапей, «дом эмпория»:
1 — эскиз объемной
реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 2 — план.
Пантикапей, дом № 1; 3 —
план.

**Многокамерные дома в
Тиритаке:**

4 — эскиз объемной
реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 5 — план.

Пантикапей, дом № 14:

6 — эскиз объемной
реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 7 — план.
Пантикапей, дом Коя; 8 —
план. Нимфей, святилище
Афродиты; 9 — план святилища
VI—V вв. до н. э.; 10 — план
святилища V—IV вв. до н. э.
Киммерик, блок домов; 11 —
эскиз объемной реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 12 — план.
Кругликова И. Т.); 12 — план.

Дано по: 2, 8 —
Блаватский В. Д. Строительное
дело Пантикапей по данным
раскопок 1945—1949 и 1952—
1953 гг.— МИА, 1957 № 56,
с. 11, рис. 5, 3, 7 —
Марченко И. Д. Раскопки
Пантикапей в 1959—1964 гг.—
СГМИИ, 1968, № 4, с. 30,
рис. 3; 5 — Гайдукевич В. Ф.

Раскопки Тиритаки в 1935—
1940 гг.— МИА, 1952, № 25,
с. 74, рис. 86; 9, 10 —
Худяк М. М. Из истории
Нимфея VI—IV вв. до н. э.
Л., 1962, табл. 15; 11, 12 —
Кругликова И. Т. Сельское
хозяйство Восточного
Босфора. М., 1975,
рис. 4, 5.

ряд ¹⁷⁵. В таком виде дом (автор не реконструирует местоположение входа) представлял бы собой еще не устоявшийся античный тип, ближайшую аналогию которому можно было бы действительно видеть в архаическом Милете ¹⁷⁶. Однако основания для реконструкции местоположения входов имеются. Так, судя по тому, что с севера к дому I вплотную примыкал дом II, вход с этой стороны следует исключить. Хорошая сохранность западной и восточной торцовых стен дает основание считать, что в них также входы отсутствовали. Таким образом, вход в этот дом или входы в каждое из его помещений, как это следует по реконструкции А. Н. Карасева ¹⁷⁷, могли находиться только в южной стене — аналогично дому II. Это в свою очередь с учетом планировки участка в целом и дома II позволяет предположить, что территория к югу от помещений дома I являлась его двором. Таким образом, оба дома имели, скорее всего, аналогичные схемы — ряд помещений, расположенных вдоль двора и открывавшихся в него, в которых использован равнозначно-параллельный принцип планировки.

Оба дома представляли собой четко спланированные наземные безордерные многокамерные постройки типичной схемы, характерной для раннего периода Греции ¹⁷⁸.

Античная традиция проявилась здесь также в конструкциях и приемах строительной техники — в устройстве четко выраженных каменных цоколей под сырцовые стены, упорядоченности систем кладок и последовательности в применении избранной системы; приближающиеся к однорядным постелистым из необработанных плит в доме I и к иррегулярным из бута — в доме II ¹⁷⁹.

Следует также отметить, что в Тиритаке рядом с городом возник и существовал с конца VI по IV в. до н. э. небольшой поселок, по-видимому, аналогичный ольвийскому предместью ¹⁸⁰. Характер жилой застройки этого пригорода выяснен полностью не был, поскольку каких-либо остатков

стен обнаружено не было. Отсутствие, однако, обычных строительных остатков не исключает возможности того, что здесь могла иметь место земляночная застройка.

Тем не менее, несмотря на наличие в районе Тиритаки упомянутого поселка и более древнего неантичного поселения ¹⁸¹, каких-либо традиций варварского домостроительства в рассмотренных объектах самого города не наблюдается.

Около двух десятков домов архаического времени, часть которых группировалась в квартал ¹⁸², открыто в Пантикапее. Характер взаимного расположения этих домов ¹⁸³ говорит о стихийности формирования архаического квартала, однако сам факт наличия последнего свидетельствует о городском типе планировки раннего Пантикапея. Хотя сохранность наземных частей этих домов оставляет желать лучшего и ни один дом полностью не реконструировался, тем не менее имеющиеся данные позволяют все же сделать некоторые выводы.

Для этого времени характерно наличие прямоугольных однокамерных (в некоторых случаях в силу недостаточной изученности либо плохой сохранности объектов этот факт нельзя считать твердо установленным ¹⁸⁴) и многокамерных домов с внутренними (по крайней мере, в трех случаях) дворами ¹⁸⁵ (рис. 24, 3).

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что сосуществование однокамерных домов с многокамерными не дает оснований говорить о значительной экономической дифференциации застройки,

175 Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 74 и сл., рис. 85, 86.

176 Там же, с. 85.

177 Леги Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 217, рис. 1.

178 В известной степени аналогичные структуры (но только по самой общей схеме) известны и в этрусском архаическом домостроительстве. См., например: Patraut F. H. L'habitat archaïque de Casalecchio di Reno près de Bologne. Structure planimétrique

et technique de construction.—MEFR, 1972, t. 84, 1 (Antiquité), p. 145, fig. 1. Развитие этой схемы можно наблюдать также в дальнейшем, в частности, в доме винодела в Мирмекии (Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг., с. 159 и сл.).

179 Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 75 и сл., рис. 88—90.

180 Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекии в 1946—1952 гг., с. 183.

181 Книпович Т. Н. и Славин Л. М. Раскопки юго-западной части Тиритаки, с. 38 и сл.

182 Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., с. 25 и сл., 74; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекии

в 1946—1952 гг., с. 181 и сл. 182

Соколовский Н. И. Раскопки Пантикапея.—КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 36. 183

Там же, с. 33, рис. 8; Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 годах.—СГМИИ М., 1968, с. 30 и сл., рис. 3, 15, 17. 184

Так, например, ранее считалось, что дом № 1 был однокамерным (Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1953 г.—КСИИМК, 1956, вып. 63, с. 119, рис. 57). Однако в дальнейшем при расширении раскопок выяснилось, что он,

по-видимому, имел не одно, а несколько помещений (Марченко И. Д. Указ. соч., с. 30 и сл.). 185

Дома № 1, 6, 14.

поскольку дом колониста в силу своей специфичности в принципе не может отражать имущественную дифференциацию жителей.

Из однокамерных домов, восстановление плана и количества помещений которых представляется наиболее достоверным, следует назвать «дом эмпория» (рис. 24, 1, 2)¹⁸⁶. Он состоял из однокамерного прямоугольного наземного, по-видимому, изолированного крытого помещения площадью около 8 м². Стены сырцовые на каменных цоколях из рваного камня, местами установленного орфостатно; пол глинобитный, слегка врезанный в грунт; возможно также наличие небольшого двора¹⁸⁷.

Из многокамерных домов представляют интерес дома № 1, 4, 6, 14. Все они, за исключением, возможно, дома № 4, имели внутренние дворы.

От дома № 1 (рис. 24, 3) открыто одно помещение; в продолжении его северной стены (за пределами самого помещения) сохранился проем от двустворчатой двери, к югу от которого (и к западу от помещения) располагались каменная вымостка и водосток¹⁸⁸. Последние два объекта автор относит к сениям, говоря о выходе из них на север через упомянутый дверной проем¹⁸⁹. Однако направление и местоположение водостока позволяют предполагать, что сени находились не к северу, а к западу от него и соединяли дом непосредственно с переулком. В этом случае наличие проема в северной стене свидетельствует о расположении к северу от двора помещений, функционально с ним связанных. Здесь могло находиться несколько помещений, в том числе в состав этого дома мог входить и дом № 10, расположенный примерно в той же планировочной сетке¹⁹⁰. И наконец, сам факт наличия водостока большого сечения 28 × 30 см свидетельствует о значительной площади водосбора внутри дома. Последнее реально только при устройстве двора, которому и могли принадлежать остатки каменной вымостки и водо-

стока. Таким образом, дом имел, скорее всего, Г-образный тип расположения крытых помещений относительно двора при минимальной площади застройки не менее 50—70 м².

В доме № 4 раскрыто два смежных полуподвала¹⁹¹. По причинам, изложенным ниже в связи с проблемой полуподвалов, представляется возможным предположить, что в состав этого дома могли входить еще и наземные помещения, возможно, двор. Прямых археологических данных в пользу этого предположения, однако, нет.

От дома № 6 открыты незначительные остатки двора и одного-двух помещений.

Единственным домом, планировка которого с известными допусками все же может быть восстановлена, является дом оружейника — № 14 (рис. 24, 6, 7)¹⁹². Дом относится к категории безордерных типичной схемы, малой площади с Г-образным расположением крытых помещений. Площадь застройки 100—110 м², двора — около 25—27 м²¹⁹³. Ориентация помещений южная и западная. Общий планировочный принцип можно предполагать — равнозначно-параллельный.

Для планировки этих домов характерна относительно четкая прямоугольная разбивка на местности. Характер группировки помещений, их преимущественная ориентация, наличие внутренних дворов — типичны для античного домостроительства. При этом следует подчеркнуть, что дом № 14 представлял собой в отличие от дома № 1 в Тиритакке уже вполне сложившийся античный тип.

При строительстве этих домов использовался сырец и наряду с этим, как правило, необработанный различных размеров камень, укладываемый по иррегулярным, чаще всего постелистым системам в каменных цоколях и подвальных сте-

186

Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг., с. 13 и сл.

187

Там же, с. 13—14, рис. 5, 7; Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея

в 1945—1949, 1952 и 1953 гг., с. 8—10, рис. 2, 3. О наличии двора могут свидетельствовать остатки ограды, зафиксированные рядом на краю террасы (Там же).

188

Блаватский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг.,

с. 15, 16, рис. 8, 2;

Марченко И. Д. Указ. соч., с. 32 и сл., рис. 3.

189

Марченко И. Д. Указ. соч., с. 30, 32, 34, рис. 3;

Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.—СА, 1960, № 2, с. 172, рис. 4.

190

Сокольский Н. И. Раскопки Пантикапея, с. 36, рис. 8,

9, 1.

191

Там же, с. 37, рис. 8;

Марченко И. Д. Указ. соч., с. 29—30, рис. 3.

192

Марченко И. Д. Указ. соч., с. 39 и сл., рис. 3. Упомянуть этот дом комплексу Киммерика, как это предполагает автор раскопок, ввиду принципиального различия планировочных схем оснований нет.

193

Цифры даны по обмерному чертежу. Марченко И. Д. Указ. соч., с. 30, рис. 3.

нах¹⁹⁴. В отличие от Ольвии стены подвалов во всех случаях выкладывались из камня на всю высоту. Упорядоченные кладки из необработанного камня встречаются редко (и то в виде простейшей однорядной постелистой системы), а кладки из обработанного камня в основном относятся к более позднему времени.

В связи со сказанным необходимо коснуться вопроса об объемном решении домов. В Пантикапее зафиксировано наличие наземных домов с подвалами, т. е. имевших и наземный этаж, и домов «полуземляночных»¹⁹⁵ или, по предложенной выше классификации — полуподвальных. Однако существование здесь полуподвальных домов сомнительно, что вызывается значительной заглубленностью их помещений, доходящей до 1,2 м и более¹⁹⁶, и отсутствием функциональной связи между смежными помещениями, представлявшими в строительном отношении одно целое¹⁹⁷. Если исходить из того, что это полуподвальные дома, т. е. дома, не имевшие наземного этажа, выход из них мог бы располагаться только в наружной стене (а не, например, в потолке — в случае наличия над подвалом или полуподвалом наземного этажа). При этом наземная часть стены для устройства нормального входа должна была бы иметь высоту (учитывая отсутствие каких-либо дверных проемов в сохранившихся каменных стенах полуподвалов) не менее 1,8—2 м, что при заглублении этих полуподвалов на 1—1,5 м дает общую высоту помещения около 2,8—3,5 м. Последнее при весьма малых размерах помещений (4—5 м²) маловероятно, поскольку лишает всякого смысла заглубление помещения в землю. Тем более совершенно неоправданным в этом случае было бы также устройство двух самостоятельных наземных выходов из двух смежных, принадлежащих одному дому полуподвалов. Особенности же расположения помещений упомянутого выше пантикапейского дома № 4 таковы, что указанные проблемы легко решаются только при

наличии наземного этажа. Здесь при заглублении жилого¹⁹⁸ полуподвала на 1—1,5 м и устройстве над ним наземного этажа пол наземных помещений будет на 0,5—1 м выше уровня дневной поверхности. Таким образом, полуподвальные дома (а не этажи) в Пантикапее, по-видимому, пока не открыты.

Следует подчеркнуть, что этим совершенно не отрицается принципиальная возможность существования полуподвальных домов (т. е. домов без наземного этажа). Примерно такой дом реконструирован, в частности, для Березани. Однако там характер взаимного расположения и заглубления помещений допускал возможность отсутствия наземного этажа.

В заключение рассмотрим один из наиболее интересных и важных памятников Пантикапея — дом Коя (рис. 24, 8). Остатки трех подвалов дома заглублены не только в материк, но и в культурный слой значительной толщины¹⁹⁹, датируемый концом VI — началом V в. до н. э.²⁰⁰ Это позволяет предполагать его появление не ранее начала V в. до н. э.²⁰¹ Относительно позднее происхождение дома Коя косвенно находит подтверждение в довольно развитом плане подвалов, более упорядоченной кладке стен, в четкости разбивки на местности, в наличии черепичной кровли лаконского типа.

План дома полностью не восстанавливается, однако характер группировки подвальных помещений и их большая глубина (около 2,5 м) позволяют предполагать существование здесь наземного этажа, имевшего планировку по обычной схеме. Определить в настоящее время границы наземного этажа, существование которого, в частности, косвенно подтверждается хозяйственным назначением подвалов²⁰², не представляется возможным, однако несомненно, что он занимал площадь, не

194 Блатский В. Д. Строительное дело Пантикапея..., с. 13 и сл., рис. 7; Сокольский Н. И. Указ. соч., с. 36 и сл.; Блатский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг., с. 173 и сл., рис. 5; Марченко И. Д. Указ. соч., с. 29 и сл., рис. 4, 5, 7.

В единичных случаях зафиксированы относительно упорядоченные кладки из плит средних размеров (Сокольский Н. И. Указ. соч., с. 39), аналогичные ранним кладкам Мирмеция и Тиритаки. 195 Сокольский Н. И. Указ. соч., с. 36.

196 Там же, с. 36.

197 Там же

198 Последнее доказывается наличием очагов.

199 Там же,

200 Так, например, отмечается, что одна из кладок (№ 72) впущена в материк всего на 0,8 м (Блатский В. Д. Строительное дело Пантикапея..., с. 17).

200

Блатский В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг., с. 14.

201 По В. Д. Блатскому, дом датируется концом VI — началом V в. до н. э.

202 Блатский В. Д. Строительное дело Пантикапея..., с. 16 и сл.

203 Блатский В. Д. Указ. соч., с. 17 и сл.

меньшую, чем подвалы. Кроме того, учитывая конфигурацию юго-западной границы подвалов, в южном углу дома можно предположить наличие внутреннего двора, что хорошо согласуется с юго-западной ориентацией в этом случае основной группы помещений. Общая площадь дома могла составлять не менее 70—100 м² ²⁰³. Дом важен тем, что в его подвальной части нашел отражение начальный этап развития уже не отдельных подвалов, а подвальных блоков.

Таким образом, основным отличием домостроительства раннего Пантикапея от греческого являлось устройство подвалов (или полуподвалов). При этом процесс формирования отдельных подвалов в Пантикапее, очевидно, уже к концу VI — началу V в. до н. э., т. е. к тому времени, когда в Ольвии наблюдается только переход к наземному домостроительству, завершился. Последнее говорит о самостоятельном, независимом от ольвийского района, зарождении и развитии подвалов. Относительно Ольвии отличия заключались также в отсутствии землянок (или полуземлянок), круглых или овальных в плане однокамерных структур, в более небрежной технике кладок каменных цоколей, в отсутствии сырцовых стен в подвалах.

Существенный интерес представляет раннее домостроительство Нимфея. Здесь в слое, предшествовавшем сырцово-каменному наземному строительству, открыты остатки круглых в плане и полуземлянок первой половины VI в. до н. э., атрибутированные на основании находок скифской лепной керамики как скифские ²⁰⁴.

Около середины VI в. до н. э. полуземлянки прекратили свое существование, и в дальнейшем в Нимфее появляются наземные жилые дома с сырцово-каменными кладками стен из небольших плит, уложенных по иррегулярной и часто однорядной постелистой системе аналогично ранним домам Тиритаки ²⁰⁵.

Большая часть строительных остатков наземных жилых домов Нимфея раннего времени дати-

руется V в. до н. э. и только отдельные сооружения культового назначения — концом VI — началом V в. до н. э. Четкому поэтапному разграничению эти наземные сооружения пока не поддаются и говорить о наиболее ранней форме плана жилого дома можно только на основании косвенных данных — общих указаний авторов раскопок и по аналогии с архаической постройкой, атрибутированной автором в качестве святилища Афродиты ²⁰⁶.

В V в. до н. э. в Нимфее строятся дома с внутренними дворами как однокамерные при общей площади 25—30 м² ²⁰⁷, так и не менее чем двухкамерные ²⁰⁸, очевидно, обычных для этого времени греческих типов.

Святилище Афродиты (рис. 24, 9, 10) в первом строительном периоде (конец VI — начало V в. до н. э.) состояло из четырех крытых помещений, расположенных Г-образно возле внутреннего, вымощенного камнем двора (помещение IV) ²⁰⁹. Помещения ориентированы на запад и юг. Судя по плану, северо-восточный угол дома не сохранился. Общая площадь дома около 150—170 м². ²¹⁰ В таком виде эта постройка по своему планировочному типу (особенно во втором строительном периоде) представляла собой по сути обычный жилой дом типичной схемы малой площади, ближайшей аналогией планировки которого является дом оружейника в Пантикапее. Это, с учетом наличия в комплексе трех очагов, лишает необходимой убедительности один из основных аргументов в пользу атрибутиации памятника как святилища —

203 По данным обмерного чертежа с учетом двора между наземными помещениями над подвалами и следующей террасой (Блаватский В. Д. Указ. соч., рис. 5).

204 Худяк М. М. Предварительные итоги раскопок последних лет

в Нимфее, с. 75, рис. 1, 2; Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея, с. 236—238, рис. 2, 3.

205 Худяк М. М. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее, с. 77, 78;

Скуднова В. Раскопки Нимфея в 1960 г.— ОГЭ, 1964, с. 60.

Эта же техника характерна и для построек, которые исследователи относят к V в. до н. э. Скуднова В. М. Раскопки Нимфея в 1958 г.— КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 60 и сл.

206 Худяк М. М. Указ. соч., с. 78; Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея.— ТГЭ, 1958, т. 2, с. 91; Скуднова В. и Зайцева К. Нимфейская экспедиция 1962—1964 гг.— СТЭ, 1964, вып. 27, с. 92;

Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея, с. 244 и сл., рис. 7, с. 277; Худяк М. М. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. Л., 1962, с. 17 и сл.

207 Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея, с. 91, 92.

208 Например, двухкамерная

постройка, раскрывавшаяся в 1956—1958 гг. (Скуднова В. М. Раскопки Нимфея в 1958 г., с. 63, 64, рис. 21). Судя по взаимному расположению остатков в южной половине раскопа, не исключено, что дом не ограничивался указанными двумя помещениями и представлял собой многокамерную постройку с внутренним двором.

209 Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея, с. 88 и сл., рис. 4; Худяк М. М. Из истории Нимфея, с. 23 и сл., табл. 15, 16.

210 Подсчитано по обмерному плану. Худяк М. М. Из истории Нимфея. Обмерный план, табл. 15.

имеющиеся якобы отличия его от частных домов ²¹¹.

Таким образом, хотя в Нимфее в настоящее время не поддаются четкому выделению хронологические этапы развития наземного домостроительства в VI—V вв. до н. э., наличие однокамерных и многокамерных домов, по времени близких пантикапейским, позволяет предполагать аналогичный путь эволюции — от дома колониста к жилым домам обычных типов.

В связи с этим большой интерес представляет наличие здесь земляночной застройки, предшествовавшей наземной. В свете работ последних двух десятилетий в Ольвии и на Березани, когда были получены материалы, позволившие вполне определенно связать их землянки с греческими переселенцами, представляется возможным поставить вопрос о пересмотре этноса жителей земляночного Нимфея. Четкость разбивки на местности землянок Нимфея, расположение их на территории города, наличие в составе комплекса материальной культуры греческих материалов — все это говорит в пользу возможной принадлежности их греческим переселенцам и, следовательно, вероятности аналогичного Ольвии процесса становления и развития здесь античных жилых домов: от землянок и полуземлянок к наземным одно- и многокамерным жилым домам греческих типов, а также формированию подвалов.

Из других ранних памятников Боспора значительный интерес представляют в типологическом отношении дома сельского поселения на холме А вблизи Киммерика (рис. 24, 11, 12). Эти дома объединены в единый комплекс, состоящий из трех наземных однокамерных прямоугольных помещений, к каждому из которых с юго-запада примыкал собственный изолированный от других небольшой дворик ²¹². Помещения связаны друг с другом только в строительном отношении, функциональной же связи между собой не имеют.

Комплекс имел каменные на всю высоту стены и саманную или соломенную кровлю. Кладки

стен — трехслойные, постелистые однорядные, приближающиеся к иррегулярным. Характерны значительная толщина стен, доходящая местами до 0,8 м и более, и использование крупных необработанных камней ²¹³.

Комплекс датируется довольно широко VI—IV вв. до н. э. ²¹⁴ Однако находка под кладкой среднего помещения открытого светильника, остатки глинобитного пола под стеной помещения Б, датированного автором началом V в. до н. э. ²¹⁵, позволяют предполагать появление каменных стен комплекса, т. е. рассматриваемого дома, уже после возникновения в этом месте античного поселения и, во всяком случае, не ранее V в. до н. э. Более того, наличие под упомянутым полом фрагментов керамики не только VI, но и V в. до н. э. ²¹⁶ свидетельствует о том, что дом с каменными стенами возник, очевидно, не в начале V в., а, возможно, еще позднее. На относительно позднюю дату косвенно указывают и специально вытесанные прямоугольные углубления в порогах помещений ²¹⁷, не характерные для строительной техники позднеархаического времени.

Исходя из этого представляется маловероятной возможность отнести к этому же комплексу остатки пола VI в. до н. э. со следами очага, открытые в одном из помещений на 0,4 м ниже подошвы стен. Этот пол, скорее всего, принадлежал какой-то другой, более ранней постройке, возможно, полуземлянке, поскольку столь значительное заглубление полов не типично для наземных жилищ Северного Причерноморья. В тех случаях, когда полы наземных домов заглублялись, эта величина составляла чаще всего около 0,1—0,2 м от подошвы стен либо заглублялась вся постройка вместе с каменными стенами, т. е. устраивался полуподвал или подвал. Исходя из этого киммерийский комплекс вряд ли можно рассматривать в качестве переходной формы от полуземлянки к наземному дому ²¹⁸. В переходных формах землянки превращались в полуподвалы или подвалы.

211 Худяк М. М. Два святилища на акрополе Нимфея, с. 91—92. Кроме этого следует отметить, что и сопровождающий материал не так уж значительно отличается от комплексов богатых жилых домов.
212 Кругликова И. Т. Киммерик в

свете археологических исследований 1947—1951 гг.—МИА, 1958, № 85, с. 234 и сл., рис. 11; Кругликова И. Т. Раскопки древнего Киммерика. АИБ. Симферополь, 1952, с. 61 и сл., рис. 2; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 31—37, рис. 4, 5.

213 Кругликова И. Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг., с. 235.
214 Кругликова И. Т. Раскопки древнего Киммерика, с. 62.
215 Кругликова И. Т. Киммерик

в свете археологических исследований 1947—1951 гг., с. 235, 237.
216 Там же, с. 235.
217 Там же.
218 Там же.

Киммерийский комплекс не представляет собой исключительного явления и в отношении основного планировочного приема. Принципы подобной блокировки однотипных частей и их планировки задолго до этого времени были известны в Греции — в частности во Врулии на Родосе, греческом эмпории на Хиосе и в других центрах. Подобный прием блокировки использовался в раннее время и в Северном Причерноморье. Так, блокирующиеся в единый большой комплекс более или менее однотипные структуры открыты на поселении Старая Богдановка II (конец VI — первая четверть V в. до н. э.), по-видимому, в Торике (VI — первая половина V в. до н. э.)²¹⁹. Отличием этих комплексов от киммерийского являлась группировка блокирующихся секций вокруг единого большого внутреннего двора, что может свидетельствовать о различиях в социальных структурах. Таким образом, исходя из отличий планировочного типа киммерийского комплекса от перечисленных памятников и учитывая его датировку, киммерийский комплекс не представляется возможным рассматривать в качестве важного промежуточного звена в линии развития античного перистыля и тем более настады²²⁰. И перистиль, и настада известны в жилых домах Олифа в развитом виде уже в V в. до н. э., а перистиль как архитектурный тип встречается не только в VI в. до н. э., но и в ряде памятников более ранних эпох²²¹.

В заключение необходимо сказать, что остатки сырцово-каменного наземного домостроительства конца VI—V в. до н. э. открыты и в ряде других городов Боспора — Мирмекии, Гермонассе, Фанагории и др.²²² Характер этих остатков не противоречит описанному выше. Интерес представляет Фанагория, где установлена смена в конце VI — начале V в. до н. э. наземных сырцовых жилых домов полуземлянками и в V же в. до н. э. — возврат к наземному сырцовому домостроительству²²³.

Для сельского домостроительства VI—V вв. до н. э. на Боспоре зафиксированы остатки наземных

сырцово-каменных или каменных домов, планировка которых восстановлению не поддается; можно только предполагать, что это были как отдельно расположенные, в том числе многокамерные, постройки, так и блокирующиеся однотипные комплексы, возможно, подобные киммерийскому блоку²²⁴. Открыты также остатки заглубленных в землю жилищ²²⁵, которые автор раскопок называет землянками. Однако наличие в них остатков каменных стен позволяет предполагать, что это могли быть полуподвальные дома.

Общими чертами домостроительства Боспора раннего времени являются строительство земляночных структур, наземных однокамерных изолированных домов типа дома колониста, многокамерных домов с дворами, в том числе однотипных с блокировкой в кварталы, зарождение и формирование жилых подвалов. При преимущественном распространении равнозначно-параллельного принципа планировки наблюдается существование элементов последовательно-иерархической системы.

В некоторых случаях под многокамерными постройками исследователями зафиксированы остатки культурного слоя, непосредственно предшествовавшего им²²⁶. Это дает основание предполагать, что эти постройки относятся не к первоначальному этапу колонизации, на котором получили распространение дом колониста²²⁷ и, очевидно, земляночные структуры, а к последующему, который соответствует этапу перехода Ольвии к наземному домостроительству, — переносу в Се-

219 Марченко К. К., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В., Доманский Я. В. Раскопки античного поселения Старая Богдановка II. — АО 1978 г. М., 1979, с. 364; Онайко Н. А. Раскопки античного поселения в Геленджикской бухте. — КСИА

АН СССР, 1976, вып. 145, с. 35—40; Онайко Н. О. Раскопки Торика. — Археология, 1976, 20, с. 80—87.

220 Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 104; Булин А. В. История градостроительного искусства.

М., 1953, т. 1, с. 82, рис. 65. 221

Кнуфман С. А. Вилла Доброй Судьбы в Олифе. К вопросу о доме классической эпохи. — В кн.: Вопросы Всеобщей истории архитектуры. М., 1961, т. 1, с. 107 и сл. 222

Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной частей Мирмекии. — МИА, 1941, № 4, с. 132 и сл.; Зест И. Б. Раскопки Гермонассы. — КСИИМК, 1955, вып. 58, с. 114 и сл.; Кобылина М. М. Культура Фанагории досарматского периода. — АГ, 1963, с. 88; Кобылина М. М. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории. — КСИА АН СССР, 1969, вып. 116, с. 98 и сл. и др. 223

Басовская Н. И.,

Долгоруков В. С., Кузнецов В. Д., Шавырина Т. Г., Яйленко В. П. Исследование в Фанагории. — АО 1977 г. М., 1978, с. 104, 105. 224

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, с. 40 и сл. 225

Там же, с. 49—52, 80.

226 Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритики в 1935—1940 гг., с. 77; Худяк М. М. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее, с. 77 и сл.; Сокольский Н. И. Раскопки Пантикалея, с. 36. 227

Примером такого дома колониста может служить дом эмпория в Пантикалее, состоявший из одного помещения и, возможно, примыкавшего к нему двора.

верное Причерноморье объемно-планировочных типов многокамерных греческих домов. Существование первого этапа на Боспоре, помимо сказанного, находит также косвенное подтверждение в строительстве в последующее время полуподвальных домов и домов с уже вполне сформированными подвалами. Все это говорит о том, что генезис жилых домов и развитие жилого домостроительства на Боспоре проходили почти синхронно с ольвийским районом и, следовательно, независимо от него.

Исходя из сказанного представляется возможным определить ранние этапы развития домостроительства на Боспоре следующим образом. Первый этап. Появление в основном однокамерных изолированных жилищ наземных и земляночных. Освоение идеи заглубленности — появление отдельных полуподвалов и подвалов. В основном VI в. до н. э. Второй этап. Блокировка домов в кварталы. Распространение наземных многокамерных домов с внутренними дворами греческих типов (возможно также сосуществование с ними некоторое время и однокамерных домов), появление блоков подвальных помещений. Второй этап развития домостроительства охватывает в основном V в. до н. э., главным образом его начало, в Пантикапее, возможно, конец VI — начало V в. до н. э.

Таким образом, генезис и общее направление эволюции жилых домов Боспора аналогичны в целом ольвийской зоне, хотя и имели некоторые отличия как в типологии, так и в приемах строительной техники.

Сходство особенностей домостроительства первого и второго этапов на Боспоре и в районе Ольвии позволяет видеть в этом проявление закономерностей развития общих для домостроительства Северного Причерноморья в целом.

Несмотря на обилие строительных остатков последующих этапов, вследствие фрагментарности их подавляющего большинства выявить конкретные объемно-планировочные особенности домов,

их эволюцию затруднительно. Репрезентативность имеющихся материалов существенно снижает также неравномерность исследования территории городов и поселений. Тем не менее с учетом особенностей домостроительства последующего периода первых веков нашей эры все же представляется возможным наметить общие направления развития домостроительства эллинистического времени.

В целом можно заключить, что объемно-планировочные схемы, импортированные в Северное Причерноморье на втором этапе и обогащенные традицией строительства заглубленных построек, на третьем этапе достигли вершины своего развития. Общий ход этой эволюции, по крайней мере безордерных домов, привел в конечном итоге к выработке типов, подобных илуратским домам с равнозначно-параллельным принципом планировки. Это, а также открытие в эллинистических слоях Пантикапея так называемого пританейона²²⁸ и перистильного сооружения на Раевском городище²²⁹, в перистильях которых отсутствуют простадные группы, свидетельствует о развитии здесь и в эллинистическое время равнозначно-параллельного принципа планировки.

В связи с упомянутыми сооружениями следует сказать, что определение их назначения исследователями как построек общественного назначения спорно.

Так, общественное назначение пантикапейского пританейона, по мнению автора, подтверждают: планировочный тип здания (рис. 25, 3), большая площадь, богатство декора, высокое качество строительных работ, большой объем земляных работ при строительстве здания. То, что это был именно пританейон, — наличие алтаря во дворе, галечных вымосток, большое количество столовой посуды, а также хозяйственный комплекс в хозяйственном дворе. В качестве аналогий автор ссылается на Ольвию и Приену²³⁰.

Однако следует отметить, что планировочный тип здания именно не соответствует типу притане-

228
Марченко И. Д. Раскопки здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963—1965 гг.— КСИА, 1967, вып. 109, с. 79 и сл.
229
Онайко Н. А. О раскопках Раевского городища.— КСИА, АН СССР, 1965, вып. 103, с. 130; Онайко Н. А.

Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора.— СА, 1967, № 2, с. 164 и сл.
230
Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг.— Сообщения ГМИИ. М., 1968, с. 44, рис. 18; с. 48, 49;
Марченко И. Д. Раскопки

здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963—1965 гг., с. 80, рис. 24, с. 86, 87. Автор называет цифру более 500 м², но по реконструкции А. А. Воронова площадь дома составляла всего 300—350 м² (Воронов А. А. Античное общественное здание III—II вв. до н. э. в Керчи. Проблемы *

реконструкции.— Архитектура СССР, 1975, № 3, с. 52).

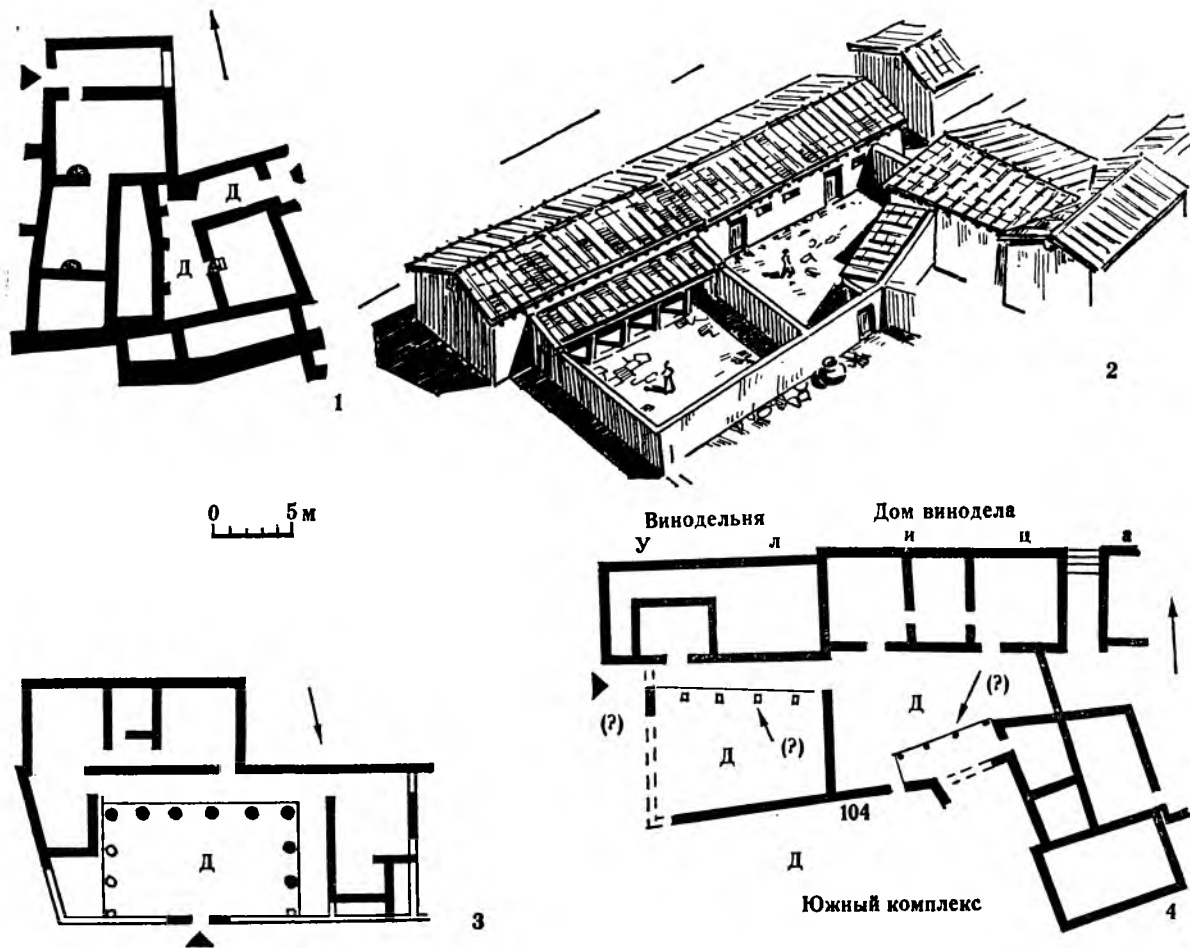

Рис. 25. Мирмекий, эллинистические дома на участке И: 1 — план. Тиритак, дом винодела с винодельней; 2 — эскиз объемной реконструкции (Крыжицкий С. Д.); 4 — план. Пантикапей, «пританейон»; 3 — план. Дано по: 1 — Гайдукевич В. Ф.

Раскопки Тиритак и Мирмекия в 1946—1952 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 184, рис. 38; 3 — Воронев А. Античное общественное здание III—II вв. до н. э. в Керчи. Проблемы реконструкции.— Архитектура СССР, 1975, № 3, рис. на с. 52; 4 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 136, рис. 3.

йна. В данном случае двух- или трехсторонний портик, наличие хозяйственного двора, сложность и нечеткость планировки, малые размеры и отсутствие однотипных изолированных помещений характерны для жилых домов. Не может являться критерием в определении назначения этого сооружения и степень богатства декора, качество работ, галечные вымостки, алтарь во дворе, большая

площадь и т. п., поскольку все это свойственно и богатым жилым домам, особенно в эллинистическое время. Не только в Греции, в частности в Олинфе, на Делосе, но и в Северном Причерноморье — в Ольвии дома наиболее зажиточных граждан близкого времени имели иногда даже большую площадь, мозаичные вымостки, алтари во дворах и т. п. Типично для жилого дома и наличие

столовой посуды, хозяйственного блока, а также помещения для омовений. Вряд ли правомерна при этом ссылка на Ольвию и Приену, поскольку относительно первого памятника большинство специалистов, занимавшихся его реконструкцией, придерживаются той точки зрения, что так называемый пританейон являлся обычным жилым домом²³¹. Что же касается подобия пантикапейского сооружения пританейону Приены, то здесь вообще отсутствует какое бы то ни было подобие планировочно-типологических схем. Возможность жилой функции этого сооружения допускает и автор его реконструкции²³².

Исходя из сказанного представляется более вероятным жилое назначение пантикапейского дома, принадлежавшего, по-видимому, достаточно богатому жителю. Против этого вряд ли может свидетельствовать и отсутствие крытых помещений по северной стороне двора, поскольку это в одинаковой степени не типично и для пританейонов, и если имело в действительности место, то было продиктовано сложными условиями застройки террасы.

По поводу здания на Раевском городище, учитывая характер поселения, следует сказать, что этот комплекс по своим конструкциям и качеству их выполнения, декору, сопровождающему материалу и особенно в типологическом отношении ближе всего находится к жилым комплексам дворцового типа²³³.

В отношении боспорских жилых домов имеющиеся данные свидетельствуют о введении в ряды случаев в состав жилищ специальных развитых хозяйственных комплексов. Причем в некоторых случаях здесь можно предполагать и использование ордерных схем. Однако специфика производственной группы в подобных домах, как правило, подавляет все остальные элементы и тем самым затrudняет выделение типов.

Из безордерных домов эллинистического времени в городах Боспора наиболее изучены комп-

231 Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 229, сн. 1; Крыжичский С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии, с. 85, сн. 4.
232 Воронцов А. А. Указ. соч., с. 53.

233 См., например, Малый дворец в Пергаме: *Massow W. Führer durch Pergamonmuseum*. Berlin, 1936, S. 144, fig. 56.
234 Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной частей Мирмекия, с. 114 и сл.; Гайдукевич В. Ф. Раскопки

лекса дома винодела в Мирмекии, первый строительный период которого относится к эллинистическому времени²³⁴, дом на участке И (там же)²³⁵ и дома Порфмия²³⁶.

Комплекс дома винодела в целом весьма сложен и разновременен. Из двух известных в настоящее время вариантов реконструкции этого объекта А. Н. Карасева и В. Ф. Гайдукевича²³⁷ более вероятен, как имеющий обоснование, второй. Здесь необходимо отметить одну важную особенность. Учитывая поворот кладки № 104 (рис. 25, 2, 4) к югу и дверной проем в ней, соединяющий двор дома винодела с двором, расположенным к югу от кладки № 104, есть основание предполагать, что комплекс состоял не менее чем из трех частей — производственной (винодельни), части, имевшей смешанные хозяйственно-жилые функции (дом винодела), и части, по-видимому, в основном жилой (двор и помещение к югу от винодельни и дома винодела). При этом следует подчеркнуть строительную изолированность каждой из трех функциональных групп, что может объясняться не только функциональной, но и социальной дифференциацией комплекса. В последнем случае логично предположить использование дома винодела для размещения там контингента зависимых работников, возможно, даже рабов, поскольку этот дом имеет самостоятельную независимую связь с внешним миром, а его планировка не типична для обычных жилых домов этого времени.

Представляется возможным предложить иное объемно-планировочное решение производственной части комплекса. Так, характер расположения вымосток № 85 и 73 относительно помещения давальных площадок и «коридора», отсутствие в

Мирмекия в 1935—1938 гг., рис. 2, 3.

235 Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритак и Мирмекия в 1946—1952 гг., с. 187 и сл., рис. 38, 39.

236 Кастанаян Е. Г., Аскиркина Т. Ф., Белова Н. С. и др. Раскопки Порфмия.— АО 1975 г. М., 1976, с. 332, 333; Кастанаян Е. Г., Аскиркина Т. Ф., Белова Н. С. и др. Работы на городище Порфмий.— АО 1976 г. М., 1977, с. 301; Кастанаян Е. Г. Итоги исследования Порфмия.— «Eirene», с. 180—182.

237 Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 241 и сл., рис. 34; Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг., с. 154, рис. 2.
238 Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., рис. 3.
239 Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 157.
240 Там же, с. 162 и сл.

214 м², площадь двора составляет 45% ²⁴¹. Общий тип данного блока напоминает позднеархаический дом в Тиритаке. Однако ярко выраженная производственная специфика комплекса позволяет высказать только лишь предположение о том, что это сходство не случайно и что на Боспоре мог иметь распространение безордерный тип с расположением крытых помещений только по одной стороне двора. В целом комплекс относится к домам нетипичной схемы планировки.

Дом на участке И в Мирмекии (рис. 25, 1) имел в обоих основных строительных периодах (IV—II вв. до н. э.) двор и не менее двух крытых помещений (одно из которых — входной коридор), располагавшихся по восточной стороне двора. Не исключено, что первоначально дом мог иметь П-образную схему расположения крытых помещений и, возможно, портики, учитывая наличие в центре двора своеобразного имплювия ²⁴². В позднем периоде площадь застройки дома 71 м², площадь двора составляла 28% ²⁴³. Представляет интерес также комплекс из четырех помещений, расположенных к западу от описанного выше дома, имевших на одной из стадий функционирования последовательно-иерархический принцип планировки. Внутренний двор в этом комплексе отсутствовал.

Все рассмотренные дома Мирмекии позволяют констатировать здесь наличие домов нетипичных схем малой площади, возникновение которых в первом случае обусловлено спецификой производства, в двух других, по-видимому, — особенностями застройки.

Значительный интерес представляют жилые дома III—I вв. до н. э. Порфмия. Этот небольшой городок площадью около 0,5 га имел единую регулярную прямоугольную систему планировки с двумя кратными типоразмерами кварталов 42 × 11 м и 42 × 23 м ²⁴⁴. Блокировавшиеся в кварталы дома с четкой прямоугольной разбивкой на местности состояли каждый из внутреннего двора

в южной половине дома и одного — трех крытых помещений, причем внутренние фасады домов, выходявшие во дворы, располагались в квартале по одной линии; стены были каменные, крыши — черепичные ²⁴⁵. Эти постройки представляют собой яркий образец античной традиции, получившей затем дальнейшее развитие в домах Илурата.

В целом общность домостроительства городов Боспора и ольвийского района проявилась в наличии подвалов и, возможно, подвальных этажей, в использовании равнозначно-параллельного принципа планировки, в распространении одинаковых ордерных схем, в аналогичном направлении развития жилых домов. Отличия заключаются в существовании типа производственно-жилого дома, в отсутствии широкого использования слюевых оснований, в распространении более низких по качеству и примитивных по системе кладок.

В сельском домостроительстве Боспора эллинистического времени известны следующие категории жилищ: отдельно стоящие изолированные дома; сельские усадьбы; укрепленные дома башенного типа. Жилые дома типов, использовавшихся в городах, на сельских поселениях пока не известны.

Отдельно стоящие дома имели небольшую площадь 50—100 м², как типичную, так и нетипичную схему планировки, одно — три крытых помещений, иногда, возможно, внутренний двор. Наиболее выразительные в этом отношении остатки открыты в Марьевке, в Андреевке Южной, а также, по-видимому, на Южно-Чурубашском поселении (рис. 27, 4, 5, 6) ²⁴⁶.

Наличие усадеб, подобных херсонесским, предполагается на основании косвенных данных ²⁴⁷. Возможно, к этой категории относился и комплекс, открытый в Андреевке Южной (рис. 27, 3) ²⁴⁸. Однако отсутствие на раскопанной территории четко выраженной жилой группы, расположение

241
Подсчитано по обмерным чертежам с учетом реконструкции плана этой части комплекса А. Н. Карасева. Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., рис. 3; Леву Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного

Причерноморья, с. 241 и сл., рис. 34.

242
Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекии в 1946—1952 гг. с. 199. рис. 3з.

243
Подсчитано по обмерным чертежам (Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., рис. 38).

244
Кастаная Е. Г., Аскиркина Т. Ф., Белова Н. С. и др. Работы на городище Порфмий, с. 301; Кастаная Е. Г., Аскиркина Т. Ф., Белова Н. С. и др. Раскопки Порфмий, с. 332—333.

245
Кастаная Е. Г. Итоги исследования Порфмий, с. 180—182.

246
Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, с. 61, 62, 80, 92, рис. 14, 21, 40. Дом на Южно-Чурубашском поселении входил в состав усадьбы.

247
Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 55—58.

248
Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 84—87, рис. 40.

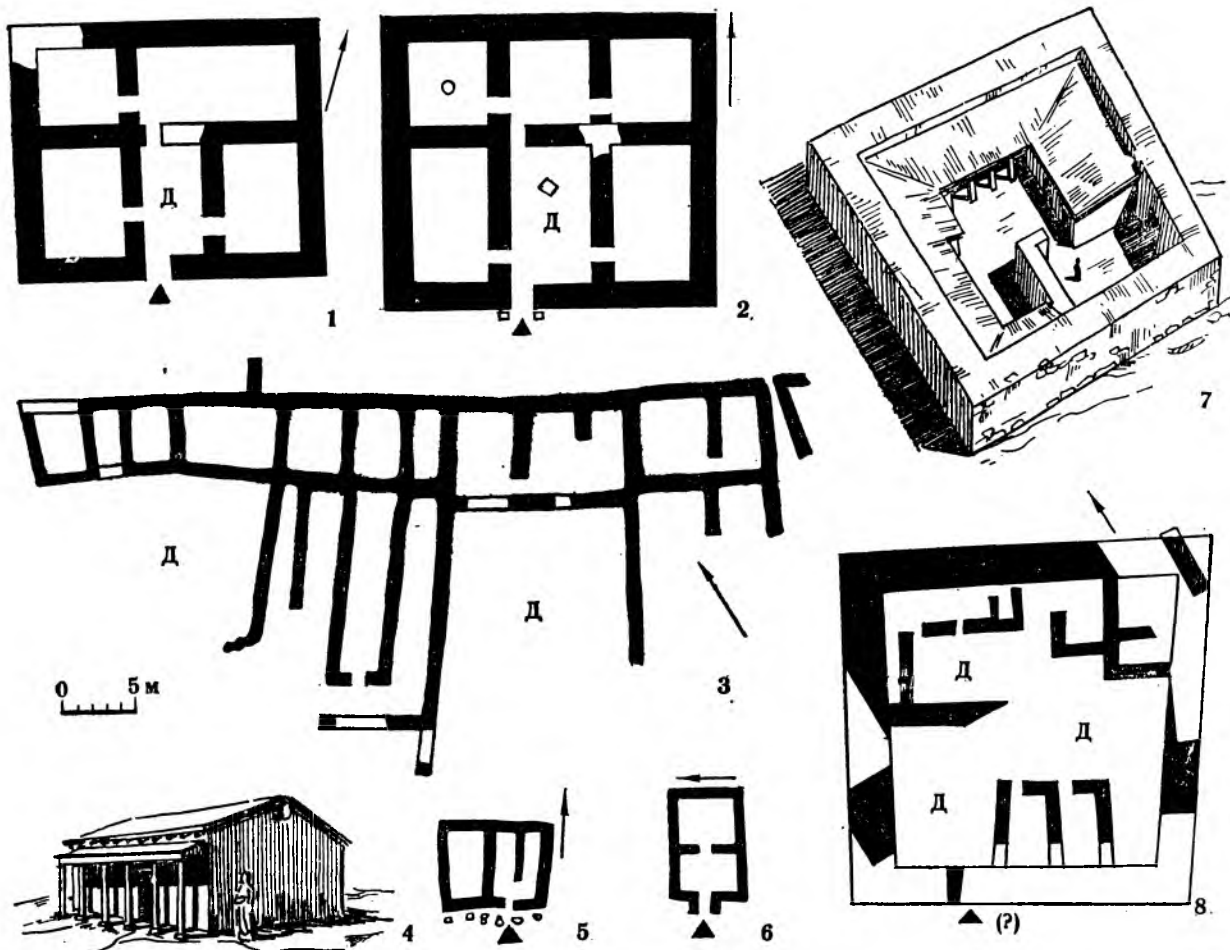

Рис. 27.
Сельские комплексы
Боспора:

1 — план дома Хрисалиска;
2 — план дома на Семибратнем
городище; 3 — план усадьбы
Андреевка Южная. Южно-
Чурубашское поселение,
раскоп III; 4 — дом № 1 —
эскиз объемной реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 5 — план;
6 — дом № 2 — план. Усадьба
в Новоотрадном; 7 — объемная
реконструкция
(Кругликова И. Т.); 8 — план.

Дано по: 1 — Сокольский Н. И.
Таманский толос и резиденция
Хрисалиска. М., 1976, рис. 5;
2 — Анфимов И. В. Новые
данные к истории Азиатского
Боспора. — СА, 1941, № 7,

с. 259; 3, 5 — 8 —
Кругликова И. Т. Сельское
хозяйство Боспора. М., 1975,
рис. 14, 40, 61, 63.

249
Там же, с. 88.
250

Анфимов И. В. Новые данные к
истории Азиатского Боспора. —
СА, 1941, № 7, с. 258 и сл.
251
Сокольский Н. И. Таманский
толос и резиденция Хрисалиска.
М., 1976.

хозяйственных помещений к северу от дворов, наличие трех больших дворов — все это говорит о значительных отличиях данного комплекса от херсонесских усадеб. Учитывая существование на этом же поселении дома, представлявшего собой блок однотипных структур²⁴⁹, можно предполагать возможность существования усадеб типа Дидовой хаты.

Существенный интерес представляют собой укрепленные дома башенного типа. В настоящее время на азиатском Боспоре раскопано два таких дома — один на Семибратнем городище (рис. 27, 2)²⁵⁰, второй — резиденция Хрисалиска (рис. 27, 1)²⁵¹. Оба дома имели почти одинаковые

размеры, четкий прямоугольный, приближающийся к квадрату план и почти одинаковую симметричную планировочную схему с использованием в целом равнозначно-параллельного принципа планировки при последовательно-иерархической системе планировки групп северных помещений. Входное помещение в доме на Семибратнем городище являлось двором. По-видимому, аналогичное назначение могло иметь такое же помещение и в резиденции Хрисалиска²⁵². Дворы располагались в южной половине домов по главной продольной оси, входы в дома и в северные помещения относительно главной оси смещены. Последнее, очевидно, диктовалось необходимостью устройства в образовавшемся «кармане» лестниц на вторые этажи (остатки такой лестницы зафиксированы в доме Хрисалиска). В нижнем этаже дома Хрисалиска располагались хозяйственные помещения, домашнее святилище²⁵³. Площадь застройки составляла: дома на Семибратнем городище 440 м², дома Хрисалиска 364 м², площадь двора занимала соответственно 11 и 8,8%²⁵⁴. Дома имели мощные стены: наружные толщиной до 1,65—1,7 м, внутренние — до 1,3—1,4 м; стены в доме Хрисалиска были сырцовые на каменных цоколях²⁵⁵. Судя по толщине стен и наличию лестницы, дома имели не менее двух этажей. Отсутствие в завалах перекрывавших помещения, черепицы и крепостной характер этого дома говорят в пользу устройства горизонтальной (возможно, с небольшим уклоном) саманной кровли.

В доме Хрисалиска использованы довольно необычные приемы кладки стен и устройства полов. Каменные цоколи стен — трехслойные из необработанных камней; длина камней наружных слоев внизу достигает 1 м и более, к верхним рядам камни становятся мельче, что вызвано необходимостью устройства ровной постели под сырцовую кладку из кирпича необычного формата 0,57 × 0,57 × 0,02—0,03 м; полы на глиняных подушках с золисто-глиняной обмазкой и устройством вдоль

стен на расстоянии 0,10—0,15 м от них полосы шириной 0,08—0,09 м из вмонтированных в пол сырцовых кирпичей²⁵⁶. Техника кладки каменных стен дома на Семибратнем городище обычно — стрехслойные однорядные орфостатные кладки из крупных (длиной до 1,34 м) прямоугольных плит с плотной притеской по месту; верхние части внутренних стен выложены по иррегулярной системе из полигональных камней; в центре одного из помещений обнаружен *in situ* барабан колонны²⁵⁷. Судя по находкам черепицы, этот дом мог иметь черепичную кровлю.

Еще раз следует подчеркнуть единство планировочных схем обоих домов, возникших в разное время и выполненных в довольно различных приемах строительной техники: дом на Семибратнем городище построен в III в. до н. э., дом Хрисалиска — во второй половине II в. до н. э., что свидетельствует о неслучайности появления этого типа.

Объединение жилых и оборонительных функций в одном и том же сооружении в северопричерноморской архитектуре (и не только в ней²⁵⁸) не являлось редкостью для отдельных небольших поселений или крепостей. В отличие от рассмотренных домов оборонительная функция иногда подавляла жилую, как это часто имело место в укрепленных домах башенного типа в сельских поселениях Западного Крыма (имеется в виду степень подчинения внутренней планировки жилья оборонительным целям).

В качестве наиболее близкой аналогии боспорским домам следует упомянуть башню на городище Беляус, построенную в конце IV в. до н. э. и просуществовавшую, очевидно, до I в. н. э. В плане башня представляет четкий квадрат площадью примерно 115 м² первоначально с тремя, а впоследствии четырьмя помещениями, в одном из которых находились лестница и колодец; три помещения нижнего этажа (во всяком случае, вполне достоверно одно из них) имели, по-видимому, хозяйственное назначение; наружные стены толщиной

252 Сокольский Н. И. Крепость аспургиан на Боспоре, с. 22. 253 Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска, с. 38 и сл. 254

Подсчитано по: Сокольский Н. И. Таманский

толос и резиденция Хрисалиска, с. 32; Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище городище).— СА. 1941. № 7, с. 258. 259. рис. 1. 255

Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора,

с. 258, 259; Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска, с. 32, 33. 256 Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска, с. 32—33. 257

Анфимов Н. В. Новые данные

к истории Азиатского Боспора, с. 258—264. 258 Nonicki M. Les maisons à tour dans le monde grec. Wrocław, 1975.

0,92—0,98 м однослойные, выложены по однорядной постелистой ложковой системе из прямоугольных плотно притесанных по месту плит с трехсторонними рустами ²⁵⁹. Жилые помещения могли находиться в верхних этажах. Близкий также боспорским домам по характеру комплекса представляет собой центральный блок усадьбы клера № 1 на Маячном полуострове возле Херсонеса ²⁶⁰. Оборонительная функция в этом комплексе, однако, выражена слабее. Кроме того, он в четыре раза меньше по площади и несколько иначе спланирован.

Таким образом, среди домов этой категории наиболее типичные открыты на Азиатском Боспоре. Для них характерен компактный, приближающийся к квадрату план, симметричность планировочного приема, использование в основной композиции плана равнозначно-параллельного принципа, большие размеры помещений при относительно малой площади двора (в тех случаях, когда он есть), наличие не менее двух этажей, большая толщина стен.

Автор раскопок связывает дом Хрисалиска с аспургианами — одним из местных меотских племен ²⁶¹. Следует, однако, сказать, что прием разбивки дома на местности имеет чисто античный характер, его план решен в общих исходных принципах планировки античного городского жилища, приемы строительной техники также имеют в целом античный характер, хотя и с местной спецификой *. Исходя из этого архитектуру данного памятника логичнее связывать с античной домостроительной традицией.

Сказанное позволяет в развитии домостроительства Северного Причерноморья VI — первой половины I в. до н. э. выделить ряд этапов, границы которых, однако, в известной степени условны. Последнее объясняется в первую очередь хронологическими отличиями в развитии отдельных центров — разным временем основания городов, неодинаковой длительностью одного и того же

этапа в них, недостаточной исследованностью памятников. Так, например, в Тиритакке наиболее ранние из известных в настоящее время домов представляют не первоначальный, а следующий этап развития жилых домов — этап перенесения в Северное Причерноморье обычных многокамерных греческих планировочных типов. Таким образом, намечаемая схема отражает в основном лишь общий характер развития античных домов и домостроительства в условиях Северного Причерноморья.

Первый этап домостроительства в Северном Причерноморье по времени соответствовал в основном VI в. до н. э. Это время основания большинства северопричерноморских античных городов, начала формирования государств, освоения новых территорий. Экономическая база и особенно база строительного производства находились в стадии зарождения. В это время происходит контакт варварской и античной строительных традиций, в Северном Причерноморье распространяется дом колониста. В конце этого и в начале следующего этапов зародилась основная особенность северопричерноморских домов — идея устройства подвальных помещений в обычных наземных жилых домах, наряду с землянками и полуземлянками появляются полуподвальные дома. В градостроительном отношении происходило начало формирования кварталов и уличной сети, но в подавляющем большинстве, по-видимому, без блокировки домов. Каких-либо четких приемов планировки кварталов для этого времени не установлено, хотя элементы градостроительной регламентации в конце этапа появляются. Характерно отсутствие развитого каменотесного производства. Кадры высококвалифицированных строителей профессионалов еще не сложились.

В Северном Причерноморье дом колониста представлял собой в большинстве случаев однокамерную изолированную прямоугольную, в плане земляночную или полуземляночную, реже полуподвальную или наземную постройку. В отдельных случаях встречаются и двухкамерные жилища. Среди землянок встречаются круглые. Эволюционная связь между прямоугольной и круглой формами плана однокамерных жилищ отсутствует.

В объемном отношении дом колониста представлял собой невысокую постройку со скатной

259
Дашевская О. Д. Античная башня на городище Беляус, с. 85—92. рис. 25—27.

260
Стржелецкий С. Ф. Клера Херсонеса Таврического, рис. 6. 261

Сокольский Н. И. Таманский

тонос и резиденция Хрисалиска, с. 106—107.

* Это особенно проявилось в доме Хрисалиска в конструкции каменных поколей, размерах сырцового кирпича, а также в устройстве полов.

(возможны одно- и двускатный варианты) тростниковой или саманной крышей. Не исключено устройство навесов. Такой же вид имели и полуземляночные жилища. Однако они были ниже и для устройства входов иногда делались специальные приямки с вырезанными в грунте ступенями. Кладка каменных стен велась на глиняном растворе по однорядной постелистой или иррегулярной системе из небольших, подобранных по размерам, но, как правило, необработанных плит или бута. Применение ордера, а также декоративных росписей в интерьерах не зафиксировано. Четкого выделения дворов в комплексе с этими постройками пока не прослеживается. Однако наличие хозяйственных ям, иногда сопутствующих крытым помещениям, позволяет предположить целенаправленный отвод на окружающей территории места для хозяйственных нужд. Хозяйственная территория, однако, капитальных оград не имела. Принципиальное отличие этих сооружений от варварских традиций этого района в первой половине I тысячелетия до н. э. заключалось в относительной четкости разбивки сооружений на местности и правильности конфигурации плана, в аккуратности выполнения работ и более высоком качестве приемов кладок, последовательности в использовании принятых систем, в применении сырца.

Особенности домостроительства раннего этапа позволяют говорить о взаимно независимом появлении и развитии жилых домов в трех основных районах распространения античной культуры в Северном Причерноморье. Этап в целом можно характеризовать как предысторию античных жилых домов Северного Причерноморья.

Второй этап связан с началом укрепления и развития государств, стабилизацией их экономики, формированием городов, развитием базы строительного производства, сложением кадров профессиональных строителей. Здесь выделяются две фазы. В первой фазе происходит перенос в Северное Причерноморье греческих объемно-планировочных схем обычных городских жилых домов и приемов строительной техники. Дом колониста, в частности земляночные постройки, уступают место многокамерным наземным прямоугольным в плане домам с внутренними дворами. Это время закрепления греческих типов жилых домов в Северном Причерноморье и начала их эволюции.

От первого этапа здесь заимствуется в основном только идея заглубленности — введение в обычную объемно-планировочную схему домов полуподвальных и отдельных, обычно изолированных, подвальных жилых помещений, происходит окончательное формирование подвалов. В градостроительном аспекте в это время в основном завершается формирование уличной сети, происходит блокировка домов в кварталы. Эта фаза охватывает рубеж VI—V — первую половину V в. до н. э. (на Березани и, возможно, в Пантикапее — вторую половину VI в. до н. э.).

Вторая фаза — начало формирования античного северопричерноморского направления развития архитектуры жилых домов, его расцвет, выработка устойчивых объемно-планировочных типов домов, их эволюция, начало формирования подвальных блоков, достижение наивысшего уровня развития приемов строительной техники и качества работ, переход к исключительно блочной застройке кварталов. Условные хронологические рамки — вторая половина V — третья четверть IV в. до н. э. Это время постепенного расцвета экономики, формирования и специальной организации сельских округ, укрепления государств, четкой регламентации строительства, сложения собственных высокопрофессиональных кадров архитекторов и строителей, формирования базы строительного производства.

Планировочные схемы безордерных домов четко определены (ввиду, как правило, неполного раскрытия или плохой сохранности объектов) поддаются с трудом. Однако раскрытые части домов имеют особенности, присущие греческим типам. В большинстве случаев это были дома типичной схемы малой площади, в планировке которых обычно использовался равнозначно-параллельный принцип композиции. Характерно появление в некоторых домах сельских поселений Боспора и Херсонеса последовательно-иерархического принципа.

В объемном отношении дома имели уже обычный для греческого дома вид. Центром дома являлся внутренний двор, с двух — четырех сторон окруженный крытыми помещениями. При использовании ордера объемы со стороны портиков могли делаться повышенными. Кровли в основном одно-, двускатные. Дома имели окна, выходившие, по видимому, только во внутренние дворы. Декор был

скромным. В парадных помещениях — в основном известковая штукатурка с полихромным покрытием, в так называемом структурном стиле. Рельефные архитектурные детали использовались ограниченно.

В Северном Причерноморье пока не известно ни одного ордерного жилого дома второй фазы. Это может объясняться недостаточной исследованностью соответствующих слоев и потому, учитывая довольно значительное распространение ордерных домов в это время в метрополии и в последующее время — в Северном Причерноморье, не может служить доказательством их отсутствия. Одновременно с распространением обычных безордерных схем в Северном Причерноморье появились в небольшом количестве, очевидно, и ордерные дома. С учетом особенностей домостроительства последующего (третьего) этапа можно предполагать преимущественное распространение пастадных и перистильных типов, по крайней мере, для района Ольвии.

Относительно приемов строительной техники вторая фаза второго этапа характеризовалась максимально высоким уровнем развития конструкций и технических приемов, в частности каменотесного мастерства. Качество выполнения конструкций достигает наивысшего уровня за все время существования северопричерноморских городов. В это время окончательно формируются все основные системы кладок, от простых полигональных до сложных двухрядных орфостатных систем; получили распространение черепичные кровли (рис. 28) коринфского, лаконского и сицилийского типов.

На протяжении второго этапа полигональные системы полностью уступают место обычным рядовым кладкам, для которых характерны притеска по месту, наличие рустовки, использование приема анафирописа, т. е. арсенал средств, присущий монументальному строительству. При этом, разумеется, следует учитывать, что наряду с прекрасными образцами строительного искусства брели и посредственно выполненные постройки, владельцам которых было не по карману строительство сложных, дорогих конструкций.

Наибольший интерес представляет третий этап (последняя четверть IV — конец II в. до н. э.) эллинистический. В основной своей части — по-

следней четверти IV—III в. до н. э. — этап характеризуется максимальным расцветом экономики античных городов, широким освоением периферии, активным вовлечением окружающих племен в орбиту античной культуры. Это время наивысшего расцвета строительства и архитектуры жилых домов античных городов Северного Причерноморья, когда в результате самостоятельной эволюции северопричерноморского античного направления достигли максимального выражения ее особенности и окончательно выработались типы домов, имевшие качественные отличия от греческих. Этап почти повсеместно характеризуется значительным увеличением объемов строительства, причем не только освоением новых городских территорий, но и массовыми перестройками в старых городских районах, проведением широких градостроительных мероприятий. Резко усиливается дифференциация домов по размерам, богатству декора. Значительное увеличение объемов строительства и как следствие этого нехватка квалифицированных кадров привели к качественно иному подходу к строительным конструкциям — отказу от старых, традиционных и сложных приемов и переходу к упрощенным системам, когда кладка делалась небрежно, с расчетом на покрытия штукатурными растворами с последующей росписью*. Выработался также такой специфический прием, как слоевые основания.

Особенностями северопричерноморского домостроительства третьего этапа являются преобладание безордерных домов, относительно большая площадь дворов, наличие жилых подвалов и подвальных этажей, более скромный по сравнению с Грецией характер жилых домов и развитие в составе домов производственных комплексов; выработка нетипичных схем хозяйственно- (или производственно-) жилого дома, появление которых обусловлено спецификой производственной деятельности того или иного владельца. Необходимо подчеркнуть, что эти особенности в большей степени

Высокий уровень мастерства при этом требовался только от мастера, расписывавшего стену. Сама же кладка могла вестись весьма малоквалифицированными работниками. Падение качества кладок хорошо прослеживается на примере Ольвии, где в конце

этапа в ряде случаев нарушаются элементарные правила перевязки слоев, рядов и т. п., что еще в древности приводило к деформациям стен.

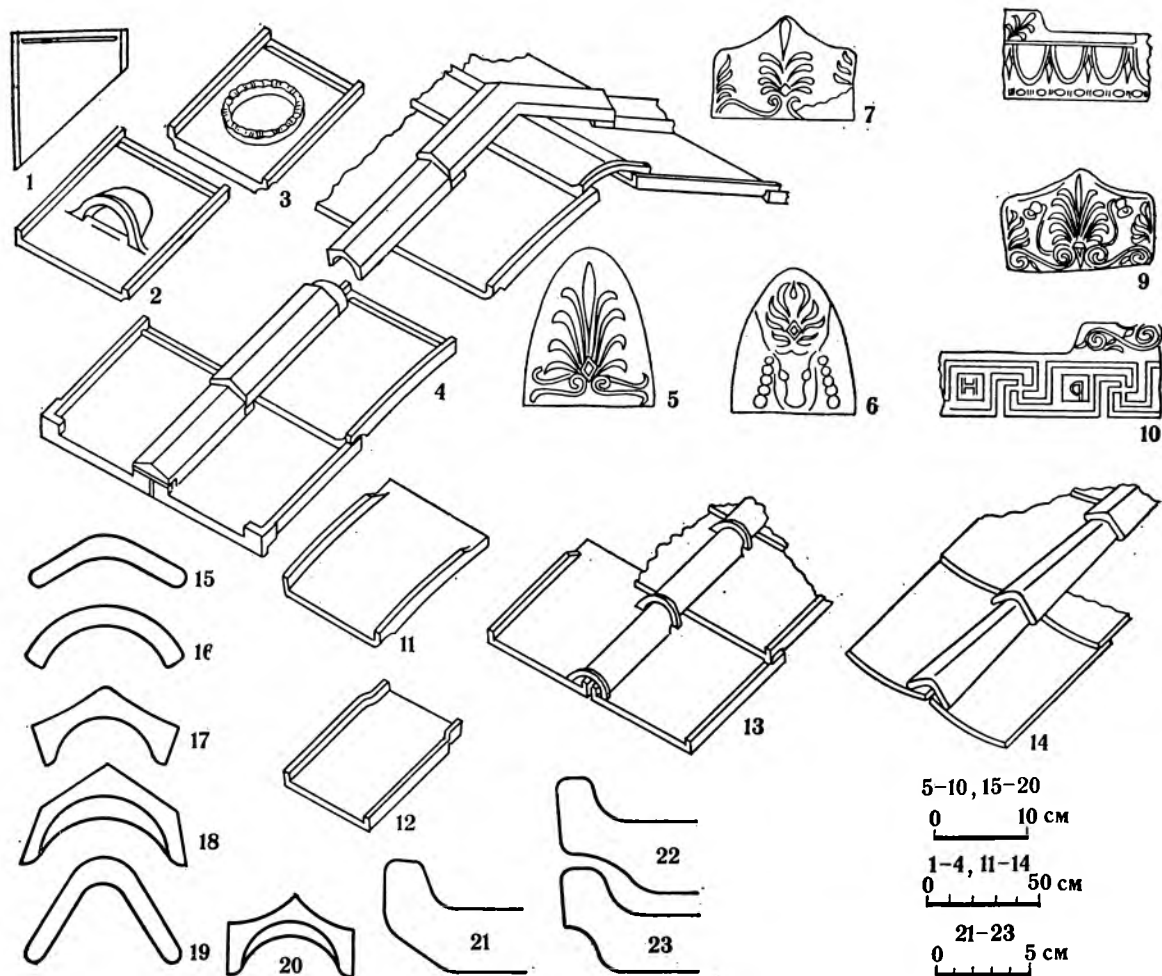

Рис. 28.
Черепица. Фасонная
черепица:

1 — трапециевидная
(Пантикапей); 2, 3 — со
световыми отверстиями
(Ольвия, Пантикапей).

Системы кровли:

4 — коринфская (Ольвия);
13 — сицилийская (Херсонес);

14 — лаконская (Ольвия).
Щитки фронтальной
черепицы:

5, 6, 7 — калиптеры
(Пантикапей); 9 (Ольвия);
8 — карамиды (Пантикапей);
10 (Ольвия).

Рядовая черепица:

11 — керамида (Херсонес);
12 — керамида (Херсонес);

15, 16, 19 — поперечные;
сечения овальных калиптеров
(Боспор); 17 (Ольвия); 18
(Боспор); 20 (Ольвия)
поперечные сечения граненых
калиптеров.

Профили бортов керамид:
22, 23 (Боспор).

Черепица IV—II вв. до

н. э. — 1—11, 13, 17, 18,
20—23;

Черепица первых веков
н. э. — 12, 14—16, 19.

Дано по: Керамическое
производство и античные
керамические строительные
материалы. — СА, 1966, вып.
Г1-20, табл. 1, 28, 29, 30, 31,
32, 35, 36, 37, 40, 41, 42.

характерны для рядового жилища, чем для больших, богатых ордерных домов. Основным планировочным принципом городского жилища по-прежнему оставался равнозначно-параллельный. Рядовые

безордерные дома типичной схемы известны малой и большой площади.

Среди ордерных домов пока известны только пастадный и перистильный типы с использованием

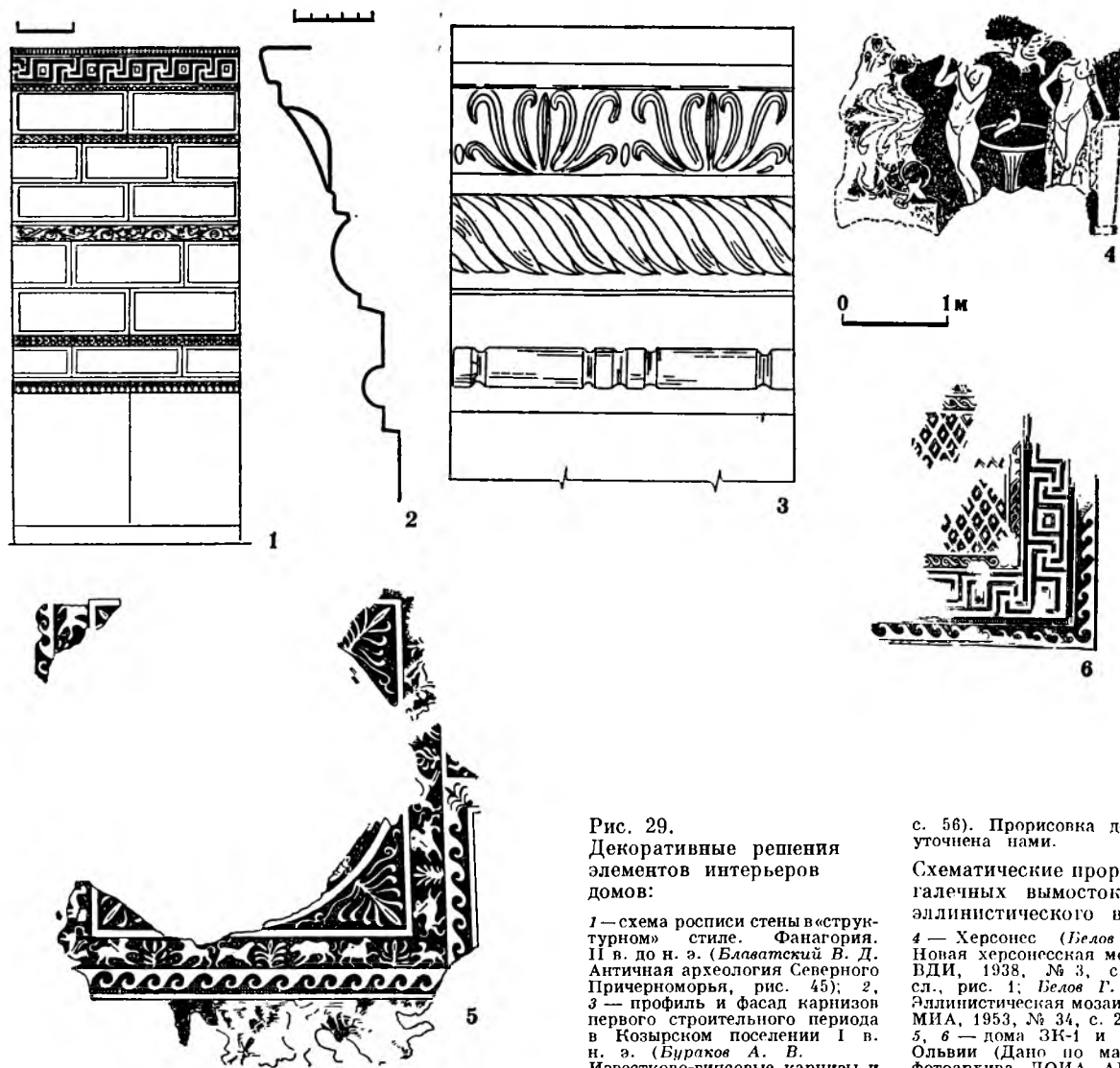

Рис. 29.
Декоративные решения
элементов интерьеров
домов:

1 — схема росписи стены в «структурном» стиле. Фанагория. II в. до н. э. (Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья, рис. 45); 2, 3 — профиль и фасад карнизов первого строительного периода в Козырском поселении I в. н. э. (Бураков А. В. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища,

с. 56). Прорисовка декора уточнена нами.

Схематические прорисовки галечных вымосток эллинистического времени: 4 — Херсонес (Белов Г. Д. Новая херсонесская мозаика. — ВДИ, 1938, № 3, с. 238 и сл., рис. 1; Белов Г. Д. Эллинистическая мозаика. — МИА, 1953, № 34, с. 279 и сл.); 5, 6 — дома ЗК-1 и НГФ-2 в Ольвии (Дано по материалам фотоархива ЛОИА АН СССР, № III-3158, III-3418).

дорического, аттического и особенно малоазийского ордера. Два последних максимальное распространение в жилых домах получили именно на этом этапе. Ордерные дома имели, как правило, специально выделенные помещения, которые, судя по месту в плане дома и наличию галечных вымосток (рис. 29), являлись андронами.

В объемном отношении городские дома этого времени, помимо подвального и наземного этажей, могли в ряде случаев иметь над частью или всеми помещениями наземного этажа второй этаж.

Центром композиции, как и в предшествующее время, являлся внутренний двор, который в ордерных домах по одной или нескольким сторонам

ограждался портиками, располагавшимися чаще всего у основной жилой или парадной группы помещений. В отношении пропорциональной зависимости наиболее ответственных элементов, например ширины падады и высоты колонны, при проверке последней по пропорциональным соотношениям аттического ордера в некоторых случаях прослеживается вполне определенная зависимость. Эта зависимость, с одной стороны, примерно соответствует рекомендациям Витрувия, а с другой — показывает исключительную пропорциональность этих портиков размерам человека (2,2—2,5 м высоты и более при ареостильной расстановке столбов портиков). Фасады домов не имели известковых покрытий. Здесь, очевидно, в большинстве случаев использовались глиняные обмазки с последующей побелкой. Однако входы в наиболее богатых домах могли акцентироваться плоскими портиками. Архитектурная терракота — фронтальная черепица с антефиксами — применялась ограничено — только в наиболее богатых домах при коринфской или лаконской системе кровли.

Интерьеры наиболее парадных помещений — андронов — имели галечные полы с орнаментальными или сюжетными изображениями. Стены покрывались известковой штукатуркой и расписывались в технике фрески или энкаустики в большинстве случаев в структурном, а в конце этапа, возможно, и в цветочном стиле.

Для сельского домостроительства характерно формирование основных категорий так называемых усадеб. Усадеб облика *villa rustica* (в том числе с оборонительными башнями); комплексов, состоявших из набора нескольких блокирующихся между собой вокруг общего двора секций одного-двух типов (усады — поселки); сельского укрепленного дома башенного типа.

Основные различия между жилыми домами трех районов на этом этапе заключались в следующем. Специфические черты домостроительства ольвийской зоны: наличие развитых подвальных этажей, в том числе подвальных помещений, соответствующих наземным пададам; использование в безордерных домах равнозначно-параллельного принципа планировки с асимметричной композицией. Доминирование домов типичной схемы, а среди ордерных — пададного и перистильного типов. В области строительной техники — выработка

искусственных слоевых оснований, в среднем более высокий уровень строительной техники, создание надежной конструкции цистерн, вырезанных в лесе и облицованных тонким слоем известковой штукатурки, широчайшее использование сырца. Для Ольвии этого времени типично использование в основном коринфской и сицилийской систем черепичной кровли, в значительно меньшей степени — лаконской. В сельском домостроительстве — усады-поселки, усады с выделением жилого блока городского типа, в которых использовались в некоторых случаях элементы последовательно-иерархического принципа.

Для Херсонеса типично распространение в безордерных домах симметричных приемов планировки, характерных для римских атриумных домов.

Известны отдельные жилые и преимущественно хозяйственные подвалы. В планировке домов основным являлся равнозначно-параллельный принцип. Среди ордерных — пададный тип. Характерны также отсутствие слоевых оснований, менее широкое использование сырца, более низкий средний уровень качества строительных работ, применение в основном сицилийской системы черепичной кровли. Для сельского домостроительства типичны поселения с жилой застройкой городского типа, усады-поселки, усады с выделением жилого блока городского типа, а также в составе усадеб укрепленные дома-башни, в том числе круглые в плане. Наряду с равнозначно-параллельным использован и последовательно-иерархический принцип планировки.

Равнозначно-параллельный принцип, очевидно, преобладал и в городах Боспора, специфической особенностью рядового домостроительства которого являлось наличие домов нетипичной схемы — частое включение в состав дома производственных комплексов. Среди ордерных домов возможно существование перистильного типа. Здесь также велось строительство отдельных жилых и хозяйственных подвалов. Технический уровень кладок в среднем ниже, чем в Ольвии, слоевые основания единичны. В кровельных черепичных покрытиях использовалась в основном коринфская система и отчасти сицилийская. При этом следует добавить, что в каждом центре черепица местного производства одной и той же системы имела определенные

конструктивные отличия. Для азиатской части Боспора характерно использование жестких симметричных схем, а в домах некоторых сельских поселений — элементов последовательно-иерархического принципа планировки.

В сельском домостроительстве Боспора известны усадьбы, приближающиеся к категории *villa rustica*, отдельно стоящие дома и крепостные дома-башни.

Следует отметить, что для района Азиатского Боспора характерны черты, отличающие его в целом. Это большая четкость и регулярность планировки, во многом закрытый — крепостной характер жилого строительства, начиная с самого раннего времени (например, Торик), ансамблевость (Торик, Таманский толос с перистилем), широкое использование камня, специфические приемы строительной техники. Некоторые из этих особенностей, в частности высокая четкость и регулярность планировки, ансамблевость, типичные для Греции и проявившиеся здесь сильнее, чем в других районах Северного Причерноморья, как представляется, могут косвенно свидетельствовать в пользу мнения о проникновении на Боспор греков с востока вдоль Кавказского побережья²⁶².

Есть отличия между Азиатским Боспором и Ольвией (отсутствие четкой хронологической атрибуции интересующих нас архитектурных деталей из Херсонеса и крайне недостаточное их количество на Европейском Боспоре не дают возможности их использования) и в ордерных деталях. Так, профилировка антовых капителей и капителей аттического ордера, найденных в Ольвии и в одном из наиболее выдающихся комплексов — Таманском толосе, с окружающим его перистилем различна. Большой вынос профилировки, относительная уплощенность и схематичность прорисовки обломов таманского памятника существенно отличают их от комплекса капителей Ольвии²⁶³. В целом же для жилых домов Северного Причерно-

морья типично использование в портиках со столбами прямоугольного сечения форм антовых ионических капителей с элементами дорики.

Дома эллинистического времени Северного Причерноморья являются наивысшим достижением во всей истории домостроительства этого района. Они послужили основой для домостроительства периода первых веков нашей эры.

Четвертый этап — конец II — первая половина I в. до н. э. характеризуется постепенным нарастанием военно-политического, экономического и социального кризиса, подчинением античных государств Северного Причерноморья Митридату VI Евпатору. Это, разумеется, не могло не сказаться и на домостроительстве. В основном делаются небрежные перестройки, крупные градостроительные мероприятия не проводятся, значительно усиливается оборонное строительство, однако за небольшим исключением (ведется строительство новых крепостей и сооружений, подобных дому Хрисалиска), а также в основном за счет достроек и перестроек. Общий уровень качества конструкций резко падает. Провести четкую границу между этим периодом и последующим, относящимся уже к первым векам нашей эры, затруднительно. Она четко выделяется только в отношении Ольвии, где в результате гетского разгрома жизнь на некоторое время (около середины I в. до н. э.) прекратилась вообще. Что же касается Херсонеса и Боспора, здесь такой четкой грани нет.

Рассмотренные материалы позволяют также коснуться вопроса о классификации безордерных жилых домов.

Как известно, в настоящее время в антиковедении существует достаточно четкое представление о трех основных объемно-планировочных типах ордерных жилых домов. Два из них определяются типом портика, объединяющего группу помещений — пастада или обслуживающего только одно основное помещение дома — простада. Третий тип определяется исходя из количества и расположения портиков относительно двора — перистиль. Могут быть и смешанные варианты, например пастадно-перистильный. Таким образом, в основе принципа классификации здесь используется характеристика взаимного расположения и связи между собой основных помещений дома и портика (или портиков), выходящего во двор, т. е. критер-

262
Онйко Н. О. Розкопки Торіа,
с. 36.

263
Крыжицкий С. Д. Жилые
ансамбли древней Ольвии,
рис. 63, 64, с. 130—136;
Сокольский Н. И. Таманский
толос и резиденция Хрисалиска,
с. 124—126, рис. 37, 38.

рий, отражающий структуру семейных отношений, особенности быта.

В отличие от ордерных домов проблема классификации безордерных жилых домов не имеет удовлетворительного решения. В основу классификации часто кладется количество помещений, иногда размеры дома либо вообще такие понятия, как бедный или богатый дом и т. п. Эти и подобные им признаки не являются принципиальными и определяющими в планировке домов, поскольку в большинстве случаев они являются результатом действия второстепенных факторов. Достаточно проиллюстрировать это примером ордерных жилищ. Так, например, по три комнаты могут иметь пастадный и пастадный типы домов, имеющие принципиально различные планировочные решения, а два дома одного и того же типа — совершенно различные размеры. Возникает вопрос, что же может являться основным критерием при классификации объемно-планировочных решений безордерных домов.

Анализ планировки античных безордерных домов показывает, что таким наиболее устойчивым принципиальным признаком, как и в ордерных домах, является характер взаимного расположения и связи помещений одного и того же дома. Как было показано выше, тот или иной планировочный прием обычно не случаен и, более того, типичен для определенного региона или города. Отсюда следует, что планировочный принцип в нашем понимании является следствием действия неслучайных факторов, каковыми могут являться в данном случае, скорее всего, структура семьи и семейных отношений, а также быта, и в более общей форме — конкретного общества в целом. Анализ ордерных домов показывает, что таких основных планировочных принципов два: принцип равнозначно-параллельного расположения и связи помещений (соответствует пастадному или перистильному типам в ордерных сооружениях) и последовательно-иерархического расположения и свя-

зи (соответствует простадному). В первом случае все помещения занимают равноценное положение в доме, т. е. в общем случае значение их в комплексе без учета специальных функций более или менее равноценно. Во втором случае их положение неравноценно. Оба эти принципа прослеживаются практически и во всех безордерных домах, более того, даже в однокамерном прямоугольном в плане доме расположение входа по короткой или длинной стороне определяет характер соподчиненности отдельных участков внутренней площади помещения.

Оба планировочных принципа встречаются в домостроительстве не только античной культуры. Различия в этом отношении в рамках культур или отдельных регионов распространения той или иной культуры заключаются только в доминировании того или иного из них или в характере их сочетания. Таким образом, планировочный принцип как элемент характеристики домов, выходящий за пределы какой-либо отдельной культуры, является наиболее высоким критерием их классификации.

Более низкий классификационный уровень — объемно-планировочные типы — определяется сочетанием комплекса признаков: наличие или отсутствие двора, его относительная величина, расположение помещений с одной или несколькими сторонами двора, характер объемного решения, типичная или не типичная для греческого (или иного) домостроительства схема, ориентация, наличие или отсутствие входных коридоров и андронов, приемы строительной техники, конструкции и т. п.

Объемно-планировочные типы не выходят обычно за рамки отдельных, резко отличных друг от друга культур, за исключением случаев прямых влияний и заимствований, и поэтому достаточны для характеристики их культурной принадлежности с учетом воздействия природно-географических условий.

АНТИЧНЫЕ ДОМА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

После социально-экономических и военно-политических потрясений, связанных с перемещением окружающих племен, восстанием Савмака на Боспоре, подчинением античных городов Митридату VI Евпатору и, наконец, с переходом их в сферу римского влияния, наступил период довольно длительной стабилизации и определенного подъема экономики. Из крупных центров, пожалуй, только Ольвия пострадала в наибольшей степени, как это видно из борисфенитской речи Диона Христора и археологических данных, подтверждающих это. Достаточно сказать, что территория города сократилась почти втрое. Но, тем не менее, и здесь в первые века нашей эры наблюдается известный подъем экономики, вновь возникают сельские, но уже укрепленные и относительно малочисленные поселения.

В развитии домостроительства Северного Причерноморья в первые века нашей эры выделяется три этапа: 1) постепенное возрождение и развитие домостроительства, строительство новых городов и поселений — вторая половина I в. до н. э. — I в. н. э.; 2) максимальный для второго периода расцвет строительной деятельности, в основном II в. — первая половина III в. н. э.; 3) упадок городской жизни и домостроительства (в Ольвии — практическое прекращение). Начиная примерно от середины III в. н. э., между двумя наиболее значительными нашествиями кочевых племен — сначала готов, а затем, в 70-е годы IV в. н. э., — гуннов — это время упадка и окончательного угасания античного домостроительства в Северном Причерноморье, хотя его отдельные традиции и продолжали существовать в раннесредневековых городах Крыма.

В целом постоянно усиливающееся римское влияние, с одной стороны, и варварское — с другой, увеличивающееся количество негреческого элемента среди населения античных городов, возрастающая натурализация хозяйства и рустификация городов — все это сказалось и на домостроительстве. Греческое в своей основе, оно не могло не впитать в себя и отдельные черты, возникновение которых следует связывать с влиянием римской провинциальной архитектурно-строительной школы.

Памятники этого периода изучены неравномерно как в хронологическом, так и в географическом

ческом отношении. Кроме того, наиболее полно исследованы дома поселений и малых городов, тогда как о домах крупных центров можно судить в основном только по фрагментарным данным. Все это ограничивает возможности поэтапной характеристики жилых домов и заставляет говорить о домах периода в целом.

Северо-Северо-Западное Причерноморье. В наибольшей степени изучены дома доготского времени Ольвии, Тире и поселения у с. Козырка, а также единственный пока дом послеготского времени в Тире.

Раскопки в Ольвии и Тире свидетельствуют о довольно низком уровне планировки домов и приемов строительной техники. Здесь нет таких больших, как в метрополии, различий и в размерах домов. Так, например, дома, открытые в Ольвии на окраине города и в районе цитадели, не имели слишком больших отличий. Скромны по своему характеру и дома, раскопанные в Тире возле цитадели.

Отличия проявлялись в основном в декоре, в использовании отдельных приемов римской строительной техники. Таким образом, рост социально-экономической дифференциации жилищной застройки, характерный в это время для района Средиземноморья, в Северо-Западном Причерноморье пока не наблюдается.

Для городской застройки этого периода характерна более высокая, чем в предыдущее время, степень плотности. В Ольвии, например, в первые века нашей эры сокращение защищаемой оборонительными стенами территории привело к возникновению хозяйственно-производственного предместья за пределами оборонительных стен. В этом предместье, не имевшем четкой планировки, находились постройки, которые могли иметь частично и жилое назначение.

Наибольшее количество домов первых веков нашей эры раскопано в Ольвии. Здесь, в южной половине Нижнего города (участок НГФ), у его

северной оборонительной стены (участок НГ) и за его пределами — в предместье (участок НГЦ) были открыты безордерные дома в основном типичной схемы малой площади, блок из однокамерных изолированных в строительном отношении домов и несколько однокамерных изолированных домов. В Верхнем городе, возле оборонительных стен цитадели, у входа в цитадель раскопано здание так называемых казарм римского гарнизона и несколько западнее (участок М) открыт частично ордерный дом перистильного типа, который, однако, мог относиться и к эллинистическому времени.

В предместье представляют интерес в основном два дома: НГЦ-2 и НГЦ-3 (рис. 30, 7, 8). Это однокамерные, прямоугольные в плане, без внутренних дворов изолированные постройки относительно большой площади (до 29—34 м²) с расположением входов в торцах¹. Дома заглублены — до 0,6 м, имеют четкую прямоугольную разбивку, расположены один относительно другого под острыми углами. Основное назначение складское. Однако, учитывая наличие в одном из них (НГЦ-3) остатков очага и печи, можно предположить частичное жилое использование этого дома. В последнем случае несомненно полная подчиненность жилой функции хозяйственным целям. Таким образом, нетипичность этих домов в полной мере обуславливалась производственными целями.

К другой группе жилых построек относится блок, состоявший из шести, в основном однокамерных, изолированных в функциональном отношении структур, пристроенных к северной оборо-

НГФ, открывавшихся в Ольвии в предвоенные годы и в 1946 г.— НА ИА АН УССР, ф. эксп. № 521, 1946/9, с. 42 и сл.

3

Леви Е. И., Карасев А. Н. Указ. соч., с. 241; Славин Л. М. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг., с. 54 и сл.

4

Твердо зафиксированы выходы на улицу в первом и третьем строительных периодах из четырех крайних с востока помещений. Во втором периоде эти помещения попарно соединялись между собой. Что касается двух крайних западных помещений, то местоположение склдов в них из-за плохой сохранности строительных

остатков определению не поддается (Славин Л. М. Описание памятников Н.Г. и НГФ, открывавшихся в Ольвии в предвоенные годы и в 1946 г.— НА ИА АН УССР, ф. эксп. № 521, с. 42 и сл.; Славин Л. М. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг., с. 53 и сл.). Тем не менее,

учитывая однотипность планировки четырех восточных структур, а также наличие очагов в каждой из двух западных, представляется возможным предполагать и аналогичность планировочных решений, т. е. устройство в западных структурах также самостоятельных выходов на улицу.

1
Крыжицкий С. Д. Раскопки на территории Нижнего города Ольвии в 1965—1966 гг.— АИУ, 1967, вып. 1, с. 131 и сл.;
Крыжицкий С. Д. Раскопки Нижнего города Ольвии.— АИУ, 1968, вып. 2, с. 142 и сл.
2
Славин Л. М. Отчет о раскопках

Ольвии в 1935 и 1936 гг.— В кн.: Ольвия, 1940, т. 1, с. 51 и сл., табл. VIII, IX;
Славин Л. М. Здесь был город Ольвия. К., 1967, с. 55 и сл.;
Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 239 и сл., рис. 30; Славин Л. М. Описание памятников НГ и

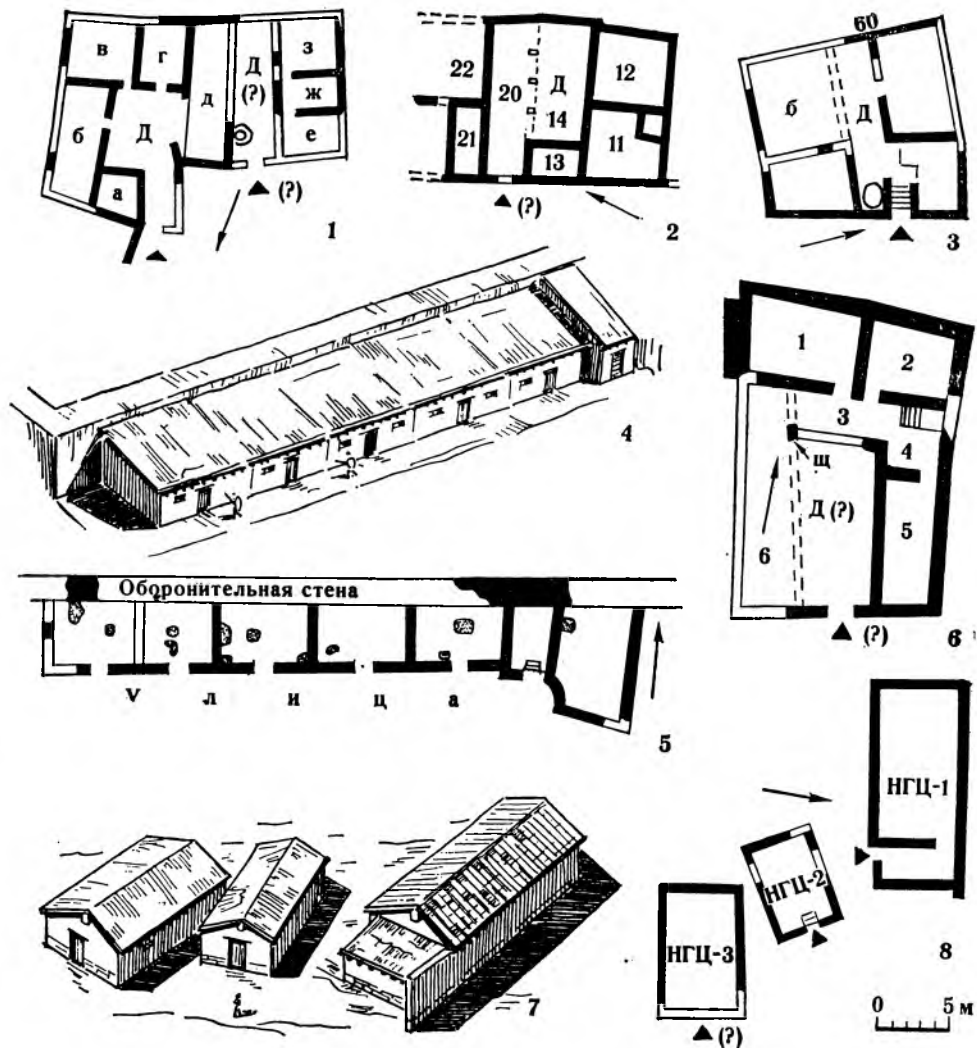

Рис. 30.

Дома Ольвии первых веков нашей эры:

1 — два дома на участке НГФ, 3 — «пекарня», план; блок домов у оборонительной стены Нижнего города: 4 — реконструкция (Крыжицкий С. Д.); 5 — план; 6 — дом в районе цитадели, план; дома на участке НГЦ: 7 — реконструкция; 8 — план. 2 — дом на раскопке А в Тире, план;

Дано по: 1 — ОАК за 1909—1910 гг., рис. 40; Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья. — АГСП. М. — Л., 1955, с. 241, рис. 32; 2 — Фурманська А. І. Розкопки Тіри в 1958 р. — АН УРСР, 1962, т. 11, с. 123, рис. 11; 3 — Славиш Л. М. Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг. — Ольвия. К., 1940, т. 1, табл. 8; 5 — Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 240, рис. 30; 6 — ОАК за 1906 г., т. 1; 8 — Крыжицкий С. Д. Раскопки Нижнего города Ольвии. — АИУ 1967 г. 1968, вып. 2, с. 143.

нительной стене на участке НГ² (рис. 30, 4, 5). Отличия их от построек, описанных выше, заключаются в блокировке, в поперечно-осевом расположении помещений, наличии очагов и большом количестве ледной посуды. Почти все помещения имели примерно одинаковые размеры 20—25 м². Близкие по величине перекрываемые пролеты (3,9—4,35 м), длина помещений (5—6 м), наличие общей южной стены — все это говорит о одновременности и централизации строительства этих

структур, а также о предварительной продуманности их планировки. Стены помещений значительно заглублены, прослеживается три строительных периода, во время которых повышался уровень полов и надстраивались стены³. В некоторых помещениях, судя по характеру кладок некоторых стен, могли функционировать подполья. В первом и третьем строительных периодах каждое помещение, вероятно, имело самостоятельный выход на улицу⁴.

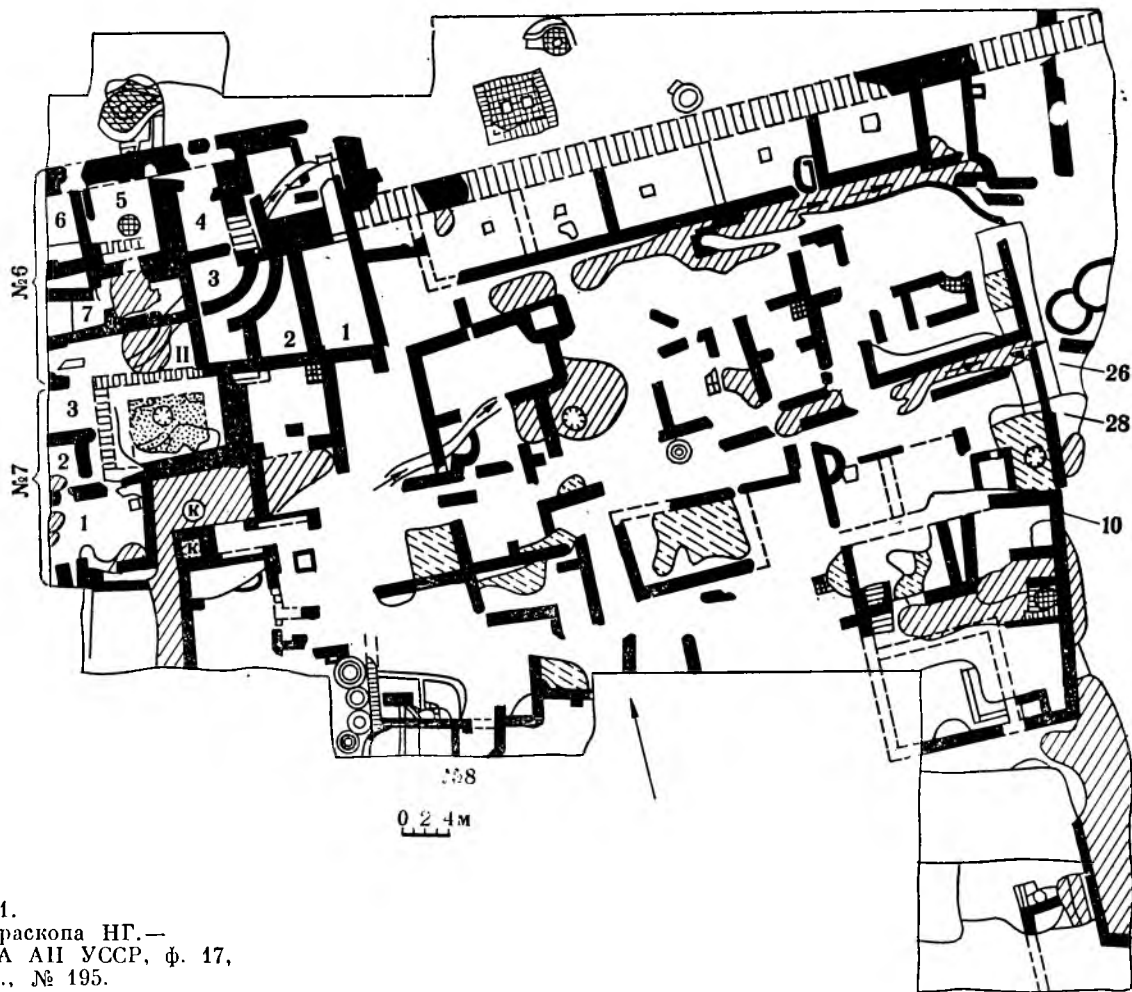

Рис. 31.
План раскопа НГ.—
НА ИА АН УССР, ф. 17,
1948 г., № 195.

Таким образом, дома данного блока представляли собой своеобразную инсулу. Учитывая расположение домов у городской оборонительной стены, тем более рядом с оборонительной башней, отсутствие дворов, можно заключить, что они могли быть построены для размещения там постоянной охраны городских стен.

Сложнее обстоит дело с многокамерными безордерными домами участка НГ. Здесь прямые археологические данные более скудны, чем в предыдущем случае. Как правило, отсутствие зафиксированных дверных проемов не дает возможности уста-

новить характер взаимной связи помещений, уверенно выделить отдельные дома. Специально обоснованной реконструкции не подвергались не только объемы, но и планировочные решения отдельных домов, выделенных здесь произвольно, без какого-либо обоснования. Исключение в этом отношении составляет так называемая пекарня.

В планировке участка регулярная разбивка кварталов не прослеживается, хотя принцип прямоугольности относительно соблюден. Весьма спорно выделение части улиц ⁵. По обмерным планам и схемам ⁶ здесь уверенно можно восстановить

только две: одну, расположенную параллельно оборонительной стене вдоль блока однокамерных жилищ — Северную, вторую — перпендикулярно Северной, вдоль восточного края раскопанного участка (рис. 31)⁷. Продолжение этой улицы открыто и далее к югу во время охранных работ по клифу в 1970 г.⁸ Судя по тому, что к вымостке Восточной улицы за юго-восточным углом «пекарни» подходит еще одна вымостка, можно предположить, что в этом месте могла проходить еще одна улица, параллельная Северной⁹. В последнем случае ширина квартала могла составлять около 34 м. При этом длина квартала (восток — запад), судя по характеру взаимного расположения строительных остатков, достигала не менее 37—40 м и 60—65 м при включении в этот же квартал дома № 7.

На участке прослеживается три основных строительных периода¹⁰, строительные остатки ни одного из которых не исследованы полностью и, кроме того, недостаточно надежно отчленены от эллинистического слоя. Фрагментарность строительных остатков лишает возможности в какой-либо степени реконструировать планировку центральной части участка. Что касается восточной и западной (недоисследованной) площадей раскопа НГ, необходимо отметить следующее.

Судя по чертежам и описанию¹¹, в западной части раскопа находилось не два дома¹², а по крайней мере три, они имели внутренние дворы и площадь не менее 100—160 м² каждый. Намеченные наружные границы домов справедливы только отчасти — это северная и южная границы дома № 6 (который, как представляется, состоял не менее чем из двух домов¹³) и северная граница дома № 7¹⁴. Что касается остальных границ, причем не только домов, но и дворов, то о них можно говорить только предположительно.

Однако сохранившиеся остатки все же дают возможность констатировать здесь отсутствие симметричности, типичной для атриумных римских домов, и, по-видимому, преобладание равнознач-

но-параллельного планировочного принципа; расположение жилых помещений не менее чем по двум (Г-образно), трем сторонам двора (в и любом случае по северной стороне); наличие (в одном случае) галечной вымостки¹⁵, местоположение и особенности которой позволяют предположить, что здесь находился андрон; относительно четкую прямоугольную разбивку помещений; развитой водосточной сети и колодцев. Таким образом, здесь в планировочном отношении прослеживаются традиции эллинистической Ольвии. Наряду с этим следует отметить усиление и нетипичных элементов (восточная часть дома № 6; возможно, дом № 7). В объемном отношении характерно отсутствие подвалов (хотя в некоторых случаях это может быть следствием недоисследованности помещений) и наряду с этим несколько заглубленный характер многих помещений в домах

ф. эксп. 1970/16 г., № 5728; *Отчет об охранных раскопках на участке Е-VIII, пункт 5.* — НА ИА АН УССР, ф. эксп. 1970/16 д. е. ж., № 5735.

9 Эту улицу намечает и Л. М. Славин (Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг., с. 59).

10 *Славин Л. М.* Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг., с. 52 и сл.; *Славин Л. М.* Основные результаты археологических исследований Ольвии и ее периферии в 1946—1949 гг. — НА ИА АН УССР, ф. 17, 1949/20, № 213, с. 147.

11 В последней работе Л. М. Славин отмечает два периода перестройки домов, но, поскольку один из домов построен позднее первого строительного периода другого дома, есть основания говорить о трех строительных периодах.

12 *Славин Л. М.* Основные результаты археологических исследований Ольвии и ее периферии в 1946—1949 гг. — НА ИА АН УССР, ф. 17, 1949/20, № 213, с. 134—152; Чертеж «Раскоп НГ», 1946 г. — НА ИА АН УССР, ф. 17, № 152—156.

13 *Славин Л. М.* Основные результаты археологических исследований Ольвии и ее периферии в 1946—1949 гг. — НА ИА АН УССР, ф. эксп. № 199, с. 69 и сл.

14 Так, отсутствие дверного проема в стене дома № 6,

отделявшей помещения № 3, 4 от помещений № 5 и двора № 1, а также возведение параллельно и вплотную к ней восточной стены помещения № 5 свидетельствуют в пользу того, что комплексы помещений № 1—4 и 5—7 между собой функциональной связи не имели и, следовательно, принадлежали различным домам. Судя по общему характеру планировки, а также по тому, что стены помещений № 1, 2, 3 дома № 6 подходят к северной стене дома № 7

впритык (причем эта северная стена в целом продолжает линию стен квартала, расположенного к югу от блока однокамерных жилищ), можно предположить, что в первом строительном периоде этих помещений дома № 6 не было, и к северу от дома № 7 могла проходить улица. На разновременность домов обратил внимание и

Л. М. Славин. Основные результаты археологических исследований Ольвии и ее периферии в 1946—1949 гг. — НА ИА АН УССР, ф. 17, 1949/20, № 213, с. 147.

15 *Славин Л. М.* Основные результаты археологических исследований Ольвии и ее периферии в 1946—1949 гг. — НА ИА АН УССР, ф. 17, 1949/20, № 213, с. 134 и сл.

16 *Славин Л. М.* Основные результаты археологических исследований Ольвии и ее периферии в 1946—1949 гг., с. 143; Чертеж «Раскоп НГ», 1946, ф. 17, № 152—156, 193.

5 *Славин Л. М.* Здесь был город Ольвия, рис. на с. 55; *Славин Л. М.* Описание памятников НГ и НГФ, открывшихся в Ольвии в предвоенные годы и в 1946 г., с. 60.

6 Чертеж «Раскоп НГ», 1948 г. —

НА ИА АН УССР, ф. 17, № 193.

7 *Славин Л. М.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг., с. 56, 59.

8 *Русяева А. С.* Отчет об охранных раскопках участка Е-VIII (пункт 6). — НА ИА АН УССР,

этого участка в целом. Последнее автор раскопок, как представляется, вполне справедливо объясняет повышением уровня улиц¹⁶, которое при крайней скученности застройки города в первые века н. э. и, очевидно, отсутствии достаточно жесткой регламентации являлось неизбежным следствием различного рода перестроек.

Среди строительных остатков в восточной части квартала наиболее четко выделяется только так называемая пекарня (рис. 30, 3; 31).

По реконструкции плана, предложенной Л. М. Славиным, этот дом ограничивался Восточной (проходившей вдоль берега лимана) улицей и двумя улицами с юга и севера¹⁷. Если в отношении существования Восточной улицы, продолжение которой открыто и далее к югу в ходе охранных работ 1970 г., и улицы, располагавшейся вдоль южного фасада «пекарни» (вымостки Восточной и Южной улиц непосредственно соединяются)¹⁸, нет оснований сомневаться, то в отношении Северной улицы дело обстоит иначе. Основанием для предположения о ее существовании послужило наличие каменного водостока, перекрытого остатками каменной вымостки¹⁹. Однако, как хорошо видно на обмерном плане и упомянуто в тексте отчета, западный конец этого водостока на расстоянии примерно 6 м к западу от Восточной улицы поворачивает к югу²⁰ — к «пекарне». Очевидно, это не уличный, а обычный водосток для отвода воды из двора дома, и местоположение его может указывать только на возможность существования в этом месте входного коридора. Против расположения здесь улицы свидетельствует и наличие поперечных кладок, появление которых хотя и относится к более раннему времени или синхронно водостоку (во всяком случае, одна из них — № 26, отгораживающая водосток от Восточной улицы), однако они использовались и во время функционирования водостока. Последнее подтверждается, в частности, тем, что пересечение водостока с кладкой № 26, отделяющей Восточную

улицу, сделано продуманно²¹ — явно одновременно со строительством кладки № 26. Против размещения здесь Северной улицы косвенно свидетельствует и малая ширина квартала — около 10 м, который в этом случае образовался бы к северу от нее.

Отсутствие в месте расположения рассмотренного водостока улицы, а также каких-либо данных о возможности функциональной связи ряда помещений, примыкающих к водостоку с юга, с центральной группой «пекарни»²², дает основание считать, что этот ряд помещений относился к другому, расположенному к северу от «пекарни» комплексу. В пользу этого свидетельствует также некоторый взаимный сдвиг планировочных сеток северного ряда помещений и расположенной к югу от них «пекарни» и, в частности, характер примыкания восточной стены ряда северных помещений (№ 28) к восточной стене «пекарни» (№ 10)²³.

Сохранность строительных остатков к западу от «пекарни» не позволяет в достаточной степени определенно реконструировать ее западную часть. Не исключено, однако, что, судя по характеру южного конца кладки № 60, в одном из ранних периодов «пекарня» на западе могла ограничиваться именно по линии этой стены. Позднее сюда с запада присоединен еще один ряд помещений²⁴.

Восстановление внутренней планировки «пекарни» в намеченных выше границах возражений не вызывает (рис. 30, 3)²⁵.

Следует сказать, что хотя определение конкретного профиля деятельности владельца этого дома не представляется достаточно надежно обоснованным²⁶, тем не менее сам факт производственного использования центральной печи вряд ли может вызвать сомнение. Равным образом имеется достаточно данных считать, что дом имел и жилую

16
Славин Л. М. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг., с. 53.
17
Там же, с. 59 и сл.;
Славин Л. М. Здесь был город Ольвия, с. 55 и сл.
18
Славин Л. М. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг.,

табл. VIII.
19
Там же, с. 71
20
Там же, табл. VIII.
21
Там же.
22
Славин Л. М. Указ. соч., с. 67 и сл.; Славин Л. М. Здесь

был город Ольвия, рис. на с. 55.

23
Славин Л. М. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг., табл. VIII.

24
В пользу этого свидетельствует то, что кладка № 60 имеет обработанный южный торец, что, судя по выступающему к югу фундаменту, могло быть сделано не сразу, а во втором или третьем строительном периоде (Славин Л. М. Указ. соч., табл. VIII, рис. 46).
О том, что в западной части

был не двор, а крытые помещения, свидетельствует раскрытие у кладки № 60 фрагментов глинобитного пола и очага (Чертеж «Раскоп НК»).

25
Исключение представляет только предположение о возможности расположения двора также на территории помещения «б» (Славин Л. М. Указ. соч., с. 64, 65), чему противоречит отсутствие в помещении «б» вымостки.
26

Славин Л. М. Указ. соч., с. 72.

функцию. В пользу последнего, в частности, свидетельствует наличие очагов и печей почти в каждом из помещений, а также сопровождающий материал²⁷.

Таким образом, перед нами дом рядового ольвиополита, непосредственно занимающегося производственной деятельностью, что нашло отражение и в планировке дома. Площадь застройки дома 184—250 м², площадь двора составляет 12—16%. Дом относится к группе безордерных построек малой площади в основной своей части типичной схемы с двусторонним или П-образным расположением крытых помещений вокруг двора. Основная жилая группа находилась, по-видимому, к северу от двора²⁸, производственный и кухонный комплекс — к востоку и югу. Подвалы отсутствовали, хотя комплекс, судя по высоте лестницы, заглублен относительно уровня Восточной улицы на 0,7—0,8 м²⁹. Оснований для реконструкции второго этажа нет. Основной планировочный принцип — равнозначно-параллельный.

В целом почти для всех домов участка НГ характерны одинаковые приемы строительной техники и конструкций. Каменные, возможно, на всю высоту стены, глинобитные полы (в одном случае галечная вымостка), каменные вымостки дворов, черепичные крыши. Кладки в основном из грубо обработанных и плохо выкадрованных полигональных плит и блоков известняка, по однорядным постелистым системам на глине, без притески по месту, с толщиной швов до 1—2 см и более. Кладки двух-, трехслойные, толщиной 0,5—0,65 м, фундаментный ряд выкладывался иногда по орфостатной или «шахматной» системе (рис. 5, 14). Высококачественные кладки становятся редкостью, уровень каменотесного мастерства резко падает. Из строительной практики исчезают слоевые основания.

В целом следует отметить значительное сужение арсенала объемных решений и технических приемов по сравнению с эллинистическим време-

²⁷ Славин Л. М. Указ. соч., с. 72.

²⁸ Первая цифра — без группы западных помещений. Вторая — с западными помещениями. Принятая цифра (250 м²) была получена исходя из того, что с запада мог находиться только

один ряд помещений с пролетом порядка 5 м.

²⁹ Прямые археологические данные для уверенной атрибуции северной группы помещений как жилой отсутствуют. Нет, однако, и противоречий этому материалу, поскольку печь в

нем, деградацию приемов строительной техники. Это касается и градостроительных принципов.

Остатки домов, раскопанные в Нижнем городе на участках у оборонительной стены (НГ) и в предместье (НГЦ), свидетельствуют об их принадлежности трудовым небогатым слоям населения. Вместе с тем и внутри этой категории жителей прослеживается дифференциация по имущественно-производственному признаку. Достаточно сравнить дома № 6, 7 участка НГ с однокамерными домами участка НГЦ, не подчинявшимися к тому же вообще какой-либо градостроительной регламентации.

Жилые дома первых веков нашей эры открыты в 1909—1910 гг. Б. В. Фармаковским также в юго-западной части Нижнего города на участке НГФ³⁰. Здесь реконструировалась планировка только одного дома. По реконструкции А. Н. Карасева (рис. 30, 1) дом имел в плане очертания неправильного многоугольника; площадь застройки около 250 м², двор занимал примерно 10%³¹. В этом виде по планировочному типу дом относится к группе безордерных домов нетипичной схемы (общая конфигурация, расположение двора в северной части дома, выделение развитого запасного блока помещений). Данная реконструкция отличается от предложенной автором раскопок — Б. В. Фармаковским³² отчленением ряда помещений со стороны восточной границы дома.

Судя по общей конфигурации плана и особенностям отдельных кладок, представляется убедительной реконструкция местоположения только западной, южной и отчасти северной границ дома. Реконструкция же планировки центрального ядра — объединение западной группы помещений (по плану А. Н. Карасева — е, ж, з, д) с восточным комплексом (а, б, в, г) вызывает сомнения.

помещении «д» могла иметь в равной степени как бытовое, так и производственное назначение.

²⁹ Славин Л. М. Указ. соч., с. 60.

³⁰ Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии. — ОАК за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913, с. 35 и сл. 31

³¹ Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья. с. 241, рис. 32.

³² ОАК за 1909 и 1910 годы, с. 38 сл. К сожалению, ни один

из авторов не привел хотя бы снятых обоснований планировочной реконструкции. Это может объясняться тем, что достаточно достоверное восстановление планировки дома возможно в ограниченной степени, поскольку при раскопках не выявлены границы квартала, сохранность строительных остатков слоя, к которому относится дом, в ряде мест раскрытой площади совершенно неудовлетворительна.

В связи с этим следует заметить, что никаких прямых археологических данных, которые свидетельствовали бы о наличии дверного проема, соединявшего комплекс западных помещений с двором, нет. Кладка, разделяющая помещение «д» и двор, не сохранилась. Кроме того, характер планировки западной группы и, в частности, большая величина общего пролета, более 10 м³³, лишают естественного освещения со стороны двора большую часть помещений западной группы*. Все это дает основание предположить наличие в западной группе самостоятельного двора.

В пользу существования двора свидетельствует и характер расположения комнат «е», «ж», «з», открывающихся в одно общее помещение. В аналогичных случаях в античном домостроительстве чаще всего помещения выходят либо в портик, либо непосредственно во двор.

Таким образом, имеются основания предполагать возможность существования здесь двух домов или, поскольку дома имеют общую наружную южную стену³⁴, дома с двумя дворами. В первом случае местоположение выхода из западного дома наиболее реально между помещениями «е» и «д».

Таким образом, при варианте реконструкции Б. В. Фармаковского — А. Н. Карасева, с учетом возможности размещения в западном комплексе еще одного двора, налицо дом нетипичной схемы. Эта нетипичность заключается в наличии двух дворов и подчеркнутым делении дома на две половины, однако без четкого функционального отличия этих половин.

При предлагаемом нами варианте (рис. 30, 1) комплекс состоит из двух домов, в планировке которых использован равнозначно-параллельный принцип, домов типичной схемы малой площади с Г- и П-образным размещением крытых помещений относительно двора. Площадь застройки западного дома 121 м², восточного — 128 м²;

дворы занимают соответственно 19 и 19,5% площади. Отсутствие по северным сторонам дворов сплошного ряда крытых помещений, в состав которых входят входные коридоры, свидетельствует о желании использовать именно типичную схему планировки в неблагоприятных условиях застройки квартала, когда вход в дом можно было расположить только по его северному фасаду. В подобной ситуации такой прием в греческом домостроительстве типичен.

При обоих вариантах реконструкции использованы греческие планировочные схемы, базирующиеся на равнозначно-параллельном принципе. В типологическом отношении здесь не прослеживаются достаточно ярко выраженные посторонние влияния.

Важно подчеркнуть размещение небогатой постройки именно в центре Нижнего города. Здесь так же, как и на северной окраине города, в первые века нашей эры наблюдается деградация в реализации объемно-планировочных приемов и приемов строительной техники, отсутствуют подвалы, хотя южные помещения — полуподвалы, нет каких-либо данных в пользу возможности устройства вторых этажей. Не использовался и такой прогрессивный прием, как слоевые основания, хотя строительство велось на значительном культурном слое.

Все это, с учетом характера застройки участка городской стены (НГ), говорит о несколько иных, нежели в эллинистическое время, принципах районирования. В данном случае прослеживается районирование только в производственном, но не экономическом отношении. Строительство велось кустарным способом на небольших участках, без одновременных перестроек целых кварталов или, тем более, районов. Сравнивая данные по домостроительству эллинистического времени и первых веков нашей эры, можно высказать предположение об относительном обнищании всей массы жителей Нижнего города, определенном сглаживании экономической и, возможно, социальной дифференциации. Все это хорошо согласуется и с другими источниками, в частности описанием Ольвии во второй половине I в. н. э. Дионом Христомом, упоминавшем о скученности построек и их плохом виде, размещении домишек почти без промежутка³⁵.

33
ОАК за 1909 и 1910 гг., рис. 40
на с. 36.

* Условия рельефа и характера застройки исключают возможность устройства окон в помещениях западной группы на юг, запад или север. Исходя из большой величины пролета

и малой вероятности устройства одного из скатов крыши со стоком к западу — в сторону повышения рельефа — малореально также устройство общей кровли над этим комплексом.

34
ОАК за 1909 и 1910 гг., рис. 40
на с. 36.

Важно также отметить, что если рассмотренные дома на участке НГФ датируются II—III вв. н. э., то на участке НГ — I—III вв. н. э.³⁶, т. е. подобный упадок качества домостроительства прослеживается на протяжении всего периода первых веков н. э. и, следовательно, расцвет Ольвии в это время³⁷ был весьма относительным.

Рассмотрим вопрос о возможности строительства в Ольвии в первые века нашей эры ордерных жилых домов.

Вплоть до настоящего времени в Ольвии, за исключением двух, и то сомнительных (одного в определении типа дома как ордерного и второго в отношении датировки) случаев, не было открыто каких-либо остатков ордерных домов римского времени. Находимые иногда в слоях первых веков нашей эры архитектурные детали «варваризованного»³⁸ или, скорее, деградированного облика, которые могут относиться к жилым домам³⁹, по своим особенностям не поддаются достаточно надежной датировке первыми веками нашей эры. Схематичность в прорисовке и наборе их обломов, искажения формы типичны не только для первых веков нашей эры, но и для позднеэллинистического времени. Поэтому данный источник не может помочь при решении вопроса о распространенности строительства в Ольвии ордерных жилых домов.

Первый из упомянутых домов (рис. 30, б) открыт Б. В. Фармаковским при раскопках цитадели неподалеку от восточной башни входа в цитадель и трактован им как казармы римского гарнизона⁴⁰. Однако по общим размерам, своему типу и по толщине стен это сооружение вряд ли можно отождествлять с «казармами» или показанным на планах XIX в. объектом⁴¹. «Казарма», судя по сохранившимся остаткам, представляла собой прямоугольную в плане постройку, северная, восточная и южная стены которой восстанавливаются вполне надежно на основании прямых археологических данных. Местоположение западной границы дома определяется западной кладкой северного

блока помещений и остатками главной улицы, фрагмент вымостки которой находится к западу от западной кладки на расстоянии не более 3 м. Здание имело по северной и восточной сторонам подвалы. Причем один из них, № 3⁴², по форме в плане и размещению относительно других помещений являлся соединительным коридором, т. е. если допустить, что в уровне наземного этажа подвал не имел перекрытия и сплошной стены, отгораживавшей его от двора, то он практически являлся подвальной пастадой — специфическим помещением, характерным только для эллинистических ордерных жилых домов Ольвии. Характерно, что в данном случае в пастаду подвального этажа лестница вела не со двора, а из крытых помещений первого этажа, т. е. функционально подвальный этаж был связан с наземным по последовательно-иерархическому принципу. В наземном этаже дом имел крытые помещения над северным и восточным блоками подвалов, отсутствие же каких-либо остатков помещений в юго-западной части дома и котлованов под стены или помещения дает основание, с учетом характера расположения отдельных помещений, предположить здесь размещение двора. Двор мог с запада ограничиваться еще одним блоком наземных помещений — № 6, основанием для чего служит характер положения кладки Щ и наличие штробы по ее южному торцу.

Все это показывает, что в любом случае по своему объемно-планировочному решению здание относится к категории греческих жилых домов типичной схемы большой площади с Г- или П-образным расположением крытых помещений относительно внутреннего двора, южной и западной ориентацией основных блоков, размещением северной группы комнат в два ряда. Как уже отмечалось, не исключен вариант и с пастадой, т. е. дом мог быть ордерным — пастадного типа. Площадь застройки 274 м², двор занимал 18—30%. Высота подвальных помещений, судя по тому, что подошва

35
SC, 1, с. 171—178.

36
ОАК за 1909 и 1910 гг., с. 28;
Славин Л. М. Отчет о раскопках
Ольвии в 1935 и 1936 гг., с. 78.

37
Гайдукевич В. Ф. История
античных городов Северного
Причерноморья.— АГСИ,

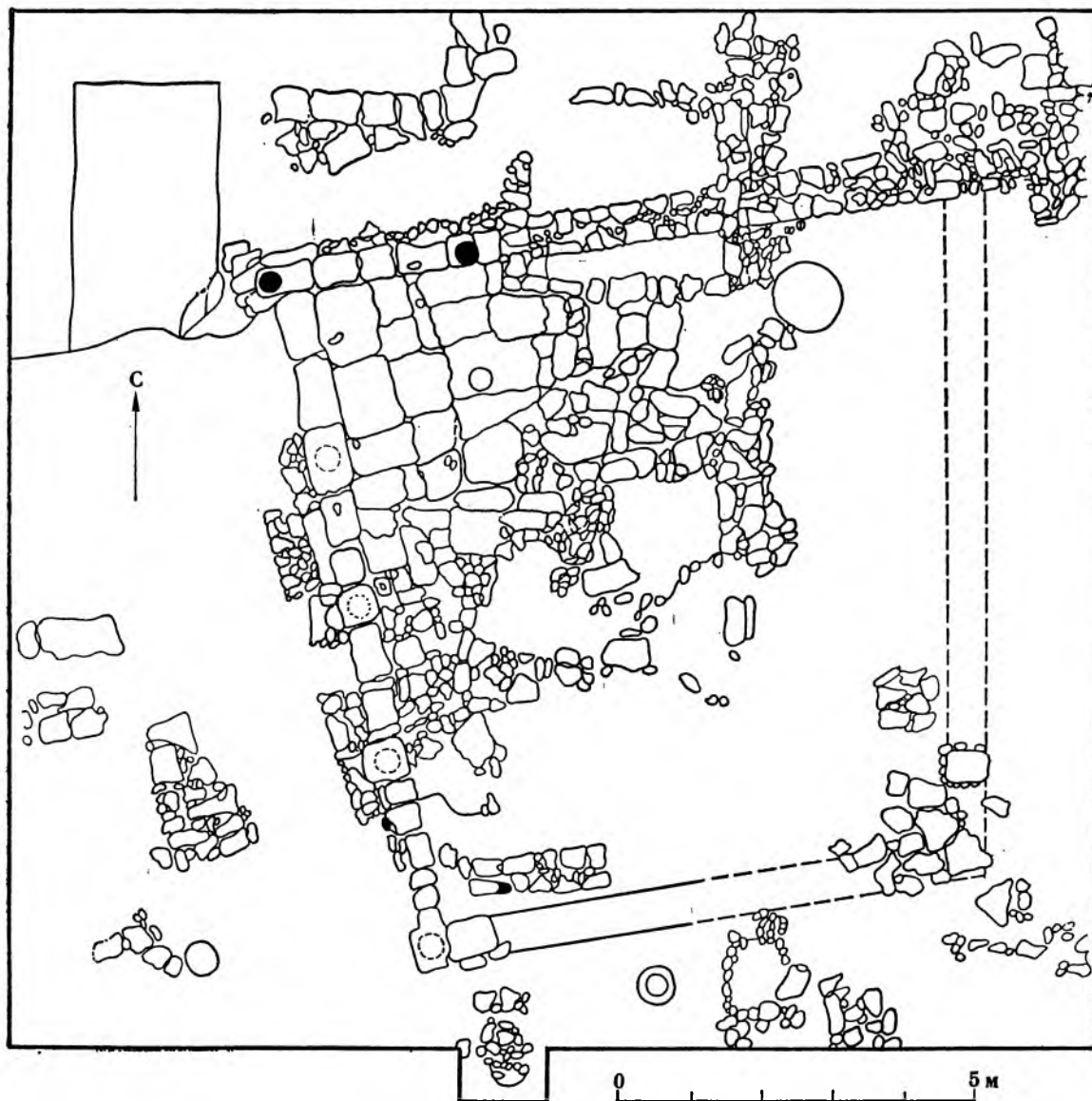
М.— Л., 1955, с. 57 и сл.

38
Карасев А. Н. Архитектура,
с. 194, 195. Следует сказать, что
в приводимых автором примерах
следует усматривать элементы
не «варваризации», т. е. введение
чуждых элементов или стиливых
особенностей — искажение,
идущее от непонимания

назначения и форм отдельных
обломков ордера, а
«деградации», состоящие в
упрощении и схематизации
обломов, искажении пропорций.
39
Карасев А. Н. Архитектура,
с. 195.

40
Карасев А. Н.
Б. В. Фармаковский и Ольвия.—
ХКААМ. М., 1976, с. 17.

41
См., в частности, план
П. И. Кеппена. Карасев А. Н.
Планы Ольвии XIX в. как
источники для исторической,
топографии города.— МИА,
1956, № 50, рис. 1.
42
Длину этого подвала
определяет кладка Ш и борта
котлована, вырезанного в
материке (ОАК за 1906, т. 1).

фундамента расположенной рядом оборонительной стены находилась на 2,65 м выше полов подвалов⁴³, составляла не менее 2,65 м. Следует также отметить, что толщина подвальных стен «казармы» в основном всего 0,75—0,80 м, тогда как толщина наземных кладок, например, в Нижнем городе чаще всего колебалась в пределах 0,50—0,65 м.

Таким образом, в целом по своим объемно-планировочным особенностям сооружение типично для жилых построек Ольвии эллинистического времени и вряд ли могло являться казармой. Подтверждает это и то, что здание в строительном отношении изолировано от оборонительной стены. Размещение же его у ворот и главной улицы цита-

Рис. 32.

План перистильного двора на раскопе М (Книпович Т. Н. Перистильный двор первых веков нашей эры на территории римской цитадели в Ольвии. — ВДИ, 1953, № 1, с. 186, рис. 1.).

дели может указывать только на то, что оно могло принадлежать не рядовому жителю. Тем более, вряд ли можно связывать это здание, как вначале предполагал Б. В. Фармаковский⁴⁴, с культовым назначением.

Вторая ордерная постройка, открытая у северной стены цитадели на участке «М», от которой сохранился в основном только перистильный двор (рис. 32), не имеет достаточно надежной датировки. Возможность существования здесь аналогичного сооружения еще в эллинистическое время допускает и сам автор раскопок⁴⁵. Последнее находит подтверждение, в частности, в том, что остатки перистильного двора лежат непосредственно на слое эллинистического времени, который повсеместно на этом участке начинается от уровня вымостки двора рассматриваемого дома⁴⁶. Отсутствие же на этой вымостке эллинистических материалов может свидетельствовать лишь о продолжении функционирования дома и в первые века н. э. Если учесть, что возрождение Ольвийской хоры после гетского разгрома относится к концу I в. до н. э.⁴⁷, а также наличие в Ольвии керамических материалов I в. до н. э. — I в. н. э. и, кроме того, монет собственной чеканки уже от середины I в. н. э.⁴⁸, следует признать, что жизнь в городе могла возобновиться после гетского разгрома еще во второй половине I в. до н. э. В этом случае при строительстве дома с перистильным двором в конце I — начале II в. н. э. (по датировке Т. Н. Книпович⁴⁹) под вымосткой двора должны были бы сохраниться какие-нибудь материалы предшествующего времени, чего не случилось. Маловероятно также и возведение подобной, весьма богатой для Ольвии первых веков постройки вплотную к внешней оборонительной стене цитадели. В связи со сказанным более вероятной представляется датировка этого сооружения эллинистическим временем.

К сожалению, об этом доме в целом можно сказать только, что он был ордерным перистильного

типа, как это вполне убедительно доказал автор раскопок⁵⁰. Площадь застройки исходя из площади двора, равной 73 м² могла находиться в пределах 560—730 м² (при характерных для ольвийских домов этого типа соотношениях площади двора и застройки дома в целом).

Это позволяет сделать вывод, что если в Ольвии в первые века н. э. и велось строительство ордерных домов, то в меньшей степени, чем в эллинистическое время.

Таким образом, в целом следует констатировать общую деградацию рядового домостроительства в отношении как планировки, так и строительной техники. Основным планировочным принципом этих домов являлся равнозначно-параллельный, исходными образцами — планировочные приемы, бытовавшие в эллинистической Ольвии. Исключение представляет только блок однокамерных жилищ у городской стены и упомянутый перистильный двор. Эти дома, однако, несмотря на значительное увеличение процента негреческого населения в Ольвии первых веков н. э.⁵¹, вряд ли можно связывать с варварской домостроительной традицией. Отсутствие в планировке домов схем, типичных для римской домостроительной традиции, очевидно, следует объяснить незначительным количеством римлян в составе населения Ольвии, что находит подтверждение в данных эпиграфики⁵². Следует также отметить отсутствие существ-

43

ОАК за 1905 г., с. 10.

44

Там же, с. 18.

45

Книпович Т. Н. Перистильный двор первых веков н. э. на территории римской цитадели в Ольвии. — ВДИ, 1953, № 1, с. 188.

46

Там же, с. 187.

47

Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976, с. 5; Бураков А. В., Буйских С. Б. Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 274, 275.

48

Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, с. 137. Отсутствие в этом месте слоя, предшествовавшего концу I в. н. э., можно объяснить только последующими

перестройками эллинистического дома, которые производились без повышения уровня двора.

49

Книпович Т. Н. Указ. соч.,

с. 183.

50

Книпович Т. Н. Указ. соч.; Книпович Т. Н. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции. — КСИИМК, 1953, вып. 51, с. 117—120.

51

Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 57; Книпович Т. Н. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. — МИА, 1956, № 50, с. 135.

52

Книпович Т. Н. К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I—III вв. н. э. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 197.

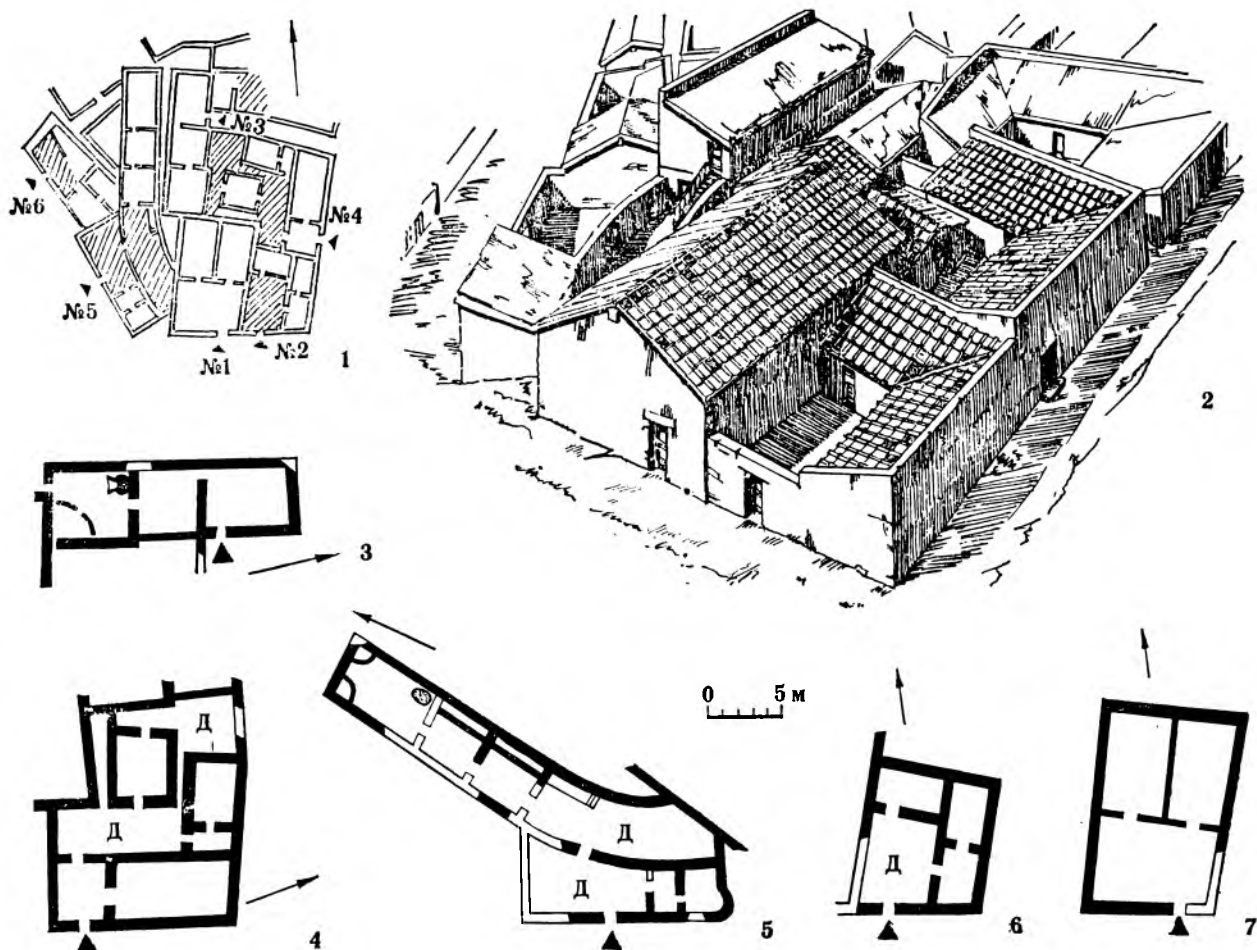

Рис. 33.
Дома поселения у
с. Козырка:

1 — план квартала;
2 — реконструкция
(Крыжицкий С. Д.); 3 — дом
№ 3, план; 4 — дом № 4,
план; 5 — дом № 5, план; 6 —

дом № 2, план; 7 — дом № 1,
план;

Дано по: *Крыжицкий С. Д.,
Бураков А. В. Опыт
реконструкции жилых домов
поселения ольвийской периферии
первых веков нашей эры у
с. Козырка. — Ольвия, с. 196
и сл., рис. 2, 3, 5, 7, 8, 9, 13.*

венных влияний римского домостроительства и в области строительной техники. Исключение представляют только отделочные работы, в частности использование мраморных облицовочных плиток. Характерно полное отсутствие кладок, смешанных по материалу или выполненных только из обожженного кирпича, хотя последний при рас-

копках и встречается, а также типично римских приемов кладок, так называемого римского бетона и извести в качестве раствора в кладках.

Сведения о домостроительстве района Ольвии в первые века нашей эры могут быть дополнены материалами поселения у с. Козырка⁵³.

Большинство открытых здесь домов (рис. 33), датированных в основном серединой II — серединой III в. н. э.⁵⁴, судя по сопровождающему материалу, принадлежало владельцам, имевшим довольно развитое домашнее хозяйство сельского профиля. Это находит подтверждение и в относительно высоком проценте площади (в среднем 26%), занимаемой внутренними дворами. Вмес-

те с тем характер блокировки домов и их объемно-планировочных решений позволяет вполне уверенно отнести их к домам городского типа⁵⁵. Все они принадлежат к группе безордерных домов малой площади как типичной, так и нетипичной схемы.

Дома блокировались в кварталы, не имеющие четкой прямоугольной формы. Планировка поселения в целом отличается отсутствием регулярности.

Для основной (первоначальной) группы домов раскопанного квартала присущи относительная четкость и прямоугольность разбивки домов на местности. Необходимо отметить, что здесь наряду с параллельно-равнозначным принципом планировки использовался и последовательно-иерархический, не типичный для Ольвии. Дома с иерархическим принципом планировки (дом № 3 и 5) (рис. 33, 3, 5) относятся к более позднему строительному периоду, чем основное ядро квартала.

Наиболее ярким примером типичной схемы является дом № 2 (рис. 33, 6). Здесь двор расположен в юго-западном углу дома, крытые помещения размещены Г-образно относительно двора. Площадь застройки около 80 м², площадь двора занимает 31%. Два помещения из трех имеют выходы непосредственно во двор⁵⁶.

Из домов нетипичной схемы первоначального ядра квартала следует отметить первый строительный период дома № 4 (рис. 33, 4). Его особенностями являются: наличие двух дворов и разделяющего их изолированного от всех примыкающих комнат проходного помещения № 2, имевшего частично культовые функции.

По мнению А. В. Буракова, это помещение являлось детской усыпальницей⁵⁷. Однако, учитывая, что детские захоронения характерны для большинства козырских домов вообще, а также наличие большого очага и проходной характер помещения, представляется более вероятным пред-

назначение этой комнаты для размещения домашнего очага. Этому не противоречит и специальное погребальное сооружение в помещении, тем более что последнее может быть отнесено ко второму строительному периоду. Жилая часть дома (восточная) в отличие от хозяйственной половины, состоявшей из помещения для сушки зерна и примыкавшего к нему двора, решена по типичной схеме аналогично дому № 2. Площадь застройки дома № 4 составляла 236 м², площадь дворов в первом строительном периоде — 21% площади застройки⁵⁸.

Планировочные решения домов № 2 и 4 находят аналогии в эллинистических домах окраинного района Ольвии — И-1, И-6⁵⁹. Дома нетипичной схемы № 4 в Козырке и И-6 в Ольвии имеют сходство в разделении хозяйственного и центрального дворов специальным проходным помещением⁶⁰, сходной ориентации комнат, выходящих в хозяйственные дворы, разделении жилого блока на две части. Это позволяет предположить неслучайность появления подобной планировочной схемы, сложение специального типа жилого городского дома с развитой хозяйственной функцией, четко разделяющегося на две половины — жилую и хозяйственную, причем внутри жилой части дополнительное членение на две, возможно, мужскую и женскую, половины⁶¹.

Таким образом, эти дома нетипичной античной схемы являются, очевидно, достаточно характерными для района Ольвии. Эти дома характеризуются также использованием параллельно-равнозначного принципа планировки. Они в целом отвечают основным требованиям, предъявляемым к античным жилым домам, но отличаются выделением развитой самостоятельной хозяйственной части. Возможно, именно здесь могли жить домашние рабы, на что может косвенно указывать отделение хозяйственных дворов от жилых частей путем устройства между ними специальных проходных помещений.

55 Бураков А. В. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії.— АП УРСР, 1962, т. 11, с. 49—96; Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976, с. 5 и сл.
56 Бураков А. В. Указ. соч., с. 51.

55 Крыжицкий С. Д., Бураков А. В. Опыт реконструкции жилых домов поселения ольвийской периферии первых веков нашей эры у с. Козырки.— В кн.: Ольвия. К., 1975, с. 192—218.
56 Крыжицкий С. Д., Бураков А. В.

Указ. соч., с. 198—200, рис. 6.

57 Бураков А. В. Городище біля с. Козирка поблизу Ольвії, с. 62.

58 Крыжицкий С. Д., Бураков А. В. Указ. соч., с. 200—205, рис. 7.

59 Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э., с. 12 и сл., рис. 6, 14.

60 Там же, рис. 14. Имеется в виду помещение № 8.

61 Там же, с. 28.

Важно также подчеркнуть, что объемно-планировочные решения домов Козырки № 2, 4 в целом близки эллинистическому домостроительству Ольвии и не отражают каких-либо существенных влияний римского домостроительства или домостроительных традиций окружающих племен.

Все это позволяет из обширной категории домов нетипичной античной схемы выделить группу хозяйственно-жилых * городских домов, имеющих в районе Ольвии следующие основные особенности: 1) два двора (или один двор большой площади), из которых один выполнял обычные функции, а второй — производственные или хозяйственные, 2) хозяйственный комплекс мог занимать площадь, равную или даже большую, чем жилой блок, 3) изоляция хозяйственного двора от жилого блока путем введения специальных разделяющих их проходных помещений, 4) северные румбы ориентации хозяйственных помещений.

Промежуточное место между двумя домами, описанными выше, занимает дом № 1 (рис. 33, 7) ⁶². Его особенностью является отсутствие внутреннего двора при площади застройки около 140 м². Дом имел четкую, приближающуюся к прямоугольной, схему разбивки. Его помещения достаточно надежно атрибутируются сопровождающим материалом по назначению. Основной хозяйственной функцией являлось производство муки ⁶³. Последнее, по-видимому, и обусловило отсутствие внутреннего двора, а также общий характер планировки дома ⁶⁴.

Из других домов нетипичной схемы этого квартала, имеющих, как и дом № 1, подавляющую производственную функцию, следует отметить дом № 6. Его особенностями является северо-западная ориентация жилой группы, а также наличие специального помещения для устройства печи. Площадь застройки 85 м², площадь двора составляла 21%. Разбивка дома непрямоугольная ⁶⁵. Основной планировочный принцип близок последовательно-

иерархическому, однако выражен недостаточно четко.

В наибольшей степени выделяются хозяйственно-жилые дома второго строительного периода № 3 и 5. Оба дома имеют последовательно-иерархический принцип планировки при продольно-осевом расположении помещений, что не типично для домостроительства античных городов Северного Причерноморья в целом и Ольвии в частности. В доме № 5 находилось два двора (38% площади застройки), в доме № 3 — ни одного ⁶⁶.

Хотя планировка домов и примененные строительные приемы носят на себе совершенно явные следы деградации строительного искусства, следует отметить сознательное введение (которое вряд ли можно объяснить только условиями застройки квартала) планировочных приемов, не типичных для Ольвии. Появление здесь последовательно-иерархического принципа планировки, судя по данным раскопок, вряд ли также могло обуславливаться хозяйственной функцией. В этом представляется возможным усматривать проявление здесь варварской традиции.

Козырские дома имели саманные и черепичные (по сицилийской системе) крыши, глинобитные полы. Большинство кладок стен сложено в основном из полигональных плит ракушечника (хотя есть и сырцовые на каменных цоколях) по однорядной постелистой, иногда приближающейся к иррегулярной, системе ⁶⁷. Нижний — фундаментный ряд в кладках первого строительного периода — часто выкладывался по однорядной простой орфостатной системе, позднее в этих рядах иногда появляются элементы шахматной системы. Все стены выкладывались на глине.

Наряду с этим здесь выявлен необычный прием кладки из камня и сырца на глине в комбинации с блоками из обожженного кирпича размером 26—30×13—15×4 см ⁶⁸ на известковом растворе ⁶⁹. Толщина блоков примерно полкир-

* Определение «хозяйственный» условно. Оно подразумевает равное или преобладающее значение производственной функции относительно жилой.

⁶² На плане, опубликованном А. В. Бураковым (Городище біля с. Козирка поблизу

Ольвії, с. 52, 53, рис. 2, 3), этот дом обозначен как помещение № 5.

⁶³ Бураков А. В. Городище біля с. Козирка поблизу Ольвії, с. 63—65.

⁶⁴ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В. Указ. соч., с. 196—198, рис. 3, 4.

⁶⁵ Там же, с. 210—212, рис. 11, 12.

⁶⁶ Там же, с. 205—210, рис. 8, 10.

⁶⁷ Бураков А. В. Городище біля с. Козирка поблизу Ольвії, с. 51 и сл.

⁶⁸ Бураков А. В. Козырское

городище первых столетий нашей эры, с. 49.

⁶⁹ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В. Городище біля с. Козирка поблизу Ольвії, с. 214, 215.

пича, кладка по однорядной постелистой ложковой системе с толщиной горизонтальных швов, равной толщине кирпича. Блоки использовались в основном для облицовки внутренних фасадов стен отдельных помещений. Если описанные каменные или сырцово-каменные кладки почти не отличаются от ольвийских этого времени (исключение — меньшая толщина сырцовых стен, 0,3—0,4 м)⁷⁰, то подобные блоки из обожженного кирпича — совершенно не типичны для данного района и их появление может объясняться воздействием римской провинциальной строительной традиции.

Еще одна важная особенность, в которой автор, как представляется, вполне справедливо усматривает проявление влияния художественных вкусов фракийского мира — провинциальной римской школы, впитавшей в себя в данном случае основные элементы эллинистических приемов оформления интерьеров, прослеживается в декоре отдельных помещений козырских домов⁷¹. По имеющимся данным можно предположить следующую реконструкцию декоративного решения стен в таких помещениях. На каменном цоколе высотой 0,7—1 м, покрытом, возможно, известковой штукатуркой, окрашенной в черный цвет, располагался пояс упомянутых блоков из обожженного кирпича, окрашенного по фасаду в темно-вишневый цвет. Выше шла орнаментальная полихромная роспись, венчавшаяся рельефным карнизом⁷². Карнизы здесь выявлены двух основных строительных периодов. При этом карнизы первого строительного периода (рис. 29, 2, 3)* подобны обломам рельефного декора ольвийских эллинистических домов (их отличает главным образом упрощение и схематизация форм). В карнизах второго строительного периода — примерно от середины II в. н. э. — наблюдается значительный отход от этих традиций: четкая тектоника утрачивается. Обломы карнизов первого периода покрываются дополнительно шту-

катуркой в виде тяг аморфной формы, членения которых акцентированы в основном живописными средствами. Если ранние карнизы ближе всего к так называемому структурному стилю (рис. 29, 1), распространившемуся в Северном Причерноморье и, в частности, на Боспоре еще до рубежа нашей эры⁷³, то карнизы второго периода по своим особенностям могут, скорее всего, принадлежать цветочному стилю, появление которого на Боспоре относится к первой половине I в. н. э.⁷⁴ Все это находит подтверждение в характере росписей фрагментов штукатурки, находимой при раскопках жилых домов. Структурные росписи эллинистического времени Пантикапея и Фанагории⁷⁵ не содержат элементов, характерных для цветочного стиля, обнаруженных в домах первых веков нашей эры Пантикапея и Козырки⁷⁶. Карнизы второго периода пока прямых аналогий ни в Ольвии, ни на Боспоре не имеют, хотя и некоторую общность с Боспором можно предполагать⁷⁷. Очевидно, если в первом случае наблюдается просто некоторая деградация ольвийских традиций, то во втором случае — явное заимствование из районов распространения фракийских племен.

Как видно из сказанного, дома Козырского поселения относятся к группе городских домов, что, учитывая близость этого поселения к Ольвии, позволяет дополнить имеющееся представление о жилых безордерных домах Ольвии первых веков нашей эры.

Рассмотренные материалы дают также основные выделить в группе хозяйственно-жилых до-

70 Бураков А. В. Козырское городище первых столетий нашей эры, с. 49.

71 Бураков А. В. Городище близ с. Козирка поблизу Ольвии, с. 82—85; Бураков А. В. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского

городища — В кн.: Культура античного мира. М., 1966, с. 53—62.

72 Крыжицкий С. Д., Бураков А. В. Указ. соч., с. 215.

* Анализ фрагментов обломов с пальметтами позволил отказаться от необычного

варианта пальметт, реконструированных А. В. Бураковым. В предлагаемой нами реконструкции тип пальметты редок, но все же встречается.

73 Эрнштедт Е. В. Монументальная живопись Северного Причерноморья. Общий обзор памятников живописи. — АГСП. М. — Л., 1955, с. 248 и сл.

74 Там же, с. 262 и сл.

75 Ростовцев М. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914, с. 118 и сл.; Эрнштедт Е. В. Указ. соч., с. 256, 257.

76 Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, 1956, № 57, с. 32, 35;

Блаватский В. Д. Фанагорийская стенная роспись. — МИА, 1956, № 57, с. 168 и сл.; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья, с. 109 и сл.

76 Бураков А. В. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища. — В кн.: Культура Античного мира. М., 1966, с. 53 и сл.; Алексеева Е. М. Фрагменты росписной штукатурки первых веков нашей эры из Пантикапея. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 3 и сл.

77 Алексеева Е. М. Указ. соч., с. 3 и сл.

мов два типа. Дом с одним двором (вариант — дом вообще без внутреннего двора), имеющим смешанные функции, и дом с четким разделением на хозяйственную и жилую части, каждая из которых имела самостоятельный внутренний двор.

Переходя к домостроительству района Тиры — Никония, следует учесть, что по особенностям исторического развития домостроительства район Тиры может быть объединен с ольвийским до известной степени условно. В то время когда в Ольвии наблюдается по сравнению с эллинистическим временем общая деградация строительства, о Тире и Никонии этого сказать нельзя. Здесь и объемы строительства, и его качество дают основание считать первые века нашей эры временем расцвета. Явления деградации, особенно в Тире, не прослеживаются, хотя приемы строительной техники отличаются большей грубостью, чем в Ольвии. Это прежде всего касается кладок стен. Тира представляет значительный интерес еще и потому, что здесь помимо домов I — первой половины III в. н. э. открыт дом послеготского времени.

Дома Тиры первых веков нашей эры доготского времени, как и эллинистические, не являлись предметом специальной объемно-планировочной реконструкции. Различны мнения исследователей и относительно планировки домов, причем какой-либо аргументации в пользу того или иного планировочного варианта не приводится⁷⁸. Сложность заключается и в том, что в Тире пока нет ни одного квартала, раскрытого полностью. Тем не менее о домостроительстве этого времени⁷⁹ сделать некоторые выводы возможно.

В городе в первые века нашей эры сохранилась доримская уличная сеть. Исследовавшийся квартал представляет собой образец относительно регулярно распланированного по прямоугольной системе участка. Ширина квартала 21,4—21,9 м; сохранившаяся длина 29,1—32,3 м. Воз-

можно, первоначально квартал, учитывая продолжение главной улицы к северу и особенности расположения доримских остатков в восточной половине квартала, мог иметь длину до 40 м. Остатки римского времени сохранились только в западной половине квартала. Здесь можно предполагать существование двух жилых домов. Частичной планировочной реконструкции поддается только один из них, занимающий северную часть западной половины квартала. В доме прослеживается два строительных периода. Ниже будет идти речь только о первом периоде.

По мнению Л. Д. Дмитрова, здесь было два дома (один с помещениями № 11, 12, 13 и двором № 14; второй с помещениями № 21, 22 и двором № 20)⁸⁰. При этом Л. Д. Дмитров допускал, что дворы этих домов (№ 14 и 20) могли некогда объединяться⁸² (рис. 30, 2). Присоединяясь вначале к мнению Л. Д. Дмитрова, А. И. Фурманская⁸² рассматривала впоследствии этот комплекс с учетом помещений и к югу от него как единый дом с тремя дворами⁸³.

Однако анализ строительных остатков позволяет принять только один вариант реконструкции планировки. Принципиальным моментом здесь является решение вопроса о характере связи дворов № 14 и 20. Представляется, что отнести эти дворы к различным домам достаточных оснований нет, поскольку в один из них — № 14 невозможно было бы попасть извне. В пользу последнего свидетельствует отсутствие каких-либо следов дверного проема с улицы в помещении № 13 (которое в этом случае могло бы играть роль входного помещения) и в восточной стене двора № 14. Дворы № 14 и 20 составляли единый двор или были связаны функционально. Это косвенно подтверждается и тем, что северо-восточный угол помещения № 13 не имеет с внешних сторон каких-либо следов продолжения кладки к востоку или северу⁸⁴. Кладка же, разделившая дворы № 14 и 20, появилась позднее, что до-

78
Планы квартала опубликованы: Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр.— АП УРСР, 1965, т. 5, с. 112, рис. 1; Фурманська А. І. Розкопки Тіри в 1958 р.— АП УРСР, 1962, т. 11, рис. 1 на с. 123.

79
Окончательная гибель дома относится к 30—40 годам III в. н. э. Фурманська А. І. Розкопки Тіри в 1958 р., с. 126—129.
80
Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр., с. 114.

81
Там же, с. 115.
82
Фурманська А. І. Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери.— Археологія, 1957, т. 10, с. 85.
83
Фурманская А. И. Исследование

Тиры.— КСОАМ. Одесса, 1964, с. 57.

84
Тира, план розкопу «А» 1946—1962 гг. М 1:100.— НА ИА АН УССР;— Дмитров Л. Д. Ізмаїльська експедиція. Отчет за 1950 г.— НА ИА АН УССР, ф. 1950/12, фото № 265, 271.

качивается расположением этой кладки под углом к северной стене помещения № 13, различной глубиной заложения стен и более небрежным характером укладки камней. Таким образом, дворы № 14 и 20 составляли единое целое либо были связаны между собой дверным проемом.

Большая печь производственного назначения № 55, открытая в восточном конце двора № 14, судя по глубине заложения, относилась к средневековому периоду⁸⁵. В пользу этого свидетельствует косвенно то, что в средневековое время здесь рядом возник большой гончарный район, в сооружениях которого в ряде случаев использованы строительные остатки римского времени⁸⁶. Кроме того, в первые века нашей эры в рассматриваемом квартале, за исключением упомянутой печи, каких-либо других следов гончарного производства не зафиксировано и, следовательно, размещение большой гончарной печи внутри плотной жилой застройки в условиях античного города сомнительно. Для этого обычно выделялись специальные районы за пределом города, как это имело место, в частности, в Ольвии и Херсонесе⁸⁷. Учитывая вытянутые пропорции двора № 20 при его малой ширине (2,4—2,5 м) и размещение его вдоль северной стороны двора № 14, есть основания предполагать, что двор № 20 мог являться по сути пастадой, отделявшейся от двора № 14 портиком. В эту пастаду выходили северные помещения № 21, 22, не имевшие среди сопровождавшего материала достаточно ярких признаков какого-либо производства или развитого домашнего хозяйства, как это было в южной группе помещений⁸⁸. Объединение дворов в одном комплексе находит косвенное подтверждение и в том, что в случае отнесения дворов № 20 и 14 к различным комплексам двор № 14, учитывая отсутствие дверных проемов в западной и восточной стенах помещения № 13, отделявшего двор № 14 от улицы, лишается возможности связи с улицей.

85
Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр., с. 115;
Дмитров Л. Д. Ізмаїльська експедиція.—НАИА АН УССР. ф. 278, 279.
86
Крижицький С. Д. Стан і

завдання археологічних досліджень Тіра — Білгорода.— Вісник АН УРСР, 1972, № 7, с. 49; Кравченко А. А. Середньовекова гончарна печь в Белгороді-Дністровському.— АО, 1968 г. М., 1969, с. 322—324.
87
Следует отметить, что

Местоположение западной границы дома определяется продольной улицей. Северная граница дома, поскольку, учитывая топографию участка, никаких оснований предполагать возможность продолжения квартала к северу от эллинистического подвала № 1 нет (рис. 16), могла находиться в промежутке между северным торцом восточной стены помещения № 21 и линией створа с северной стеной подвала № 1. Восточная граница дома определяется наличием расположенных в створе стен, разделявших весь квартал на западную и восточную половины. Сложнее определить южную границу дома из-за значительных перестроек средневекового времени. Тем не менее отнесение помещений № 11, 12 ко двору № 14⁸⁹, а тем самым и к дому в целом, представляется вполне реальным. В пользу этого свидетельствует соединение южной и западной стен помещения № 11 впереплет, а также отсутствие следов связи впереплет южной стены помещений № 11, 12 с кладками, расположенными к югу.

Таким образом, есть основание предполагать, что рассматриваемый дом мог быть ордерным пастадного (равнозначно-параллельный принцип планировки) типа с П-образным расположением крытых помещений, четким делением на две половины, скорее всего, по функциональному признаку. Площадь застройки дома около 200 м², площадь двора составляла 14%. Подвалы отсутствовали.

Следует подчеркнуть, что и при варианте реконструкции без пастады дом сохраняет принципиальные северопричерноморские особенности эллинистического времени, поскольку относился бы в этом случае к группе безордерных домов типичной схемы малой площади с двором, занимавшим 26% площади застройки*. По своему объемно-

Л. Д. Дмитров не давал уверенной датировки печи. Сначала он упоминал только о том, что окружение печи дает находки III в. н. э., замечая ниже, что для уверенной хронологической атрибуции нет достаточных данных (Дмитров Л. Белгород-Дністровська археологічна експедиція.— АП УРСР. 1949, вип. 2, с. 46—47). В дальнейшем же связывал ее с комплексом римского времени без какого-либо обоснования (Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської

археологічної експедиції 1949—1950 рр., с. 115).
88
Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр., с. 115.
89
Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр., с. 114.
*
Учитывая глубину заложения остатков этого дома, он мог возникнуть еще в эллинистическое время.

планировочному решению безордерный вариант приближается к ольвийскому эллинистическому дому И-4.

В последние годы в Тире раскопан небольшой жилой дом второй половины III — середины (возможно, второй половины) IV в. н. э.⁹⁰ Дом при-

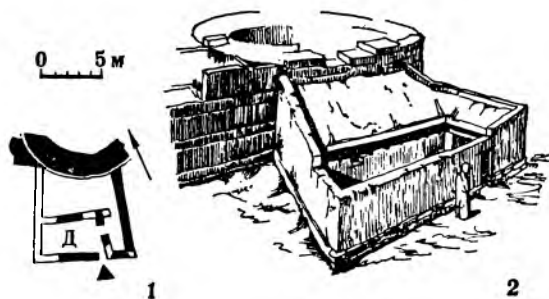

Рис. 34.
Дом послеготского времени в Тире:
1 — план, 2 — реконструкция
(Крыжицкий С. Д.)

(Крыжицкий С. Д.
Клейман И. Б. Житловий будинок і укріплення Тіри перших століть нашої ери.— Археологія, 1978, 25, с. 85 и сл., рис. 2. 6).

строен к оборонительной башне (рис. 34). Его площадь около 55 м², площадь двора составляла примерно 24%. Из двух крытых помещений, расположенных Г-образно относительно вымощенного камнем двора, одно могло служить передней. Дом относится к группе безордерных построек нетипичной схемы малой площади. Большой процент площади, занятой двором, расположение последнего в северо-восточном углу дома, низкое качество кладок (однорядные постелистые, иногда приближающиеся к иррегулярной, системы кладок из плохо выкадрованных, часто необработанных плит и блоков), все это, учитывая особенности открытого здесь керамического комплекса, свидетельствует не столько о деградации⁹¹, сколько о варваризации домостроительства поздней Тире.

Расцвет жизни во II — первой половине III в. н. э. прослеживается в Никонии⁹². Для это-

90
Крыжицкий С. Д. Стан і завдання археологічних досліджень Тіри — Білгорода. с. 51. Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б. Житловий будинок і укріплення Тіри перших століть нашої ери.— Археологія, 1978, т. 25, с. 83—96

91
Корпусова В. М., Кравченко Н. М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри.— Археологія, 1975, 18, с. 20—42. Наиболее сильно явления варваризации культуры Тире в первые века нашей эры прослеживаются в памятниках

го времени характерно строительство городских многокамерных⁹³ наземных жилых домов с внутренними дворами. Один из таких домов с глинобитными на каменных цоколях стенами площадью более 120 м² в своей основе имел равнозначно-параллельный принцип планировки⁹⁴. Насколько можно судить по весьма фрагментарным строительным остаткам, дома, очевидно, имели довольно четкую относительно прямоугольную разбивку⁹⁵, возможно, блокировались в кварталы. Характерно широкое применение наряду с материалом вторичного использования бута; кладки двух- и трехслойные, низкого качества, системы в основном иррегулярные.

В домостроительстве первых веков нашей эры использовался накопленный ранее опыт. Этап застоя (или, как это имело место в Ольвии, полного прекращения домостроительства) в I в. н. э. сменяется активизацией строительной деятельности, максимальных размах которой приходится на II в. н. э. В основе решений жилых домов сохраняются объемно-планировочные типы эллинистического времени, но наряду с этим появляется новый тип — отдельно стоящего или блокирующегося однокамерного дома без двора. Развивается также домостроительство на поселениях периферии, где появляются дома с использованием последовательно-иерархического принципа планировки, необычных для античной традиции этого времени типов. Это свидетельствует о варваризации архитектуры сельских домов, проявлении здесь смешанной греко-варварской традиции.

Однако даже для этого времени относительного расцвета типичны явления деградации по сравнению с эллинистическим этапом. Такой характерный для Северного Причерноморья прием, как устройство жилых подвалов, а тем более подваль-

искусства. Фурманская А. И. Новые памятники скульптуры из Тире.— КСИА АН УССР. 1960. вып. 10. с. 78—83.

92
Секерская Н. М. Результаты раскопок в западной части Никонии.— КСИА АН СССР. 1978. вып. 156, с. 31.

93
Имеются упоминания о строительстве здесь также однокамерных домов.
Загайло А. Г. Раскопки

Роксоланівського городища.— АДУ. 1969, вып. 4, 1972, с. 196 и сл., Кузьменко В. И.

Исследование римских слоев Никонии.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 218 и сл. Однако отсутствие каких-либо обоснований их планировки с учетом значительной нарушенности верхних слоев заставляет пока воздержаться от определенных выводов по этому поводу.

94
Секерская Н. М. Раскопки

ных этажей или подвальных пастад, в первые века нашей эры используется реже. Это же касается и ордера, что свидетельствует о меньшей социально-экономической дифференциации застройки.

Сближение особенностей домов в городах и на небольших поселениях и параллельно — сложение типа хозяйственно-жилого городского дома — говорит об определенной рустификации городской застройки. Истоки этой тенденции прослеживаются еще в эллинистическое время, однако наибольшее развитие ее происходит только в первые века нашей эры. Ухудшается разбивка домов на местности, исчезают слоевые основания. Понижается качество строительных работ. Упрощаются и огрубляются приемы кладок. Особенности римской провинциальной строительной школы прослеживаются в основном в стилевых особенностях декора.

Затухание домостроительной деятельности происходит около середины III в. н. э. После этого времени жилые дома возводились только в Тире. Этот этап от середины III в. н. э. и не выходящий за пределы 70 годов IV в. н. э. является последним в истории архитектуры античных жилых домов Северного Причерноморья. Он характеризуется резкой варваризацией античной традиции.

Западный Крым. В отличие от Ольвии первые века нашей эры в Херсонесе ознаменовались более значительным подъемом экономики⁹⁶. Особенно большое развитие в городе получили ремесла, в частности металлообрабатывающее и керамическое производство, меньше — деревообработка и костерезное дело, большое значение имели рыбный и соляной промыслы, а также виноделие. На протяжении всего этого времени (в I—IV вв. н. э., особенно в I — первой половине III в. н. э.) Херсонес был одним из наиболее мощных производственно-торговых центров⁹⁷. Это способствовало усилению социально-экономи-

ческой дифференциации жителей⁹⁸ и нашло прямое отражение в домостроительстве — в уменьшении одних и укрупнении других домовладений⁹⁹, а также благоприятствовало формированию типа хозяйственно-жилого дома.

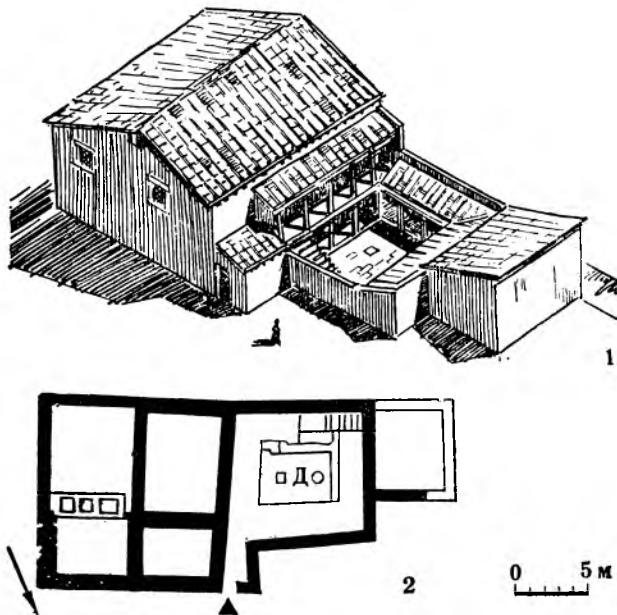

Рис. 35. Дом винодела в Херсонесе: 1 — эскиз реконструкции (Крыжичкий С. Д.); 2 — план.

Дано по: Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. и Яковсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.). — МИА, 1953. № 34. т. 1.

Остатки рыбозасолочных комплексов, включающих и жилую часть, неоднократно фиксировались исследователями. В качестве примера следует назвать рыбозасолочный комплекс, раскопанный в 1937 г. в XV квартале, состоявший из двора с тремя цистернами, кладовой с пифосами для хранения рыбы и двухэтажного жилого помещения¹⁰⁰. Аналогичный характер имел и комплекс, раскопанный в 1961 г. в XXII квартале.

Николия. — АО 1975 г. М., 1976, с. 392; Северская Н. М. Раскопки Николия. — АО 1976 г. М., 1977, с. 372.

Кузьменко В. И. Указ. соч., с. 219 и сл., рис. 1.

Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития

и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. — ПИСПАЭ, 1957, с. 80.

Там же; Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса. — МИА, 1953, № 34, с. 18—23; Кадеев В. И. Очерки истории экономики

Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков, 1970.

Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса, с. 18 и сл. 99 Там же, с. 17.

100 Белов Г. Д. и Стржелецкий С. Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.). — МИА, 1953, № 34, с. 78 и сл. Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического « античную эпоху, с. 80.

Здесь раскрыты двор, цистерна, кладовая ¹⁰¹. Вопрос о наличии или отсутствии в этом комплексе жилой части автором раскопок не рассматривался. Планировка ни одного из этих комплексов не реконструировалась.

Полностью исследован в Херсонесе с реконструкцией плана только один хозяйственно-жилой дом — дом винодела (рис. 35). Предложенная авторами его раскопок реконструкция планировки ¹⁰² возражений не вызывает. Вполне обоснованно, как представляется, и предположение о наличии второго — жилого этажа ¹⁰³. В пользу этого свидетельствует также довольно значительный керамический комплекс бытового назначения ¹⁰⁴, что говорит о наличии достаточно развитой жилой функции дома и, следовательно, отпосительно большой жилой площади. Т. е. расположение жилых помещений не только над подвалом с жертвенником, но и хотя бы над частью помещений производственного комплекса реально. В связи с этим возникает вопрос о характере объемного решения дворовых фасадов. Наличие с трех сторон вымостки двора незамощенных проходов шириной 1,7—2,25 м дает основание предположить устройство портиков. Вполне реально наличие портика также с четвертой стороны двора над лестничным маршем, ведущим в подвал, для защиты последнего от затопления во время дождей. Внутри одного из портиков должна была располагаться лестница, которая вела во второй этаж. В последнем случае вероятно устройство двухэтажного портика вдоль северо-западной стены помещений склада. Высота портиков первого этажа исходя из их ширины могла составлять около 2,2—2,5 м. Особенностью данного дома является наличие здесь не только производственной и жилой, но и торговой функции. Это находит подтверждение в характере размещения в плане дома склада. Помещение склада занимает в доме центральное положение, отделяя винодельню от внутреннего двора. Послед-

нее целесообразно только в случае постоянного функционирования склада, т. е. торговли в розницу. Дом имел последовательно-иерархический принцип планировки, что не типично для античных городских жилых домов Северного Причерноморья. Площадь застройки дома 285 м² ¹⁰⁵, площадь двора (его центральная часть, вымощенная плитам) всего 8%, — с портиками — 27%.

Остатки довольно крупных производственных комплексов, в частности рыбозасолочных ванн, обнаруженные и в других домах, показывают, что на первых этажах для производственных целей отводилась достаточно большая площадь. Наземный этаж в пределах одного владения почти полностью мог быть занят производственными комплексами. Это при высокой плотности застройки города в большинстве случаев должно было вызывать необходимость устройства жилых помещений на вторых этажах, что находит косвенное подтверждение в значительно увеличившейся толщине стен домов. Таким образом, есть основание предполагать, что в Херсонесе в первые века нашей эры получил распространение тип двухэтажного жилого дома с функциональным разделением в основном по вертикали, а не по горизонтали, как в Ольвии. Объемно-планировочные схемы херсонесских домов, подчиненные требованиям производства, потеряли ряд типичных черт греческого жилого дома эллинистического времени.

О существовании других типов домов в первые века нашей эры в Херсонесе — как ордерных, так и безордерных, пока данных нет. Ничего определенного нельзя также сказать относительно дальнейшего развития элементов романизации, которые, как уже говорилось, начали проявляться еще до рубежа нашей эры. Судя по романизации жизни Херсонеса в первые века нашей эры, нашедшей отражение, в частности, в появлении относительно большого количества терм ¹⁰⁶, широком использовании в специальных соору-

101
Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1961 г.— Сообщения Херсонесского музея, 1963, вып. 3, с. 55 и сл.; Белов Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1961 г.— СГЭ, 1964, № 25, с. 63, 64.
102
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.

и Якобсон А. Л. Квартал XVIII. Раскопки 1941, 1947, 1948 гг.— МИА, 1953, № 34, с. 171 и сл., рис. 10 на с. 172, табл. 1; Белов Г. Д. Античный дом в Херсонесе.— ВДИ, 1950, № 2, с. 108—121.
103
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.

и Якобсон А. Л. Квартал XVIII, с. 171.
104
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. и Якобсон А. Л. Указ. соч., с. 184 и сл.
105
Подсчитано по опубликованному плану. Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф. и

Якобсон А. Л. Указ. соч., табл. 1.
106
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг.— Крым, 1938, с. 253, 154.

жений цемяночных растворов, в применении в некоторых случаях обожженного кирпича, упомянутая тенденция, очевидно, могла в это время усилиться еще больше.

Среди памятников первых веков нашей эры периферии Херсонеса наибольший интерес представляет жилой комплекс II—III вв. н. э., раскрытый на городище Тарпанчи¹⁰⁷ (рис. 23, 5). Дом блокировался с другим домом, который не раскопан. Площадь застройки 135 м²¹⁰⁸, площадь двора составляла 30%. Крытые помещения располагались к северо-востоку от двора в два ряда. Учитывая расположение помещения Д в южном углу двора (особенно при возможности устройства входа в дом в юго-восточной стене комплекса между помещениями Д и В), этот комплекс следует рассматривать как дом типичной схемы малой площади с Г-образным расположением крытых помещений. Здесь необходимо, однако, принять во внимание, что, во-первых, в описанном виде планировка относится к последнему строительному периоду¹⁰⁹ и тем самым первоначальный замысел строителя нам неизвестен. Во-вторых, пространство между помещениями Д и В могло не иметь крыши. Тем не менее планировочный прием, характерный для греческого жилого дома с использованием равнозначно-параллельного принципа, прослеживается достаточно ясно.

Имеющиеся материалы в целом свидетельствуют о преимуществах эллинистических традиций в домостроительстве поселений первых веков нашей эры¹¹⁰. При этом, несмотря на общее относительное ухудшение качества кладок и строительных работ, таких значительных элементов деградации и варваризации, как в районе Ольвии, здесь не наблюдается.

Боспор Киммерийский. Особенности исторического развития античных городов и поселений Боспора в первые века нашей эры — расцвет экономики, в частности сельского хозяйства, строительство новых городов и поселений¹¹¹ —

обусловили здесь в это время, как и в Херсонесе, расцвет домостроительства, упадок которого может быть отнесен только к концу периода — второй половине III—IV в. н. э.

На Боспоре открыто значительно большее количество домов, чем в районах Ольвии — Тиры и Херсонеса. Однако в территориальном и хронологическом отношении они распределены весьма неравномерно. В частности, дома в больших городах исследованы несравненно хуже, чем в малых. Так, несмотря на многолетние раскопки, в слоях первых веков нашей эры городов, основанных ранее, поддаются реконструкции (и то частичной) всего пять домов в Тиритакее, Мирмекии и Танаисе, причем комплекс выделен в Мирмекии, как уже говорилось, был частично построен еще в эллинистическое время. Разумеется, и в других боспорских городах (Пантикапее, Фанагории, Нимфее, Кепах, Горгиппии, Киммерике) открыты остатки жилых домов этого времени, которые относятся к античной традиции. Особенно в этом отношении показателен Пантикапей, где помимо обычных строительных остатков обнаружен также ряд деталей архитектурного декора¹¹².

Таким образом, о характере архитектуры жилых домов в крупных городах Боспора можно судить только на основании косвенных данных — остатков отдельных помещений и планировочных узлов, особенностей строительной техники и декора. Тем не менее общее представление о домостроительстве Боспора в это время все же получить можно. Естественно, при этом необходимо учитывать различия между домами такого крупного центра, как Пантикапей, и небольших городов вроде Мирмекии и Тиритаки. Хозяйственно-жилые дома последних были типичны для этих городов в целом, в то время как в Пантикапее, Фанагории и других крупных городах наряду с хозяйственно-жилыми домами несомненно существовали и другие, в том числе ордерные.

107
Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 103, с. 145 и сл., рис. 50
108
Там же. Эскиз объемной реконструкции см.:
Щеглов А. Н. Северо-Западный

Крым в античную эпоху, с. 84, 85, рис. 42.
109
Щеглов А. Н. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг., с. 145, 146.
110
Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в

античную эпоху. — КСИА АН СССР, 1970, вып. 124, с. 24.
111
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949.
Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975:

Щелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
112
Блаватский В. Д. Строительное дело Пантикапей по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг., с. 60—95.
Кругликова И. Т. Города Боспора в III в. н. э., с. 76.

В комплексе винодела в Мирмекии в I—II вв. н. э., как уже упоминалось, окончательно сформировался хозяйственно-жилой блок, а двор винодельческого блока был застроен крытыми помещениями (рис. 36) ¹¹³. Отсутствие прямых археологических данных о возможности хранения вина

Общий характер планировочной схемы дома III—IV вв. н. э. в Тиритаке (рис. 37, 1, 2), несмотря на то что реконструировать планировку западного угла постройки невозможно, сомнений не вызывает. Дом относится к безордерной группе, построен по типичной схеме большой

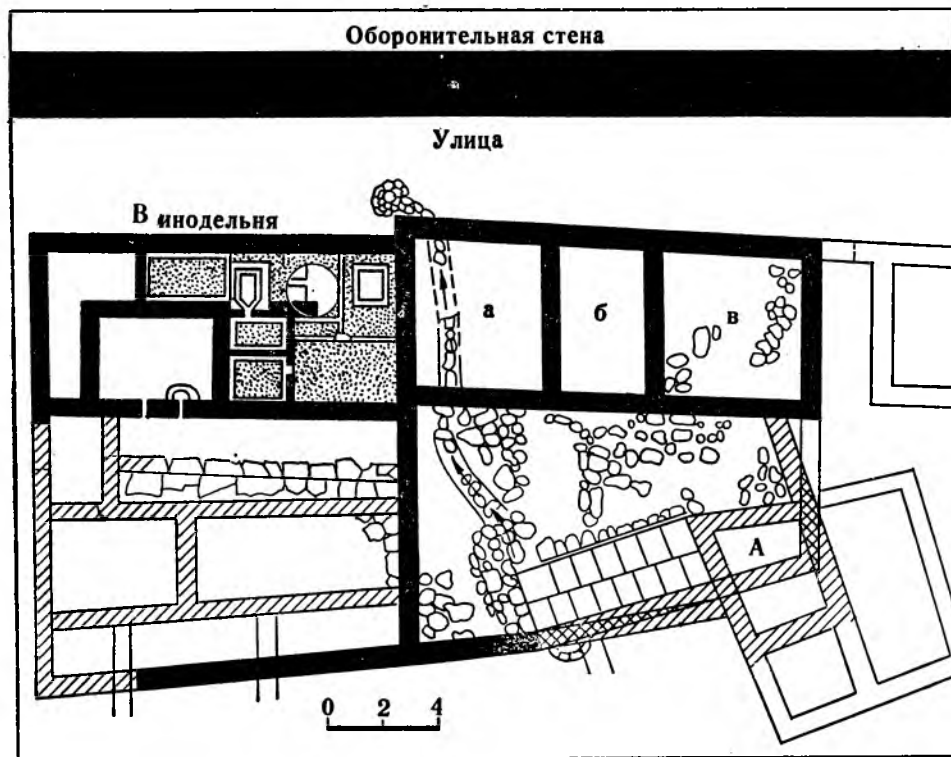

Рис. 36.
План дома винодела первых веков нашей эры в Мирмекии по реконструкции А. Н. Карасева.

в двух новых помещениях, появившихся на месте двора ¹¹⁴, позволяет высказать предположение о возможности их жилого назначения. В целом важно подчеркнуть сохранение первоначального равнозначно-параллельного принципа планировки комплекса и разделение его на отдельные блоки.

площади с периметральным расположением крытых помещений вокруг двора ¹¹⁵. Основной планировочный принцип — равнозначно-параллельный. Остатки во дворе каменного основания лестницы дают основание предполагать наличие второго этажа ¹¹⁶. Местоположение лестницы, ее длина свидетельствуют в пользу того, что лестница

113
МИА, 1952, № 25, с. 158—170.
рис. 2, 3; Леву Е. И.,
Карасев А. Н. Дома античных
городов Северного Причерно-
морья. — 242, 243, рис. 14,
114
Гайдукевич В. Ф. Раскопки
Мирмекии в 1935—1938 гг.,
с. 154—155.

115
МИА, 1952, № 25, рис. 127, 128.
116
Там же, с. 111.
117
По предположению
В. Ф. Гайдукевича, лестница
ведет в помещение второго
этажа над комнатой I.
Этому противоречит характер

размещения лестницы
относительно помещения I и ее
размеры. При угле подъема 24°
и длине всей лестницы 3,7 м
высота лестницы составит
1,6 м. При минимально
возможной высоте потолка
первого этажа 1,9—2 м
уровень полов второго этажа
будет выше высоты двора

на 2,1—2,2 м, вычисленная
высота лестницы вряд ли
могла иметь место. Отсюда
следует, что, за исключением
сохранившихся четырех
нижних ступенек, остальная
часть лестницы должна
была иметь более крутой
уклон. Поскольку для
устройства верхней

вела в помещение второго этажа, расположенное, скорее всего, над комнатой II¹¹⁷. Подтверждает это также значительная толщина стен помещения II, доходящая до 1 м и более¹¹⁸, выделяющая его среди других помещений. Реконструкция планировки первого этажа представляется в целом доста-

площадь двора составляла 18—20%. В северной части дома находились жилые помещения (помещения V, VII)¹²⁰. Жилые назначения имели, очевидно, и комнаты (или комната) второго этажа. Особенностью дома является большой процент площади, занимаемой двором. Большое коли-

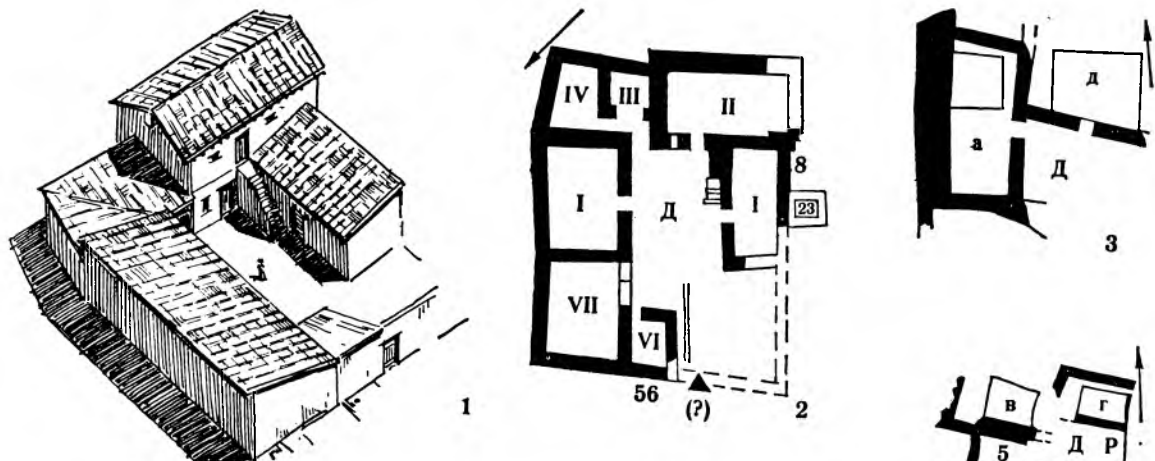

Рис. 37.
Дом в Тиритаке:
1 — эскиз объемной реконструкции (Жрыжницкий С. Д.); 2 — план.
Дома Танаиса:
3 — восточный дом на раскопе IV, план. 4 — дом на раскопе II; 5 — западный дом на раскопе IV.

Дано по: 2 — Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритани в 1935—

1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 107, рис. 128. Леви Е. И., Каросев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 244, рис. 35; 3, 5 — Коровина А. К., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.).— МИА, 1965, № 127, с. 18, рис. 2. 4 — Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.).— МИА, № 127, 1965, с. 60 и сл., рис. 1.

точно убедительной¹¹⁹. Что же касается второго этажа, то вполне уверенно его можно реконструировать только над помещением II. Наименее реально наличие второго этажа над помещениями III, IV, VI (учитывая характер их примыкания к другим помещениям и местоположение в плане дома). Площадь застройки дома 360—396 м²*

лестничной площадки остается мало места (при угле подъема 45° ширина площадки составит около 0,5 м), размещение входа в помещение второго этажа наиболее вероятно не сбоку марша, а по его продольной оси, т. е.— в стене помещения II.

118
Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., рис. 128.
119
Там же, рис. 127, 128;
Леви Е. И., Каросев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 243, 244, рис. 35. Вызывает сомнение отнесение к этому

чество хозяйственного инвентаря¹²¹ свидетельствует о значительной роли хозяйственной функции. Четкость разбивки и характер планировочного решения сближают этот дом в типологическом отношении с домами Илурата

Среди остальных поддающихся реконструкции домов Боспора отнести к северопричерно-

дому рыбозасолочной цистерны № 23, к которой из помещений дома доступа нет. Представляется возможным западный угол дома реконструировать в створе с кладками № 8 и 56. Судя по характеру взаимного размещения волостка и помещения VI, в доме имелся также входной коридор.

* Вторая цифра дана с учетом включения в состав дома западного угла
120
Леви Е. И., Каросев А. Н. Дома античных городов... с. 244.
121
Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 112 и сл.

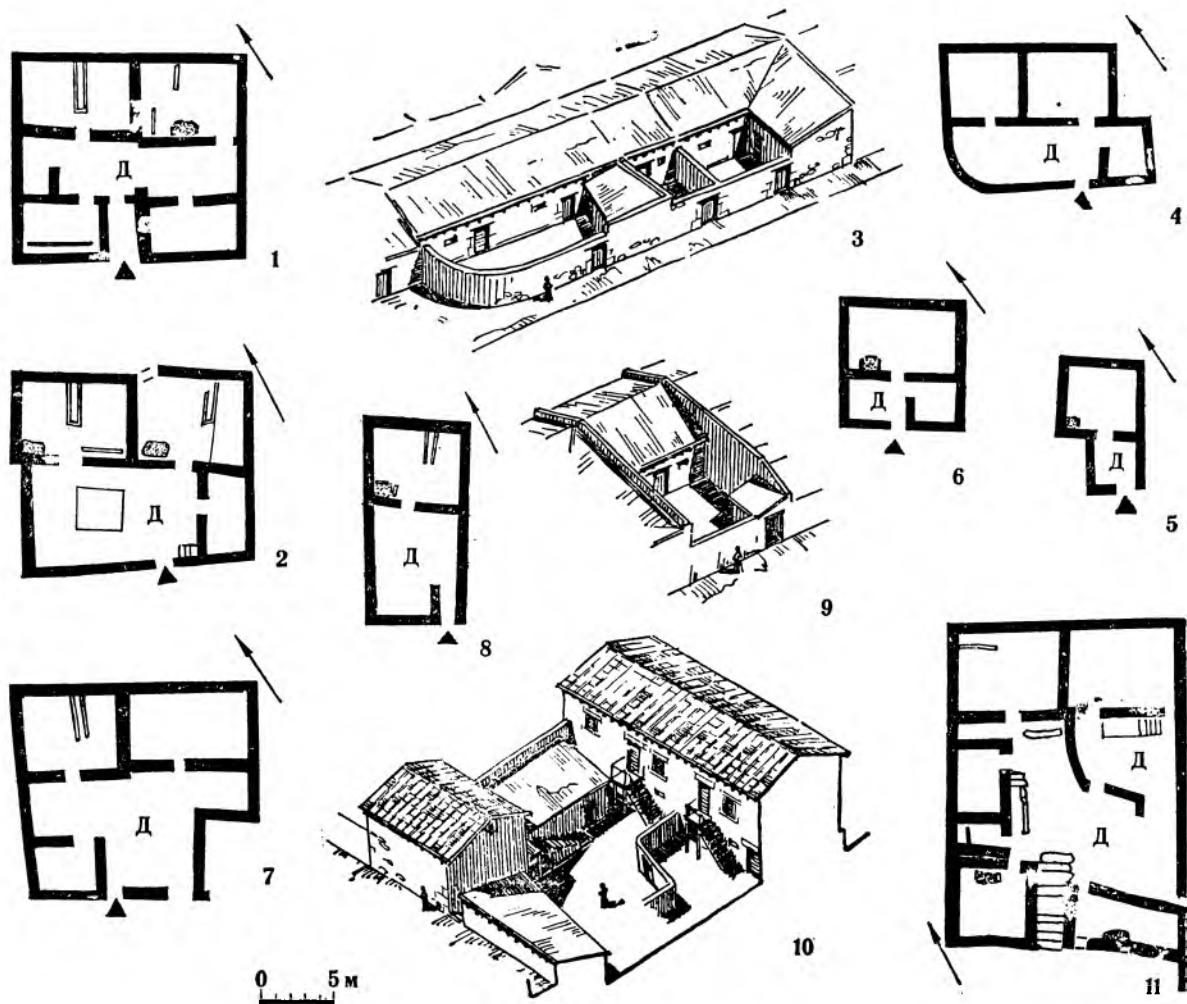

Рис. 38.
Дома Илурата:

1 — дом № 5 на участке 1, план; 2 — дом № 4 на участке I, план; 4, 5, 6 — дома № 3,

4, 5 на участке III; 3 — эскиз объемной реконструкции домов № 3, 4, 5 на участке III (Крыжицкий С. Д.); 7 — дом № 7 на участке III, план; 8 — дом № 6 на участке I,

план; 9 — дом № 6 на участке I, эскиз объемной реконструкции (Крыжицкий С. Д.); 10 — дом № 2 на участке I, эскиз объемной реконструкции

(Крыжицкий С. Д.). 11 — дом № 2 на участке I, план.

Дано по: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 11 — Гайдукевич В. Ф. Илурат. — МИА, 1958. № 85. рис. 13, 104.

морской античной традиции можно (за исключением нескольких домов поселения у дер. Семеновки) только дома Илурата и отчасти Танаиса первых веков нашей эры.

Дома Илурата уже неоднократно служили предметом исследования, начиная от тщательного их описания В. Ф. Гайдукевичем¹²² и кончая публикациями в обобщающих работах¹²³,

тем не менее вопросы их классификации и типологии практически не затрагивались. До настоящего времени, несмотря на относительно большое и все время растущее количество этих домов, не предложено объемной реконструкции ни одного из них.

Городище существовало со второй половины I по вторую половину III в. н. э.¹²⁴

Основным планировочным принципом илуратских домов являлся равнозначно-параллельный. Последовательно-иерархический выявлен пока только в двух домах (дом № 6 на участке I и дом № 4 на участке III, рис. 38, 5, 8, 9)¹²⁵, из которых планировка одного дома (дом № 4 на участке III) относится ко второму строительному периоду¹²⁶. В отношении дома № 6 на участке I косвенным подтверждением сознательного использования последовательно-иерархического принципа является относительно большая для однокамерного дома площадь (90—100 м²). Т. е. устройство в доме только одного крытого помещения и тем самым использование упомянутого принципа не явилось следствием недостатка площади, а было вызвано иными причинами.

Что касается остальных домов¹²⁷, то все они, за исключением дома № 3 на участке I (рис. 39, 3, 4, 5), относятся к группе безордерных домов типичной схемы как малой, так и большой площади с Г- или П-образным расположением крытых помещений вокруг двора, размещением последнего в центральной, западной, южной или восточной частях дома с устройством в трех случаях из десяти входных коридоров. Площадь застройки домов находилась в пределах 70—400 м², площадь дворов составляла 14—37%. Специфическими особенностями этих домов являлись наличие в ряде случаев вторых этажей¹²⁸, сильно развитая хозяйственная функция¹²⁹, отсутствие жилых подвалов, относительно большая площадь дворов. В некоторых случаях можно предполагать функциональное разделение дома на две части по вертикали — с размещением жилых помещений на втором этаже¹³⁰. Таким образом, в целом эти дома можно отнести к группе хозяйственно-жилых, однако, за исключением двухэтажных домов, без четкого разделения на хозяйственную и жилую группы.

Наиболее типичны дома № 4 и 5 на участке I (рис. 38, I, 2) и № 5 на участке III¹³¹ (рис. 38,

122 Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.— МИА, 1958, № 85, с. 9—128. См. также Шургая И. Г. Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966 и 1968 гг.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 124, с. 61—68.

123 Леви Е. И., Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья, с. 244—247; Кругликова И. Т. Города Боспора в III в. н. э., с. 79—81; Сорокина Н. П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья.— ВИА, 1973, т. 2, с. 377—381;

3, 6), решенные по четким Г- и П-образным схемам, имеющие простую четкую планировку, прямоугольную разбивку на местности. Судя по домам № 1, 2 на участке I (рис. 38, I, 11: 39, I, 2) и № 1 на участке III¹³², вторые этажи размещались над группами северных помещений, что полностью согласуется с античной традицией.

Едиственный дом в Илурате, который может быть предположительно отнесен к ордерным домам,— дом № 3 на участке I (рис. 39, 3, 4, 5)¹³³. Наличие в нем коридора шириной около 2 м, соединявшего двор № 19 с западным двориком, а также отвечающего этому коридору открытого на запад помещения в восточной части дома дает основание рассматривать коридор с указанным помещением в качестве пастады, открывающейся частью своей длинной стороны во двор № 19. Хотя остатков стилобата портика, отделявшего пастаду от двора, не обнаружено, это не может служить аргументом против существования портика, поскольку стилобаты в небольших сооружениях устраивались не всегда. Характер же планировочного решения свидетельствует в пользу существования такого портика. Таким образом, в своей основной части — хозяйственно- жилой и, по предположению В. Ф. Гайдукевича, культовой¹³⁴ дом по планировочному приему представлял собой классический образец воплощения равнозначно-параллельного принципа в доме, по видимому, пастадного типа. Особенности дома заключаются в наличии не одного, а двух дворов и их относительно большой площади, составляющей около 19% площади застройки, размещении

Крижичукский С. Д. Мста поселения Боспору.— Археологія Української РСР. К., 1971, т. 2, с. 349—351.

124 Гайдукевич В. Ф. Илурат, с. 16—17.

125 Там же, с. 91 и сл., рис. 86, с. 116 и сл., рис. 119.

126 Сдвиг северо-западной стены двора относительно северо-западной стены помещения,

расположение северо-западной стены двора впритык к его северо-восточной и юго-западной стенам

(Гайдукевич В. Ф. Илурат, рис. 104) позволяют предположить, что первоначально этот дом составлял с домом № 3 единое

целое не только в строительном,

но и в функциональном отношении.

127 Гайдукевич В. Ф. Илурат, рис. 13, 104.

128 Там же, с. 32, 49, 108.

129 Там же, с. 142, 143.

130 Например, в домах № 1, 2 на участке I и № 1 на участке III.

131 Гайдукевич В. Ф. Илурат, с. 74 и сл., рис. 65, а; с. 85 и сл., рис. 78; с. 119 и сл., рис. 124.

132 Гайдукевич В. Ф. Илурат, рис. 15, 33, а; 105, а.

133 Там же, с. 61 и сл., рис. 50, а.

134 Там же, с. 65.

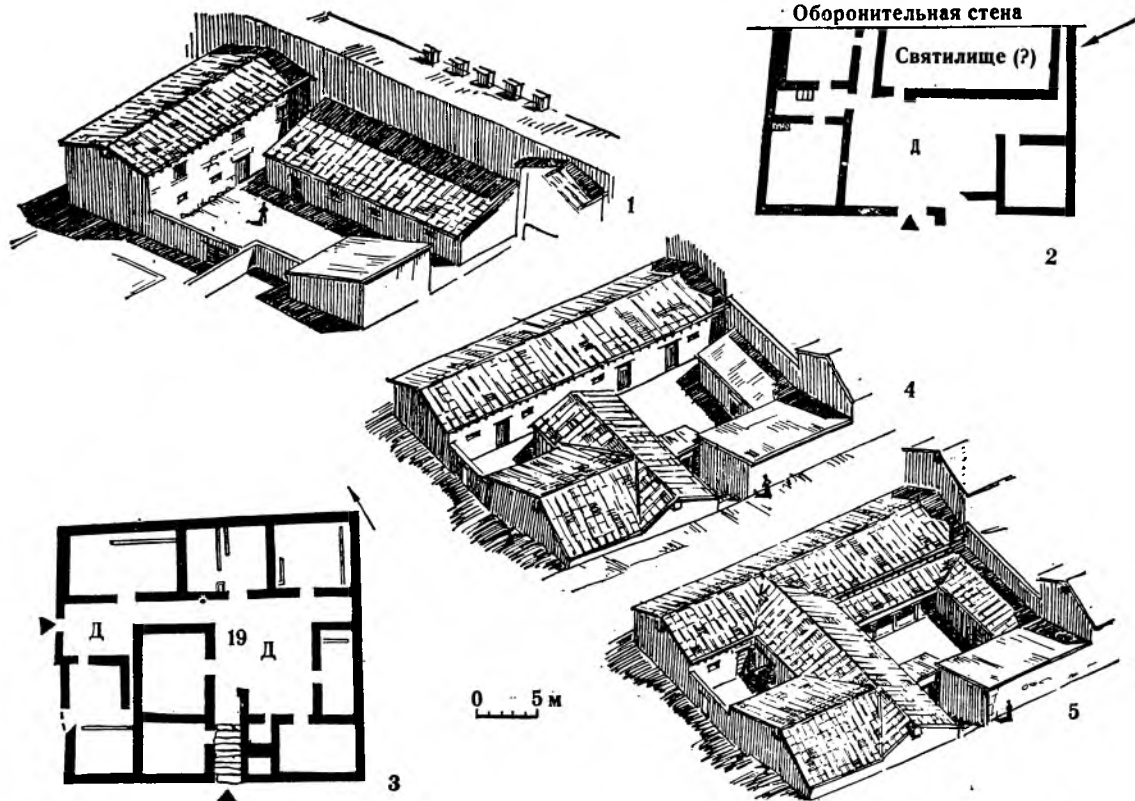

Рис. 39.
Дома Илурата:

1 — дом № 1 на участке I, эскиз объемной реконструкции (Крыжицкий С. Д.); 2 — дом № 1 на участке I, план; 3 — дом № 3 на участке I, план;

4, 5 — два варианта эскизной объемной реконструкции дома № 3 на участке I, 4 — вариант без пастады; 5 — вариант с пастадой (Крыжицкий С. Д.).
Дано по: 2, 3 — Гайдукевич В. Ф. Илурат, рис. 13.

к северу от двора хозяйственных¹³⁵, а не жилых помещений, в наличии сильно развитой хозяйственной функции. Площадь дома около 510 м², тип расположения крытых помещений вокруг двора — периметральный. Принцип разделения дома на две части, центром каждой из которых являлся двор, неясен, хотя, судя по наличию расписной штукатурки в помещении № 20 и сопровождающему материалу¹³⁶, можно предположить жилое назначение и западной части дома. В последнем случае можно предполагать разделение дома, возможно, на мужскую и женскую половины. Не исключено устройство второго эта-

жа, по крайней мере, над северной группой помещений.

Таким образом, в целом дома Илурата следует отнести к античной северопричерноморской традиции предшествующего времени, своеобразие которой в местных условиях в первые века нашей эры выразилось в изменениях, связанных с усилением хозяйственной функции. Исключение может представить только один дом — № 6 на участке I, имеющий черты типологического сходства с домами поселения у дер. Семеновка¹³⁷.

В приемах строительной техники илуратских домов нашло максимальное отражение большинство наиболее типичных приемов строительной техники Европейского Боспора, использовавшихся в рядовом домостроительстве. Это — использование каменных кладок, выложенных по однорядной, часто приближающейся к иррегулярной, постелистой двух- или трехслойной системе,

в основном из рваных по слою полигональных плит и бута на грязи¹³⁸. Толщина кладок в большинстве случаев составляла 60—70 см. Характернейшим приемом являлось использование для облицовки дверных проемов и торцов стен тщательно отесанных прямоугольных плит и блоков¹³⁹.

Судя по конструкции каменных порогов, дома имели достаточно развитую конструкцию дверных коробок с установкой дверных полотен на петлях. Типично также устройство выступов на углах домов¹⁴⁰. Наряду с глиняными обмазками стен применялась и расписная штукатурка¹⁴¹. Каменные вымостки делались как во дворах, так и в ряде крытых помещений. Для устройства междуэтажных перекрытий использовалась балочная конструкция, причем наличие балочных гнезд позволило установить и примерную высоту помещений, равную 2,3—2,4 м¹⁴². Особый интерес представляют собой бытовые печи Илурата¹⁴³, имевшие принципиальное отличие от известной олинфской системы. Отвод дыма, осуществлявшийся с помощью вытяжных окошек, располагавшихся над печами¹⁴⁴, учитывая невысокое расположение таких окошек, возможен только с помощью устройства специальных навесов над печами. В процессе строительства несомненно участие профессионалов, в том числе архитекторов, а также наличие четкой, очевидной, государственной регламентации.

Все это свидетельствует о довольно высоком уровне развития боспорской античной строительной школы и наличии достаточно значительной базы строительного производства. Сочетание перечисленных строительных конструкций и приемов позволяет говорить о твердой античной основе этой школы, которая в ходе местного строительства выработала рациональные приемы.

В Танаисе первых веков нашей эры открытые остатки жилых домов по характеру их разработки на местности и планировочным принципам су-

щественно отличаются от эллинистических домов этого города на западном участке раскопа VI.

Наиболее интересными и более полно исследованными, хотя и не реконструированными даже в планировочном отношении, являются в Танаисе западный дом на раскопе IV (рис. 37, 5)¹⁴⁵ и дом, состоящий из помещений Б, В, Г на раскопе II (рис. 37, 4)¹⁴⁶.

Западный дом на участке IV, датируемый I в. н. э.¹⁴⁷, безордерный, типичной схемы малой площади с равнозначно-параллельным принципом размещения и связи помещений, П-образно расположенных относительно двора¹⁴⁸. Двор находится в центральной и южной частях плана. Площадь застройки не менее 160—170 м², площадь двора составляла 10%. В доме имелся подвал.

Дом на раскопе II относится ко II—III вв. н. э.¹⁴⁹ Представляет собой ордерную постройку нетипичной схемы с двумя дворами¹⁵⁰. Особенностью является деление дома на две части, причем с последовательно-иерархическим принципом связи этих частей между собой. Подобный принцип в данном случае позволяет предполагать подчиненность жилой функции дома деятельности владельца, очевидно, связанной с торговлей. Во всяком случае, отсутствие в составе комплекса первого двора парадных крытых помещений в сочетании с наличием портиков и складского подвала под единственным в этой части наземным помещением¹⁵¹ свидетельствует об отсутствии здесь парадно-приемной функции, аналогичной ольвийским ордерным домам с андро-

135
Гайдукевич В. Ф. Илурат, с. 72.
136
Гайдукевич В. Ф. Илурат, с. 68.
137
Подобные рассмотренным домам особенности планировки имеют и дом Илурата, открывавшиеся в 1954—1960 гг. *Ga. dukevic V. F.*

Das Bosporanische Reich.
Berlin, Amsterdam, 1971. S. 410, 409, F. 110.
138
Гайдукевич В. Ф. Илурат, рис. 13, 17, 29, 30 и др.
139
Гайдукевич В. Ф. Илурат, с. 35 и сл., рис. 19, 6, 55, 106 и др. Поскольку перечисляемые

приемы строительной техники типичны для большинства илуратских домов, описанных В. Ф. Гайдукевичем, сноски даны только на наиболее яркие случаи.
140
Там же, с. 41, рис. 26.
141
Там же, с. 68.
142
Там же, с. 34, 58, рис. 48.
143
Там же, с. 32, 77, рис. 69.
144
Там же, с. 33, 34, 76, 77.
145
Коровина А. К., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.), с. 24 и сл.

146
Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.) с. 61 и сл.
147
Коровина А. К., Шелов Д. Б. Указ. соч., с. 24
148
Коровина А. К., Шелов Д. Б. Указ. соч., рис. 2
149
Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса, с. 76 и сл.
150
Там же, рис. 1.
151
Там же, с. 72, 101. В жилой части находилось также домашнее святилище.

нами. Первоначальная планировочная схема нам неизвестна. В предлагаемом автором раскопок варианте площадь застройки дома составляла 140—160 м² ¹⁵², площадь дворов составляла 15%. Стиль ордера ¹⁵³, примененного здесь, неизвестен, хотя, судя по отверстиям для шпиров в плитах стилобата, можно предполагать использование деревянных столбов ¹⁵⁴, типичных для аттического или малоазийского ордера. Следует также отметить, что в Танаисе в отличие от Илурата, хотя и редко, но все же встречаются архитектурные детали, в частности капители и базы ¹⁵⁵.

Таким образом, основными особенностями домов Танаиса являются: использование в большинстве случаев равнозначно-параллельного принципа планировки, расположение крытых помещений не менее чем по двум-трем сторонам двора, размещение двора преимущественно в южной части дома, прямолинейная, но в ряде случаев не прямоугольная разбивка домов на местности, наличие подвалов, в том числе и жилых, глубина которых в среднем составляла 2,3 м при крайних пределах 1,85 и 3 м ¹⁵⁶.

Существенной особенностью является меньший (по сравнению, например, с Илуратом) удельный вес площади дворов, составлявший в двух случаях из трех не более 10—15% площади застройки ¹⁵⁷. Площадь застройки домов 140—190 м².

Судя по планировке сохранившихся частей этих домов, возможны ошибки только в сторону еще большего уменьшения удельного веса дворов в застройке дома.

Аналогичные планировочные элементы прослеживаются и в комплексах эллинистического времени раскопа IV, где типично расположение крытых помещений к западу и северу от дворов, а также близки размеры намечающихся отдельных домовладений ¹⁵⁷.

В строительной технике домов Танаиса отсутствует черепица и широко использовались ирре-

гулярные и приближающиеся к ним однорядные постелистые двуслойные кладки на грязи или глине из необработанных, чаще всего полигональных плит ¹⁵⁸; применялся также кирпич-сырец. Здесь отсутствовал прием выполнения проемов в стенах из обработанного камня, а строительство в целом имело более примитивный и кустарный характер, чем в Илурате.

Рассмотренные дома Танаиса относятся к массовой застройке. Они принадлежали средним слоям населения.

В домостроительстве античной традиции сельской округи Боспора в первые века нашей эры продолжали существовать укрепленные усадьбы. Наибольший интерес из этих сооружений представляет собой усадьба у хут. Новоотрадный ¹⁵⁹. Для нее характерна четкая, относительно прямоугольная разбивка на местности, группировка крытых помещений вокруг двора с использованием равнозначно-параллельного принципа планировки, наличие двух или трех дворов (рис. 27, 7, 8). Площадь застройки 600 м², площадь дворов составляла 33% ¹⁶⁰. Жилые помещения разделены на две группы и, располагаясь в южной и восточной частях усадьбы, имели необычную ориентацию ¹⁶¹. Подобный характер при площади в два раза большей имела укрепленная усадьба и у с. Михайловка ¹⁶². Укрепленные усадьбы открыты также на Темир-горе, у хут. Рассвет ¹⁶³, данных о них имеется, однако, недостаточно.

и необычность ориентации портика, для античного домостроительства нетипичны. В связи с этим представляется более вероятным вариант с устройством двух портиков — вдоль стен № 5 и 32. В этом случае каждый портик получает одинаковый поперечный пролет, ориентация их типична, проход через двор Н не представляет трудностей.

¹⁵⁴
Шелов Д. Б. Указ. соч., с. 80.

¹⁵⁵
Арсеньева Т. М. Раскопки Танаиса. — АО 1969 г. М., 1970, с. 106; *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 17.

¹⁵⁶
Коровина А. К., Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.), с. 31, 41, 47; *Шелов Д. Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса. —

МИА, 1965, № 127, с. 63, 85, 105, рис. 28.

¹⁵⁷
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 41 и сл., рис. на с. 41.

¹⁵⁸
Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.), с. 60 и сл.

¹⁵⁹
Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. с. 115 и сл., рис. 61, 63.

¹⁶⁰
Подсчитано по данным реконструкции И. Т. Кругликовой с учетом всей толщины основной оборонительной стены (*Кругликова И. Т.* Указ. соч., рис. 61, 63). Здесь, судя по объемной реконструкции, помещение № 7 также было двором.

¹⁵²
Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса, с. 81 и сл., рис. 1.

¹⁵³
По предположению Д. Б. Шелова в этом доме во дворе Н находился только один портик, примыкавший к помещению (*Шелов Д. Б.* Раскопки северо-

восточного участка Танаиса 1955—1957 гг., с. 77—80). Против этого, однако, свидетельствует слишком малая ширина прохода между портиком и стеной 32 — всего 60—80 см (*Шелов Д. Б.* Указ. соч., с. 80) и, кроме того, неравномерность поперечного пролета самого портика. Последнее, равно как

Специфической особенностью этих сооружений являлось доминирование оборонительной функции. Более развитый, чем в эллинистических укрепленных домах Боспора и Херсонеса, характер внутренней планировки укрепленных боспорских усадеб первых веков нашей эры позволяет видеть в них дальнейшее развитие типа укрепленного дома.

Наряду с укреплениями-усадебными на Боспоре в первые века нашей эры существовали и неукрепленные поселения¹⁶⁴, где дома могли иметь характер, аналогичный ольвийским периферийным домам или, скорее всего, близкий памятникам типа илуратских домов. Однако для каких-либо более конкретных заключений данных недостаточно.

Таким образом, наиболее массовым и надежным материалом, отражающим основные тенденции развития боспорского городского домостроительства в первые века нашей эры, являются жилые дома малых городов.

Эти дома имели ряд специфических черт, отличавших их, с одной стороны, от домов Ольвийского района и отчасти Херсонеса, а с другой — от района Средиземноморья. Важными особенностями являлось дальнейшее развитие, а не просто использование типологических схем эллинистического времени, отсутствие значительных явлений деградации строительного дела, максимальное развитие типа хозяйственно-жилого городского дома, усиление регулярности и прямоугольности планировки, наличие типа укрепленных усадеб. Характерно также отсутствие схем римского атриумного типа и специфических наиболее распространенных строительных приемов и конструкций римской школы.

Античные дома Боспора имели принципиальные отличия от домов варварской традиции, заключавшиеся прежде всего в прямолинейности планировки и относительно четкой прямоугольности разбивки домов на местности, в отсутствии последовательно-иерархического принципа пла-

нировки, в блокировке домов в кварталы, а также в широком использовании приемов античной строительной техники и конструкций.

Как уже говорилось, на Боспоре пока не открыты большие ордерные дома зажиточных граждан в степени, достаточной для выполнения их хотя бы планировочных реконструкций. Однако имеющиеся данные дают основание считать, что такие дома несомненно существовали. Прослеживаемые в рядовом строительстве эллинистические традиции и отсутствие в нем каких-либо римских влияний позволяют предположить, что и в домах наиболее зажиточных граждан нашли отражение в основном античные северопричерноморские традиции предшествующего времени. В первую очередь это касается общих объемно-планировочных приемов. Вместе с тем именно в этих домах получили распространение элементы декора, характерные для римской провинциальной строительной школы.

Таким образом, основной линией эволюции в домостроительстве Боспора первых веков нашей эры являлось продолжение развития типа безордерного хозяйственно-жилого дома типичной схемно-равнозначно-параллельного принципа планировки. Планировка этих домов отражала производственную и отчасти социально-экономическую дифференциацию населения.

Окончательное формирование типологических схем жилых домов Боспора относится ко времени не позднее I—II вв. н. э. Этап расцвета домостроительства заканчивается в первой половине III в. н. э. Прекращается античное домостроительство на Боспоре в IV в. н. э.

В античном домостроительстве Северного Причерноморья после кризиса конца II—I в. до н. э. можно выделить три этапа. Первый — вторая половина I в. до н. э. — I в. н. э. В это время происходит постепенное возрождение домостроительства в Ольвии и на поселениях ее периферии. То же касается Танаиса после разгрома его Полемоном в конце I в. до н. э. В большинстве других центров Боспора и в Херсонесе такую четкую границу между двумя периодами домостроительства провести нельзя. В это время наблюдается определенная рустификация городов и, следовательно, домостроительства, снижается качество приемов строительной техники и конструкций, на-

161
Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 118 и сл.

162
Петерс Б. Г. Раскопки городища у с. Михайловка в 1963 г. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 103, с. 119—124;

Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 126.

163
Гайдучевич В. Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. — СА, 1941, № 7, с. 58, 59;
Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, с. 133, 134, рис. 71.

164
Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 140 и сл.

чинается проникновение приемов римской провинциальной архитектурно-строительной школы.

Второй этап — II — первая половина III в. н. э. Это этап наибольшего подъема и расцвета строительной деятельности. В это время завершается эволюция наиболее типичных объемно-планировочных и конструктивных решений жилых домов второго периода на основе античных северопричерноморских традиций предыдущего времени. В конструкциях и приемах строительной техники стабилизируются сформировавшиеся на первом этапе тенденции, элементы римской архитектурно-строительной школы используются ограниченно. В ряде центров ведутся широкие строительные мероприятия, однако в целом уровень домостроительства ниже, чем в предшествующий период.

Заключительный третий этап — середина III — 70-е годы IV в. н. э. — являлся временем постепенного угасания античной традиции. От середины III в. н. э. в Ольвии и ее округе античное домостроительство прекращается вообще. В Тире в строительных остатках послеготского времени прослеживается резкий упадок строительных традиций. В Херсонесе и на Боспоре достаточно выразительные материалы, надежно атрибутируемые этим временем, малочисленны и ненадежны. В целом в Крыму этот этап совпал с постепенным переходом к традициям раннесредневекового периода.

В градостроительном отношении дома по-прежнему группировались в кварталы, однако в некоторых старых городах уменьшалась в ряде случаев степень регулярности в застройке, значительно возросла скученность (Ольвия, Танаис). Однако в тех случаях, когда проводились достаточно широкие перестройки или осуществлялось строительство на новом месте, градостроительные мероприятия осуществлялись на достаточно высоком уровне (Тира, Херсонес, Илурад). В застройке прослеживается дифференциация по социально-экономическому и производственному признакам. Однако степень разделения домов по имущественному критерию не достигает типичной для района Средиземноморья этого времени величины. Даже наиболее крупные и богатые северопричерноморские дома первых веков нашей эры не превышали полутысячи квадратных метров.

В строительстве использовались объемно-планировочные схемы, типичные для жилищ эллинистического времени. В Северном Причерноморье не получили распространения характерные для римской строительной школы атриумные или атриумно-перистильные дома. В городских домах по-прежнему господствующим являлся равнозначнопараллельный принцип планировки. Безордерные жилища имели как типичную, так и нетипичную античную схему с Г-, П-образным или периметральным расположением крытых помещений относительно двора. Ордерные дома строились перистильного (Херсонес, Ольвия) или пастадного (Ольвия, Тира, Илурад) типов.

Значительно больше, чем ранее, распространились хозяйственно-жилые дома. Появился и тип однокамерного жилого дома без внутреннего двора. Такие дома известны как отдельно стоящие (Ольвия), так и в заблокированном виде (Ольвия, Херсонес).

Анализ многокамерных хозяйственно-жилых домов Ольвии, Херсонеса, Козырки и Тиритак позволяет выделить некоторые общие для них моменты. Это наличие двух дворов (или одного увеличенных размеров), использование для хозяйственных целей до 50% и более общей площади застройки, определенная изоляция хозяйственных блоков. В настоящее время известны хозяйственно-жилые дома виноделов (Мирмекий, Херсонес), жителей, занимавшихся сельскохозяйственным производством (Ольвия, Козырка), возможно, пекарей (Ольвия), а также торговцев (Танаис). По данным Тиритак и Херсонеса, существовали также хозяйственно-жилые дома с рыбозасолочным профилем деятельности владельца. Были, очевидно, и другие, за исключением гончаров, производственные комплексы которых выносились за пределы жилых районов. Кроме домов виноделов, принципиальная схема которых состояла из жилого блока, помещений винодельни и склада для хранения вина, планировочные особенности остальных типов этих домов, за исключением только установления самого факта включения в их состав производственных узлов, изучены недостаточно.

Наибольший интерес среди домов первых веков нашей эры представляют собой дома Козырки и Илурата. Среди домов Козырки известны дома как типичной, так и нетипичной античной

схемы — хозяйственно-жилые, причем один из таких домов — без внутреннего двора. Кроме того, в Козырке раскопано два дома последовательно-иерархического принципа планировки, характерного для неантичной традиции. Это, а также наличие в домах Козырки элементов декора и конструкций, которые можно связывать с провинциальной римской архитектурно-строительной школой, показывает весьма сложную картину переплетения традиций — античных ольвийских, варварских, римских и вместе с тем наличие определенных элементов деградации.

О стойкости типов эллинистических жилых домов Боспора наиболее ярко свидетельствуют дома Илурата, которые в подавляющем большинстве относятся к домам типичной схемы малой и большой площадей равнозначно-параллельного принципа планировки.

В первые века нашей эры, по-видимому, увеличился удельный вес в застройке городов двухэтажных домов, что, очевидно, явилось следствием высокой плотности застройки и ограничения возможности роста территории городов. Двухэтажность распространена не только в старых городах, но и, например, в Илурате. В отношении Ольвии данных о существовании в это время двухэтажных домов пока нет. В ряде случаев дома имели также подвалы, иногда жилые, но в целом подвалов стало относительно меньше. При строительстве богатых домов использовался ордер, очевидно, чаще всего аттический, возможно, также тосканский.

В декоративном решении интерьеров получил распространение цветочный стиль, цветовая гамма обогатилась зеленым цветом, использовались также мраморные облицовочные плитки.

Для конструкций и строительной техники характерно общее огрубление — деградация использовавшихся ранее приемов, небрежность, упрощенность систем кладок и вместе с тем увеличение их толщины. Совершенно исчезли слоевые основания — одно из наиболее выдающихся достижений предыдущего времени. Приемы же римской строительной техники — известковые растворы в качестве связующих в кладках, обожженный кирпич, смешанные типы кладок распространения в домостроительстве Северного Причерноморья (кроме отдельных примеров использования в Козырке и в Херсонесе) не получили. В сельском домостроительстве первых веков нашей эры прослеживается распространение на сельских поселениях домов городского типа, причем преимущественно хозяйственно-жилых, а также в районе Херсонеса и на Боспоре продолжение традиции строительства укрепленных усадеб.

Как видно из сказанного, период первых веков нашей эры в области северопричерноморского домостроительства античного направления в основном характеризовался продолжением традиций предшествовавшего времени, но с определенной тенденцией к их деградации. Принципиально новых объемно-планировочных решений в это время не появилось.

ГРЕЧЕСКИЕ И СЕВЕРО- ПРИЧЕРНОМОРСКИЕ ВАРВАРСКИЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Решение вопросов о генезисе и истоках формирования особенностей античных жилых домов в Северном Причерноморье, а также выделения и характеристики стилевых направлений требует специального рассмотрения как греческих восточносредиземноморских, так и варварских северопричерноморских традиций. При этом наибольший интерес представляют греческие традиции VIII—VI вв. до н. э., т. е. сложившиеся ко времени основания большинства античных городов Северного Причерноморья и начала распространения в них многокамерных наземных жилых домов, и традиции племен эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

Греческие домостроительные традиции. Археологические данные о рядовом греческом домостроительстве VIII—VI вв. до н. э. немногочисленны. Кроме того, далеко не всегда имеется достаточно данных для надежного определения назначения раскапываемых сооружений. Часто из-за плохой сохранности раскрытых многокамерных объектов нельзя установить местоположение дверных проемов. Во многих случаях открыты вообще только части домов, фрагменты кладок, вымосток и т. п., на основании которых реконструировать дом целиком или определить только даже его тип практически невозможно. Исключение в этом отношении составляют однокамерные постройки, что, очевидно, способствовало распространению мнения о том, что основным типом рядового жилища первых столетий первого тысячелетия до н. э. являлся однокамерный, отдельно стоящий, часто овальный дом либо дом мегаронного типа¹.

Все это объясняет и отсутствие широких исследований по истории домостроительства Греции геометрического и архаического времени. Даже в наиболее полных современных сводках материалов этого времени — в энциклопедических словарях² и появившейся в последние годы работе о греческом строительстве геометрического пери-

¹ Lawrence A. W. *Greek Architecture*. London, 1967, p. 238. Кобылина М. М. *Милет*. М., 1965, с. 52, 53.

² Robinson D. M. Haus.—PWRE, 1940, Suppl. 7.

³ Drerup H. *Griechische Baukunst in geometrischer Zeit*. Göttingen, 1969, S. 136.

ода³ — получить достаточно исчерпывающее представление о наиболее важных аспектах проблемы в целом затруднительно. Здесь, помимо объективных трудностей, объясняемых недостаточностью источниковедческой базы, в ряде случаев имеет значение, по-видимому, и некоторая недооценка значения рядовых памятников архитектуры жилища. Обычно рассматривались ордерные дома, массовые же безордерные жилые дома, и главное — основные тенденции их развития, стилевые и типологические особенности, как правило, оставались вне поля зрения авторов⁴. Подобное положение привело к тому, что возникновение основных даже ордерных типов обычно относилось исследователями к более позднему времени, иногда даже к эллинистическому. И только раскопки Олифа заставили иначе подойти к решению этого вопроса, поскольку здесь вполне сформировавшийся тип перистильного дома зафиксирован уже в середине второй половины V в. до н. э.⁵ Вследствие этого Робинсоном высказано мнение, что в период архаики должен был существовать не только простадный, но и пастадный типы ордерного дома⁶, с чем нельзя не согласиться, поскольку более раннее формирование основных ордерных типов находит подтверждение и в сооружениях общественного назначения, датированных временем не позднее конца VI в. до н. э.⁷ К IV—III вв. до н. э. относится только лишь наиболее широкое распространение уже сложившихся ордерных типов домов. Таким образом, истоки принципов объемно-планировочных решений основных вариантов ордерных домов следует искать в более ранних сооружениях, и в частности в безордерных домах.

Накопленные в последние десятилетия материалы подтверждают эту точку зрения и позволяют выявить основные тенденции развития греческого дома в период колонизации в районе, наиболее тесно связанном с Северным Причерноморьем, — Восточном Средиземноморье.

⁴ Показательна в этом отношении интересная работа Т. В. Грэхема, в которой он, рассматривая происхождение и связи греческого и римского домов, касается только ордерных типов (*Graham T. W. Origins and interrelations of the Greek House and the Roman House.*—

Phoenix, 1966, 20, p. 3—31.

Вопрос о формировании типов и основных тенденций развития рядовых жилых домов геометрического и архаического периодов не нашел достаточного отражения и в таких историко-архитектурных трудах,

Древнейшим и наиболее распространенным планировочным принципом жилых домов в Малой Азии, причем во многом вне зависимости от эпох и культурной принадлежности памятников, был последовательно-иерархический. От мегаронов третьей четверти III тысячелетия до н. э. поселений Терми IV—V на Лесбосе, Полиохии V на Лемносе, мегаронов эпохи бронзы в Биче-Султан, Трое I—II и Карата-Семаюк, эпохи железа, особенно в Гордионе, дворца в Лариссе на Гермосе к архаическим домам мегаронной схемы Врулии на Родосе, Эмпория на Хиосе, затем к эллинистическим жилым домам простадного типа в Приене — везде основным являлся последовательно-иерархический принцип планировки⁸. Последнее, разумеется, не исключало возможности использования в отдельных случаях и равнозначно-параллельного принципа, как это можно предполагать, например, относительно некоторых домов Трои VI⁹. В одних центрах мегарон возникал сразу в сформированном виде (что, разумеется, не исключало его дальнейшей эволюции), как в Трое, Карата-Семаюк или Гордионе. В других, как, например, в Биче Султан, имеется возможность проследить путь его формирования. Это дает основание считать, что и в период колонизации Северного Причерноморья в VI в. до н. э.

как: ВИА. М., 1949, т. 2, кн. 1; ВАИ. М., 1973, т. 2;

Rider B. C.

Ancient Greek Houses, 1964;

Lawrence A. W. Greek Architecture, 1967;

5

Имеется в виду,

в частности, вилла Доброй Судьбы

(*Кобылина М. М.* Открытия в Олифе.— ВДИ,

1939, № 3,

с. 207; *Кауфман С. А.* Вилла Доброй Судьбы.—

ВИА. М.,

1961, № 1, с. 83).

6

Robinson D. M. Haus, S. 249, 250.

7

Например, дом симпосий в Апроце.— ВИА, 1973, т. 2,

с. 121, рис. 78.

8

Lamb W. Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936, t. 5,

6; *Brea L. B.* A Bronze Age House at Poliokhni (Lemnos).—

Proc. Prehist. Soc. 1955, 1956, vol. 21, p. 147, 148; *Lloyd S., Mellaart J.* Beycesultan. London,

1962, vol. 1, p. 25, f. 6, 8, 22, 1965, vol. 2, p. 54, f. A24;

Blegen C. W. Troy and Trojans. London, 1963, p. 46, f. 8, 15;

Müller W. Troja. Wiederendeckung der

Jahrtausende. Leipzig, 1972, S. 62, F. 20—22; *Mellink M. J.*

Excavations at Karatas-Samayük in Lycia, 1967.— *AJA*, 1968,

vol. 72, N 3, p. 249—252, f. 2, 3; *Young R. S.* The Gordion Campaign of 1956.— *AJA*, 1957,

vol. 61, N 4, p. 320, t. 881; *Young R. S.* The Gordion Campaign of 1967.— *AJA*,

1968, vol. 72, N 3, p. 238, t. 73; *Kjellberg L., Boehlau T., Schefold K.* Larisa am Hermos. Die Ergebnisse der Ausgrabungen

1902—1904. 1, Die Bauten. Stockholm — Berlin, 1940, S. 27,

F. 4; *Wiegand Th. Schrader H.* Priene. Berlin, 1904, t. 21;

Kinch K. F. Fouilles de Vroulia. Berlin, 1914, F. 35; *Boardman T.* Excavations in Chios 1952—

1955. *Greek Emporio*. Oxford, 1967, p. 8

9

Blegen C. W. Troy and Trojans, f. 20.

последовательно-иерархический принцип планировки в домостроительстве Малоазийского побережья и ближайших островов был доминирующим. Вопрос, таким образом, заключается только в определении степени развития в VI в. до н. э. типов домов, в основе которых лежал этот принцип.

В районе материковой Греции обстановка в этом отношении была намного сложнее. Прежде всего следует отметить, что мегароны Материковой Греции чаще всего находились в рядовой застройке с равнозначно-параллельным принципом планировки. Т. е. в Материковой Греции на ранних стадиях — в эпоху неолита и бронзы оба основных планировочных принципа сосуществовали. Это прослеживается в ряде памятников, таких, в частности, как Мальта, Димини, возможно, Зигури, но особенно ярко — в микенских домах¹⁰. Позднее — в античную эпоху, и в частности ее классический и эллинистический периоды — последовательно-иерархический принцип планировки здесь почти исчезает. Так, ни в Дистосе, ни в Афинах, ни в Олинфе или Делосе¹¹ классические формы выражения последовательно-иерархического принципа в виде мегаронного или простадного типа какого-либо существенного распространения не имели¹², основным являлся равнозначно-параллельный принцип. Это позволяет предполагать, что данный принцип доминировал в материковой Греции и в период колонизации Северного Причерноморья — в VI в. до н. э.

Для выяснения конкретных особенностей домостроительства Греции времени колонизации Северного Причерноморья остановимся на наиболее важных памятниках этого и предшествующего времени.

В Малой Азии таковые открыты в Милете, Байракли, греческом эмпории на Хиосе и Врули на Родосе.

В Милете, в районе храма Афины и на холме Калабак-Тепе, раскопаны остатки жилых домов

начиная от эпохи бронзы. Хотя ни один дом полностью восстановлению не поддается, тем не менее определенные выводы все же можно сделать. Так, совершенно очевидно, что еще в микенское время здесь распространились многокамерные типы жилья. Прослеживается блокировка домов в кварталах, хотя общие стены часто отсутствовали. Наряду с элементами прямоугольности в разбивке зданий на местности регулярность в застройке кварталов отсутствовала. Интерес представляет дом микенского времени в юго-восточной части участка храма Афины IV в. до н. э.¹³, состоявший не менее чем из четырех помещений, три из которых (приближающиеся в плане каждое к квадрату) примыкали частично к узкому длинному восточному помещению, очевидно, объединявшему их. По предположению исследователей, рассматриваемый дом имел жилое назначение¹⁴. Неизвестно, был ли в этом доме двор. Однако относительно четкая прямоугольная разбивка дома на местности, характер группировки помещений говорят о том, что дом представлял собой не элементарную примитивную схему, а более или менее развитый планировочный тип, по-видимому, безордерного жилого дома площадью не менее 75—80 м². Судя по пропорциям помещений и их группировке, здесь можно предполагать использование последовательно-иерархического принципа планировки.

В архаическое время в Милете используется последовательно-иерархический принцип планировки домов. Остатки таких домов, обнаруженные

10 Valmin M. N. Maithi. The Swedish messenia expedition. Lund, 1932, pl. 4; Wace A. J. B., Thompson N. S. Prehistoric Thessaly. Cambridge, 1912, plan; Blegen C. W. Zygouries. A Prehistoric Settlement in the Valley of Cleonae. Cambridge, 1928, t. 2; Wace. A. J. B.

Mycenae. An Archeological History and Guide. Princeton, 1949, t. 25, f. 33.

11 Wiegand Th. Dystos.— AM, 1899, Bd 24, S. 465, T. 5, 6, F. 5; Young R. S. An Industrial District of Ancient Athens.— Hesperia, 1951, vol. 20, N. 3, p. 204, f. 11;

Robinson D. M., Graham T. W. The Hellenic House.— In: Excavations at Olynthus. Baltimore, 1938, pt. 8; Robinson D. M. Domestic and Public Architecture.— In: Excavations at Olynthus. Baltimore, 1946, pt. 12; Chamonard T. Etude sur L'habitation delienne á l'époque hellénistique.— In: Explorations archeologique de Délos, faite par l'École Française d'Athènes. Paris, 1924, fasc. 8; Thompson H. A., Wycherley R. E. The agora of Athens. The History, Shape and Uses of Ancient City Centre.— The Athenian agora, 1972, vol. 14, p. 187.

12 Так, например, в Афинах из восьми домов квартала V—IV вв. до н. э. у северного подножья

Ареопага, планировка которых восстанавливается в значительной степени (Thompson H. A., Wycherley R. E. Op. cit., p. 187, f. 41, 42, 44), только один относится к последовательно-иерархическому принципу планировки. Это однокамерный ордерный дом с двором. Характерно, что здесь и в домах римского времени использовался преимущественно равнозначно-параллельный принцип планировки.

13 Gerkan A. Kalabaktepe. Athenatempel und Umgebung.— In: Millet. Berlin, 1925, Bd. 1, H. 8, S. 74, Abb. 41, T. 7.

14 Gerkan A. Op. cit., S. 74, 75; Кобылина М. М. Милет. М., 1965, с. 19.

под храмом Афины IV в. до н. э.¹⁵, реконструкции не поддаются, однако наличие узких торцовых частей наряду с удлиненными пропорциями части помещений и учетом окружающей застройки позволяет предполагать анфиладный тип плана. Площадь их могла достигать до 100 м² и более. И наконец, собственно простадный тип, исходя из описания, имело здание, раскопанное возле булеверия¹⁶. Примеры подобных структур, в которых одним двором объединялось несколько мегаронных ячеек и тем самым по сути образовывался один из исходных вариантов простадного типа, известны. Аналогичное решение имел, в частности, дворец середины IV в. до н. э. в Лариссе¹⁷. Позднее — в эллинистическое время уже в окончательно сформированном виде простадный тип дома появился в Приене¹⁸. Не исключено, что в Лариссе, как, очевидно, и в Приенских домах¹⁹, блокировка однотипных структур обусловлена разделением дома на мужскую и женскую половины. Все это дает основание предполагать развитие принципиального решения простадного типа в Милете не позднее периода архаики.

Таким образом, в Милете в период колонизации существовали в основном многокамерные прямоугольные в плане, скорее всего, безордерные жилые дома, блокировавшиеся в кварталы как с общими, так и раздельными стенами.

Несколько иную картину дают раскопки Байракли, где открыты остатки жилых домов геометрического и архаического времени. Здесь в IX в. до н. э. наряду с прямоугольными в плане строениями овалными и позднее — в 770—670 гг. — апсидальные небольшие однокамерные постройки²⁰. В начале VII в. до н. э. при отстройке город получил более или менее регулярную прямоугольную планировку²¹. К VII в. до н. э. относится распространение многокамерных жилищ, которые, судя по раскопанному трехкомнатному дому, были мегаронного типа с внутренними дворами²². Как и в Милете, в Байракли прослеживается блокировка

15 Gerhan A. Op. cit., Abb. 43, T. 7.

16 Mellink M. J. Archäology in Asia Minor. — AJA, 1961, vol. 65, N 1, p. 47.

17 Kjallberg L., Baehla T. Larisa am Hermos, F. 7.

18 Например, дом. XXVI. Wiegand Th., Schrader H. Priene, S. 295. T. 21.

19 Rider B. C. Ancient Greek Houses. Chicago, 1964, p. 245.

20 Ahurgal E. Die Kunst Anatoliens von Homer bis

многокамерных домов в кварталы. Наряду с этим имело место формирование кварталов из участков с изолированными, отдельно стоящими сооружениями. Как видно из сказанного, домостроительство Байракли отличалось от Милета в основном существованием наряду с многокамерными однокамерными жилищами. В планировке многокамерных домов прослеживается тот же последовательно-иерархический принцип, что и в домах Милета.

Жилые дома конца VII в. до н. э. на Хиосе размещены по генплану нерегулярно²³. Это в большинстве одно-, реже — двухкамерные прямоугольные в плане как изолированные, так и неизолированные постройки мегаронного типа и мегароны, имевшие, по предположению исследователя, плоскую глинобитную крышу²⁴. В некоторых случаях перед крытыми помещениями имелись дворы²⁵. Блокировка домов встречается редко²⁶. Дома Хиоса отражают начальный этап перехода от однокамерных изолированных безордерных домов мегаронного типа к простадным, хотя самих простад здесь пока не обнаружено.

Еще более развитый тип дома с последовательно-иерархическим принципом планировки открыт во Врулии на Родосе. Этот небольшой поселок, существовавший от первой трети VII в. до н. э. до 570—560 гг. до н. э.²⁷, имел четкую единую прямоугольную систему планировки²⁸. Дома сблокированы. Размеры каждого дома могли находиться в пределах 40—100 м² при ширине 2,7—5,2 м²⁹. Судя по сохранившимся остаткам, основным типом дома являлся безордерный двухкамерный с двором, причем комната, примыкавшая к двору, по своим пропорциям имела обычно характер передней, т. е. в ордерном варианте — простады.

Alexander. Berlin, 1961, S. 9, F. 1 T. 1; S. 12, 13, F. 5.

21

Cook G. M. The Greeks in Jonia and East. London, 1962, p. 71, 72; Ahurgal E. The Early Period and The Golden Age of Jonia. — AJA, 1962, vol. 66, N 4, p. 369.

22

Ahurgal E. Die Kunst..., S. 13, 184.

23

Boardman T. Greek Emporio. Excavations in Chios 1952—1955. Oxford, 1967, f. 4.

24

Boardman T. Op. cit., p. 36. Предложенная автором

классификация домов — мегароны и дома со скамьями (Boardman T. Op. cit., p. 35) — отражает признаки различного порядка, в связи с чем не может быть принята.

25

Boardman T. Op. cit., p. 21, 27.

26

Boardman T. Op. cit., p. 18.

27

Kinch K. F. Fouilles de Vroulia (Rodes). Berlin, 1914, p. 89.

28

Kinch K. F. Op. cit., plan.

29

Kinch K. F. Op. cit., p. 112

etc.

Принцип планировки — последовательно-иерархический. Наряду с этим типом не исключено существование многокамерных домов, образованных в результате функционального объединения смежных домов основного типа. Наличие помещений, не имеющих входов в уровне дневной поверхности, дало основание К. Ф. Кинху рассматривать эти помещения в качестве кладовых и предположить возможность наличия вторых этажей³⁰.

Рассмотренные примеры показывают, что в районе Малой Азии основную массу составляли многокамерные безордерные жилые дома с внутренними дворами. Однокамерные постройки характерны в основном для начального этапа формирования городов (и то не везде) или при общей перестройке их. Формирование исходных принципиальных решений основных объемно-планировочных типов греческих домов этого района относится ко времени не позднее второй половины VII — начала VI в. до н. э. В планировке домов использовался в основном последовательно-иерархический принцип. Кроме безордерных домов, судя по гомеровским поэмам, а также раскопкам, в частности Трои и Гордиона, имели распространение и ордерные дома, среди которых также доминировал последовательно-иерархический принцип. Учитывая все эти данные, возникновение ордерного дома простадного типа в Малой Азии следует относить ко времени не позднее начала VI в. до н. э.

В отношении объемных решений архаических домов Малой Азии следует сказать, что хотя двухэтажность в городском домостроительстве не являлась редкостью (в частности, во Врулии на Родосе, в архаических слоях Калабак-Тепе, где обнаружена каменная лестница, которая, скорее всего, вела на второй этаж³¹), тем не менее в массовой застройке, особенно учитывая широкое применение сырца, было распространено в основном одноэтажное строительство. Существенной особенностью являлось отсутствие жилых подвалов, хотя

небольшое заглубление жилых помещений в некоторых случаях имело место³².

Другая категория жилищ — изолированные в строительном отношении однокамерные постройки, прямоугольные в плане, реже круглые, существовавшие параллельно с двух- или многокамерными домами, генетически не связаны с последними. Появление однокамерных домов типично для вновь основанных или перестроенных после каких-либо потрясений городов. В старых же центрах, существовавших на месте городов микенского времени, остатки построек которых продолжали использоваться, однокамерные изолированные рядовые дома практически не строились. Эти дома, таким образом, являлись тупиковым вариантом развития греческого жилища, использовавшимся в условиях колонизации (или при аналогичных ситуациях) вследствие отсутствия необходимого уровня развития экономики и строительства.

Для характеристики домостроительства этого района необходимо также рассмотреть основные приемы строительной техники и конструкции, бытовавшие в жилом и отчасти монументальном строительстве архаического Милета, Байракли, Эмпория на Хиосе, Врулии.

Из всех строительных остатков наиболее хорошо сохранились каменные кладки стен. Стены в ряде случаев имели специально выделенную фундаментную часть, выкладывавшуюся из рваного камня, иногда делались подстилки из гальки. Толщина стен составляла 0,3—0,45 м, позднее — 0,4—0,6 м при сохранившейся высоте до 0,5 м; материал — в основном известняк, песчаник, использовались также гнейс и мрамор³³. Наряду с бутом употреблялся и обработанный камень в виде полигональных, реже прямоугольных плит и блоков, часто с хорошей выкладкой фасадов. Притеска по месту отсутствовала, однако материал необходимой формы довольно тщательно подбирался по месту укладки. Камни небольших размеров 0,15—0,3 × 0,05—0,15 м по фасаду. В не-

30 Kinch K. F. Op. cit., p. 113 etc.

31 По мнению автора публикации, эта лестница могла вести на крышу дома (Gerkan A. Kalabaktepe, S. 14, Abb. 5, 6, T. 4, e). Этому, однако, противоречит относительно монументальный характер

лестницы и наличие в ее ступенях пазов для установки перил. Поскольку плоские кровли ограждений, как правило, не имели, устройство перил на лестнице маловероятно.

32 Например, овальный дом IX в. до н. э. в Байракли

(Akurgal E. Die Kunst., S. 9, F. 1). Там же имеются примеры и полностью подвальных круглых в плане помещений архаического времени, но хозяйственного, а не жилого назначения (Akurgal E. Op. cit., S. 12, 13, 301, F. 2).

33 Gerkan A. Kalabaktepe..., S. 78—80.

которых случаях уличные фасады стен делались из более крупных камней. Кладки выкладывались на глине, в основном по двух- и трехслойным двухлицевым однорядным постелистым системам (хотя встречаются и орфостатные камни, а также элементы так называемой шахматной системы) с преимущественно ложковой укладкой камней³⁴. Перевязка между рядами хорошая, между слоями плохая. Глубина заложения кладок, очевидно, не превышала 0,1—0,3 м³⁵. Учитывая характер кладок, выравненность в ряде случаев их верхних плоскостей, высоту, не исключено, что они могли являться во многих случаях цоколями для сырцовых стен, строительство которых широко распространено во всем этом районе, начиная с энеолита.

К концу архаического периода, например, в Байракли, одновременно с возрастанием толщины стен увеличивались в среднем и размеры камней, несколько упало качество выполнения кладок. Наряду с системами, описанными выше, здесь использовались и иррегулярные кладки из мелкого бута, а также выложенные по однорядной постелистой, приближающейся к иррегулярной системе из почти необработанных плит и бута³⁶. Интересной особенностью одной из этих кладок является наличие фундаментального ряда, выложенного в «елку»³⁷, — прием, спорадически появлявшийся на разных территориях и в разное время³⁸. В Байракли встречена также двухслойная двухлицевая простая полигональная кладка, имевшая фундамент, уложенный по однорядной постелистой системе³⁹. Практиковался здесь, по-видимому, и прием, характерный для кладок Трои VII⁴⁰, — выполнение углов стен из более тщательно обработанных и уложенных камней. Подобный прием, впрочем, довольно обычен для большинства территорий при кладках из плохо обработанного материала, особенно выложенных по иррегулярной или приближающейся к ней однорядной системе. Особый интерес в этом отношении представляют собой клад-

ки цоколей домов Врули⁴¹. Их высота 0,4—0,85 м при толщине 0,47—0,52 м. Они выложены из бута (песчаник) по иррегулярной системе. Для косяков и выравнивания поверхности цоколей использованы прямоугольные плиты из известняка. Для устройства стен иногда подтесывалась скала.

Кладки Хиоса, которые делались каменными на всю высоту, имели толщину 0,5—0,6 м при сохранившейся высоте до 1,6 м⁴². Выкладывались в основном по двухслойным (с хорошей перевязкой слоев) двухлицевым простым полигональным системам из полигональных плит и блоков с небрежной отеской фасадов и неплотной притеской. Щели между камнями обычно заполнялись подбранным по форме щебнем. Размеры камней в плане чаще всего 0,2—4 × 0,15—0,3 м⁴³. Наряду с этим в монументальном строительстве применялись двух- и трехслойные двухлицевые однорядные простые орфостатные системы. Их наружные фасады выкладывались из прямоугольных плит с плотной притеской по месту, хорошей выкадровкой и отеской фасадов; цокольная часть выкладывалась по двухрядной простой орфостатной системе. Размеры камней по фасаду в большинстве 0,5 × 0,6—1,0 м. В отличие от наружных внутренние фасады выкладывались из плохо выкадрованных прямоугольных плит и блоков с неплотной притеской⁴⁴.

Разумеется, в целом арсенал строителей архаической Ионии не ограничивался только этими системами. Например, в оборонительных стенах Милета имеются хорошие образцы полигональной простой, приближающейся к уступчатой, кладки с плотной притеской камней всей плоскостью⁴⁵. Встречаются здесь также кладки, правда, несколько

34 Gerhan A. Kalabaktepe..., Abb. 27—29. Т. 18. 19. 25. 1.

35 В публикациях часто отсутствуют подробные описания и чертежи кладок рядовых жилищ, что затрудняет их характеристику.

36 Akurgal E. Die Kunst..., S. 9—11. F. 1, 2.

37 Akurgal E. Op. cit., F. 2.

38 Так, например, одни из наиболее ранних образцов этих кладок обнаружены еще в Трое и в Карата Семаюк. Blegen C. W.

Troy and Trojans. London, 1963, t. 2; Mellink M. J. Excavations at Karatas-Semayuk in Lycia, 1967.—AJA, 1968, vol. 72, N 3. p. 250. t. 80, f. 13.

39 Akurgal E. Die Kunst..., S. 184. F. 134.

40 Blegen C. W. Troy and Trojans, t. 60. 65.

41 Kinch K. F. Op. cit., p. 112 etc., f. 36.

42 Boardman T. Op. cit., p. 42.

43 Boardman T. Op. cit., t. 18—27, l. 8—10.

44 Boardman T. Op. cit., f. 7, 8, 10, 12, t. 3—6.

45 Gerhan A. Kalabaktepe... Т. 4, АА, ВВ. В Милете известно также использование и полигональной кладки с изогнутыми швами (так называемой лесбийской) IV—VIII вв. до н. э., которая во всем греческом мире получила особенно широкое распространение в VI в. до н. э. (Orlanios A. K. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs. Paris, 1968, partie II, p. 132).

более поздние, выложенные по однорядной постелистой ложковой системе из прямоугольных плит и блоков с хорошей выкадровкой и тщательной притеской по месту с камнями одинаковой высоты в каждом ряду ⁴⁶. Несколько стен выложено по однорядной орфостатной системе, однако недостаточно последовательно примененной, в некоторых случаях с элементами иррегулярной уступчатой орфостатной системы ⁴⁷.

Учитывая влияние Крита на первоначальное поселение Милета ⁴⁸, можно предположить, что в архаических слоях последнего может встретиться и прием устройства каменных цоколей, выложенных по двухрядной орфостатной системе, характерной для Крита эпохи его расцвета ⁴⁹. Необходимо отметить две особенности кладок монументальных сооружений архаического Милета: относительно небольшие размеры камней (в основном 0,5—0,6 × 0,15—0,25 м по фасаду) и появление в позднеархаических кладках рустов, в основном с четырехсторонней окантовкой, реже — с трехсторонней. Русты значительно выступают от плоскости фасада — до 10 см и более.

Таким образом, в период колонизации Северного Причерноморья жители Ионии уже использовали двух- и трехслойные кладки, выложенные по иррегулярным, полигональным, однорядной постелистой и орфостатной, двухрядной простой орфостатной системам при максимальном распространении однорядных постелистых, в меньшей степени — иррегулярных и полигональных кладок. Наряду с бутом в строительстве широко применялся обработанный камень небольших размеров в виде прямоугольных и полигональных плит и блоков с трапециевидным, прямоугольным или полигональным фасадом. Двухрядные и полигональные системы типичны в основном для монументального строительства. Характерна также небольшая толщина ранних стен и в ряде случаев устройство галечных подсыпок или вырубков в скале.

⁴⁶ Gerkan A. Kalabaktepe..., Т. 4, I—O.

⁴⁷ Gerkan A. Op. cit., Т. 2, h—h: Т. 4, I—K.

⁴⁸ Кобылина М. М. Милет, с. 15—21.

⁴⁹ См., например, дворец в Фесте

(Pernier L., Banti L. Il palazzo minoico di Festos. Il secondo palazzo Roma. 1951. p. 225. f. 139)

⁵⁰ Kinch K. F. Op. cit., p. 115, 116; Кобылина М. М. Милет. с. 59, 61, 67.

⁵¹ Односкатный с уклоном или

В домах делались земляные или глинобитные полы, реже — каменные, галечные, выстланные мраморной плиткой ⁵⁰.

Крыши жилых домов были в основном наклонными, в большинстве, очевидно, двускатными, реже — односкатными ⁵¹ или четырехскатными ⁵². В большинстве случаев кровельные покрытия были, скорее всего, саманными по накату или настилу из жердей; в некоторых случаях мог применяться тростник. Что касается черепицы, то пока достаточно убедительных данных о ее широком распространении в рядовом жилом строительстве архаического времени нет, хотя в наиболее богатых и больших домах, учитывая широкое в VI в. до н. э. распространение черепицы в монументальном культовом строительстве, ее применение в конце периода архаики возможно.

Конструкция дверей в домах, судя по наличию в некоторых каменных косяках четвертей (как, например, во Врулии ⁵³), была достаточно развита. Двери делались не только на подпятниках (древнейший способ установки дверных полотнищ), но, очевидно, и на петлях с устройством деревянных коробок; форма проемов вертикальная, без сужения кверху. Конструкция крепления и характер декоративного решения дверных полотнищ в наиболее богатых домах могли быть подобны таковым, известным по погребальным сооружениям начала IV в. до н. э. ⁵⁴

Наименее изучен вопрос о характере окон в домах архаического времени. В специальной работе, посвященной исследованию окон ⁵⁵, рассматриваются окна мегаронов и затем более поздних памятников эллинистического времени. Исходя из того, что окна делались как в более раннее по сравнению с архаикой время, так и в более позднее, наличие их и в архаических домах вряд ли может вызвать сомнение. Это был элемент, достаточно развитый еще в крито-микенскую эпоху ⁵⁶. Известны они и по терракотовым моделям более позднего времени — второй половины VIII в. до

даже горизонтальный вариант кровли, в частности, предполагается для домов со скамьями на Хиосе (Vaarman T. Op. cit., p. 36).

⁵² О существовании четырехскатных крыш еще в архаическое время дает представление изображение

фонтана Трояля на одном из рельефов Музея Акрополя (Heberdey R. Altattische Porosskulptur. Wien. 1919, S. 23, Fig. 13).

⁵³ Kinch K. F. Op. cit., p. 116 etc.

⁵⁴ Maerlay Th. Un tumulus Macédonien à Langaza.— In:

н. э. из Перахоры и Аргоса⁵⁷. Судя по этим памятникам, домам эллинистического времени на Делосе, а также по изображениям на вазах, доминирующей формой оконного проема был как вертикальный, так и горизонтальный прямоугольник или квадрат. Окна располагались в наружных стенах выше от земли (на 2—3 м), имели деревянные рамы и ставни. Размеры окон на одном и том же фасаде могли быть различны⁵⁸. Величина окон в архаических домах, учитывая обычно малые размеры помещений, была, очевидно, невелика.

Имеющиеся сведения о жилых домах Материковой Греции и расположенных рядом островов архаического и более раннего времени крайне фрагментарны. В основном здесь можно опереться только на остатки архаических комплексов Делоса с привлечением материалов дорийской колонии в Сицилии — Мегары Хиблеи.

Жилые комплексы Делоса в районе Центрального квартала возникли еще в микенское время. Здесь находилось не менее двух жилых домов, сблокированных в квартал⁵⁹. Дома многокамерные с внутренними (во всяком случае, в западном доме) дворами, с равнозначно-параллельным принципом планировки. Возможная площадь застройки каждого дома около 500 м². В архаическое время, по сравнению с микенским, изменения были незначительными — в большинстве случаев использовались остатки предыдущей эпохи⁶⁰. Это дает основание предполагать здесь преемственность домостроительных традиций.

Наиболее ранние дома Мегары Хиблеи второй половины VIII в. до н. э. были однокомнатными и, как можно предполагать, находились на участках, обнесенных каменными стенами⁶¹. В архаическое время, во всяком случае, в VI в. до н. э., жилые кварталы, судя по участку, где находился пританейон, имели четкую, относительно регулярную прямоугольную планировку. Характер пританейона, а также фрагментарные остатки жилых до-

мов⁶² дают основание считать, что уровень развития планировочных решений был достаточно высоким. Дома имели прямоугольную разбивку, состояли из нескольких помещений и, очевидно, внутренних дворов. Преимущественное распространение имел равнозначно-параллельный принцип планировки.

Равнозначно-параллельный принцип планировки использовался и в других домах архаического времени, открытых на Эгине и в Аттике⁶³. Он доминировал в этом районе и позднее, что прослеживается в планировке дома V в. до н. э. в Дистосе на о-ве Эвбее, в Керамейкосе Афин⁶⁴. Особенно же ярко равнозначно-параллельный принцип планировки проявился в домах конца V — первой половины IV в. до н. э. Олинфа, где в полностью сформированном виде известны дома как пастадного, так и перистильного типов⁶⁵. По наблюдениям В. Грэхема, на греческом материке в период от архаики до эллинизма известен только один пример дома простадного типа⁶⁶. Таким образом, есть все основания считать, что исполь-

58 *Herbig R. Op. cit.*, S. 22—30.

59 *Gallet de Santerre H. Délos primitive et archaïque. Thèse pour le doctorat ès lettres. Paris, 1958, plans A, O.* Более вероятной представляется интерпретация этих остатков в качестве группы жилищ, а не двора (*Gallet de Santerre H. Op. cit.*, p. 83). Дворцовому назначению противоречат скромные размеры помещений и двора (№ 1), отсутствие четко выраженного парадного орденового ядра (например, мегарона) и общий характер планировки, не типичный для дворцовых комплексов. Квартал делится на две части по линии восточной стены помещения № 5. Подобное членение, особенно при асимметричных усложненных структурах, свидетельствует и о функциональном разделении застройки на отдельные блоки. Каждый из двух домов имел самостоятельный двор (местоположение двора в восточном комплексе, вероятнее всего, в промежутке между помещениями № 11 и 15).

60 *Galle de Santerre H. Op. cit.*, p. 219.

61 *Vallet G., Villard F. Mégara Hyblaea, IX. Les problèmes*

de l'Agora et la cite archaïque.— *MEFR, 1969, vol. 26, 1, p. 32* Chronique.— *MEFR, 1968, vol. 30, p. 359.*

62 *Vallet G., Villard F. Op. cit.*, p. 25, plan. Строительство в Мегаре Хиблее в конце VI в. вполне сформировавшегося, характерного и для Греции типа пританейона косвенно подтверждает, что еще раньше этого времени здесь должны были бы распространиться и обычные для Греции многокамерные городские жилые дома. В типологическом отношении эти две категории сооружений близки друг другу.

63 *Graham T. W. Origins and interrelations of the Greek House and the Roman House, p. 27, f. 14, 15, 17, 20.*

64 *Wiegand Th. Dystos, S. 465, T. 5, 6, F. 5; Young R. S. An Industrial District.., p. 204, f. 11.*

65 Дома А-VII-4, 6; А-VIII-8; Вилла Доброй Судьбы, Дом Актера (*Robinson D. M., Graham T. W. The Hellenic House, pl. 84, 85, 87, 99—101; Robinson D. M. Domestic and public architecture, pl. 26*).

66 *Graham T. W. Origins and interrelations.., p. 12.*

Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts, 1911, Bd 26, S. 193—215, Fig. 8, 15, 20, 24, T. 5, 6.

57 *Herbig R. Das Fenster in der Architektur des Altertums. Athen, 1929.*

58 См., например, изображения

окон на Фаянсовых плитках из Кносса. *Lawrens A. W. Greek Architecture, p. 28, f. 18.*

59 *Payne H. Perachora. Oxford, 1940, t. 9b; Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, 63/64. 1948/49, S. 4, F. 1.*

зование равнозначно-параллельного принципа планировки является характерной чертой домостроительства Материковой Греции времени архаики и классики. Доминировал здесь этот принцип и в последующее эллинистическое время.

Приемы строительной техники и конструкции рядового жилого строительства архаического времени на Делосе прослежены в недостаточной степени из-за их крайней фрагментарности и использования фундаментов более ранней эпохи⁶⁷. Наиболее полное представление о конструкциях раннего времени можно получить в основном по памятникам V в. до н. э., в частности Афин, Дистоса и Олинфа⁶⁸.

Стены домов возводились как целиком из камня (Дистос), так и в сырцово-каменной технике (Афины, Олинф). Толщина стен чаще всего порядка 0,4—0,45 м. Камень использовался в виде бута, иногда булыжника, полигональных плит и блоков обычно с небрежной обработкой. Размеры камней обычно не более 0,4—0,5 м в длину (исключение кладки Дистоса и некоторых наружных стен домов Афин), т. е. величина камней допускала возможность их укладки силами одного человека. Распространены иррегулярная, однорядная постелистая ложковая, двухрядная орфостатная и шахматная системы кладок. Характерно отсутствие полигональных систем. Кладки велись на глине. Каменные стены делались двух- или трехслойными. Притеска по месту, как правило, отсутствовала.

В монументальном строительстве здесь уже в VI в. до н. э. использовался практически весь арсенал приемов, типичных для этого времени, в частности все типы полигональных кладок и иррегулярные уступчатые системы⁶⁹.

Полы, двери, окна, крыши в массе рядовых архаических построек, по-видимому, не имели принципиальных отличий от малоазийских⁷⁰.

В заключение следует остановиться на вопросе о характере ордера архаических жилых домов.

Прежде всего следует сказать, что, как отмечалось выше, сложение ордерных типов жилых домов происходило не позднее VI в. до н. э. Отсюда следует, что к этому же времени должно было относиться и формирование основных особенностей ордера, применявшегося в портиках жилых домов. Особенности данного ордера являются использование столбов прямоугольного сечения, удлиненные пропорции, упрощенный антаблемент, использование форм антовых капителей. Анализ прямоугольных в плане капителей небольших размеров, находимых в других центрах греческого мира, показывает, что основные региональные различия этого ордера заключаются главным образом в особенностях профилировки капителей. В Олинфе типичной формой таких капителей является набор обломов, свойственный антовым дорическим капителям⁷¹, т. е. здесь сложение стиливых особенностей происходило на базе использования форм дорического ордера. В эллинистическое время в этих капителях наблюдается смешение форм дорического и ионического ордеров⁷². Иначе говоря, ордер жилых домов с прямоугольными столбами, судя по капителям, формировался под влиянием как дорического, так и ионического ордеров. Ордер жилых домов, капители которого имели форму антовых дорических, вошел в научную литературу под наименованием аттического ордера⁷³. Наиболее яркие примеры аттического ордера представляют жилые дома Олинфа, появление которых в V в. до н. э. свидетельствует о формировании ордера не позднее VI в. до н. э.

Ордер жилых домов с капителями, имевшими формы антовых ионических, учитывая доминирование в Малой Азии форм ионического ордера в период архаики, сложился, скорее всего, именно там. В качестве прототипа здесь следует рассматривать анты сокровищниц массалийцев и сифноцев в Дельфах⁷⁴. Общие пропорции здесь примерно те же, что и в аттическом ордере (1 : 10, 1 : 11), отличия заключаются в форме капителей. Посколь-

67
Gallet de Santerre H. Op. cit.
p. 72, 219.

68
Young R. S. An Industrial District of Ancient Athens, p. 187—253, f. 9, 10, p. 68;
Wiegand Th. Dystos, F. 5;
Robinson D. M. Domestic and Public Architecture, p. 12, 2.

69
Orlandos A. K. Op. cit., p. 127 etc., f. 145 etc.

70
См., в частности, *Young R. S. Op. cit.*, p. 205—226.

71
Robinson D. M., Graham T. W. Op. cit., pl. 60.

72
См., например, комплекс капителей из Ольвии. *Крымский С. Д. Жилые ансамбли...* рис. 63, 64, *Крымский С. Д. Архитектурные детали а розкопок західної сторони Ольвійської агоры в 1962—1963 pp.*— Археология, 1965, т. 19, с. 165 и сл.

73
Шуази О. История архитектуры. М., 1935, т. 1, с. 288

74
Lawrence A. W. Greek Architecture. London, 1957, p. 139, f. 79, pl. 75. *Springer A. Die Kunst des Altertums*. Leipzig, 1923, S. 208 F. 10.

ку упомянутые сокровищницы появились в середине второй половины VI в. до н. э., можно предполагать, что и в Малой Азии ордер, подобный аттическому, сформировался не позднее периода архаики. В отличие от аттического этот ионийский вариант ордера жилых домов с прямоугольными столбами представляется целесообразным предложить именовать малоазийским.

Все сказанное, разумеется, не исключает возможности использования в наиболее богатых домах обычного ионического или дорического ордера.

Домостроительные традиции Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Домостроительство племен, населявших степи Северного Причерноморья, в силу происходивших миграций и разноэтничности этих племен не представляло собой единую плавную линию развития. Тем не менее определенные общие тенденции развития под воздействием географической среды и социально-экономического прогресса все же существовали. Выявление этих тенденций, а также конкретных особенностей домостроительства варварских племен накануне появления греков в Северном Причерноморье и во время существования здесь античных городов необходимо для решения вопроса о характере домостроительства смешанного греко-варварского направления.

Одной из наиболее стойких традиций северо-причерноморского района являлось земляночное строительство, существовавшее здесь с древнейших времен⁷⁵. В эпоху поздней бронзы эта традиция проявилась в земляночных и полуземляночных жилищах, которые представляли собой неупорядоченные однокамерные структуры с формой плана, приближавшейся к прямоугольнику, но часто и с относительно аморфной или овальной конфигурацией плана. Такие жилища в Северном Причерноморье открыты на ряде поселений Белозерского этапа эпохи поздней бронзы (X—нача-

ло VIII в. до п. э.), в частности на Белозерском, Бабинском и Ушкальском⁷⁶. Однако, наибольший интерес в типологическом отношении среди земляночных построек представляют собой жилища Подонья. Здесь выделяется два типа жилищ — однокамерные, приближающиеся к квадрату со стороны 7—8 м, и двухкамерные, размером 8—9 × 12—20 м, причем если в более ранних памятниках камеры разделены только материковым выступом, то в более поздних — стенами⁷⁷. Судя по функциональной связи камер, основным планировочным принципом являлся последовательно-иерархический. Большие двухкамерные полуземляночные жилища, которые могли иметь шатровую срубную либо двускатную кровлю, открыты у хут. Ляпичев на Дону⁷⁸. Двухкамерные землянки эпохи поздней бронзы неправильной в плане формы с функциональным разделением по хозяйственному признаку⁷⁹ и облицовкой стен котлована камнем (причем после определенного времени функционирования землянок), уложенным по однорядной постелистой системе, иногда с орфостатным фундаментным рядом, раскопаны также на Кобяковском и Ливенцовском⁸⁰ городищах.

Полуземлянки этих двух поселений, где зафиксированы остатки наземных каменных стен, представляли собой промежуточную форму жилища между полуземляночными и наземными сооружениями с использованием камня. Особенно это касается жилищ Ливенцовского поселения, заглубленность которых составляла всего 0,4—0,6 м⁸¹, их следует рассматривать в качестве скорее полуподвальных омов. По мнению исследователей,

Следует отметить, что предложенная реконструкция шатровой срубной крыши представляется менее реальной. В частности, вряд ли приемлема аналогия с «пирамидальным» типом предкифского времени в Центральном Казахстане, а также ссылка на Витрувия (Грязнов М. П. Указ. соч., с. 145). В отношении первого аналогия слишком далека. Что же касается Витрувия, то последний писал о пирамидальном срубе наземного сооружения (Витрувий, II-1-4), а не землянки. По поводу же перекрытия землянок Витрувий пишет об обычном коническом (но не срубном) перекрытии (Витрувий II-1-5). Учитывая это, более реальной представляется реконструкция двускатной кровли (Мерперт Н. Я. Из

древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61, с. 115—118).

75

Шарафутдинова Э. С. Жилища эпохи бронзы на Кобяковском городище (раскопки 1958—1961 гг.).— КСИА АН СССР, 1963, № 93, с. 60.

80

Шарафутдинова Э. С. Указ. соч., с. 58, 59;

Шарафутдинова Э. С. Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы в 1962 г.— КСИА АН СССР, 1967, вып. 112, с. 75 и сл.; Братченко С. Н. Багатшарове поселения Ливенцова I на Дону.— Археология, 1969, т. 22, с. 221 и сл., рис. 9.

81

Братченко С. Н. Указ. соч., с. 221.

75
Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46, с. 17 и сл. с. 75 и сл.

76
Археология Украинской РСР, т. 1. К. 1971, с. 418.

77
Чердынченко М. М. Характерні риси зрубних поселень Подоння.— Археологія, 1976, вип. 20, с. 24 и сл.

78
Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичев на Дону.— КСИИМК, 1953, вып. 50, с. 139—145.

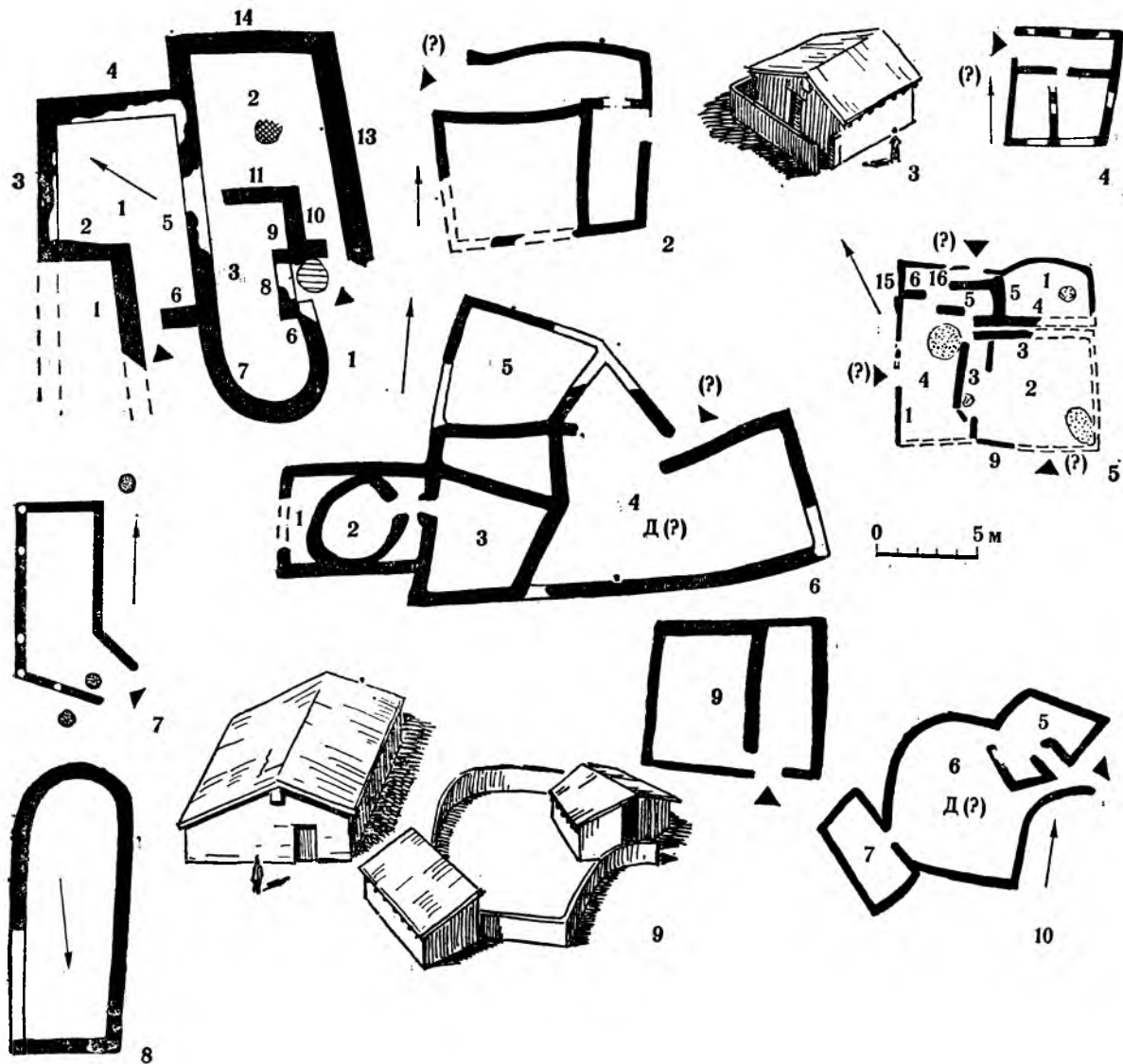

Рис. 40.

Наземные жилища эпохи поздней бронзы:

1 — последние Анатолевка; 2—4, 6, 9, 10 — поселение Змеевка; 2 — жилище № 5 раскопа № 2; 3 — эскиз объемной реконструкции жилища № 4 раскопа № 2 (Крыжицкий С. Д.); 4 — план жилища № 4; 6 — план

комплекса № 1—5 раскопа № 3; 9 — эскиз объемной реконструкции комплекса раскопа № 1 (Крыжицкий С. Д.); 10 — план комплекса раскопа № 1; 5 — поселение Пересадовка I, раскоп III; 7 — жилище № 2 поселения Бабино III; 8 — сооружение № 18 на поселении Звонецкая Балка.

Дано по: 1 — Погребова Н. Н. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 г. — КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 111, рис. 43; 2—4, 6, 9, 10 — Бураков А. В. Поселения эпохи бронзы біля с. Зміївки. — АП УРСР, 1961, № 10, рис. 3, 5, 6, 5 — Погребова Н. Н. Пересадовское поселение на Ингуле. — СА, 1960, № 4,

с. 77, рис. 2; 7 — Добровольский А. В. Поселение бронзового века Бабино III. — КСИА АН УРСР, 1957, вып. 7, с. 43, рис. 1. 8 — Добровольский А. Кам'яні спорудження в Наддніпрянжі. — АП УРСР, 1949, № 2, с. 198, рис. 4.

землянки имели двускатные кровли, опиравшиеся на стены или при больших пролетах — на стены и столбы, располагавшиеся в один-два ряда по главной продольной оси⁸². Однако нечеткая, как правило, конфигурация полуземлянок и особенно их углов позволяет допускать возможность существования, скорее всего, конических кровель.

В целом типология этих сооружений изучена недостаточно. Однако важен сам факт существования земляночных сооружений, их более примитивный характер по сравнению с наземными домами и неупорядоченность в разбивке на местности.

Среди памятников наземного каменного многокамерного домостроительства эпохи поздней бронзы в районе Нижнего Поднепровья и Побужья лучше других сохранились жилые дома на Пересадовском, Анатолевском и Змиевском поселениях.

Пересадовское поселение существовало в IX—VII вв. до н. э.⁸³ Здесь раскрыто пять блокирующихся заглубленных в землю на 0,2—0,3 м прямоугольных в плане помещений (рис. 40, 5) с каменными стенами, сохранившимися до 0,7 м в высоту. Полы земляные. Цоколи выложены по однослойной однорядной орфостатной системе из необработанных плит и блоков длиной до 0,8 м. Щели между камнями заполнены щебнем. Стены сложены по иррегулярной постелистой системе из небольших плиток⁸⁴. Общий характер кладок обычен как для периода поздней бронзы, так и для первых веков нашей эры. Характер взаимного расположения кладок № 3 и 4 подтверждает мысль автора о постепенности строительства комплекса⁸⁵. Дом не имел внутреннего двора. Внешние (южная и восточная) границы комплекса восстанавливаются по кладке № 9, восточной стене помещения № 1 и очагу в южном углу. Разновременность строительства помещений позволяет предполагать наличие нескольких самостоятельных входов и разновысоких объемов.

Мнение Н. Н. Погребовой о глубоких корнях каменного домостроительства Пересадовки в местной культуре Степного Причерноморья возражений не вызывает, однако с утверждением автора о генетической близости домостроительства Пересадовки раннескифскому, в частности домам поселения у Широкой балки⁸⁶, не представляется

возможным согласиться. Аналогия, которую видит Н. Н. Погребова между Широкой балкой и Пересадовкой, заключается в том, что на обоих памятниках каменные стены имели цокольные части. Это, однако, совершенно ни о чем не говорит, поскольку прием выделения в стене цоколя относится к той группе строительных приемов, которые возникали независимо в разных местах, особенно при использовании в одной и той же стене разных материалов. Кроме того, каменные кладки стен в широкобалковских землянках являлись только облицовкой отдельных материковых стен, в то время как в Пересадовке они были самостоятельной несущей конструкцией.

Другим важным памятником эпохи поздней бронзы является поселение у Анатолевки, датированное IX — началом VIII в. до н. э.⁸⁷ Здесь раскопаны однокамерные в некоторых случаях заглубленные до 0,5—0,6 м прямоугольные в плане жилища и блок, состоявший из двух однокамерных с тамбурами и подсобными помещениями⁸⁸ однотипных структур с использованием последовательно-иерархического принципа планировки (рис. 40, 1). Следует подчеркнуть, что подобного рода блокировка однотипных структур для ранних периодов развития домостроительства становится типичной на этапе выделения малой семьи. Это следующий шаг в развитии типов жилья относительно больших одно-, двухкамерных землянок эпохи поздней бронзы.

Объемное решение блока Анатолевки представляется достаточно сложным, поскольку,

82 Чердынченко М. М. Указ. соч., с. 24 и сл.

83 Погребова Н. Н. Пересадовское поселение на Ингуле.— СА, 1960. № 4, с. 90.

84 Там же, с. 78 и сл., рис. 5.

85 Погребова Н. Н. Указ. соч., с. 79, и сл.

86 Погребова Н. Н. Указ. соч., с. 89, 90.

87 Погребова Н. Н. и Елагина Н. Г. Работы в Тилигуло-Бережанском районе в 1959 г.— КСИА АН СССР. 1962. № 89, с. 14.

88 Подобное помещение зафиксировано у помещения № 2; в помещении № 1 имеется

выступ от наружной стены тамбура, который при раскопках истолкован как контрфорс (Погребова Н. Н. Работы в Тилигуло-Бережанском районе в 1958 г.— КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 111, рис. 43). Однако, поскольку в этом случае стала бы совершенно неоправданной сложная конфигурация помещения, а размещение контрфорса в данном месте конструктивно нецелесообразно, представляется более реальным предположить, что здесь могла находиться хозяйственная пристройка, аналогичная таковой у помещения № 2. В пользу этого также свидетельствует продолжение кладки № 1 к юго-западу от створа со стеной № 6 и отсутствие четкого угла между стенами № 2, 3.

учитывая климатическую зону, здесь вряд ли можно ожидать устройство плоской кровли. Так, характер блокировки секций исключает устройство скатов кровли с уклоном к общей стене № 5. В случае же устройства общей (для обеих секций) кровли сочетание апсидальной конфигурации хозяйственного помещения с прямоугольной формой основной комнаты вызвало бы значительное усложнение конструкции крыши. Учитывая это, а также небольшой пролет хозяйственного помещения, последнее, скорее всего, имело самостоятельную отдельную крышу, возможно, общую с тамбуром. В целом это достаточно сложный по планировке и особенно по объемам дифференцированный в функциональном отношении строительный комплекс.

Кладки домов Анатольевки толщиной 0,9—1 м выложены по трехслойной постелистой иррегулярной системе; средний слой — мелкий бут с землей; наружные слои состояли из полигональных рваных плит известняка длиной до 0,8—0,9 м. Щели между крупными плитами заложены мелкими камнями; в углах здания клались особенно крупные блоки; перевязка между слоями отсутствовала. В одном из помещений внутренние фасады стен заложены глубже внешних и выполнены аккуратнее; в другом помещении пол находился ниже подошвы стен на 0,1—0,15 м. Судя по значительной толщине стен и по тому, что в одном из помещений кладка сохранилась до 0,95 м в высоту, можно предположить, что стены могли быть каменными на всю высоту. Дверные проемы ограничивались в некоторых случаях орфостатными плитами; обнаружен каменный подпятник; полы глинобитные и земляные; вход в помещение I имел каменную вымостку⁸⁹.

Как видно из сказанного, все это существенно отличает приемы домостроительства и планировку жилищ Анатольевки от Пересадовки.

Жилища — поселения у Змиевки, датируемого IX—VIII вв. до н. э., по мнению исследователя,

89 Погребова Н. Н. и Кондрацкий Л. В. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области.— КСИИМК. 1960. вып. 78, с. 79; Погребова Н. Н. Работы в Тилигуло-Березанском районе в

1958 году.— КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 110, 111; Погребова Н. Н. и Елагина Н. Г. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 году.— КСИА АН СССР, 1962, вып. 89, с. 8.

90 Бураков А. В. Раскопки в с. Змиевка Херсонской

относились к двум периодам⁹⁰. К раннему — прямоугольные, слегка заглубленные помещения; к позднему, помимо первых, — наземные круглые, полукруглые и трапециевидные в плане помещения. Эволюционные связи между типами ранних и поздних построек не прослеживаются. По-видимому, это два самостоятельных направления, обусловленных использованием различных конструкций. Так, для раннего периода характерны однотипные прямоугольные двух- и трехкамерные структуры. Различия между помещениями внутри каждого комплекса позволяют предполагать наличие функциональной дифференциации — основное жилое помещение, хозяйственно-подсобное, возможно, своеобразные сени⁹¹. Особый интерес в этом отношении представляют трехкамерные жилища № 4 и 5 (рис. 40, 2, 3, 4), где характер расположения и форма в плане северных помещений⁹² указывают на их вспомогательный характер (отличается техника кладки их стен). Эти помещения, по-видимому, служили для объединения двух южных помещений. В планировке домов № 4, 5 тенденция аналогична домостроительным традициям Михайловского поселения, основным планировочным принципом наземных многокамерных структур которого являлся параллельно-равнозначный⁹³.

Ко второй группе жилищ Змиевки относятся многокамерные, в некоторых случаях непрямоугольные в плане комплексы с менее четкой разбивкой на местности, чем постройки первой группы. В своей основе они имеют равнозначно-параллельный принцип планировки. Наиболее типичны комплексы помещений № 5—7 (раскоп № 1) и № 1—5 (раскоп № 3)⁹⁴ (рис. 40, 6, 9, 10). Различные формы помещений и характер их связи ука-

области.— КСИА АН СССР, 1955, вып. 4, с. 109, 110.

91 Бураков А. В. Поселения эпохи бронзы біля с. Зміївка.— АП УРСР, 1961, № 10, рис. 5. Многокамерные наземные жилища с каменными стенами эпохи поздней бронзы выявлены в последние годы у с. Каменка Очаковского р-на Шапошникова О. Г. в др. Работы Ингульской экспедиции.— АО 1976 г. М., 1977, с. 389).

92 Учитывая наличие внутренних стен, вряд ли можно согласиться с автором, который трактует этот комплекс как одно помещение. (Бураков А. В. Указ соч., с. 30).

93 Лагодоявка О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. К., 1962, с. 47—79.

94 Бураков А. В. Поселения эпохи бронзы біля с. Зміївка.— АН

зывают на значительную функциональную дифференциацию помещений и выделение хозяйственного двора.

Последнее, в частности, относится к комплексу помещений № 5—7. Здесь неправильная конфигурация помещения № 6, в особенности криволинейность его северо-западной стены, большой пролет (около 6,4 м) дают основание предполагать, что оно не имело перекрытия и, следовательно, являлось двором. Выделение внутреннего двора представляет собой качественное изменение в развитии жилища местных племен. О разном функциональном назначении помещений № 5, 7 этого комплекса свидетельствуют отличия в их планировке, в частности, деление помещения № 5 на три ячейки и устройство в нем двух выходов — во внутренний двор и наружу.

В объемном отношении дома были одноэтажными; крыши одно- и двускатными. Стены глинобитные, на каменных цоколях, высотой до 0,8 м (три-четыре ряда камней). Цоколи как однослойные, так и трехслойные, сложены по иррегулярной постелистой системе из необработанного ракушечника. Полы помещений глинобитные и земляные. Крыши тростниковые либо саманные.

Помимо описанных многокамерных каменных наземных сооружений Поднепровья следует отметить существование еще одного важного типа, имевшего широчайшее распространение в эпоху бронзы в Малой Азии, Греции и даже в Подунавье, но не характерного для Северного Причерноморья. Это апсидальная однокамерная постройка мегаронного типа, открытая на поселении у Звонецкой балки⁹⁵, существовавшая в конце эпохи бронзы — начале железного века (рис. 40, 8). Учитывая сопровождающий материал и рядовое положение этой постройки в плане поселения, каких-либо оснований считать ее культовой нет. Несмотря на редкость здесь этого типа жилищ, он прослеживается и в более раннее время, например, в жилище с входным коридором на по-

селении Бабино III (рис. 40, 7), датированном серединой II тысячелетия до н. э.⁹⁶, в некоторых сооружениях Пустынки⁹⁷. Спорадическое появление мегаронного типа в Северном Причерноморье, особенно в конце эпохи бронзы — начале железного века, т. е. в то время, когда мегарон как тип жилья во всех основных районах его распространения себя изжил, позволяет предполагать автохтонный характер зарождения данного типа в рассматриваемом районе.

Таким образом в типологическом отношении в наземном строительстве с применением камня прослеживаются оба основных принципа планировки.

Развитие последовательно-иерархического принципа планировки идет от однокамерных прямоугольных в плане построек мегаронного типа к блокирующимся многокамерным однотипным структурам, где прослеживается стремление к упорядочению и регулярности планировки в рамках целого блока.

Более широкое развитие получил равнозначно-параллельный принцип. Происходит формирование многокамерных, в основном прямоугольных упорядоченных наземных жилищ без дворов с функциональной дифференциацией помещений. Наивысшего уровня развития планировка этих жилищ достигает, когда в их составе появляются внутренние дворы.

В отношении разбивки на местности для наземных построек поздней бронзы характерны в большинстве прямолинейные контуры с четким выполнением углов. Это свидетельствует о разработанности конструкций перекрытий. Криволинейные контуры с нечеткими углами встречаются реже, обычно в сочетании с прямолинейными. В каменных кладках используются иррегулярные постелистые с нижним орфостатным рядом⁹⁸ системы из необработанного, хотя иногда и выбранного по размерам материала, уложенного на грязь. Оснований предполагать возможность

УРСР, 1961, № 10, рис. 3, 6. Аналогичный характер, возможно, могли иметь остатки сооружений возле с. Вовниги и Канцирской балки (Добровольский А. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі.— АП УРСР, 1949, т. 2, с. 192, 193).

95 Добровольский А. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі.— АП УРСР, 1949, т. 2, рис. 3, 4, с. 193—200.

96 Добровольский А. В. Поселение бронзового века Бабино III.— КСИА АН УССР, 1957, № 7, с. 43—45, рис. 1.

97 Березанская С. С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. К., 1974, рис. 9, 11; табл. 1, 4, 6, 7.

98 Происхождение приема орфостатной установки камня в нижнем ряду кладки, прослеживаемого еще в

памятниках Михайловки (Лаговская О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Вказ. праця) по-видимому, идет от приема ограждения земляных стен полужемлянок либо от ограждения нижней части глинобитной наземной стены.

появления элементов техники строительства из кирпича-сырца нет.

Если для наземного строительства характерны в основном многокамерные дома с помещениями небольших размеров при их функциональной дифференциации или блокировке однотипных структур, то для земляночного — одно-, двухкамерные полуземлянки большой площади, без четкой функциональной дифференциации. Однако здесь выделяется линия формирования многокамерных криволинейных аморфно-овальной формы неупорядоченных жилищ (Скеля Диденко против с. Вовниги; о-в Хортица; о-в Дубовый⁹⁹). В большинстве случаев установить местоположение входов в помещения этих построек невозможно, однако общий характер блокировки позволяет предполагать наличие здесь, скорее всего, равнозначно-параллельного принципа планировки.

Таким образом, ко времени появления в Северном Причерноморье античных городов и поселений здесь имелся уже довольно значительный опыт каменного домостроительства, началось формирование многокамерных домов, в том числе с внутренними дворами и функциональной дифференциацией помещений с использованием обоих основных планировочных принципов. В это время в некоторых случаях прослеживается блокировка однотипных секций, однако сложения кварталов не наблюдается.

В эпоху раннего железа в Северном Причерноморье продолжалось земляночное и наземное домостроительство.

Принципиально новым по сравнению с предшествующим временем в земляночном строительстве становится уменьшение размеров землянок и полуземлянок, что связано с процессом выделения малой семьи. Земляночные жилища делались, как правило, однокамерными, приближающейся в плане к прямоугольнику или кругу формы, часто с аморфной конфигурацией обводов. Одним

из наиболее характерных в этом отношении памятников является Трахтемировское городище, существовавшее в VI в. до н. э. Земляночные жилища здесь имели размеры 10—50 м² при заглублении 0,3—1,5 м; в сооружениях в какой-то мере использовался камень¹⁰⁰.

В наземном домостроительстве наряду с однокамерными жилищами велось строительство и многокамерных. Особый интерес представляют постройки Каменского городища. Важность этого памятника обуславливается, с одной стороны, его общим типологическим сходством с лесостепными городищами — Немировским, Бельским и Пастырским, а с другой — тем, что Каменское городище является наиболее поздним среди памятников этой группы и вместе с тем древнейшим из нижнеднепровских скифских городищ. Возникнув в середине или конце V в. до н. э., Каменское городище доживает (хотя со II в. до н. э. в рамках только своего акрополя — Знаменского городища) — до II—III вв. н. э.¹⁰¹ При этом сооружения Каменского городища существенно отличаются от домостроительства лесостепной зоны¹⁰², поскольку в них нашел отражение переходный этап от жилищ кочевников к постоянным долговременным сооружениям.

На Каменском городище открыты землянки, наземные — столбовые и плетневые дома, а также остатки каменного домостроительства на акрополе. Среди них наибольший интерес представляют наземные жилища первого этапа жизни городища — IV—III вв. до н. э. на раскопах II (1939 г.), V (1949 г.), IX (1949, 1950 гг.).

Жилище раскопа II состояло из трех помещений (рис. 41, 4), одно из которых имело прямоугольную форму, а юго-восточное восстанавливается предположительно¹⁰³. В комплекс, аналогично домам № 1, 3 раскопа IV¹⁰⁴, могли входить еще какие-то помещения (от них сохранились незначительные остатки, не позволяющие восстановить их планировку). Юго-восточное поме-

99 Шарфутдинов И. Н. Племена Степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы. К., 1982.
100 АИУ, 1967, вып. 1, с. 103—106; АИУ, 1968, вып. 2, с. 108—111; Ковпаненко Г. Т. Новые раскопки Трахтемировского городища. — АИУ, 1971, вып.

3, с. 138—140. Здесь также была обнаружена большая двухкамерная (возможно, и многокамерная) землянка с глиноплетневой облицовкой бортов котлована.
101 Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 53 и сл.

102 Моруженко А. А. Жилища лесостепной Скифии VII—III вв. до н. э. — В кн.: Материалы науч. конф. кафедр ист. наук. Харьков — Донецк, 1968, с. 232—241.
103 Граков Б. Н. Указ. соч., рис. 17, с. 187.

104 Там же, с. 63.
105 Граков Б. Н. Указ. соч., с. 61, 186.
106 Там же, с. 211, рис. 21.
107 Там же, с. 216 и сл., рис. 23.

щение центрального ядра, по-видимому, не имело перекрытия и являлось двором. В пользу этого говорит его трапецевидная в плане форма с учетом возможности существования двускатной крыши над западными помещениями, пролет которых

(имевшие в двух случаях очаги), функционально не связанные с основным ядром. Характер перекрытий неясен. Судя по криволинейной конфигурации, можно предположить перекрытие конической формы.

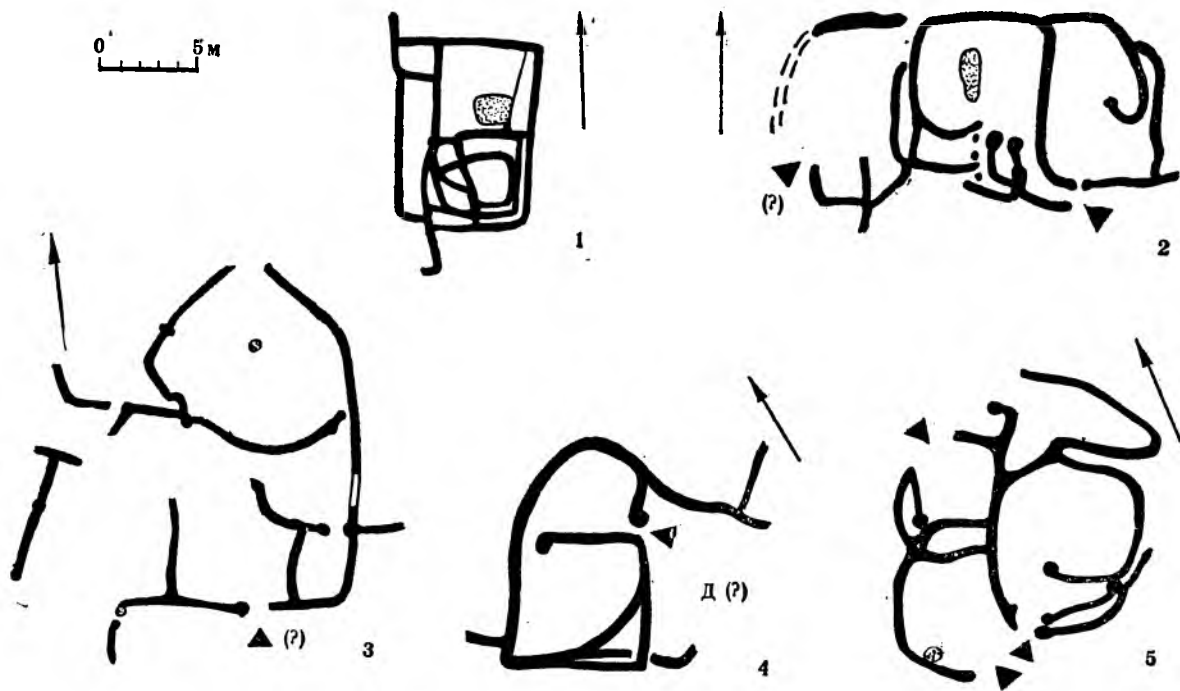

Рис. 41.
Жилища IV—III вв. до
н. э. Каменского городища:
1 — жилище № 2 раскопа IX;
2 — жилище № 4 раскопа IX;
3 — жилище № 3 раскопа IX;

4 — жилище раскопа II; 5 —
жилище № 2 раскопа V.
Дано по: Граков Б. Н.
Каменское городище на
Днепре.— МИА, 1954, № 36,
рис. 23, 17, 21.

достигал 6,5 м¹⁰⁵. Очаг располагался в северном помещении. Выход ориентирован на юго-восток.

Основой жилищ раскопа V¹⁰⁶ являлись центральные помещения приближающейся к овалу формы, с узкими сенями, ориентированными на юг и северо-запад. К этим помещениям с одной (жилище № 1) или двух (жилище № 2) (рис. 41, 5) сторон примыкали однокамерные криволинейные в плане пристройки меньших размеров

На раскопе IX лучше всего сохранились остатки четырех комплексов — дома № 1—4¹⁰⁷. Жилища № 1, 3 (рис. 41, 3) имели сложную, в основном криволинейную, довольно аморфную конфигурацию. Северные помещения (с очагами) по форме аналогичны домам V раскопа, однако не имели, судя по всему, самостоятельных выходов наружу, соединяясь с помещениями, расположенными к югу от них. Функциональное назначение южных помещений неясно. К юго-западным стенам домов примыкали различного рода пристройки. Данные о том, соединялись ли пристройки функционально с домами, отсутствуют. Оба комплекса, по предположению автора, могли быть перекрыты двускатной кровлей, главный прогон которой опирался на столбы¹⁰⁸. Этому, однако, противоречит

изломанная конфигурация части наружных стен.

По-видимому, аналогичной домам V раскопа, но более упорядоченной являлась структура дома № 4, состоявшего из центрального помещения с узкими сенями, кладовкой и пристроек с двух сторон, не имевших с центральным помещением функциональной связи (рис. 41, 2). Основное отличие этого дома от домов раскопа V заключается в более четкой прямоугольной форме плана и относительной регулярности разбивки на местности.

Наиболее упорядоченную разбивку на местности из всех домов городища имел дом № 2. Он состоял из северного помещения с очагом, двух узких западных помещений и расположенного к югу от северного помещения зольника (рис. 41, 1). Характер функциональной связи помещений не установлен. По мнению Б. Н. Гракова, дом № 2 мог служить «храмиком богини домашнего огня»¹⁰⁹.

Анализ домов Каменского городища позволяет констатировать следующее: блокировка домов в кварталы здесь отсутствует. Основным постоянным объемно-планировочным элементом являлось обычно наиболее крупное помещение в подавляющем большинстве случаев неправильной криволинейной конфигурации (исключение — дома № 2 и 4 раскопа IX).

Среди многокамерных домов выделяется два основных типа. Для одного из них характерно наличие функциональной связи центрального помещения с окружающими его помещениями и, таким образом, использование последовательно-иерархического принципа планировки (дома раскопа II, № 1, 2, 3 раскопа IX). В этих домах возможно наличие дворов (например, дом раскопа II). Во втором типе домов непосредственная связь между помещениями отсутствует. Здесь используется равнозначно-параллельный принцип планировки (дома раскопа V, № 4 раскопа

108
Граков Б. Н. Указ. соч.,
с. 221, 223.
109
Там же, с. 61, 222.
*

По планировочным особенностям этот дом, даже если и имел культовое назначение, идентичен обычным домам.

110
Особенности процесса перехода к долговременным типам жилищ, его закономерности см.:
Нечаева Л. Г. О жилище кочевников Юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.). — В кн.: Древнее

IX). Для этих домов типично наличие узких сеней.

Криволинейная аморфная конфигурация плана и относительно прямоугольная разбивка (дома № 2*, 4 раскопа IX) встречаются в обоих типах. Последнее представляет собой значительный интерес.

Так, если криволинейно-аморфные в плане дома можно связывать в конструктивном отношении с типом стационарной юрты, то приближающиеся к прямоугольнику находятся ближе к постройкам с одно- или двускатными кровлями. Исходя из большей упорядоченности планировки домов № 2 и 4 по сравнению с домами № 1 и 3, можно предположить более позднее появление первых. Таким образом, хотя археологически эти этапы не выделяются, не исключено, что на Каменском городище в домостроительстве произошла определенная эволюция — от юрты к более или менее обычному жилому дому, вполне закономерная для этапа перехода к оседлости¹¹⁰.

Этим исчерпываются основные степные памятники эпохи раннего железного века, где открыты и исследованы в достаточной степени наземные жилые дома, которые можно вполне надежно отнести исключительно к варварской традиции.

Жилые дома греко-варварской домостроительной традиции. Наиболее значительные памятники со смешанным характером домостроительной культуры относятся в основном к эллинистическому времени и первым векам нашей эры. Они выявлены поблизости от всех трех основных районов распространения античной культуры в Северном Причерноморье.

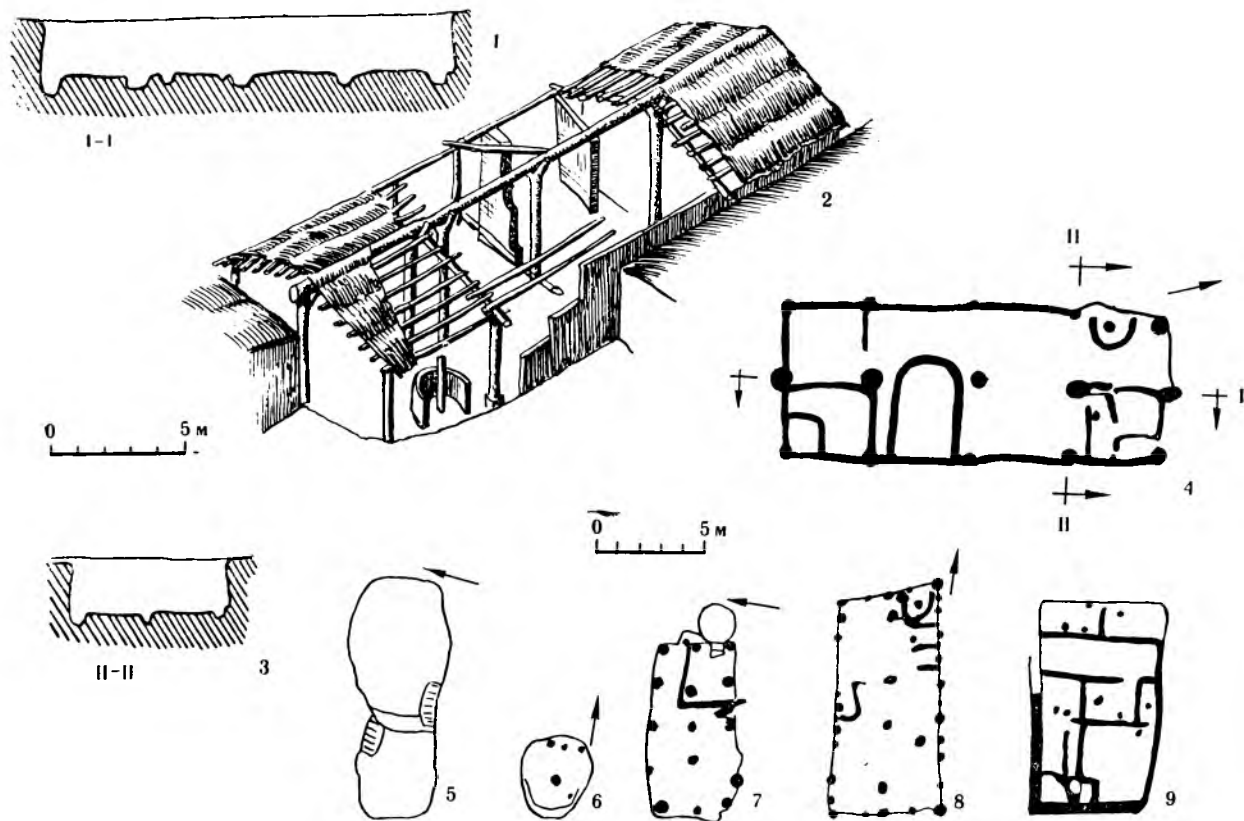
жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 7—49.

111
Брашинский И. Б.,
Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону. — СА, 1978, № 2, с. 213.

112
Брашинский И. Б.,
Марченко К. К. Указ. соч., с. 217 и сл., рис. 1. Разделение построек дано по предложенной нами выше классификации.

113
Там же, рис. 1, с. 215 и сл.
Судя по описанию и приведенным

планам, южная часть землянки IV в функциональном отношении, скорее всего, не связана с северной частью. Что касается землянки III, то здесь расположение лестниц, ведущих из одной и второй камер на перегорodka, вырезанную в материке, и разделяющих камеры, учитывая незначительную толщину перегорodka, дает основание предполагать одновременность бытования камер. В противном случае было бы логичнее устройство в перегорodka проема и одной общей лестницы

Среди ранних поселений Боспора значительный интерес представляют жилища Елизаветовского городища. Здесь, пожалуй, как нигде для этого времени, IV — первой трети III в. до н. э., ярко проявилось смешение античной и местной — варварской традиций. Определенную преобладающую домостроительных традиций от эпохи поздней бронзы авторы раскопок видят в заглубленности и наличии каменных обкладок стен жилищ ¹¹¹.

На Елизаветовском городище выявлены две основные категории построек — земляночные (заглубление 1,7—1,9 м) и подвальные (рис. 42) ¹¹².

Землянки площадью 12,5—14,5 м² открыты двух типов: приближающиеся к кругу и приближающиеся к прямоугольнику (рис. 42, 5, 6). Землянки были, по-видимому, однокамерными, причем в двух случаях с остатками вырезанных в

рис. 42. Дома Елизаветовского городища на Дону IV — первой трети III в. до н. э.

1—4 — комплекс IX, (1, 3 — разрезы, 2 — изометрия, 4 — план. Реконструкция

К. К. Марченко); 5 — землянка III; 6 — землянка II; 7—9 — комплексы I, VII, VIII.

Дано по: Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону. — СА, 1978, № 2, с. 205 и сл., рис. 1, 8, 10.

материке лестниц, располагавшихся внутри помещений ¹¹³.

Подвальные постройки — прямоугольные в плане площадью 32—70 м² — имели внутри отдельные камеры, функциональная дифференциация которых не всегда ясна (рис. 42, 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9). Какие-либо закономерности во внутренней планировке не установлены; неясно также расположение входов (последнее может свидетельствовать в пользу существования здесь

второго — наземного этажа), что затрудняет возможности определения основного планировочного принципа и типа (можно только предполагать использование последовательно-иерархического принципа). Дома имели довольно четкую прямоугольную разбивку на местности. Стены

пределах городских стен, так и вне их. Сведения о домах внутри стен недостаточны, хотя и позволяют предполагать наличие там относительно регулярной застройки¹¹⁶.

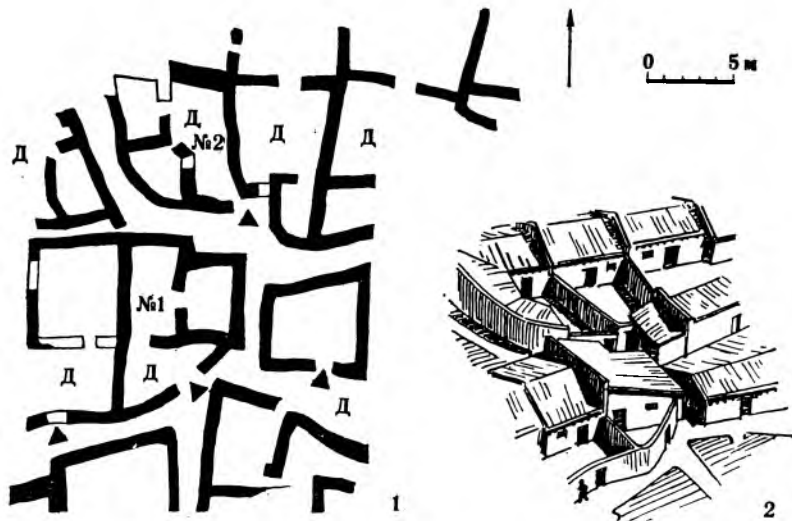
Наибольший интерес представляют дома пригородного района (раскоп VI¹¹⁷) (рис. 43), где

Рис. 43.

Жилые дома II—I вв. до н. э. на участке VI в Танаисе:

1 — план; 2 — эскиз объемной реконструкции (Крыжицкий С. Д.).

Дано по: Болтунова А. И., Каменецкий И. С., Деопик Д. В. Раскопки западного района Танаиса. Античные древности Подонья — Приазовья. — МИА, 1969, № 154, с. 11 и сл., рис. 2.

каменные или каркасно-столбовые турлучные, кровля двускатная с опорами под коньковым прогоном по главной продольной оси помещения¹¹⁴. Характер каменных кладок (однорядные постелистые системы из полигональных плит), четкость разбивки на местности — элементы, характерные для античной традиции. В строительстве подвальных домов можно усматривать проявление сложившейся уже к этому времени античной традиции в городах Боспора.

Один из наиболее интересных городов, в культуре которого нашло яркое отражение сочетание греческих и варварских черт, Танаис, расположенный в устье Дона, основан боспорскими эллинами в первой четверти III в. до н. э.¹¹⁵ Жилые постройки эллинистического Танаиса выявлены как в

раскопаны остатки семи домов, но только двух из них — полностью¹¹⁸. В формировании жилых домов и кварталов пригородного района прослеживается полная стихийность. Это выразилось в криволинейности и изломанности конфигурации кварталов и домов. Дома многокамерные, с внутренними дворами, безордерные; помещения дифференцированы по назначению; преимущественно использован равнозначно-параллельный принцип планировки. Дворы в большинстве случаев располагались в южной части домов. Площадь застройки домов № 1, 2 занимала 38 и 52 м², площадь дворов составляла 24 и 23%. Характерно устройство подвалов¹¹⁹. Дома были каменными на всю высоту, полы глинобитные, крыши из самана или камыша¹²⁰. Кладки в основном двух-

114 Брашинский И. Б., Марченко К. К. Указ. соч., рис. 1, 8, 10.

115 Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 23.

116 Там же, с. 112.

117 Болтунова А. И. Ранний Танаис (III—II вв. до н. э.), с. 83 и сл.; Болтунова А. И., Каменецкий И. С., Деопик Д. В. Раскопки Западного района Танаиса (1957—1960 гг.). — МИА, 1969, № 154, с. 10 и сл.

118 Болтунова А. И. Указ. соч., план на с. 83.

119 Шелов Д. Б. Итоги археологического изучения Танаиса, с. 84 и сл.

120 Там же; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э., с. 124.

слоиные на глине или грязи, выложены по иррегулярным или однорядным, приближающимся к иррегулярным, постелистым системам, в основном из необработанного материала. Толщина стен 0,5—0,65 м¹²¹. Фундаменты обычно ничем не выделялись. Характерно использование

домов, блокировка домов в кварталы, характер и качество отдельных кладок, их сопряжений — все это указывает на знакомство с античной традицией. Однако хаотическая разбивка домов на местности, криволинейность в плане ряда построек никак не могут быть связаны с античной тради-

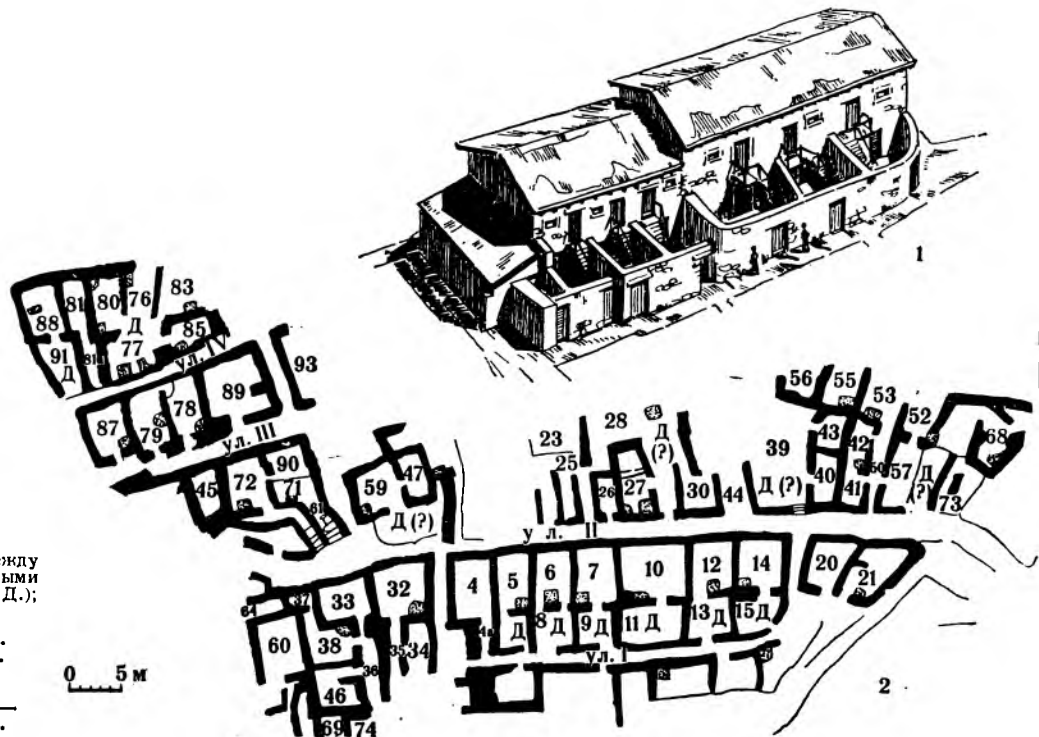

Рис. 44.
Дома II—III вв. н. э.
поселения у дер.
Семеновки:

1 — эскиз объемной
реконструкции квартала между
первой и второй продольными
улицами (Крыжицкий С. Д.);
2 — план.

Дано по: *Кругликова И. Т.*
Раскопки поселения у дер.
Семеновки. Поселения и
могильники Керченского
полуострова начала н. э.—
МИА, 1970, № 115, рис. 1.

глиняных обмазок внутренних поверхностей стен в домах данного типа.

В рассмотренных жилищах домостроительные традиции местного строительства нижнедонских городищ, дома которых представляли собой однокамерные постройки с глинобитными, глиноплетневыми или камышовыми стенами¹²², не прослеживаются. Размещение дворов в южной части

цей и подтверждают мнение о том, что в данном случае имеет место не деградация, а именно варваризация античных строительных традиций¹²³.

Среди поздних опорных боспорских памятников со смешанными домостроительными традициями наиболее полно изучено поселение у дер. Семеновка, в частности, его слои II—III вв. н. э.¹²⁴ Здесь в отличие от хаотичности, стихий-

121
Болтунова А. И. Указ. соч.,
с. 85.

122
Шелов Д. Б. Итоги
археологического изучения
Танаиса, с. 84; *Шелов Д. Б.*
Нижнедонская экспедиция в
1962—1963 гг.— КСИА АН
СССР, 1966, вып. 107, с. 94—

97; *Шелов Д. Б.* Сухо-
Чалтырское городище.— ВДИ,
1953, № 2, с. 189;
Каменецкий И. С.
Нижнегниловское городище
(раскопки 1954 и 1955 гг.).—
Краеведческие записки.
Таганрог, 1957, вып. 1, с. 125
и сл.

123
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний
Дон в III—I вв. до н. э.,
с. 237.

124
Кругликова И. Т. Раскопки
поселения у дер. Семеновка.
Поселения и могильники
Керченского полуострова
начала н. э.— МИА, 1970,
№ 155, с. 78—80, рис. 56.

ности компоновки криволинейных кварталов Та-наиса имеет место определенная унификация структуры кварталов, блокировка по возможности однотипных домов, относительная регулярность их размещения, хотя элементы криволинейности и непрямоугольности разбивки на местности ряда домов имели место (рис. 44).

Основным планировочным принципом подавляющего большинства домов являлся последовательно-иерархический, и только в нескольких случаях можно предполагать использование равнозначно-параллельного принципа (дома № 27, 30, 39, 40, 43, 41, 42, 50, 53, 57).

Дома последовательно-иерархического принципа относятся к безордерным постройкам мегаронного типа, основным наиболее развитым вариантом которого являлись однокамерные (по плану первого этажа) двухэтажные дома с двором в южной части дома. Остальные дома представляли собой те или иные модификации основного типа.

Наибольший интерес по четкости разбивки, ясности и логичности планировки представляют дома Центрального квартала между улицами I и II. Судя по описанию квартала, возможны два основных варианта реконструкции: двухэтажные однокамерные в плане дома с дворами в сочетании с одноэтажными (этот вариант в графическом исполнении предложил автор раскопок¹²⁵) и только двухэтажные дома. В пользу последнего варианта — существования вторых этажей, а не открытых террас, свидетельствуют остатки массивных каменных лестниц в двух домах и характер заполнения — толстый слой золы и угля — в третьем¹²⁶. Косвенно это подтверждается и подсчетом возможного количества жителей одного дома. Так, поскольку северные части помещений с печами первого этажа предназначались для содержания скота¹²⁷ (и, следовательно, не могли использоваться для ночлега), на оставшейся площади этих помещений могло раз-

мещаться в ночное время, за исключением комнаты № 10, не более двух-трех (а чаще всего — одного) человек*. Подобный количественный состав семьи, не обеспечивающий даже простого воспроизводства населения, представляется мало-реальным. Размещение же большего количества жителей при таких планировочных решениях возможно только при устройстве второго этажа. Таким образом, наиболее вероятным, учитывая также однотипность планировочного решения и разбивки всех секций квартала, представляется двухэтажный вариант¹²⁸. Характер блокировки домов свидетельствует о возможности устройства скатных кровель с уклоном только в меридиональных направлениях. Поскольку перекрываемый пролет при этом составлял более 5 м в чистоте, наиболее вероятны двускатные крыши. Значительные перепады глубин заложения помещений в направлении с запада на восток (между домами № 5—3 и 6—8 — 0,6—0,7 м; № 7—9 и 10—11 — 1,35 м)¹²⁹ дают основание предполагать и аналогичное членение в объемном решении. Крыша домов квартала, очевидно, делилась в объемном отношении на два или три разновысоких участка¹³⁰.

Дома аналогичного домам Центрального квартала типа, но меньших размеров и со значительно худшей разбивкой и планировкой, открыты также в северо-западном квартале поселения (дома № 88—91, 81—81^a, 77—80, 76—77)¹³¹. Прямых археологических данных о существовании здесь вторых этажей нет. Северо-западный квартал представляет интерес также с точки зрения дальнейших перестроек, когда помещением № 77 был объединен ряд комнат — № 80, 76, 83, 85¹³². Здесь имело место объединение первоначально, по-видимому, однотипных домов.

Исходным в типологическом отношении вариантом рассмотренных домов являлись дома также однокамерные в плане, но без внутренних дворов. Исходя из соображений, высказанных по поводу двухэтажности домов Центрального

125
Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора М., 1975, с. 151, рис. 73.

126
Дома № 5—3; 10—11; 14—15.
Кругликова И. Т. Раскопки поселения у дер. Семеновка, с. 18—28, рис. 10.

127
Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 30.

*
При минимальных размерах каждого спального места 1,8 × 0,6 м.

128
К предположению о том, что все дома этого квартала могли

быть двухэтажными, ранее склонялся и автор раскопок (*Кругликова И. Т.* Указ. соч., с. 30). Одноэтажность можно предполагать только в отношении дома № 4, где практически отсутствует возможность устройства лестницы на второй этаж.

129
Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 22, 23.

130
130
При одноэтажном варианте дома № 4 логичнее всего объединение дома № 3, 5 в одном объеме с домами № 6—8 и 7—9.

квартала, а также наличия остатков лестниц, например, в домах № 79 и 78¹³³, есть основание предполагать, что часть домов без дворов могла иметь вторые этажи. Существенным моментом является также то, что лестницы на вторые этажи в домах № 79, 78 располагались прямо в переулке-тупике (улица III). Этим внутренняя жизнь домов связывалась довольно тесно с жизнью переулочка, хотя самостоятельность каждого дома, судя по однотипности их планировки, включавшей в каждом конкретном случае все необходимые элементы самостоятельного жилища, сомнений не вызывает.

Решение, аналогичное северо-западному кварталу, наблюдается и в юго-западной части поселения¹³⁴. Предположение о том, что первоначально этот комплекс состоял из нескольких изолированных двухэтажных домов и длинных коридоров¹³⁵ (помещения № 33, 38, 46), представляется вполне обоснованным. При этом коридор № 36 в данном случае следует рассматривать как переулок-тупик, аналогичный улице III. Аналогичный прием прослеживается и в восточной половине этого комплекса (помещения № 32, 34, тупиковый переулок № 35). В связи со сказанным, вряд ли можно рассматривать комплекс помещений № 33, 38, 46 как единый дом в последующие строительные периоды¹³⁶. Против этого свидетельствует функциональная однотипность по крайней мере двух (из трех) помещений — № 33 и 38, что для единой семьи, т. е. отдельного дома, поскольку речь идет не о спальнях, а о хозяйственных помещениях, маловероятно. Каких же либо прямых археологических данных в пользу объединения этих помещений в функциональном отношении в один дом нет. Очевидно, аналогичную структуру имел и блок из помещений № 32, 34.

Все описанные выше дома представляют собой наиболее сохранившиеся жилища поселения, планировка которых поддается восстановлению практически полностью. Этого, однако, нельзя сказать

об остатках домов в других кварталах, в частности, расположенных к северу и северо-востоку от улицы II. Здесь размещались многокамерные дома, имевшие дворы, возможно, иных планировочных типов¹³⁷. Однако отсутствие возможности четко выделить границы дворов и отдельных домов не позволяет реконструировать планировку этих домов с коэффициентом степени достоверности выше 0,5 и, следовательно, выделить достаточно надежно их конкретные особенности. Не исключено, что в одном-двух домах планировочной основой мог служить равнозначно-параллельный принцип. Например, помещения и двор № 39, 40, 43. Здесь этот принцип наблюдается как во взаимном размещении крытых помещений и связи их со двором (причем данных, указывавших на их одинаковое функциональное назначение, нет), так и в планировке самих помещений — поперечно-осевом размещении входов в них в отличие от продольно-осевого в подавляющем большинстве других домов. Т. е. здесь может идти речь только о возможности некоторого подобию их домам Илурата, в пользу чего косвенно свидетельствует аналогичный характер планировки хозяйственных помещений. Этого, однако, для вывода об общности типов домов Илурата и Семеновки¹³⁸ недостаточно.

Таким образом, основным развитым типом жилого дома поселения у дер. Семеновки являлся безордерный двухэтажный в плане однокамерный с двором мегаронный тип планировки (последовательно-иерархический принцип). Нижний этаж — хозяйственное помещение, верхний — жилое. Площадь застройки такого дома * занимала 38—48 м² (общая площадь с учетом второго этажа 61—78 м²) при площади двора 10—13 м², составлявшей 26—27% (с учетом второго этажа — 16—17%).

Отличия остальных вариантов домов (за исключением не поддающихся реконструкции и, следовательно, определению типа многокамерных)

131
Кругликова И. Т. Указ. соч.,
с. 85 и сл., рис. 46.

132
Там же, с. 71.

133
Кругликова И. Т. с. 60 и сл.,
рис. 46.

134
Кругликова И. Т. Указ. соч.,
с. 35 и сл., рис. 27.

135
Там же, с. 39.

136
Там же.

137
Кругликова И. Т. Указ. соч.,
рис. 40, 43, с. 49 и сл.

138
Там же, с. 80.

*
Подсчеты даны по домам
квартала между улицами I и
II, за исключением дома № 4,
4^a, 10, 11, первоначальная

планировка которого искажена
позднейшими перестройками и
вследствие этого восстановлению
не поддается. Судя по тому, что
этот дом занимал примерно в
два раза большую площадь,
чем располагавшиеся к западу
от него, можно предположить,
что первоначально здесь
находилось два обычных дома.

обуславливались конкретными условиями рельефа, характером окружающей застройки и, очевидно, социально-экономическим положением владельца. Поскольку эти дома близки по времени, усматривать в их различиях проявление эволюции типа было бы не совсем правильно. Однако они дают возможность представить себе основные этапы такого процесса: от однокамерного помещения многофункционального назначения к помещению с двором, затем необходимость дальнейшей функциональной дифференциации помещений в условиях блокировки в тесном городском квартале приводит к развитию дома по вертикали. Дом становится двухэтажным. Отсюда следует, что никакого разнообразия именно типов домов Семеновки¹³⁹ не было. Все они имели единую типологическую основу, конкретные формы выражения которой зависели от действия внешних по отношению к типобразующему фактору причин.

В связи с этим следует отметить, что вряд ли можно видеть аналогию домам Семеновки с длинными коридорами, имеющим ярко выраженную жилую функцию, с помещением № 10 у крепостной стены Илурата¹⁴⁰. Во-первых, перед илуратским помещением находилась специальная площадка (а не улица или внутренний двор), во-вторых, его постройка была обусловлена функциями крепости¹⁴¹. Коридоры же в домах Семеновки возникли, скорее всего, просто по недостатку места для устройства дворов. Судя по общей планировке, эти коридоры в большинстве случаев не могли иметь перекрытий, от улиц не отделялись дверными проемами, т. е. по сути являлись тупиковыми переулками, а не частью домов. Достаточно в этом отношении сравнить квартал домов между улицами III—IV, где улица III играла ту же роль, что и, например, коридор № 36.

Стены домов Семеновки выложены по иррегулярной системе их необработанного камня. Кладки обычно двух- и трехслойные, в ряде случаев перевязанные на всю толщину отдельными

камнями. Раствор — глина и грязь. Щели часто заложены мелким щебнем. Дверные проемы облицовок из обработанного камня, как это было, например, в Илурате, не имели. Толщина стен чаще всего 0,6—0,7 м, размеры камней по фасаду доходили до 0,4 × 0,9 м; орфостатные ряды отсутствовали; сохранившаяся высота стен доходила до 1,5 м и более. В общем характер кладок значительно отличается даже от таких «варваризованных» (по сравнению с чисто античными приемами), какие встречаются в Илурате. Характерно также отсутствие штукатурных покрытий и черепицы¹⁴².

Строительство в Семеновке, особенно ее Центрального квартала, было, по-видимому, продумано заранее и велось централизованно, в отличие от стихийной, во многом случайной застройки рассмотренного выше района Танаиса. Выделение относительно четких кварталов с однотипными домами, более или менее прямоугольная регулярная разбивка на местности, двухэтажность — все это результат воздействия античных домостроительных традиций. Вместе с тем криволинейность конфигурации многих стен, в некоторых случаях нечеткость сопряжений — углов, весьма низкое качество техники иррегулярных кладок — не типичны для античных городов и поселений. В целом можно отметить, что приемы конструкций, типичные для разбивки домов античных городов Северного Причерноморья на местности, использованы здесь в незначительной степени.

Основа мегаронного типа домов Семеновки не явилась итогом развития или заимствования античного северопричерноморского дома, поскольку возникновение этих домов относится ко времени, когда все основные типы жилых домов в античных городах Северного Причерноморья уже сформировались, причем среди них мегаронный тип практически отсутствовал. В этой связи следует также заметить, что распространение мегаронного типа на Боспоре¹⁴³ по времени более или менее совпа-

139 Крушликова И. Т. Указ. соч., с. 78 и сл., рис. 56.

140 Там же. Указ. соч., с. 78 и сл.

141 Гайдукевич В. Ф. Илурат. — МИА, 1958, № 85, с. 110 и сл., рис. 112.

142 Характеристика стен дана по: Крушликова И. Т. Указ. соч., с. 16 и сл.

143 Подобный вариант жилища был, в частности, обнаружен и на другом, расположенном неподалеку от Семеновки поселении Золотое III, где

выявлена однокамерная постройка с двором (Крушликова И. Т. Боспор в позднеантичное время, с. 80 и сл., рис. 18). Остатки жилищ на поселениях Азиатского Боспора пока недостаточно исследованы.

144 Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. К., 1979, с. 87—88.

дает и с общим увеличением количества выходцев из местных племен в составе населения античных городов. Подобный специфический тип планировки обуславливался характером структуры семьи, общим укладом жизни, особенностями хозяйства. Все это позволяет в типах домов

Скифском проявился в своем почти классическом виде, типичном для эпохи бронзы малоазийского района. Хотя мегароны Неаполя Скифского не являлись, по-видимому, обычными жилыми домами, а некоторые из них могли быть культовыми постройками (последней точки зрения придержи-

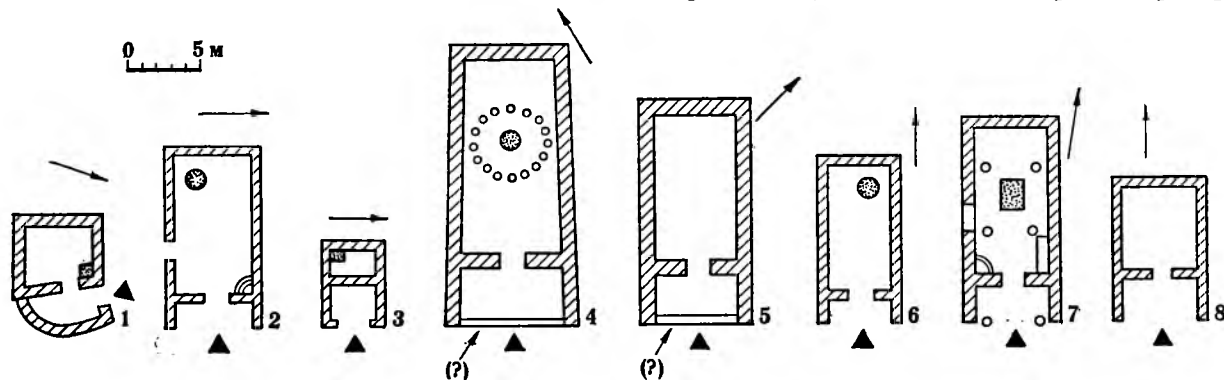

Рис. 45.
Постройки мегаронного типа:

1 — дом на поселении Золотое III; 2 — дом № 22 на поселении Золотая Балка; 3 — дом № 23, 24 на поселении Золотая Балка; 4 — мегарон А в Неаполе Скифском; 5 — мегарон В в Неаполе Скифском; 6 — мегарон 3 в Неаполе Скифском; 7 — мегарон Е в Неаполе Скифском; 8 — мегарон на участке В¹ в Неаполе Скифском.

Семеновки видеть линию развития варварских (в греческом понимании) домостроительных традиций.

Среди памятников с домостроительством смешанной традиции в Западном Крыму следует особо выделить Неаполь Скифский, где выявлены остатки безордерных жилых домов от конца IV — начала III в. до н. э. по II — начало III в. н. э.¹⁴⁴, а главное — ордерные дома мегаронного типа. Необходимо подчеркнуть, что мегарон в Неаполе

Дано по: 1 — *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, рис. 18; 2, 3 — *Вязмитина М. I.* Золота Балка. К., 1962, рис. 38, 8; 4—7 — *Высотская Т. Н.* Общественные здания Неаполя Скифского.— СА, 1975, № 2, с. 51 и сл., рис. 2—5; 8 — *Шульц П. Н.* Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму. Проблемы скифской археологии.— МИА, 1971, № 177, рис. 2-И.

ваются П. Н. Шульц и Т. Н. Высотская)¹⁴⁵, жилищами знати или сооружениями общественного, но не культового назначения, тем не менее важность их для установления основного направления развития жилища местных племен этого района нельзя недооценивать. Наличие мегаронов в скифском городе позволяет ставить вопрос (с учетом домов Семеновки) о генезисе жилища мегаронного типа в ордерном и безордерном вариантах в Северном Причерноморье вне связи его с античной традицией строительства жилых домов.

Среди мегаронов Неаполя Скифского (рис. 45, 4, 5, 6, 7, 8) в двух случаях можно предполагать мегароны с установкой по главному фасаду столбов или колонн в антах¹⁴⁶. По реконструкции Т. Н. Высотской два из них имели двускатные кровли (черепичные), два — плоские (саманные), крыши всех мегаронов были с гипефральными отверстиями и имели колонны в антах, причем в двух случаях колонны расположены по главной продольной оси¹⁴⁷. Однако реконструкция объемов не обоснована и в таком виде вряд ли может быть принята. Вызывают возражения, в частности, установка колонн по главной продольной оси, устройство плоских кровель, наличие в части зданий гипефральных отверстий и их конструкция, пропорции и высоты объемов, характер антаблемента. Так, например, постановка столба в здании

145 Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днестре и в Крыму (Постановка проблемы) Проблемы скифской археологии — МИА, 1971, № 177, с. 135; Высотская Т. Н.

Общественные здания Неаполя Скифского.— СА, 1975, № 2, с. 48 и сл.

146 Шульц П. Н. Указ. соч., с. 136, рис. 2.

147 Высотская Т. Н. Указ. соч., с. 56, рис. 5.

З¹⁴⁸ практически перекрывает вход в наос. Обнаруженное в этом месте углубление при диаметре 0,15 м и глубине 0,60 м, да еще сверху обложенное камнями¹⁴⁹, если и могло служить для установки столба, то, во всяком случае, не связанного с мегароном. Столб в здании В автором установлен произвольно, хотя, учитывая относительно большой пролет, здесь вполне могло размещаться два столба, как, например, в мегароне Е (напомним, что для III—II вв. до н. э. расположение колонн по главной продольной оси антовых построек совершенно нетипично). Нет также никаких оснований для устройства плоских кровель над зданиями З и Е¹⁵⁰, поскольку тип плоских перекрытий именно для скифской традиции не характерен. Небольшие размеры очагов в зданиях А и З (кроме того, в здании З размещение очага почти в углу) и вообще отсутствие очага в здании В делают необоснованным устройство гипефральных отверстий. Учитывая сказанное, вряд ли имеет смысл касаться остальных моментов предложенных реконструкций, как-то: решения фронтонов, угла подъема скатов кровель и т. п.

Вызывает сомнение и трактовка этих зданий как культовых. Ни характер находок в них, ни сам факт наличия и в особенности расположения очагов в зданиях З и Е, а в здании Е еще и наличие лежанки, ниш, а позднее хозяйственных пристроек с юга (т. е. со стороны входа) и востока¹⁵¹, не дают достаточных оснований для подобных выводов. Не установлено также достоверно культовое назначение зольников, расположенных рядом, не говоря уже о разновременности функционирования их и мегаронов¹⁵².

В отношении планировочного типа, по мнению Т. Н. Высотской, свидетельствующего якобы в пользу культового назначения мегаронов Неаполя Скифского, представляется более плодотворной мысль П. Н. Шульца. П. Н. Шулец допускает появление мегаронов в Неаполе Скифском независимо от типов антовых античных хра-

мов. На основании подобия мегаронов Неаполя Скифского дворцовым мегаронам микенской культуры он предполагает возможность идентичности элементов «общности в уровне социально-экономического развития раннерабовладельческого скифского общества»¹⁵³. Подтверждает эту мысль П. Н. Шульца не только сам факт наличия в Неаполе Скифском мегаронного типа дома с очагом и столбами вокруг очагов в двух случаях, но и существенно удлиненные по сравнению с античными храмами пропорции этих мегаронов¹⁵⁴.

Мегарон как таковой в его классическом виде в Греции ко времени колонизации Северного Причерноморья, а тем более ко времени появления мегаронов в Неаполе Скифском (не ранее IV в. до н. э.), давно отмер. В Северном Причерноморье встречен пока только один рецидив мегаронного типа, причем значительно отличающийся от классического прототипа — апсидальная структура на Березани, которую автор рассматривает к тому же в качестве храма¹⁵⁵. Изменение функции мегарона в античную эпоху*, создание на его основе подавляющего большинства типов греческих храмов привело к изменению пропорций (уменьшение длины). В Неаполе Скифском же обнаружен именно классический тип мегарона с очагом (в двух случаях — центральным), имевший удлиненные пропорции.

Таким образом, мегароны Неаполя Скифского, скорее всего, имели жилое назначение, в двух случаях, возможно, — общественное, но не культовое.

Неаполь — столица... с. 62 и сл.).

153
Шулец П. Н. Указ. соч., с. 135.

154
Аналогии мегаронам Неаполя Скифского, приведенные

Т. Н. Высотской

(Высотская Т. Н. Общественные здания Неаполя Скифского, рис. 9), достаточно наглядно

показывают различия между ними и неапольскими

мегаронами (в связи с чем не могут являться аналогами), тем

более что длина ольвийского храма Аполлона Дельфиния

реконструирована чисто гипотетически, а дом мегаронного типа из поселения

у Золотой балки был жилым. Несомненно в данном случае и

ссылка Т. Н. Высотской на Витрувия в отношении

пропорций, поскольку трудно предположить, что строители

мегаронов Неаполя Скифского следовали античным

эстетическим нормам в большей степени, чем архитекторы самих

северопричерноморских городов.

155
Ланц В. В. Греческая колонизация Северного

Причерноморья. Критический очерк отечественных теорий

колонизации. К., 1966, рис. на с. 119.

* Мегароны крыто-микенской культуры выполняли в одних

случаях жилую, в других — парадную, приемную функцию;

использование их в качестве храмов совершенно нетипично.

Так же, за небольшим исключением (чисто культовая

функция пока достоверно известна только на одном

памятнике — в Бичесултане), обстояло дело с мегаронами

Малой Азии.

148
Высотская Т. Н. Указ. соч., рис. 3; 5, 1.

149
Там же, с. 52.

150
Там же, рис. б; 1, 2.

151
Там же, с. 50 и сл. Вряд ли могут свидетельствовать о

серьезной культовой функции находки в углах помещений многочисленных костей, как полагает Т. Н. Высотская, — жертвенных животных.

152
О разновременности зольников и мегаронов прямо

свидетельствуют данные П. Н. Шульца (Высотская Т. Н.

Четкость разбивки на местности, прямолинейная и относительно прямоугольная планировка, использование сырцово-каменных конструкций **, а в интерьере мегарона А — и росписи, выполненной «... в канонах боспорских декорровок конца I в. — первой половины II в. н. э.»¹⁵⁶, наконец, применение употребляющегося в Херсонесе египетского фута¹⁵⁷ свидетельствуют об использовании строительных традиций античных северопрichernоморских городов.

Помимо мегаронов в Неаполе Скифском открыты также однокамерные полуземлянки, бытовавшие на всем протяжении жизни города, наземные однокамерные сооружения типа юрты II в. до н. э. и многокамерные, иногда полуподвальные дома¹⁵⁸. Открыты, в частности, три здания, от каждого из которых сохранились остатки трех, расположенных в один ряд помещений. В одном из домов III — начала II в. до н. э. вполне достоверно установлен параллельно-равнозначный принцип планировки при северной ориентации двух жилых и одного парадного помещения; возможно наличие двора; площадь дома не менее 150 м²¹⁵⁹. Слишком большая фрагментарность сохранившихся остатков не дает возможности реконструировать планировку домов с коэффициентом степени вероятности более 0,2—0,3. Можно только утверждать, что для одного из многокамерных типов домов характерно наличие трехчастного блока, ориентация которого, однако, может быть различной. Типично ли наличие дворов — неизвестно. Остатки и других — одно- и двухкамерных структур, особенно подвальных, могли входить в многокамерные комплексы. Из сказанного следует, что предлагаемая Т. Н. Высотской классификация этих построек¹⁶⁰ не имеет надежного основания и, следовательно, не может быть принята.

Среди сельских поселений Западного Крыма с греко-варварскими домостроительными традициями в наибольшей степени исследованы ос-

** Типичным приемом являлось соединение кладок впритык (а не впереплет) с использованием иногда в углах Г-образных камней (Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов, с. 88). Кладки в основном иррегулярные.

156 Яценко И. В. Роспись здания в Неаполе Скифском. — ВДИ, 1960. № 4, с. 100.
157 Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов, с. 90, 91;
Николаенко Е. М. Особенности экономического развития

Херсонеса в начальный период по метрологическим данным. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 148.

татки жилых домов второй половины II в. до н. э. — I в. н. э. скифского поселения у санатория «Чайка»¹⁶¹. . . .
В поселении у санатория «Чайка» прежде всего необходимо отметить регулярность и четкость в разбивке кварталов в целом, каждого квартала (судя по Восточному) на отдельные блоки и в свою очередь каждого блока на почти одинаковые по площади и, по-видимому, по планировочному типу дома. Площадь застройки такого дома в Восточном квартале составляла 80—100 м²***. В некоторых случаях предполагается наличие вторых этажей¹⁶² при размещении в первом не менее трех помещений, в том числе жилых. Учитывая характер размещения лестницы в одном из домов, ведущей на второй этаж¹⁶³, а также то, что во всех четырех раскрытых домах в их юго-западных или южных частях прослеживаются каменные вымостки, можно предположить наличие дворов¹⁶⁴. В этом случае перед нами безордерные жилые дома с использованием равнозначного параллельного принципа планировки. Эти дома типичной схемы малой площади с Т-, а в некоторых случаях с П-образным расположением крытых помещений вокруг двора, занимавшего 17—23% площади застройки. Подобный тип хорошо известен в Ольвии и Херсонесе. Наряду с этим важно подчеркнуть, что принятая схема использовалась без соблюдения благоприятной ориентации по странам света. Так, если помещения домов Восточного квартала имели южную и западную ориентацию, то в южных кварталах дворы располагались в северо-западных частях домов, вплот-

Херсонеса в начальный период по метрологическим данным. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 148.

158 Высотская Т. Н. Указ. соч., с. 74 и сл., рис. 23, 28.

159 Там же, с. 74, 75, рис. 23, 1.

160 Высотская Т. Н. Указ. соч., с. 87, 88.

161 Яценко И. В. Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.). — КСИА АН СССР, 1970, вып. 124, с. 31—38, рис. 10.

*** Подсчитано по домам Восточного и Южного кварталов.

162 Яценко И. В. Указ. соч., с. 32; Яценко И. В. Раскопки скифского поселения в Евпатории. — АО 1974 г. М., 1975, с. 381.

163 Яценко И. В. Указ. соч., с. 381.

164 Яценко И. В. Раскопки на поселении у санатория «Чайка». — АО 1971 г. М., 1972, с. 345; Яценко И. В. Исследование скифского поселения у санатория «Чайка» в Евпатории. — АО 1972 г. М., 1973, с. 357; Яценко И. В. Раскопки скифского поселения в Евпатории. — АО 1974 г. М., 1975, с. 381.

ную к улице. В домах поселения имелись подвалы и полуподвалы¹⁶⁵. Элементов последовательно-иерархического принципа планировки не прослеживается.

Все это говорит о том, что объемно-планировочные решения этих домов имели в целом античный характер. Отклонение заключается в несоблюдении одинаковой ориентации крытых помещений в домах разных кварталов. В связи с этим представляет существенный интерес введение в застройку квартала Юг I трех помещений с выходами на Западную улицу, функционально изолированных от расположенных рядом жилых домов¹⁶⁶. Подобные помещения обычно являлись лавками. Этот прием типичен для античного домостроительства и имеет примеры как в Средиземноморье (например, в Приене), так и в Ольвии (дом А-3). По объемно-планировочному типу, четкой прямоугольности и прямолинейности разбивки, по размерам и соотношению площади дворов и площади застройки рассмотренные дома значительно отличались от домов Семеновки, эллинистического Танаиса и Елизаветовки.

Отличаются от перечисленных поселений и приемы кладок Чайкинского городища. Кладки стен его домов выложены по двух- и трехслойным иррегулярным системам из рваного камня. Но в отличие от домов Семеновки — более аккуратно: в ряде случаев иррегулярная система приближалась к однородной постелистой, в некоторых случаях фундаментная часть выделялась путем использования более крупных камней, орфостатной установкой их или большей шириной фундамента. Таким образом, приемы строительной техники этого поселения в целом приближаются к античной традиции конца эллинизма, когда наблюдается резкая деградация качества приемов каменных кладок.

Наиболее представительная группа памятников с греко-варварскими домостроительными традициями находится в Нижнем Поднепровье. Это

прежде всего Знаменское (акрополь Каменского), Гавриловское, Козацкое городища и поселение у Золотой Балки.

Объемно-планировочные типы наземных каменных домов II—I вв. до н. э. Знаменского городища не установлены. Интерес здесь представляют в основном приемы строительной техники и конструкции. Для Знаменского городища характерны очень четкая прямоугольная разбивка сооружений на местности (дом на участке 1^а), применение в ряде случаев черепицы, устройство дверей на подпятниках, наличие каменотесных работ¹⁶⁷, правда, в ограниченных масштабах.

Все эти приемы типичны для домостроительства античных городов и в комплексе свидетельствуют о сильном античном влиянии.

Наряду с этим здесь использовались приемы и не типичные для античной традиции. Это, в частности, устройство фундаментного ряда из полигональных камней, установленных орфостатно на торцовые стороны, т. е. некоторое подобие кладки «в елку»¹⁶⁸. Подобный прием в практике античного строительства в северопричерноморских городах, особенно в I тысячелетии до н. э., почти не известен. Для этого времени можно назвать всего один-два подобных примера — фундаментная часть одной из оборонительных стен Фанагории и перегородка в позднеэллинистическом подвале дома Е-5 в Ольвии¹⁶⁹. И там, и там этот прием носит случайный характер. Высокий уровень развития конструкций и техники кладок в античных городах Северного Причерноморья позволяет отнести появление в Северном Причерноморье кладки «в елку» к варварской строительной традиции*.

Таким образом, все это свидетельствует о смешанном греко-варварском характере домостроительной традиции.

На Гавриловском городище выявлены прямоугольные глино-плетневые, каменные или глинобитные на каменных основаниях, в плане прибли-

165
АО 1968 г. М., 1989, с. 292; Яценко И. В. Исследование скифского поселения у санатория «Чайка» в Евпатории.— АО 1972 г. М., 1973, с. 357. Автор раскопок предполагает их использование в качестве кладовок.

166
Яценко И. В. Новые сведения о планировке скифского поселения у санатория «Чайка» в Евпатории.— АО 1973 г. М., 1974, с. 388.
167
Погребова Н. Н. Позднеэллинистическое городище на Нижнем Днепре. Городища Знаменское и

Гавриловское. Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье.— МИА, 1958, № 64, с. 112, 119, 121, 122, 160, 161, рис. 4, 2, 11, 168
Там же, с. 111, рис. 3, 2, с. 122, 169
Кобылина М. М. Фанагория.— МИА, 1956, № 57, с. 25, 26;

Славин Л. М. Кварталы в районе Ольвийской агоры (раскопки 1961—1970 гг.).— Ольвия. К., 1975, с. 30.

* О спорадическом появлении этого приема, особенно на ранних стадиях строительства, говорилось выше.

жающиеся к прямоугольнику наземные дома и полуземлянки. Последние три вида датируются второй половиной I в. до н. э. — I в. н. э., глиноплетневые — началом I в. до н. э.¹⁷⁰

Наибольший интерес представляют каменные, прямоугольные дома, открытые во внешнем городе¹⁷¹. Среди них можно выделить два основных типа: однокамерные изолированные четкие прямоугольные структуры и однокамерные блокирующиеся структуры с общими (иногда, возможно, и отдельными) дворами (рис. 46). Характерными особенностями являются четкость и простота планов, прямоугольность разбивки и расположение входа в продольной стене обычно на одной трети ее длины. Последнее свидетельствует об использовании равнозначно-параллельного принципа планировки. Особо следует подчеркнуть здесь поперечно-осевое расположение помещений с объединением их в комплексы путем блокировки и устройства больших дворов. Этот прием наряду с использованием мегаронного типа планировки получил широкое распространение в Золотой балке. Двор занимал до $\frac{2}{3}$ площади застройки такого комплекса, состоявшего из двух сблокированных, функционально не связанных структур (дома № 3, 4). Стены обычно трехслойные, из бута, выложены по иррегулярной постелистой системе; наружные слои из более крупных камней; толщина 0,5—0,65 м¹⁷². В отношении строительной техники заслуживает внимания прием использования в фундаментах рядов иногда орфостатных плит и применение в углах стен (дома № 1, 2, 4), реже в косяках дверных проемов (дом № 2) более крупных камней, чем в остальной кладке¹⁷³.

Более высокую степень развития типа домов Гавриловского городища представляют собой остатки комплекса № 1 на Козацком городище (рис. 47). Здесь блокирующиеся однотипные по-

мещения также имели поперечно-осевое расположение и, судя по остаткам стен между комнатами № 2 и 3, № 3 и 4, перед ними могли находиться отдельные помещения или дворы¹⁷⁴. Следует, однако, отметить, что в данном случае можно исходить только из общих элементов подобия, по-

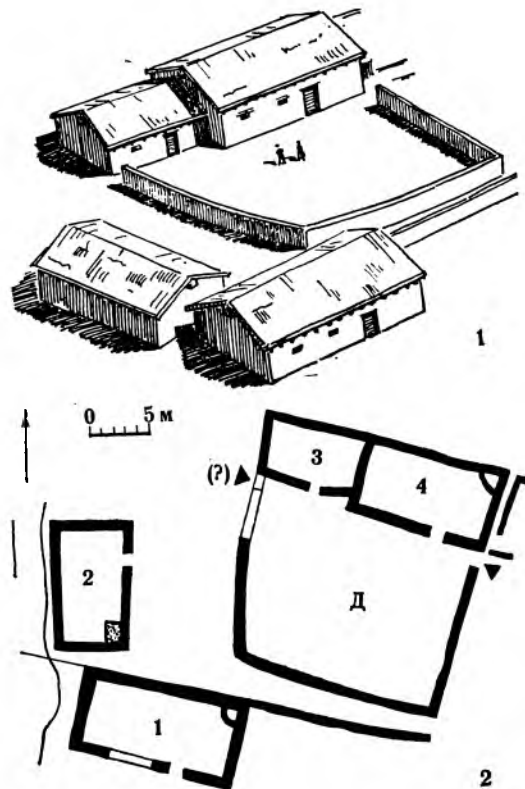

Рис. 46. Строительный комплекс домов № 1, 2, 3, 4 у второй оборонительной стены Гавриловского городища: 1 — эскиз реконструкция

(Крыжицкий С. Д.); 2 — сводный план.

Дано по: Погребова Н. Н. Позднекифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское). — МИА, 1958, № 64, с. 191 и сл., рис. 38.

170 Погребова Н. Н. Указ. соч., с. 197.

171 Там же, с. 191 и сл., рис. 38. Автор раскопок высказывает предположение о возможности нежилого назначения рассмотренных домов (Погребова Н. Н. Указ. соч., с. 195). Однако, судя по раскопкам на акрополе (Погребова Н. Н. Указ. соч.,

с. 182, 183, рис. 33, л), жилые дома Гавриловского городища имели аналогичный характер.

172 Погребова Н. Н. Указ. соч., с. 182, 192 и сл.

173 Там же, с. 193.

174 Гошкевич В. Древние городища по берегам низового Днепра. — ИАК, 1913, № 47, с. 120—122, табл. 5.

скольку описание возможного назначения помещений второго ряда и характера функциональной связи между помещениями отсутствует. В целом комплекс Козацкого городища имел четкую прямоугольную разбивку на местности, что с учетом высокого качества приемов строительной техники (особенно в оборонительных сооружениях)

свидетельствует о несомненном и сильном античном влиянии.

Строительство жилых комплексов на поселении у Золотой Балки относится к двум периодам — раннему (II—I вв. до н. э.) и позднему (рубеж н. э.— I—II вв. н. э.)¹⁷⁵. Дома раннего пе-

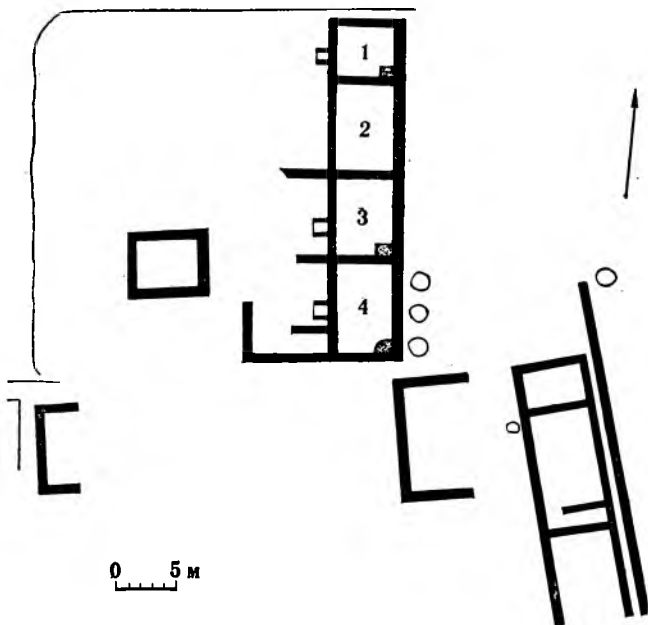

Рис. 47.
План строительного комплекса № 1 на Козацком городище.

Дано по: Гошкевич В. Древние городища по берегам низового Днепра.— ИАК, 1913. № 47. с 120 и сл., т. 5.

риода исследованы крайне недостаточно. Однако, судя по открытым остаткам¹⁷⁶, можно все же предположить, что они имели эволюционную связь с домами второго периода. Характер планировки ранних домов напоминает дома Козацкого городища, исходным типом для которых, по-видимому, можно рассматривать планировочные схемы Гавриловского городища. Т. е. в типологи-

¹⁷⁵ Вязьмитина М. I. Золота Балка. К., 1962, с. 25.
¹⁷⁶ Там же, с. 95—104.
¹⁷⁷ Вязьмитина М. I. Золота Балка, с. 97—99, рис. 52, 54.
¹⁷⁸ Там же, с. 106.

* Судя по планировке, такой может быть примерная площадь строительных комплексов 1^а, 1^б, III, V, VI.
¹⁷⁹ Вязьмитина М. I. Золота Балка, с. 31 и сл., рис. 8.

ческом отношении дома раннего периода Золотобалковского поселения вряд ли можно связывать с традициями каменного домостроительства античных городов. Явно автохтонный характер имеют и приемы кладок стен. Так, глинобитные стены одного из помещений в основании были обложены необработанными плитами, с одной стороны стены — врытыми орфостатно, а с другой — уложенными постелью. В другом помещении стены были каменными на всю высоту и имели цоколь из врытых орфостатно плит¹⁷⁷. Камни фундаментного ряда обычно крупнее.

Домостроительство второго периода исследовано более полно. Поселение имело регулярную, относительно прямоугольную планировку¹⁷⁸. Кварталы поселения площадью 800—900 м²* были ограждены по периметру каменными стенами, которые в ряде случаев одновременно служили и стенами помещений (строительные комплексы I, II, IV, V). Крытые помещения располагались в основном, по-видимому, у южной и северной стен кварталов (исключение — строительный комплекс III). В связи с этим необходимо сказать, что комплекс I (рис. 48) вряд ли мог являться единым кварталом¹⁷⁹. Здесь выделяется два квартала — северный 1^б и южный — 1^а. В пользу этого свидетельствует следующее: западная и восточная стены северного квартала не находятся в створе с соответствующими стенами южного. Южные стены помещений № 32, 33, 34, 36 расположены в створе, четко разделяя комплекс на две части с одинаковым расположением построек у южных стен северного и южного кварталов. При этом северная стена южного квартала, местоположение которой фиксируется полукруглой загородкой в углу помещения № 40, оказывается на расстоянии 1,8—2 м от южной стены северного квартала, т. е. между помещениями № 32—36 и 38—40 имелся проход — улица, по ширине типичная для Золотой Балки. Все это свидетельствует в пользу того, что на месте комплекса находилось два самостоятельных квартала.

Центром каждого квартала являлся двор, куда самостоятельно выходили крытые помещения. Они могли строиться сразу с наружными стенами квартала (например, комплексы 1^б, V, VI) или в отдельности (комплекс 1^а), на что в последнем

случае указывает разная глубина помещений и соединение кладок впритык. Расположенные параллельно помещения в подавляющем большинстве не имели между собой прямой функциональной связи. Дифференциация по назначению элементарная — выделяются только жилые или хозяйственные

рованные в строительном отношении, так и изолированные дома. В этой связи необходимо заметить, что вряд ли можно согласиться с автором раскопок в том, что здесь имелись двух- или многокамерные дома с дворами¹⁸⁰.

Так, рассмотрим, в частности, «...двухкамер-

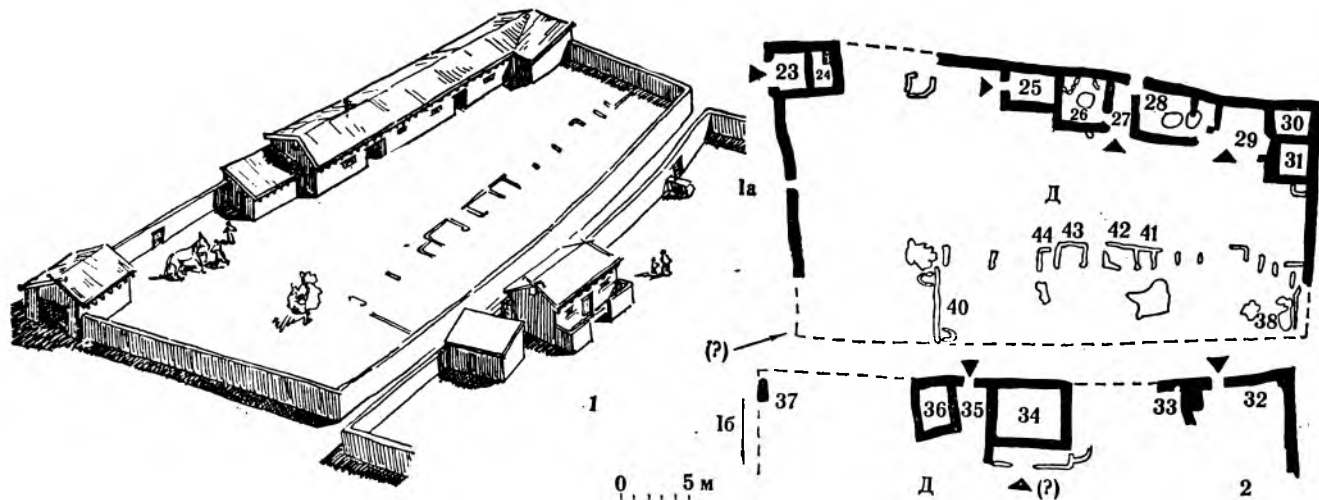

Рис. 48.
Жилой комплекс № 1 на
поселении Золотая
Балка:

1 — эскиз реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 2 — план.
Дано по: Вязьмитина М. И.
Золота Балка, рис. 8.

ные функции. Причем последнее относится в основном к загородкам у обычных помещений. В отношении же большинства построек данные даже для такого разделения, как правило, отсутствуют, поскольку наличие или отсутствие очага, учитывая использование жаровен, не может являться в данном случае критерием.

Размещение в одном и том же комплексе одинаковых по функциональному назначению и равноценных по своим особенностям ячеек (1^а, VI) говорит об их независимости и, следовательно, о том, что основным типом жилища здесь являлись однокамерные (вариант — двухкамерные, где одна из камер являлась сенями) как изоли-

ный дом с двором...» № 34—36. Судя по описанию, помещения этого дома не имели функциональной связи ни между собой, ни с двором. В помещении № 34 было два входа — с севера и юга¹⁸¹ и, следовательно, его функциональная связь с «...двором» № 35 отсутствовала. Это с учетом наличия самостоятельных хозяйственных загородок, фланкировавших северный вход в помещение № 34, говорит о том, что оно являлось самостоятельной однокамерной, функционально независимой постройкой, подобной, в частности, комплексам III и VI, и связанной с общим двором квартала 1^б. Наличие аналогичной хозяйственной загородки предполагается автором и у помещения № 36. Таким образом, дом № 34—36 не что иное, как два однокамерных самостоятельных, функционально не связанных жилища, разделенных проходом № 35, который вел с улицы внутрь квартала 1^б.

Не были функционально связаны между собой и помещения «многокамерного» дома № 25—31 (усадебная 1^а). Так, помещение № 25 имело выход к востоку, а примыкавшее к нему с запада —

180
Вязьмитина М. И. Золота Балка,
с. 35 и сл., с. 48 и сл.
181
Там же, с. 48, 49.

№ 26, судя по характеру кладки северной стены, могло иметь дверной проем только на запад¹⁸². По-видимому, и в помещении № 28 вход находился в северо-западном углу, помещение же № 27 являлось в первом строительном периоде проходом с улицы внутрь квартала 1^a¹⁸³, а во втором —

Для однокамерных домов характерно расположение входа по длинной стороне, а также наличие с внешней, южной или северной, стороны небольших хозяйственных загоронок. Наиболее типичными в этом отношении являются дома № 17, 34¹⁸⁴ (рис. 49, 3), 7, 11, 12, 13, 19 (рис. 49, 4)*.

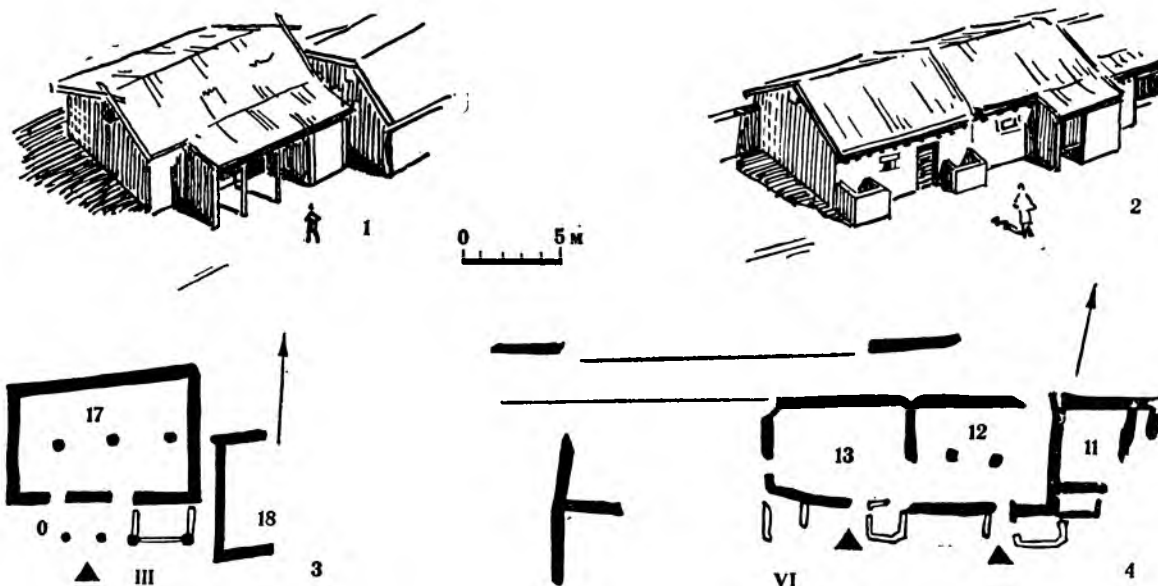

Рис. 49.
Строительные комплексы III и VI на поселении Золотая Балка.
Комплекс III:
— эскиз реконструкции

(Крыжицкий С. Д.): 3 — план.
Комплекс VI:
2 — эскиз реконструкции
(Крыжицкий С. Д.); 4 — план.
Дано по: *Вязьмитина М. И.*
Золота Балка, рис. 35, 47.

служило сениями для помещения № 26. Нет никаких оснований считать изолированным двором и «помещение» № 29, которое являлось частью большого общего двора. Т. е. «многокамерный дом» представлял собой по сути набор однокамерных, не связанных функционально друг с другом (но связанных с общеквартирным двором) домов.

182 *Вязьмитина М. И.* Золота Балка, с. 38 и сл., рис. 15.

183 Там же, с. 41.

184 Подобие планировки этого дома жилым сооружениям, в частности наличие хозяйственных загоронок,

поскольку отсутствие или наличие внутри очага и хозяйственных ям отнюдь не всегда является определяющим признаком жилища, дает основание предполагать, что это был жилой дом, а не хозяйственная или нулевая постройка

Помимо этих домов, в основе планировки которых лежал равнозначно-параллельный принцип, в Золотобалковском поселении открыты два дома мегаронного типа, где использован последовательно-иерархический принцип планировки — дома № 22, 23—24¹⁸⁵. Один из них — № 22 (рис. 45, 2) представлял собой мегаронный тип, причем характер расположения очага в углу помещения, сопровождающий материал, наличие второго входа по продольной стороне достаточно убедительно свидетельствуют о его жилом, а не культовом назначении. Второй дом, № 23—24, также имевший жилое назначение, был двухкамерным с вы-

(*Вязьмитина М. И.* Вказ. праця, с. 70; *Шапошникова О. Г.* Роботи на длянці В Золотобалківського поселення 1951 р.— АП УРСР, 1960, т. 9, с. 177).

* Аналогичный характер могли иметь и дома 38—40, от которых остались только хозяйственные загоронок № 41—44.

ходом в восточной торцевой стене. Учитывая значительные размеры дома № 22 — около 80 м² по сравнению с остальными постройками, размеры которых находились в пределах 10—30 м² (исключение представлял дом № 17 площадью около 70 м²), а также более совершенную конструкцию пола, состоявшего из слоя известняковой крошки, сверху обмазанной глиной, дом № 22 мог принадлежать (как, возможно, и дом № 17) не рядовому жителю.

Не исключено, что оба рассмотренных дома имели ордер. В этой связи интересен дом № 17, где примитивный портик по длинной стороне сочетался с устройством хозяйственных пристроек (рис. 49, I, 3).

Возникновение портика в доме № 17 можно объяснить необходимостью устройства навеса над хозяйственными загородками (которые собственной крыши не имели) и выделения собственной, отдельной от общего двора, хозяйственной территории.

В конструкциях каменных стен домов второго строительного периода прослеживается полная преемственность от более ранних построек: орфостатные цоколи из необработанных плит, впущенные в землю, на которых располагалась двух-, трехслойная постелистая иррегулярная, редко приближающаяся к однорядной, кладка из необработанного камня. В углах иногда более крупные камни, щели заполнены щебнем. Кладки выполнены аккуратнее, чем в первом периоде. Особо следует отметить элементы кладки «в елку» в стенах дома № 22¹⁸⁶.

Таким образом, дома Золотобалковского поселения и по типологической основе, и по конструкции кладок следует связывать с местной неантичной линией развития. Вместе с тем довольно высокая степень организации планировки поселения, относительная четкость и регулярность разбивки кварталов и домов — все это результат воздействия античных традиций.

185
Вязьмитина М. И. Указ. соч.,
с. 33—35, рис. 8, 9, 12; с. 72—
74, рис. 38, 39.
186
Вязьмитина М. И. Указ. соч.,
с. 73, рис. 39.

**
Учитывая наличие жилищ и
возле загоронок 41—44.
187
Вязьмитина М. И. Указ. соч.,
с. 109, 110, 112.

Учитывая специфику кварталов Золотой Балки — отсутствие внутри их доминирующих в каждом отдельном квартале специально выделенных сооружений, наличие однотипных, в основном однокамерных домов с общим двором, можно предположить, что здесь нашел отражение процесс интеграции в таких кварталах небольших семей относительно одинакового социально-экономического уровня. Естественным продолжением этой линии формирования жилых кварталов городского типа является выделение совершенно изолированных друг от друга домов с собственными небольшими дворами и самостоятельными выходами на улицу. Такие кварталы открыты в поселке у дер. Семеновки. Судя по количеству самостоятельных жилых ячеек в квартале 1^а Золотобалковского поселения **, здесь могло находиться не менее десяти семей.

Сравнение домостроительных традиций Золотой Балки и малых городов Боспора, в частности Илурата, дает основание не согласиться с тем, что имеется единство в планировке и приемах каменного домостроительства на причерноморской территории¹⁸⁷. Типологические основы, а также характер кладок домов Золотой Балки и Илурата принципиально различны. Эти памятники относятся к разным традициям. Не может также идти речь и ни о каком единстве в планировке и приемах домостроительства Золотой Балки и поселения у дер. Семеновка. Общность здесь заключается только в развитии аналогичных тенденций и наличии смешанных греко-варварских традиций.

Золотобалковским поселением исчерпываются опорные памятники каменного домостроительства со смешанными традициями, представляющие интерес в аспекте рассматриваемой темы.

Рассмотренные материалы позволяют сделать общий вывод о том, что в период колонизации Северного Причерноморья (VI в. до н. э.) в Греции уже существовали два основных типа многокамерных с внутренними дворами ордерных жилых домов — пастадный и простадный. Соответственно этому в безордерном домостроительстве использовались оба основных принципа — равнозначно-параллельный — преимущественно в районе материковой Греции и последовательно-иерархический — в Ионии. В ордерных домах

применялись, по-видимому, в основном аттический и малоазийский ордера. Дома блокировались в кварталы, имели четкую, чаще всего прямоугольную разбивку на местности. Техника возведения стен достигла достаточно высокого уровня — к этому времени сложились почти все основные типы кладок, широко применялся сырцовый кирпич; наряду с бутом использовался обработанный камень.

Однако тщательность выполнения кладок в домостроительстве была в большинстве невысокой, не использовались здесь обычно и сложные системы.

Представляется возможным выделить дополнительный комплекс признаков, определяющих понятие типичного греческого жилого дома архаического и классического этапов. Это — отсутствие, за некоторым исключением, жестких, абсолютно уравновешенных симметричных центрально-осевых композиций, типичных для атриумно-перистильных римских домов; в большинстве четырехугольное пятно плана; разбивка дома с четко выраженными углами; наличие одного внутреннего двора и расположение крытых помещений, чаще всего по двум-трем сторонам двора; размещение двора, как правило, в южной части дома; площадь двора в пределах 5—25% и чаще 10—15% площади застройки всего дома; устройство наклонных кровель с углом подъема порядка 15—20°. Дополнительными, однако не обязательными признаками являлись устройство вторых этажей, наличие входного коридора, выделение андрона, наличие декоративных росписей и мозаичных вымоеток.

Помимо подобных многокамерных домов, существовал особый тип жилого дома — однокамерный, прямоугольный в плане дом греческого колониста. Эти жилища строились только на начальных этапах во вновь основанных городах.

С этими традициями греческие переселенцы прибыли в Северное Причерноморье. Естественно, уровень развития домостроительных традиций племен, населявших причерноморские степи, был ниже. Однако здесь, в частности в Поднепровье, еще в эпоху поздней бронзы сложились вполне устойчивые традиции каменного наземного домостроительства.

Строительство в эпоху поздней бронзы не только крупных большесемейных жилищ, но и малых — в виде однокамерных изолированных, а также сблокированных однотипных (в функциональном отношении) построек, развитых многокамерных, дифференцированных в функциональном отношении комплексов, свидетельствует не только о выделении из семейной общины парной семьи¹⁸⁸, но и о дальнейшем значительном развитии индивидуального хозяйства отдельных семей.

Следует подчеркнуть, что хотя для этого времени (IX—VIII вв. до н. э.) еще не известны четкие, устойчивые типы домов, тем не менее оба исходных принципа планировки — последовательно-иерархический и равнозначно-параллельный — здесь уже существовали. Особенности домостроительной традиции Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы в отличие от Малой Азии, Материковой Греции и Нижнего Подунавья являлось почти полное отсутствие домов мегаронного типа, но тем не менее параллельное распространение обоих основных планировочных принципов. В каждом из трех перечисленных районов господствовал только один из этих принципов. Характер конкретной планировки и приемы строительной техники северопричерноморских позднебронзовых домов дают основание говорить о местной автохтонной линии развития наземного каменного домостроительства. Вместе с тем отсутствие уличной сети, элементов градостроительной регламентации, унификации планировочных приемов жилых домов, блокировки их в четкие кварталы, выделения каких-либо центров, распространения однотипных строительных приемов свидетельствуют о том, что период формирования поселков городского типа (в архитектурно-градостроительном аспекте) в эпоху поздней бронзы еще не наступил.

В развитии северопричерноморских традиций каменного наземного домостроительства наблюдается хронологический разрыв — от эпохи поздней бронзы примерно до эллинистического времени. Этот перерыв в каменном наземном домостроительстве совпал с широким распространением

¹⁸⁸
Археологія Української РСР,
т. 1. К., 1971,
с. 290, 291.

земляночного строительства скифов. Понадобилось продолжительное время, прежде чем появились памятники со смешанными греко-варварскими домостроительными традициями — Елизаветовка, Неаполь Скифский, малые нижнеднепровские городища, поселения у дер. Семеновка, Золотая Балка и др. В целом наличие определенной опосредствованной преемственности между традициями каменного домостроительства позднебронзовой эпохи и эллинистического времени вполне реально. Несомненны и глубокие местные корни скифского земляночного строительства, издавна характерного для данного района. Однако в типологическом отношении земляночная традиция у причерноморских племен развития не получила, хотя принцип заглубленности в наземном домостроительстве смешанной греко-варварской традиции получил известное отражение (подвалы Елизаветовского городища, Неаполя Скифского, городища Чайка). Для позднееллинистического времени характерно начало формирования в архитектурно-градостроительном аспекте поселков городского типа с относительно четкой, более или менее регулярной планировкой, однотипными домами, блокирующимися в кварталы, широким распространением последовательно-иерархического принципа, унифицированными приемами строительной техники, дифференциацией застройки по социально-экономическому признаку.

Представляется возможным наметить следующую схему развития отдельных тенденций наземного каменного домостроительства варварского направления, приобретшего в эллинистическое время смешанный греко-варварский характер, выделить основные типы и характерные приемы строительной техники.

В конце эпохи бронзы прослеживаются следующие типологические линии: однокамерные, в основном прямоугольные в плане постройки мегаронного типа (последовательно-иерархический принцип). Дальнейшее развитие прослеживается в домах Семеновки, где выработался рациональный четкий тип безордерного однокамерного в плане двухэтажного городского дома последовательно-иерархического принципа планировки с внутренним двором. Необходимо подчеркнуть, что эволюция домов этого типа не приводит к воз-

никновению ордерных простадных домов. Несколькими ранее в Неаполе Скифском и на Золотобалковском поселении появляется дом классического мегаронного типа, причем с применением, во всяком случае в Неаполе Скифском, ордера. Учитывая это, а также то, что мегарон в таком виде в античных городах вообще и даже только его планировочный принцип в северопричерноморских античных городах в частности не использовался в жилых домах, представляется возможным в возникновении дома мегаронного типа в Неаполе Скифском и на Золотобалковском поселении видеть проявление неантичной традиции.

Вторая типологическая линия представлена прямоугольными одно- и многокамерными без внутренних дворов, а также многокамерными, с функциональной дифференциацией помещений домами с внутренними дворами, основным планировочным принципом которых являлся равнозначно-параллельный. Развитие жилищ первой группы привело к выработке структур, подобных кварталам, в частности, Золотобалковского поселения. Их особенностью является объединение функционально однотипных помещений равнозначно-параллельного принципа планировки в единые комплексы с общими внутренними дворами. Дома второй группы — многокамерные, с функционально дифференцированными помещениями с внутренними дворами в эпоху раннего железного века пока четко не выделяются, хотя нельзя исключить возможность того, что продолжением этой линии развития могли являться, в частности, эллинистические дома VI раскопа в Танаисе, а также многокамерные дома Семеновки, тип которых из-за недостатка материалов определению не поддается.

Третья типологическая линия — переход от кочевого, временного, переносного жилища типа юрты к постоянному жилому дому — нашла отражение, как представляется, в многокамерных аморфно-овальной в плане формы неупорядоченных полуземляночных постройках (Скеля Диденко, о-в Хортица, о-в Дубовый). Дома этого типа прослеживаются в дальнейшем в жилищах Каменского городища. Подобие этих структур объясняется, скорее всего, одинаковой стадией процесса седентаризации племен, которым они принадлежали.

К окончательной выработке четких планировочных типов эта линия не привела.

В эпоху поздней бронзы и в последующее время для наземного каменного домостроительства характерна тенденция к упорядочению планировки, к блокировке однотипных помещений и развитию небольших жилых домов. В позднее время наблюдается более четкая дифференциация основных планировочных типов, однако такой сильной социально-экономической дифференциации застройки, как в античных городах эллинистического времени, здесь не прослеживается, что позволяет сделать вывод о большей социально-экономической однородности основной массы населения расселенных поселений.

В объемном отношении для греко-варварской традиции наряду с преимущественным распространением одноэтажной застройки следует отметить появление в конце I тысячелетия до н. э. двухэтажных домов. Характерны также для эллинистического времени в ряде случаев незначительная заглубленность помещений и на некоторых памятниках — подвалы. Прямоугольные в плане структуры имели двускатные или односкатные крыши с использованием саманного или тростникового, реже черепичного покрытия.

В домостроительстве греко-варварского направления не применялись ордер и росписи стен. Исключение в этом отношении представляют только наиболее значительные сооружения — мегароны Неаполя Скифского и, отчасти, возможно, дом № 17 Золотобалковского поселения. Стены делались каменными на всю высоту, саманными или сырцовыми на каменных цоколях. Кладки обычно иррегулярные (или однорядные, прибли-

жающиеся к иррегулярным), постелистые, часто с нижним орфостатным рядом из необработанного материала, на грязи или глине. В углах стен, иногда у дверных проемов, использовались более крупные камни. Для строительства заглубленных помещений характерно использование каменных облицовок. Типично отсутствие плотной притески; камни — в основном полигональные плиты и блоки без какой-либо обработки или с незначительными подтесками фасадов.

Таким образом, в I тысячелетии до н. э. на рассматриваемой территории наблюдается северо-причерноморская неантичная традиция строительства наземных домов с использованием камня, основы которой прослеживаются еще в предшествующее время. С появлением здесь греческих городов, особенно в эллинистическое время, эта традиция испытала сильное античное воздействие, что привело к возникновению смешанной греко-варварской традиции. Греческое влияние нашло отражение в основном в культуре строительства — в четкой, относительно прямоугольной разбивке домов на местности, в отдельных приемах строительной техники, в усилении принципов регулярности — блокировке домов в кварталы, в развитии однотипности, в использовании элементов градостроительной науки, в уменьшении удельного веса или вообще исчезновении криволинейных в плане построек. Греческое влияние, однако, почти не коснулось основы — типологии жилых домов и массовых приемов строительной техники, хотя сам процесс эволюции местных неантичных типов домов проходил, естественно, значительно быстрее, чем это имело бы место при изолированном развитии.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Рассмотренные материалы позволяют определить генезис, особенности исторического развития и роль домостроительства античных северопричерноморских городов, а также выделить основные направления в домостроительстве этого района в античную эпоху.

В период греческой колонизации Северного Причерноморья — во второй половине УП — УІ в. до н. э. — северопричерноморские степи были заняты в основном кочевыми, ираноязычными племенами скифов, вытеснивших в VIII в. до н. э. оседлое население срубной культуры эпохи поздней бронзы. В горном Крыму располагались племена тавров, на Азиатском Боспоре — племена синдов и меотов. Позднее — с IV в. до н. э. — в Северное Причерноморье начинают проникать из Нижнего Поволжья сарматские племена, движение которых приобретает массовый характер во II в. до н. э.

Ко времени появления в Северном Причерноморье греческих колонистов северопричерноморские племена в социальном отношении находились на стадии разложения родового строя, выделения малой семьи. Относительно скифов имеются данные о сложении у них института государственности в виде военной демократии, в образовании политического объединения — Скифии.

С приходом греческих колонистов постепенно усиливается процесс седентаризации кочевых племен, включения их в орбиту активных отношений с античными северопричерноморскими городами и поселениями. Все это приводит к образованию смешанных греко-варварских образований — таких, как Боспорское царство. Возникает Неаполь Скифский, ряд больших городищ раннего времени в зоне Лесостепи — Бельское, Пастырское и другие, Каменское на Днестре и так называемые малые городища Нижнего Днестра, появившиеся в позднеэллинистическое время, — Гавриловское, Козацкое, Знаменское и другие, сарматское поселение Золотая Балка, поселения северопричерноморских племен в районе Херсонеса и Боспора. Вначале мирные отношения античных городов с окружающими их племенами начинают обостряться. Особенно усиливается военное давление племен с конца III в. до н. э. Упадок скифского государства во II—III вв. н. э. заканчивается под ударами готских и гуннских племен практи-

чески полным уничтожением его городов и поселений. Все это обусловило сложность картины развития социально-экономического, политического и этнокультурного процессов в Северном Причерноморье, а также закономерность образования смешанной греко-варварской культуры и ее особенностей. Отсюда следует, что архитектура жилых домов северопричерноморских племен в эпохи поздней бронзы и раннего железного века в силу миграций, разноэтничности, различного уровня социального развития этих племен не представляла собой единую плавную линию эволюции. Сложившаяся обстановка объясняет разнообразие тенденций в типологии жилищ северопричерноморских племен, отсутствие четких сформировавшихся типов, отражающих устоявшуюся структуру семейных отношений.

Вместе с тем большой опыт земляночного, наземного каменного и глино-плетневого строительства, накопленный племенами срубной культуры, не пропал втуне и вошел составной частью в домостроительство последующего времени. При этом более высокий уровень развития производительных сил греческих поселенцев, их социальных институтов, культуры по сравнению с варварскими племенами обусловил ведущую роль античной культуры в Северном Причерноморье.

Приведенные данные показывают, что в период колонизации Северного Причерноморья греческое домостроительство находилось на достаточно высоком уровне развития. Греческие переселенцы были знакомы не только с однокамерным домом колониста, но и с многокамерными жилыми домами с внутренними дворами. Именно планировочные схемы этих многокамерных жилищ и легли в основу северопричерноморских домов на втором этапе — при смене однокамерных построек. Прямое заимствование восточносредиземноморских греческих традиций прослеживается не только в объемно-планировочных решениях, но и в конструкциях и приемах строительной техники. Об этом достаточно ярко свидетельствуют, в частности, типы кладок. Вместе с тем необходимо отметить некоторую задержку по сравнению с Грецией в появлении и развитии типов домов и конструкций в Северном Причерноморье.

Это совершенно исключает какую бы то ни было реальность гипотезы В. В. Лапина¹ о са-

мостоятельном эволюционном пути развития северопричерноморского дома от однокамерных земляночных построек к многокамерным.

Вторым компонентом генетической основы античных северопричерноморских домов явилась местная традиция земляночного строительства, типичного для степей Северного Причерноморья и в предшествующие эпохи. Этот компонент обусловил появление и развитие в античных жилых домах такого важного элемента объемного решения, как подвалы. Использование греческими поселенцами, а также различными разноэтничными племенами, обитавшими в Юго-Восточной Европе, приема устройства земляночных (или полуземляночных) жилищ исключает возможность их трактовки как этнопризнака. В качестве этнопризнаков могут в ограниченной степени служить отдельные конструктивные особенности.

В связи с решением вопроса о генезисе античных северопричерноморских домов представляет интерес факт распространения в античных городах Северного Причерноморья равнозначно-параллельного принципа планировки, типичного для района Материковой Греции, а не Малой Азии, в то время как основание большинства понтийских городов литературная традиция приписывает Милету — именно малоазийскому городу. Нет достаточных оснований считать также, что и приемы северопричерноморской строительной техники типичны только для Ионии. Практически все типы кладок, существовавшие в античном строительстве Северного Причерноморья, были широко распространены и в Материковой Греции. Более того, именно для Материковой Греции характерно распространение шахматной системы, элементы которой встречаются в кладках северо-понтийских домов. Не являются ионийской традицией и слоевые основания². Т. е. вывод о том, что архитектурные традиции жилых домов античных городов Северного Причерноморья являлись в целом ионийскими³, не находит подтверждения.

¹ Лапин В. В. Проблема генезиса античной северопричерноморской цивилизации, с. 101.

² Подробнее см.: Крыжицкий С. Д. Жилые

ансамбли древней Ольвии, с. 113, 114.

³ Копейкина Л. В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период, с. 195.

Это косвенно свидетельствует о том, что роль Милета в колонизации Северного Причерноморья могла сводиться в основном к организации переселенческого потока. Что же касается непосредственных участников, они могли быть, как представляется, в значительной степени выходцами и из других районов, в частности материковой и островной Греции.

Совокупность рассмотренных материалов позволяет выделить в архитектуре жилых домов Северного Причерноморья античной эпохи три основных стилевых направления — античное, варварское и смешанное — греко-варварское. Определяющими моментами при этом являются основной планировочный принцип и типы домов массовой застройки, характер разбивки домов на местности, приемы строительной техники, уровень градостроительного решения.

Учитывая то, что последовательно-иерархический принцип планировки жилых домов не типичен для античных северопричерноморских городов и, наоборот, известен в местном неантичном домостроительстве, его использование может служить в пользу принадлежности сооружений местной традиции. Т. е. применение последовательно-иерархического принципа, в том числе и на поздних этапах, свидетельствует не о деградации, а о варваризации домостроительства. Соответственно равнозначно-параллельный принцип в массе свойствен античной северопричерноморской традиции.

Под характером разбивки на местности имеется в виду четкость, прямоугольность и регулярность планировки. Так, аморфная криволинейность и закругленность углов наземных сооружений, свидетельствующие о непрофессиональной разбивке и недостаточной разработанности конструкций перекрытия, типичны в общем случае для неантичной традиции.

Ярким признаком той или иной традиции являются наиболее характерные приемы строительной техники и конструкций. Массовые же примитивные, такие, например, как иррегулярные или приближающиеся к ним кладки, особенно в первые века нашей эры, когда наблюдается общее огрубение и ухудшение качества, далеко не всегда могут служить достаточно надежным показателем. О неантичной традиции могут свидетель-

ствовать применение трехслойных кладок, в которых средний слой — земля (Золотая Балка), орфостатно установленные необработанные плиты в нижних рядах, система кладки «в елку», иррегулярность кладок, выполненных из бута различной величины с грубыми нарушениями тектоники стены и отсутствием тесаных деталей.

Уровень градостроительного решения проявляется в наличии или отсутствии благоустройства, блокировки домов в кварталы, степени однотипности домов в одном и том же квартале, дифференциации застройки по социально-экономическому и производственному признакам.

Для античной северопричерноморской градостроительной традиции типично использование элементов регулярной прямоугольной системы планировки в границах отдельных кварталов или районов. Взаимный сдвиг и поворот планировочных сеток расположенных рядом участков позволяют предполагать знакомство северопричерноморских архитекторов с античной градостроительной теорией. Жилые дома блокировались в кварталы, окружавшие общественные центры города. Обычно вблизи этих центров размещались дома наиболее зажиточных граждан. В рамках отдельных кварталов дома могли быть однотипными, однако единый продуманный архитектурный силуэт квартала в большинстве случаев отсутствовал — основными являлись фасады, выходившие во внутренний двор дома. В каждом квартале размещалось обычно два-четыре дома общей площадью от 0,5 тыс. до 1,5—2 тыс. м². В большинстве северопричерноморских городов отсутствовала столь высокая степень типовой застройки кварталов, как в городах с регулярными планами.

Для античной северопричерноморской традиции характерны четкие различия между домами основных категорий — городскими и сельскими со специализацией внутри этих категорий; четкая прямолинейная (в основном, прямоугольная) разбивка на местности с блокировкой городских домов в кварталы; дифференциация застройки по социально-экономическому и производственному признакам; использование устоявшихся греческих объемно-планировочных типов домов равнозначно-параллельного принципа планировки, среди ордерных типов — наличие пастадных и перистильных; расположение дворов в южной

части домов; широкое распространение подвалов; устройство вторых этажей; применение комплекса характерных античных и выработавшихся в ходе местного античного строительства приемов строительной техники и конструкций — сырцово-каменных или каменных кладок различных античных типов, слоевых оснований, черепицы, элементов благоустройства, декора и в ряде случаев ордера; относительно высокое качество работ и последовательность в использовании того или иного приема или конструкции.

Варварская традиция характеризуется отсутствием блокировки домов в кварталы и дифференциации застройки по социально-экономическому и производственному признакам; отсутствием устоявшихся типов; нечеткостью, часто криволинейностью разбивки на местности, округленностью углов; применением наряду с равнозначно-параллельным последовательно-иерархического принципа планировки; распространением мегаронного типа; низким техническим уровнем и качеством выполнения конструкций, в частности каменных кладок; отсутствием декора, благоустройства и ордера; сосуществованием каменного, глино-плетневого и земляночного строительства.

Смешанное греко-варварское направление представляло собой конгломерат северопричерноморской античной и варварской традиций. Наиболее типично объединение варварской традиции в типологии с античной — в разбивке сооружений на местности, в блокировке домов в кварталы, приемах строительной техники и декоре.

В северопричерноморском античном направлении в ходе его самостоятельного развития выработались отличия и от домостроительных традиций Греции.

Это выразилось в более скромном характере домостроительства — преобладании в массе рядовых безордерных домов, меньшей степени регулярности планировки, в распространенности типа хозяйственно-жилого дома, более скромном декоре. Кроме того, следует отметить появление и развитие укрепленных домов башенного типа; относительно большую площадь дворов; наличие на первом этапе землянок и полуземлянок, а в дальнейшем — жилых подвалов и иногда целых подвальных этажей; в ордерных домах — использование главным образом аттического или малоазийского ор-

дера, иногда подвальных пастад; в конструкциях — применение слоевых оснований, в раннее время сложных систем кладок, широкое применение коринфской системы кровли, несколько больший угол подъема скатов кровель, отсутствие в кладках первых веков нашей эры известковых растворов и обожженного кирпича (известны только единичные примеры их использования).

Имелись локальные отличия и внутри античного северопричерноморского направления между тремя основными районами распространения здесь античной культуры, о чем достаточно подробно говорилось в предыдущих главах.

В истории северопричерноморского домостроительства можно выделить два периода. Первый — от основания колоний до крайнего обострения социально-экономической и военно-политической обстановки в конце II — первой половине I в. до н. э. Второй период — первые века нашей эры. Для первого периода характерны абсолютное доминирование греческой традиции, размах строительства, выработка основных типов домов, максимальный уровень развития конструкций и декора.

В границах первого периода выделяется ряд этапов. Первый этап соответствовал времени основания большей части античных северопричерноморских городов, охватывал время от второй половины VII в. до н. э. (основание поселения на о. Березань) до рубежа VI—V вв. до н. э. Этап с теми или иными хронологическими отклонениями в трех основных районах распространения античной культуры характеризуется началом формирования планировки городов, переносом в Северное Причерноморье типа дома колониста и ассимиляцией традиции земляночного строительства.

На этом этапе проникновения и первичного закрепления греческих переселенцев в Северном Причерноморье, когда только начали складываться государственные полисные образования и экономика античных городов и поселений находилась в зачаточном состоянии, отсутствовала достаточная база строительного производства — не было кадров профессиональных мастеров и архитекторов, необходимой регламентации в самом жилом строительстве, отсутствовала налаженная добыча камня. Строительство в большинстве случаев велось кустарным способом. Соответственно

был узок и арсенал строительных приемов, средств и конструкций. Жилища возводились без какого-либо предварительного проектирования. Формирование кварталов происходило во многом стихийно.

Особый интерес как типично местная северо-причерноморская специфика представляют собой землянки и полуземлянки. Они делались обычно одно-, реже — двухкамерными. Форма в плане чаще всего прямоугольная; круглая или овальная распространены значительно меньше, причем эволюционной связи между формами плана не прослеживается. Отличались они обычно относительно четкой разбивкой на местности. Размеры в плане невелики 5—16 м². Степень заглубленности различна — от нескольких десятков сантиметров до 1,5—2 м. Закономерности в устройстве входов не прослеживается — известны ступенчатые входы, врезанные в борта котлована по любой из сторон, есть землянки и без фиксированных входов, где поднимались вверх, очевидно, по приставным деревянным лестницам. Характерно отсутствие лежанок, но обычно наличие хозяйственных ниш и глинобитных площадок хозяйственного назначения, располагавшихся обычно у южных стен жилищ. Полы — глиняная обмазка, поверх которой — иногда слой камки. Побелка стен отсутствует. Очаги чаще всего открытого типа располагались в различных частях землянок; широко использовались жаровни. Довольно часто встречаются землянки жилого назначения без каких-либо следов устройств для отопления и приготовления пищи. Размеры хозяйственной территории, принадлежавшей каждой землянке, пока не установлены, по данным Ольвии такая территория, возможно, могла составлять 35—45 м². На поселениях в жилой комплекс землянки входили обычно одна-две ямы хозяйственного назначения, в городе это прослеживается редко.

В объемном отношении и землянки, и полуземлянки имели скатные крыши, возвышавшиеся над поверхностью земли и, возможно, навесы над ступенчатыми входами, вырезанными в материке. От однокамерных наземных домов полуземлянки отличались меньшей высотой наземного объема. Входы относительно крыш размещались в более высокой стене при односкатной крыше и в торцовой при двускатной. Окон землянки, скорее всего, не имели.

Земляночные сооружения на раннем этапе в античных городах в наибольшей степени характерны для Северо-Западного Причерноморья (Ольвия, Березань, Никоний, Истрия и окружающие их позднеархаические поселения). Они существовали и на Боспоре. В Херсонесе пока не известны. Появление землянок относится ко второй половине VII в. до н. э. (Березань), массовое распространение — к середине — второй половине VI в. до н. э. (Ольвия). В дальнейшем как тип античного жилища себя практически изживают. Исключение представляют землянки ольвийского предместья, застройка которого относилась в основном к середине — второй половине V в. до н. э., т. е. ко времени, когда в самой Ольвии уже велось исключительно наземное сырцово-каменное домостроительство.

Наряду с землянками и полуземлянками существовали и наземные, в основном однокамерные дома колониста, которые известны в основном в Пантикапее, где могут относиться к началу — середине VI в. до н. э.

Основными строительными материалами являлись земля (при строительстве землянок и полуземлянок), глина и бут, реже — камень, сырцовый кирпич, дерево. Камень в виде небольших плит в большинстве необработанный, часто аморфной конфигурации, в основном известняк различных видов, реже песчаник. Часто использовалась также галька и голыши привозных пород. Стены наземных частей полуземлянок и наземных построек делались сырцово-каменными, реже полностью каменными, сырцовыми или глино-плетевыми (последний прием типичен для негреческой традиции). Система каменной кладки чаще всего иррегулярная или приближающаяся к ней однорядная постелистая. Типично также использование орфостатной полигональной системы. Размеры камней мелкие и средние, укладку которых мог осуществлять один человек. Полы глинобитные. Крыши одно-, двускатные по наклонным стропилам с саманным или тростниковым покрытием, в круглых в плане постройках — конические.

Второй этап — рубеж VI—V в. до н. э. — третья четверть IV в. до н. э. Для начальной фазы этапа (вторая половина VI в. до н. э. на Березани, возможно, в Пантикапее; рубеж VI—V в. до н. э. —

первая половина (возможно, частично и вторая) V в. до н. э. в большинстве остальных памятников) типичен переход от дома колониста и, в частности, от земляночных структур к массовому наземному многокамерному сырцово-каменному домостроительству. В градостроительном отношении происходит четкое формирование кварталов. В это время переносятся в Северное Причерноморье объемно-планировочные типы греческих жилых домов. К этой фазе следует отнести также дома раннего Киммерика и Торика. Наиболее ярко дома начальной фазы представлены в Пантикапее, Тиритаке, Ольвии и на Березани. Начиная от этого времени в домостроительстве античных городов Северного Причерноморья получает исключительное распространение равнозначно-параллельный принцип планировки, характерный для материковой Греции. Использование последовательно-иерархического принципа можно предполагать только относительно некоторых нежилых зданий. Дома безордерные, типичной схемы, в большинстве малой площади, многокамерные, с внутренними дворами, с одно-, трехсторонним расположением крытых помещений относительно двора, блокировались в кварталы. Характерна довольно четкая прямоугольная разбивка на местности. Отопление и приготовление пищи осуществлялись с помощью печей, открытых очагов, жаровен. К этому же времени относится и начало введения благоустройства в домах.

В объемном отношении дома первой фазы характеризуются формированием в их составе отдельных подвалов и полуподвалов, в том числе жилых. В наиболее богатых домах возможно применение ордера, а также наличие вторых этажей. Однако значительной дифференциации домов по размерам и богатству декора в это время не прослеживается.

Домостроительство второго этапа, особенно его второй фазы, изучено недостаточно из-за неполноты материалов. Однако, судя по особенностям домов эллинистического времени, основные типы домов Северного Причерноморья выработались на протяжении именно второй фазы. В это время появились блоки подвальных помещений, выделилась категория сельских античных усадеб, очевидно, началось распространение в Северном Причерноморье пастадного и перистильного ордер-

ных типов. В жилых домах городов основным планировочным принципом являлся равнозначно-параллельный; на поселениях наряду с ним встречается последовательно-иерархический принцип.

Дома делались в основном одноэтажными, иногда имели второй этаж. В ордерных постройках можно предполагать формирование в это время аттического и малоазийского ордера. В интерьерах домов широко использовались росписи в основном структурного стиля.

На протяжении второго этапа происходит формирование профессиональных кадров строителей, в том числе мастеров-каменотесов высокой квалификации и архитекторов. Начиная с этого времени во всех городах в той или иной степени осуществлялась архитектурно-строительная регламентация; а наиболее значительные сооружения, по-видимому, заранее проектировались.

В области строительной техники при обработке дерева и камня применялись различные долота, широколезвийные топоры, пилы, для шлифовки и распиловки — абразивы. Основными строительными материалами являлись камень и глина, дерево употреблялось ограниченно — в основном для перекрытий, крыш, дверей и окон. Камень шел на устройство стен, вымосток, реже — полов крытых помещений и портиков. В основном применялся известняк, реже — песчаник. Глину употребляли в качестве вяжущего материала в кладках, при обмазках их фасадов, для изготовления сырцового кирпича, архитектурной терракоты, устройства оснований под стены. Известь применялась ограниченно — только в качестве штукатурных покрытий внутренних фасадов стен, в известково-галечных полах и позднее — в специальных сооружениях: цистернах для воды, рыбозасолочных ваннах, винодельнях.

Наружные стены делались сырцово-каменными или каменными на всю высоту. В оптимальном случае выделялись три части — фундамент, цоколь и собственно стена. При строительстве на нормальном грунте фундамент состоял обычно из одного ряда уложенных постелью плит, заглубившихся примерно на половину высоты ряда и слегка выступавших от фасада цоколя стены. При строительстве на слое неравномерной плотности фундамент мог иметь большую высоту либо устраивались искусственные основания — песчаные подсыпки, гли-

нистые трамбовки, в конце этапа появились первые примеры слоевых оснований. Цоколи делались обычно по двухрядной орфостатной простой или полигональной (иногда простой полигональной) двух- или трехслойной системе. Иногда по однорядной постелистой, полигональной лесбийской; встречаются элементы шахматной системы. Собственно стена при выполнении в камне выкладывалась по постелистым или орфостатным однорядным системам на глине, в сырцовом варианте — по однорядной постелистой. Встречается также иррегулярная уступчатая система. Внутренние фасады часто отличались по системе и качеству кладки; покрывались обычно глиняными обмазками или известковой штукатуркой. Наземные кладки делались двухлицевыми, стены подвалов в большинстве двухслойные однолицевые. При строительстве внутренних стен и особенно подвалов выделялся обычно только фундамент. Наиболее полно эволюция систем каменных кладок прослежена в Ольвии, где она началась примерно от первой половины V в. до н. э. Здесь примитивные однорядные постелистые или иррегулярные кладки из мелкого бута, иногда гольшей без выделенной фундаментной части, сменяются полигональными и лесбийскими простыми орфостатными системами с тщательной подборкой материала и впоследствии выделением фундамента. Наряду с ними началось строительство упорядоченных однорядных постелистых кладок и появились элементы шахматных. В конце V—IV в. до н. э. полигональные системы почти полностью вытеснены обычными постелистыми однорядными и орфостатными одно- и двухрядными, в том числе сложными, характерно также использование иррегулярной уступчатой системы. Для IV в. до н. э. типичен наиболее высокий за всю историю античных северочерноморских городов уровень качества строительных работ. Камни фасадных слоев кладок — прямоугольные, реже трапециевидные плиты и блоки, тщательно выкадровывались и отесывались, часто имели невысокие русты, с одной — трех сторон ограниченные гладкими полосами. Камни плотно притесывались по месту, в ряде случаев с использованием приема анафиролиза. Толщина каменных кладок не выходила за пределы 0,4—0,6 м, а сырцовых — 0,4—0,5 м. Размеры камней в среднем крупнее, чем в ранних кладках (длина до 0,3—0,8 м). Сыр-

цовый кирпич имел длину до 0,4—0,5 м при высоте не более 0,08—0,1 м и ширине 0,3—0,4 м. Однако общий стандарт этого кирпича даже в пределах одного города отсутствовал. Специальных деревянных или металлических связей в кладках жилых домов не было.

Вымостки дворов покрывались битой керамической, щебенкой, известняковой крошкой либо мостились обычно необработанными полигональными плитами. Полы глинобитные (последующие подмазки наращивали общую толщину полов), реже каменные — в основном в хозяйственных помещениях, над подвалами — деревянные, известково-галечные в андронах. Перекрытия балочные, часто с неравномерным шагом балок в пределах 0,3—0,6 м. Крыши одно-, четырехскатные с уклоном скатов до 20°, по-видимому, в большинстве совмещенные, без чердачных перекрытий. Несущая конструкция — наслонные стропила. Кровли — саманные и черепичные.

Начало местного производства черепицы в Северном Причерноморье относится к IV в. до н. э. Параллельно с этим продолжала ввозиться импортная (в основном, синопская) черепица. В настоящее время появилась возможность установить локальные особенности использования тех или иных систем. Для Ольвии в IV—II вв. до н. э. типичны коринфская и сицилийская системы, по-видимому, в значительно меньшей степени — лаконская, для Херсонеса — в основном сицилийская, для Боспора — коринфская, возможно, отчасти сицилийская.

Лестницы (в подвалы и на вторые этажи) делались каменными, деревянными и смешанными (нижний марш каменный, следующий — деревянный), обычно без выделения лестничных клеток, с углом подъема маршей порядка 30—45°.

Двери одно-, двустворчатые, на подпятниках или петлях с устройством деревянной дверной коробки. Окна небольших размеров, обрамлялись деревянными или каменными наличниками. Портки решались как в камне (дорический или ионический ордер), так и в смешанном материале (аттический или малоазийский ордер) — деревянные стволы столбов и антаблемент, каменные капители и базы. В декоре парадных помещений применялись росписи по известковой штукатурке в технике фрески или энкаустики.

Третий этап (последняя четверть IV — конец II в. до н. э.), особенно его первая половина — последняя четверть IV—III в. до н. э., являлся временем наивысшего расцвета домостроительства в античных городах, проявившегося как в большом размахе строительства, так и в сложении наиболее ярких особенностей архитектуры жилых домов. Социально-экономическое расслоение общества привело к значительной дифференциации домов по типам, площади и богатству декора. Распространяются хозяйственно-жилые дома. Широкое развитие приобрело также строительство в сельских округах городов, где к концу этапа сформировался тип укрепленного башенного жилого дома. С другой стороны, однако, большие объемы строительства способствовали снижению среднего уровня качества строительных работ.

В Северном Причерноморье известно использование элементов регулярной прямоугольной системы планировки, но чаще всего только в пределах отдельных кварталов или районов. Из крупных городов исключение представляет Херсонес. Подавляющее большинство городов имело стихийно сложившуюся планировку, зависевшую от рельефа местности, что приводило к появлению радиально-кольцевых либо лучевых элементов с доминантой в торгово-административном и культовом центре города. Наиболее богатые дома располагались в центральных частях города. Периферия застраивалась домами наименее зажиточных граждан. В эллинистическое время прослеживается также районирование по производственному признаку. Дифференциация застройки почти не наблюдается в малых городах. Кварталы в городах обычно не имели четких типовых размеров либо типов таких размеров могло быть несколько. Площадь кварталов чаще всего находилась в пределах от 0,5 до 1,5—2 тыс. м². В каждом квартале находилось от двух до четырех, реже больше жилых домов, в некоторых случаях имевших однотипную планировку. Однако столь высокой типовойности в застройке кварталов, как, например, в Олинфе или Приене, в Северном Причерноморье не замечено даже в Херсонесе. В целом в Северном Причерноморье, как и в Греции, градостроительные структуры, подобные «идеальным» городам Платона, неизвестны. Элементы же, нашедшие отражение в «идеальном» городе Аристотеля, имели

место. Особенно интересно указание Аристотеля о том, что планировка в городе должна быть правильной только в отдельных частях и кварталах⁴. Учитывая, что в Ольвии в конце IV — начале III в. до н. э. прослеживаются перестройки в границах целых районов, планировочные сетки которых взаимно повернуты и сдвинуты при сохранении элементов прямоугольности в пределах отдельных районов, можно предполагать здесь сознательное использование античной градостроительной теории.

Планировочным принципом городских домов, как и в предыдущее время, был равнозначно-параллельный. Основную массу составляли безордерные дома типичной и нетипичной схемы, малой (до 200 м²) и большой (200—400 м² и более) площадей.

Для домов типичной схемы характерно расположение двора в южной половине дома и крытых помещений Г, П-образно или с четырех сторон двора, площадь которого составляла 11—27% площади застройки. Возможно, но не обязательно наличие входного коридора.

Безордерные дома нетипичной схемы отличались введением элементов, которые нарушали основные принципы планировки греческого жилого дома. Это обуславливалось спецификой профиля деятельности владельца и выражалось в нарушении ориентации основных жилых групп помещений, иной группировке их вокруг двора, в значительном увеличении площади последнего, введении в план дома специальных производственных комплексов, например виноделен или рыбозасолочных ванн. В результате появилась целая категория хозяйственно- (или производственно-) жилых домов. В домах этой категории прослеживаются две группы: без выделения производственного комплекса и с его специальным самостоятельным выделением. Такие дома открыты в Херсонесе и на Боспоре. Наиболее яркий пример среди них — дом винодела в Мирмекии.

Ордерные дома известны только типичной схемы пастадного или перистильного (вариант — пастадно-перистильного) типов. Их площадь обыч-

⁴ Arist. Polit., VII, 10, 5.

но в среднем больше, чем у безордерных, площадь дворов составляла 10—22% площади застройки. Характерно выделение андронов, что свидетельствует о разделении помещений дома на две половины — мужскую и женскую. В портиках, окружавших дворы, использовались в основном дорический, аттический и малоазийский ордера.

В объемном отношении как для ордерных, так и для безордерных домов свойственно наличие хозяйственных и жилых подвалов. В некоторых случаях, как это имело место в Ольвии, подвалы занимали почти такую же площадь, как и крытые помещения наземных этажей, т. е. образовывались целые подвальные этажи. В таких подвалах помещения могли объединяться специальными галереями, которые по значению, месту в плане дома и пропорциям условно можно назвать подвальными пастадами. В ряде случаев дома имели вторые этажи.

Степень благоустройства в целом была ниже, чем в Средиземноморье. В Северном Причерноморье пока не известны, например, ни ванны, ни система отопления, подобная олинфским домам, ни бассейны во дворах и т. п. Дома отапливались в основном жаровнями, а также печами или очагами. Водоснабжение домов осуществлялось тремя основными способами: от централизованной разводящей сети с устройством водоприемных резервуаров, из индивидуальных колодцев или цистерн. Колодцы и цистерны размещались чаще всего во дворах, иногда в крытых помещениях и даже в подвалах. Разумеется, были дома, которые собственных колодцев или цистерн не имели. Канализационные устройства в большинстве домов ограничивались устройством сборного канала, присоединявшегося к уличной сточной сети закрытого типа, или отсутствовали вообще. Естественное освещение названных помещений осуществлялось через небольшие окна, выходившие, очевидно, в основном во внутренние дворы.

В домостроительстве третьего этапа, за некоторым исключением, использовался весь арсенал технических средств, типичных для конца предыдущего этапа. Наиболее существенные особенности заключаются в широком распространении в это время слоевых оснований, состояв-

ших из чередующихся прослоек глины и землисто-золистого грунта. Слоевые основания характерны в основном для района Ольвии — Истрии, где этот прием и зародился. Каменные кладки делались главным образом по однорядным постелистым (в подвалах иногда однорядным орфостатным) двух- или трехслойным системам на глиняном растворе с отсутствием плотной притески по месту в расчете на последующую глиняную обмазку или штукатурку. Двухрядные орфостатные системы, в том числе и сложные, использовались реже. Для них характерно относительное увеличение высоты орфостатных рядов. В конце этапа качество кладок ухудшилось еще больше — стали появляться иррегулярные системы кладки; резко увеличилось использование камня вторичного использования обычно без дополнительной обработки; толщина стен в среднем возросла, что, очевидно, во многом объясняется уменьшением их прочности в связи с ухудшением качества работ.

Типично смешение в одной и той же кладке различных систем, причем, судя по Ольвии, где обнаружен пример эллинистической кладки «в елку», этот прием можно ожидать и в других античных городах. Для этого времени известен также один из наиболее классических образцов шахматной системы кладки (усадебная херсонесского клера № 26). Как и прежде, сырцовый кирпич не имел четкого стандарта. Сырцовые кладки делались исключительно однорядными постелистыми ложковыми. Полы помещений глинобитные, деревянные (над подвалами и первыми этажами), реже — каменные. Дворы, а часто и входные коридоры, мостились камнем либо имели керамические вымостки. В это время получили максимальное распространение полы из разноцветной гальки, уложенной на известковом растворе, с сюжетными изображениями или орнаментальными мотивами. Они устраивались обычно в андронах богатых домов. Известны также полы, выполненные из фрагментов амфорных ручек, утопленных в известковом растворе в вертикальном положении.

Значительное внимание уделялось внутренней отделке помещений богатых домов. Стены покрывались известковой штукатуркой и расписывались в технике фрески или энкаустики.

Находки фрагментов росписей с геометрическим и растительным орнаментами, изображениями архитектурных деталей (лесбийский киматий, овы, жемчужник) позволяют предполагать использование так называемого структурного, а в конце этапа, возможно, цветочного или инкрустационного стилей. Наряду с росписями применялись и рельефные карнизы.

Однако, как уже отмечалось, параллельно с выработкой таких совершенных конструкций, как, например, слоевые основания или ольвийские цистерны, распространением достаточно высоких образцов декора — галенных вымосток, подобных херсонесской, росписей стен, как в одном из домов Фанагории, общее среднее качество приемов строительной техники падает. Особенно ухудшается качество работ, упрощаются и огрубляются конструкции в конце этапа.

Для третьего этапа характерно также максимальное распространение ордера. Стилиевыми особенностями аттического и малоазийского ордера в Северном Причерноморье являлись уменьшение пропорций капителей по вертикали, почти полное отсутствие форм антовых дорических капителей и использование набора обломов дорических обычных капителей, смещение форм аттического и малоазийского ордера, а также схематичность в прорисовке обломов. Ордер использовался не только в портиках внутренних дворов, но мог применяться и в плоских портиках для оформления входа в дом. Уличные фасады домов делались в основном глухими и, очевидно, за исключением входов, без архитектурного декора. Фасады, скорее всего, обмазывались глиной и белились. Окна, если и делались в уличных фасадах, то, судя по аналогиям, на довольно значительной высоте — так, чтобы нельзя было заглянуть с улицы. На уличном фасаде акцентировался только вход и при использовании в цоколях двухрядных систем кладок или при тщательно выполненных из прямоугольных плит и блоков кладках сохранялись рисунок и фактура цоколя, узкой лентой подчеркивавшие его фасад. В карнизах крыш уличных фасадов возможно также использование при коринфской системе кровли фронтальной черепицы с декоративными щитками. Серый или желтоватый цоколь, из того же материала на фоне белых стен обвязка дверных

проемов и небольших высоко расположенных немногочисленных окон (в последних двух случаях возможно использование деревянных облицовок) в виде пилястр, перекрытых архитравами, деревянные полотнища дверей и окон с крупными иногда облицовочными головками бронзовых гвоздей в них, сверху четкая узкая полоса терракотового цвета черепичной кровли — такой вид имел фасад греческого дома со стороны улицы.

Основное внимание в греческом доме уделялось дворовым фасадам, которые в ордерных домах делались в виде портиков, иногда полузакрытых, очевидно, с использованием в наиболее богатых жилищах полихромии, рельефных тяг и фронтальной черепицы с декоративными щитками. Богатая светотень портиков двора резко контрастировала с уличными фасадами дома, создавая иллюзию прохлады.

В пропорциональном отношении северопричерноморские дома соответствовали средиземноморским традициям только в планировке портиков и андронов. Что же касается вертикальных пропорций, они, по-видимому, были приземистее. Так, незначительная ширина столбов аттического ордера при построении типичных для этого ордера пропорций дает высоту колонн портиков порядка 2,2—2,5 м, что хорошо совпадает с величинами поперечных пролетов открытых портиков, ширина которых по Витрувию должна была быть равной высоте колонн. Портики, в которых применялись дорические колонны, были несколько выше и, судя по диаметрам изредка находимых барабанов фустов, могли достигать высоты 2,4—3 м.

Значительный интерес представляют сельские дома. Среди них выделяются многокамерные с внутренними дворами, аналогичные городским домам (дом у бухты Ветреной); отдельно стоящие дома, по-видимому, без внутренних дворов (дом № 1 на Южно-Чурубашском поселении) и усадьбы. Первые две группы памятников изучены пока недостаточно.

Усадьбы были двух основных типов. Для первого, в наибольшей степени отвечающего понятию сельского греческого дома⁵, характерно наличие трех блоков — жилого, хозяйственного и для содержания скота, объединяемых одним или двумя дворами. Подобное разделение просле-

живается иногда достаточно четко, в других случаях — довольно слабо. Жилой блок обычно размещался в северной части плана и по сути представлял собой в большей или меньшей степени разновидность городского дома нетипичной схемы. Комнаты группировались в один-два ряда как с равнозначно-параллельным, так и с последовательно-иерархическим принципом связи. Чаще всего жилые блоки были безордерными. В ордерном же варианте пока известен только пастадный тип. Наибольшее количество подобных усадеб открыто в районе Херсонеса. Развитие этого же планировочного типа прослеживается в усадьбах Боспора, планировка которых в какой-то мере поддается реконструкции (Андреевка Южная). В районе Ольвии такие усадьбы пока не открыты.

Следует отметить, что именно в этих усадьбах прослеживается зарождение и развитие укрепленного многокамерного жилого дома башенного типа. В районе Херсонеса наиболее яркий пример в этом отношении представляет собой дом на городище Беляус. В какой-то степени его прототипом в типологическом отношении, по-видимому, можно рассматривать жилой блок усадьбы клера № 1 на Маячном полуострове в Крыму. Дома башенного типа открыты также на поселениях Южно-Донузлавском и Маслины. В последние годы сельский комплекс с укрепленной башней открыт в районе Ольвии (Скелька). Этот тип дома в более развитом виде, чем в Крыму, с устройством внутреннего двора, получил распространение на Азиатском Боспоре (Семибратнее городище, резиденция Хрисалиска). Боспорские дома имели одинаковые четкие прямоугольные симметричные планировочные схемы с использованием равнозначно-параллельного принципа планировки с П-образной группировкой помещений вокруг внутреннего двора, находившегося в южной части плана. Дома были не менее чем двухэтажными.

5 См., например, Jones J. E., Graham A. J., Sockell L. H. An attic country house below the cave of Pan at Vari. — BSA, 1973, № 24, p. 353—452.

6 Крыжичкий С. Д. Особенности эллинистического домостроительства северопричерноморского региона. — В кн.: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 30, 31.

Второй тип усадьбы может быть назван усадьбой только условно, поскольку здесь отсутствовал доминирующий жилой блок владельца или управляющего. Такой комплекс состоял из набора однотипных (или двух типов) жилых, чаще одно-, двухкамерных секций с последовательно-иерархическим принципом связи камер, размещавшихся вокруг общего двора. Специально выделенные хозяйственные или для содержания скота блоки отсутствовали. Подобные усадьбы обнаружены в районе Херсонеса (Панское I) и Ольвии (Дидова Хата). В этих комплексах представляется возможным видеть специфическую форму северопричерноморского сельского поселения. Этот тип начал самостоятельно выработаться с начала освоения греками Северного Причерноморья. Его начальными стадиями могли явиться ранние дома Торика и Киммерийского поселения на Боспоре, Старой Богдановки II — в районе Ольвии.

Использование в некоторых сельских домах последовательно-иерархического принципа планировки, не типичного для городов и характерного для домов смешанной традиции, позволяет предполагать наличие в сельских поселениях определенного процента варваров. Последнее находит в ряде случаев подтверждение и в наличии довольно большого процента лепной керамики варварских типов.

Такой облик имели античные жилые дома Северного Причерноморья эллинистического времени. Следует подчеркнуть, что в этих домах не прослеживается сильного эллинистического влияния греческих домов III—II вв. до н. э. Эллинистические тенденции здесь проявились только в самом общем виде — в большей дифференциации домов, в богатом декоре.

Эллинистическую традицию в Северном Причерноморье представляется возможным видеть в формировании смешанной греко-варварской домостроительной традиции⁶, которое происходит в основном в III—II вв. до н. э.

Четвертый этап (конец II — первая половина I в. до н. э.) характеризовался постепенным возрастанием военно-политического, экономического и социального кризиса, подчинением в итоге античных государств Северного Причерноморья Митридату VI Евпатору. Такое положение

привело к усилению миграций, сокращению торговли, нарушению хозяйственной и производственной деятельности, общему обнищанию масс при крайнем обострении имущественной дифференциации, к упадку институтов государственной власти. Все это, разумеется, не могло не сказаться и на домостроительстве. В основном осуществлялись небрежные достройки и перестройки старых домов, крупные градостроительные мероприятия почти не проводились. Значительно усилилось оборонное строительство. Общий уровень качества конструкций резко упал.

Второй период (от второй половины I в. до н. э. — по 70-е годы IV в. н. э.) характеризуется вначале определенным экономическим и культурным подъемом, однако при политической зависимости от Римской империи. В составе населения городов увеличивается прослойка выходцев из местных племен. Наблюдается известная варваризация культуры. В первые века нашей эры идет процесс разложения основ рабовладельческого общества, слагаются новые формы социально-экономической зависимости, типичные для раннефеодального общества. В Северном Причерноморье этот процесс совпал с крайним обострением внешнеполитической ситуации — нашествиями кочевых племен, особенно усилившимися начиная с III в. н. э. К последней четверти IV в. н. э. жизнь в подавляющем большинстве античных городов прекратилась совсем.

В начале второго периода происходит относительный подъем домостроительной деятельности. Вместе с тем увеличивается удельный вес хозяйственно-жилых домов; снижается общий уровень качества работ, упрощаются конструкции. Усиливается варварское влияние и развитие греко-варварской традиции в домостроительстве при снижении ведущей роли и самостоятельности античной. В Северное Причерноморье проникают элементы римской провинциальной архитектурной школы, однако наиболее характерные для римской жилой архитектуры типы домов и конструкций здесь отсутствуют. Римское влияние прослеживается в использовании только отдельных элементов строительной техники и декора. Кардинальных изменений в типах домов и приемах строительной техники не наблюдается — в основном продолжалось развитие эллинистических традиций этого

района. Дома по-прежнему группировались в кварталы, однако в некоторых старых городах уменьшилась степень регулярности в застройке, значительно возросла скученность, широкие градостроительные мероприятия по реконструкции городов, свойственные эллинистическому времени, проводились ограниченно. Во втором периоде выделяются три этапа.

Первый этап — вторая половина I в. до н. э. — I в. н. э. В это время постепенно стало возрождаться домостроительство в Ольвийской зоне. То же касается Тапсаиса после разгрома его Полемоном в конце I в. до н. э. Прослеживается определенный перелом в направлении рустификации жилых домов, снижения качества приемов строительной техники и конструкций, началось проникновение приемов римской провинциальной архитектурно-строительной школы.

Второй этап (II в. н. э. — первая половина III в. н. э.) характеризуется наивысшим во втором периоде подъемом строительной деятельности. В это время выработались наиболее типичные решения жилых домов второго периода на основе античных северопричерноморских традиций. Закрепился ряд приемов эллинистической строительной техники, однако с элементами деградации. Использовались также элементы римской архитектурно-строительной школы, но в ограниченной степени. Проводились широкие строительные мероприятия, однако в целом уровень развития домостроительства оставался ниже, чем в предшествующий период.

Заключительный третий этап (середина III — 70-е годы IV в. н. э.) явился временем постепенного угасания античной традиции. Так, от середины II в. н. э. в Ольвии и ее округе античное домостроительство прекратилось вообще. В Тире в послеготское время прослеживается резкий упадок строительных традиций. В Херсонесе и на Боспоре достаточно выразительные памятники, надежно датируемые этим временем, малочисленны и ненадежны. В Крыму этот этап совпал с постепенным переходом к традициям раннесредневекового периода.

В градостроительном отношении дома по-прежнему группировались в кварталы, однако в некоторых старых городах уменьшилась степень регулярности в застройке, значительно возросла

скупенность (Ольвия, Танаис). Тем не менее при проведении достаточно широких перестроек или строительстве вообще на новом месте регулярность планировки и работы по благоустройству осуществлялись на достаточно высоком уровне (Тира, Херсонес, Илурат). В застройке прослеживается дифференциация по социально-экономическому и производственному признакам. Однако различие домов по имущественному критерию было не столь резким, как в районе Средиземноморья этого времени. Площадь даже самых крупных и богатых северопричерноморских домов первых веков нашей эры обычно не превышала 0,5 тыс. м².

В строительстве использовались объемно-планировочные схемы безордерных и ордерных жилищ, типичные для эллинистического времени. В Северном Причерноморье не получили распространения характерные для римской строительной школы атриумные или атриумно-перистильные дома. В планировке городских домов по-прежнему господствующим являлся равнозначно-параллельный принцип. Безордерные дома делались в основном типичной и нетипичной античной схемы с Г- и П-образным или периметральным расположением крытых помещений относительно двора; ордерные дома — перистильного (Херсонес, Ольвия) или пастадного (Ольвия, Тира, Илурат) типов.

Значительно большее распространение получили хозяйственно-жилые дома, а также однокамерные жилые дома без внутреннего двора. Эти однокамерные дома, внешне сходные с «домом колониста» раннего времени, отличались от него своим функциональным назначением. Такие дома известны как в отдельно стоящем варианте (Ольвия), так и в сблокированном (Ольвия, Херсонес). В обоих случаях они имели не только жилое назначение, но и хозяйственно-складское в первом случае, и для размещения, по-видимому, охраны — во втором.

Изучение многокамерных хозяйственно-жилых домов Ольвии, Херсонеса, Козырки и Тиритаки позволяет выделить некоторые общие для домов этой категории особенности: наличие двух дворов (или одного двора больших размеров), использование для хозяйственных целей до 50% и более общей площади застройки, изоляция хозяйственных блоков. В настоящее время известны хо-

зяйственно-жилые дома виноделов (Мирмекий, Херсонес), жителей, занимавшихся сельскохозяйственным производством (Ольвия, Козырка), возможно, пекарей (Ольвия), торговцев (Танаис). Судя по данным Тиритаки и Херсонеса, можно также утверждать, что существовали хозяйственно-жилые дома с рыбозасолочным профилем деятельности владельца. Пока, однако, за исключением домов виноделов, планировочные особенности остальных типов производственно-жилых домов изучены недостаточно. Следует лишь констатировать включение в их состав профилирующих производственных узлов.

Наибольший интерес среди домов первых веков нашей эры представляют собой дома Козырского городища и Илурата. В Козырке преобладал равнозначно-параллельный принцип планировки. Здесь встречены дома как типичной, так и нетипичной античной схемы — хозяйственно-жилые, причем один из таких домов — без внутреннего двора. Здесь раскопано также два дома последовательно-иерархического принципа планировки с учетом наличия элементов декора и конструкций, которые можно связывать с римской провинциальной архитектурно-строительной школой. Это показывает весьма сложную картину переплетения различных традиций — античных ольвийских, варварских, римских — и вместе с тем определенных элементов деградации.

О стойкости типов эллинистических жилых домов Боспора ярче всего свидетельствуют дома Илурата, которые в подавляющем большинстве относятся к типичной схеме малой и большой площадей равнозначно-параллельного принципа планировки.

В первые века нашей эры в городах увеличился удельный вес двухэтажных домов, что, очевидно, явилось следствием высокой плотности застройки и ограничения роста городской территории. Двухэтажность домов распространена не только в старых городах, но и в новых (например, в Илурате). В ряде домов устраивались подвалы, иногда жилые, но по сравнению с эллинистическим временем их стало меньше. При строительстве богатых домов использовался ордер, очевидно, чаще всего аттический. В декоре получил распространение цветочный стиль, цветовая гамма

обогатилась зеленым цветом. В облицовочных работах использовались мраморные плитки.

Для строительной техники и конструкций второго периода характерны общее огрубение приемов и определенная их деградация, небрежность, упрощенность систем кладок и вместе с тем увеличение их толщины. Совершенно исчезли слоевые основания. Приемы же римской строительной техники — известковые растворы в кладках, обожженный кирпич, римские типы кладок — в Северном Причерноморье распространения не получили. Отдельные примеры использования обожженного кирпича в Козырке и в Херсонесе не меняют общей картины. Кладки первых веков нашей эры делались чаще всего однорядными постелистыми, часто приближающимися к иррегулярным или просто иррегулярными, с плохой выкладкой камней и отсутствием плотной притески по месту. Нижний ряд таких кладок иногда мог выкладываться по однорядной орфостатной или шахматной системе. Типично использование тщательно отесанных плит, блоков и деталей только для оформления дверных проемов, в частности устройства порогов, иногда внешних углов домов. По-видимому, в кладках Илурата можно видеть предпосылки массового распространения уже в период средневековья кладок «в елку». Наряду с этим в наиболее богатых домах использовались сложные двухрядные орфостатные кладки и однорядные постелистые, где применялись прямоугольные плиты и блоки с хорошей выкладкой и отеской фасадов, с плотной притеской по месту.

Типично для каменных кладок использование земляных и глиняных растворов. Известковые растворы применялись только в качестве штукатурки. Интересен в этом отношении декоративный прием использования обожженного кирпича на известковом растворе, применявшийся в некоторых домах Козырского поселения.

В первые века нашей эры, при сохранении преемственности форм, произошло упрощение конструкций и сокращение количества типов кровельной черепицы, исчезла, в частности, коринфская система. В Ольвии, Тире и на Боспоре получили преимущественное распространение лаконская и сицилийская системы, в Херсонесе и Хараксе — только сицилийская. Практически

прекратилось использование фронтальных черепиц с декоративными плитками.

Сельское домостроительство первых веков нашей эры изучено крайне недостаточно. Констатировать можно лишь следующее: распространение на сельских поселениях домов городского типа преимущественно хозяйственно-жилого назначения (Козырка, Тарпанчи), продолжение традиции строительства усадеб, в том числе укрепленных, в районе Херсонеса и на Боспоре (Новоотрадное, Михайловка), а также усиление элементов варваризации.

Первые века нашей эры в области северопричерноморского домостроительства характеризовались продолжением традиций предшествующей эпохи и их постепенной деградацией. Принципиально новых объемно-планировочных решений в это время не появилось.

В целом в Северном Причерноморье античной эпохи ведущим стилевым направлением в архитектуре жилых домов являлось античное северопричерноморское, основой которого послужили домостроительные традиции Греции. Это направление на начальном этапе ассимилировало северопричерноморскую земляночную традицию и в дальнейшем развивалось самостоятельно.

В результате контакта северопричерноморского античного направления с домостроительными традициями варварских племен здесь сформировалось второе, достаточно сильное и самобытное стилевое направление — греко-варварское.

Его наиболее важными составляющими являлись варварская типологическая основа, массовые специфические приемы строительной техники и античные традиции градостроительства (формирование улиц, блокировка домов в кварталы), разбивка сооружений в плане, приемов строительной техники (обработка камня, отдельные конструкции) и декора. Одним из основных элементов, отражавших неантичную основу, являлось распространение мегаронов и обычных жилых домов с внутренними дворами последовательно-иерархического принципа планировки. Среди памятников этой традиции наибольший интерес представляют мегароны Неаполя Скифского, дома Золотобалковского и Семеновского поселений.

Более или менее четко это направление выделяется начиная с IV в. до н. э. — от Елизаветовского городища, Танаиса, Неаполя Скифского до Золотой Балки и Семеновки. Общая тенденция развития этого направления — все большая эллинизация и типизация приемов. Максимальный расцвет греко-варварского направления приходит-

ся на первые века нашей эры. В дальнейшем оно находит продолжение в памятниках черняховской культуры и раннесредневековых городах Крыма.

Так заканчивается почти тысячелетняя эпоха в истории архитектуры жилых домов Северного Причерноморья античного времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остановимся кратко на отдельных вопросах социально-экономической интерпретации некоторых особенностей северопричерноморского домостроительства. При этом следует подчеркнуть, что в задачи настоящей работы не входит анализ жилых комплексов как источника для реконструкции социально-экономических и правовых отношений, а также демографических моментов. Это темы самостоятельных специальных исследований, требующие привлечения широкого круга источников различных категорий.

Представляется целесообразным все же коснуться некоторых аспектов перечисленных проблем только в порядке постановки вопроса, учитывая при этом ограниченность собственно источника как такового и возможность дальнейших корректив с накоплением новых материалов. В основном будем опираться на материалы Ольвийского района как наиболее репрезентативные.

Коллектив греческих переселенцев по данным домостроительства в основной своей массе относительно однородный как в социально-экономическом, так и в правовом отношении. Ни сопрождающий материал, ни общий характер жилищ первого этапа не дают оснований для выделения в составе населения сколько-нибудь существенного количества особо богатых граждан либо рабов. Общий экономический уровень чрезвычайно низок. При этом следует отметить, что, судя, например, по материалам Ольвии, этап первичного заселения был достаточно длительным — порядка полувека, а возможно, и больше. Это в свою очередь показывает, что, во-первых, развитие экономики на первом этапе происходило весьма медленно и, во-вторых, роль торговли при колонизации этого района в отношении подавляющего большинства жителей была, по-видимому, совершенно незначительной. Данные, имеющиеся по Ольвии, Березани, Ягорлыкскому и другим поселениям этого района, свидетельствуют о том, что основным компонентом переселенцев были сельские жители и ремесленники, которые, судя по небольшим размерам большинства архаических поселений, могли переселяться небольшими общинами — отсюда возможно и происхождение таких локальных комплексов, как на Боспоре — в Торице или раннем Киммерике.

Характер жилищ первого этапа дает основания для постановки также вопроса о возможности существования отличий микросоциального плана коллективов первопоселенцев от населения городов и поселений второго этапа — перехода к многокамерным жилым домам обычных греческих схем. Так, возможность размещения в каждом отдельном жилом комплексе дома колониста не более двух-трех, от силы пяти (по количеству спальных мест) человек позволяет прийти к выводу о том, что каждая отдельная (со своим хозяйством) семья состояла из такого же количества человек. Деление семей с выделением отдельных жилищ происходило, по-видимому, по возрастному признаку.

Жилища второго этапа в силу их недостаточной изученности в указанных аспектах могут быть использованы весьма ограниченно. Они свидетельствуют прежде всего о резком усилении строительной (и, соответственно, экономической) базы, которое вряд ли могло произойти самостоятельным путем внутреннего развития поселений. Возникает вопрос — не может ли это объясняться, помимо стягивания в наиболее крупные центры населения периферийных поселений, новой — второй колонизационной волной, но уже не из Ионии, подвергшейся к этому времени персидскому разгрому, а из районов материковой Греции и, очевидно, в первую очередь — Аттики. Подтверждает это следующее. Во-первых, резкий скачок в экономическом развитии северопричерноморских центров вряд ли в данном случае был бы возможен без значительного притока средств извне. Во-вторых, в это время наблюдается значительное усиление импорта из Аттики. В-третьих, следует учитывать распространение в жилом строительстве северопричерноморских городов равнозначно-параллельного принципа планировки, характерного для материковой Греции, а не для Ионии.

Все это может помочь объяснить противоречие — распространение в ионийских северопричерноморских колониях домостроительных традиций материковой Греции. Домостроительные же традиции ионийских городов в Северном Причерноморье почти не нашли отражения в силу того, что первопоселенцы представляли собой в основном массу бедного сельского населения, для ко-

торого городские домостроительные традиции были очевидно, в какой-то мере чуждыми, кроме того, эти люди попросту не имели возможности перейти на новом месте к обычному наземному сырцово-каменному домостроительству.

Характер жилищ второго этапа позволяет предполагать возможность значительного увеличения количественного состава семьи, допускает возможность наличия домашних рабов. Среди жителей этих домов на первой фазе второго этапа еще не наблюдается достаточно резкой социально-экономической дифференциации, хотя общий экономический уровень несравненно выше, чем в предыдущее время. Начало значительного расслоения населения по имущественному признаку, например, в Ольвии, можно предполагать не ранее, чем с конца V — начала IV в. до н. э. Позднее, судя по усадьбам клеров Херсонеса, происходит и дифференциация по социально-правовому признаку.

Все эти процессы достигли максимума на третьем этапе — в эллинистическое время, в III—II вв. до н. э., когда наряду с небольшими жилищами площадью до 100 м² появляются громадные ордерные дома площадью 500—600 м². Подобное положение характерно главным образом для крупных городов, в небольших же поселениях и городах социально-экономическая дифференциация намного меньше, ниже и средний экономический уровень.

Характер эллинистических северопричерноморских домов позволяет сделать вывод о более скромном и трудовом, чем в Средиземноморье, образе жизни их владельцев. В частности, практически ни в одном из достаточно изученных в этом отношении эллинистических центров на побережье Эгейского моря, таких, как Приена, Делос, Олинф, нам пока не известен вполне сформировавшийся тип хозяйственно- (или производственно-) жилого дома. Известные примеры подобных домов, например, в керамейкосе Афин, пока не дают возможности четко выявить этот тип, проследить его особенности, хотя вряд ли можно сомневаться, что такой тип существовал. Важно другое — то, что удельный вес таких домов, а следовательно, и соответствующей прослойки жителей, в застройке городов Греции был, очевидно, существенно меньше, чем в Северном Причерноморье.

Распространение в северопричерноморских городах равнозначно-параллельного принципа планировки с учетом открытия в ряде ордерных домов помещений, трактуемых как андроны, свидетельствует в пользу достаточно четкого деления дома на две половины — мужскую и женскую, причем с относительной самостоятельностью каждой половины. Это явление, характерное для района Материковой Греции, представляется возможным связывать с ослаблением патриархальных традиций в противоположность Ионии.

Степень исследованности основных типов эллинистических северопричерноморских домов в настоящее время позволяет также ставить вопрос о количестве населения в городах. Это будет вполне реально при существовании специальных разработок, посвященных выяснению зависимости количества и состава помещений от возрастного полового и количественного состава жителей одного дома в условиях Северного Причерноморья. При этом также необходимо будет учитывать степень зажиточности владельца, поскольку в условиях одно-, двухэтажной застройки плотность заселенности будет меняться в зависимости от этого фактора. Все же уже и сейчас ясно, что количество населения, например, Ольвии эллинистического времени было не только не менее предполагавшихся Л. М. Славиным 12—15 тыс. человек¹, но по самым грубым и приближенным подсчетам могло составлять 17,5—20 тыс. человек². Исходя из тех же предпосылок население эллинистического Херсонеса достигало 12,5—14,5 тыс. человек (площадь города около 36 га), что также превышает даже верхний предел — 10 тыс. человек, предлагаемый на основании других расчетов³.

Эти подсчеты для больших городов первых веков нашей эры возможны в весьма ограниченной степени. Снижение общего уровня качества строительства, чистоты планировочных приемов, появление трудно и ненадежно интерпретиру-

емых вариантов домов, как, например, жилые дома у послегетской оборонительной стены Ольвии (они могут в равной степени вероятности рассматриваться и в качестве филактерий⁴) — все это значительно снижает возможности подсчета количества жителей. Что касается небольших городов, появившихся в первые века нашей эры, таких, как Илурад, то здесь подобные подсчеты более реальны. В частности, при площади Илурата, равной примерно 2,5 га, территория жилой застройки за вычетом улиц, небольшой площади в центре города⁵ и возможных сооружений нежилого назначения могла составлять около 1,5—1,8 га. Это при модуле 7—8 человек на 100 м² жилой застройки дает цифру в пределах 1—1,5 тыс. человек.

Происшедшие изменения в жизни городов в первые века нашей эры наложили отпечаток на характер жилища. Так, в частности, особенно ярко черты рустификации жизни населения городов в первые века нашей эры проявились в городском жилище. Следует отметить, что появление при этом на античных поселениях относительно большого количества домов нетипичной схемы, а также последовательно-иерархического принципа планировки, свидетельствует о каких-то существенных изменениях в структуре семейных отношений. Последнее объясняется миграционными явлениями, достаточно широко известными на основании изучения других групп материалов.

Этим, разумеется, не исчерпываются возможные аспекты социально-экономической интерпретации северопричерноморских жилых домов.

Античные домостроительные традиции, как уже говорилось, получили в Северном Причерноморье наиболее явное продолжение в раннесредневековых городах Крыма. Они прослеживаются и в каменном домостроительстве племен ареала черняховской культуры. Это одна из наиболее ярких страниц истории жилища на юге нашей родины.

¹ Славин Л. М. Здесь был город Ольвия. К., 1967, с. 8.

² При площади города порядка 50 га территория, находящаяся непосредственно под жилыми домами с учетом рельефа местности, известных нежилых центров — теменоса, агоры

и т. п., а также улиц, могла составлять не менее 50% (подобный процент дает, в частности, застройка Милета). При количестве жителей в четырехкомнатном доме площадью около 100 м² 7—8 человек (а это наименьшие цифры, исходя из минимального состава семьи — отец, мать,

трое детей, слуги либо старики) и общем количестве таких домов около 2,5 тыс. количество жителей составит 17—5—20,0 тыс. человек.

³ Шеглов А. Полис и хора. Симферополь, 1976, с. 21.

⁴ Такой пример известен в

Пантикапее ВДИ, 1977, № 3, с. 159).

⁵ Гайдукевич В. Ф. Илурад, с. 10; Шургая И. Г. Исследования оборонительной системы Илурата. — Археологические исследования на Украине в 1974—1979 гг. Днепропетровск, 1980, с. 117.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГ — Античный город
АГСП — Античные города Северного Причерноморья
АДУ — Археологичні дослідження на Україні
АИБ — Археология и история Боспора
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП УРСР — Археологичні пам'ятки УРСР
АУ — Археология Украинской РСР
ВВИА — Вопросы всеобщей истории архитектуры
ВДИ — Вестник древней истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ИАДК — История и археология Древнего Крыма
ИАК — Известия Археологической комиссии.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
— Известия Археологической комиссии
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОАМ — Краткие сообщения Одесского археологического музея
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НОСА — Новейшие открытия советских археологов
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ОМАУ — Открытия молодых археологов Украины
ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья античной эпохи
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительного искусства
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ХКААМ — Художественная культура и археология Античного Мира
AM — Athenische Mitteilungen
AJA — American Journal of Archaeology
BSH — Bulletin de Correspondance Hellenique
BSA — Annual of the British School at Athens
MEFR — Melanges de l'ecole Francaise de Rome
RE — Pauly—Wissowa—Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
SC — Scythica et Caucasia

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
АНТИЧНЫЕ ДОМА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ VI—II вв. до н. э.	10
АНТИЧНЫЕ ДОМА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМО РЬЯ, ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ	81
ГРЕЧЕСКИЕ И СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИЕ ВАР- ВАРСКИЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ	112
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АР- ХИТЕКТУРЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ АНТИЧНЫХ ГОРО- ДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	165

**СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
КРЫЖИЦКИЙ**

**ЖИЛЫЕ ДОМА
АНТИЧНЫХ
ГОРОДОВ
СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(VI в. до н. э.—
IV в. н. э.)**

*Утверждено к печати
ученым советом
Института археологии
АН УССР*

Редактор
А. А. ЗОЛОТАРЕВА
Оформление художника
А. О. ГАРАНЖИ
Художественный редактор
С. П. КВИТКА
Технический редактор
И. Н. ЛУКАШЕНКО
Корректоры
Е. Н. МЕЖЕРИЦКАЯ,
Л. Н. ТВОРКОВСКАЯ,
Э. Я. БЕЛОКОПЫТОВА

Информ. бланк № 4010.

Сдано в набор 29.01.81.
Подп. в печ. 02.03.82.
БФ 00129. Формат 84×90/16.
Бумага тип. № 1.
Обыкн. нов. гарн.
Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 15,22.
Уч.-изд. л. 18,19.
Тираж 1350 экз. Зак. № 1-311.
Цена 3 руб.

Издательство
«Наукова думка»
252601, Киев, ГСП, Репина, 3.

Отпечатано с матриц
головного предприятия
РПО «Поліграфкнига», 252057,
Киев, ул. Довженко, 3
в Киевской книжной типографии
научной книги, 252004, Киев,
Репина, 4. Зак. 2-283.